

Институт археологии РАН

И. П. Русанова, Б. А. Тимощук

ЯЗЫЧЕСКИЕ
СВЯТИЛИЩА
ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Ладога-100
Москва
2007

УДК947:930.6 (082)

ББК 63.3.

Р88

Проект «Вѣди» действует с 2005 г.

Издатель А. В. Головастов

Главный редактор С. Э. Ермаков

Под редакцией д-ра исторических наук С. А. Плетнёвой

Р88 И. П. Русанова, Б. А. Тимошук

Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук; под ред. д-ра ист. наук С. А. Плетнёвой. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Ладога-100», 2007. – 304 с., ил., сх., таб. (Проект «Вѣди»).

ISBN 978-5-94494-051-3

Исследование знаменитых археологов И. П. Русановой и Б. А. Тимошука «Языческие святилища древних славян». впервые вышло в 1993 году мизерным тиражом на газетной бумаге и стало редкостью сразу после появления.

Кратко этот труд можно охарактеризовать так: книга, на которую часто ссылаются, но которую почти никто не читал.

Впервые в мировой археологической науке авторы выполнили обзор известных сведений о славянских святилищах, одновременно подробно описав результаты своих раскопок святилищ IX–XIII в. на реке Збруч в Подолии (территория современной Украины) – тех самых, с одного из которых, возможно, происходит прославленный Збручский идол.

Планировка святилищ, описание находок, планы раскопок и картография культовых памятников – авторы рассматривают полученные сведения, привлекая обширный исторический, этнографический и справочный материал.

Издание подготовлено совместно с Институтом археологии РАН.

УДК947:930.6 (082)

ББК 63.3.

Р88

ISBN 978-5-94494-051-3

© Издательство «Ладога-100», 2007

© Гавритухин И. О., вступительная статья, 2007

© Ласточкин С., обложка, 2007

Среди множества общедоступных книг, посвящённых истории славян, не так много трудов, авторы которых опираются на серьёзную научную основу, а тем более на собственные полевые изыскания. Преимущественно приходится иметь дело с сочинениями, которые по сути являются не чем иным, как подборкой спекулятивных размышлений не очень-то исторически грамотных авторов или сводом более или менее общеизвестных фактов – зачастую спорных и сомнительных.

В условиях почти полной вседозволенности и отсутствия чувства меры, когда основным доводом в пользу издания той или иной книги чаще всего, в основном, является лишь скорость оборота вложенных в издание средств, читателю крайне сложно отыскать достойную книгу среди изобилия броских обложек и многообещающих названий.

Тем почётнее и достойнее, на наш взгляд, сделать доступными научные работы действительно глубокие и одновременно интересные, авторы которых – не досужие «интересанты», делающие себе «продаваемое» имя, но – учёные.

К числу таких работ, несомненно, относится книга известных во всём мире отечественных археологов И. П. Русановой и Б. А. Тимощука «Языческие святилища древних славян». Кратко её можно охарактеризовать так: книга, на которую часто ссылаются, но которую почти никто не читал. Не читали не потому, что не знали, отнюдь! Просто впервые она вышла в далёком уже теперь 1993 году на бледно-жёлтой газетной бумаге типичным для научных трудов по истории и археологии тиражом несколько сотен экземпляров, часть которого, к тому же, ещё и погибла, залитая водой из лопнувшей водопроводной трубы. В широкую продажу книга, естественно, не поступала и не могла поступить. Если бы не частое обращение к ней немногих серьёзных популяризаторов исторической и археологической науки, о ней, наверное, и до сих пор мало кто знал бы.

Издательство «Ладога-100» не без гордости представляет вам второе, исправленное издание этого фундаментального исследования.

К сожалению, исходный текст рукописи книги не сохранился. Однако при подготовке нового издания, помимо исправления досадных опечаток и, частично, неточностей, вкрапившихся в текст первого издания, удалось восстановить и по сути заново подготовить часть иллюстраций, используя для этого слайды и негативы из архива И. П. Русановой, хранящемся в Институте археологии РАН. Кроме того, выверена часть цитат из летописей и ссылок на них, а также в ряде случаев уточнены некоторые другие ссылки, имена авторов и названия использованных источников.

Для удобства читателей все цитаты приведены в соответствие с современной русской орфографией.

Хочется выразить огромную благодарность за поддержку нашей инициативы по переизданию труда И. П. Русановой и Б. А. Тимощука сотрудникам Института археологии Российской академии наук И. О. Гавритухину, М. Г. Гусакову и А. В. Алексееву, историку А. П. Пятнову, работникам архива и библиотеки Института. Их доброжелательная заинтересованность и деятельное содействие дали возможность снять немалую часть вопросов, неизбежно возникавших в ходе подготовки книги к выходу в свет.

Издательство «Ладоба-100» выражает также свою глубокую признательность всем нашим читателям, без одобрения которых замысел издать книгу едва ли мог бы воплотиться в действительность.

Предисловие.

Об авторах этой книги

И. О. Гавритухин

Эта книга является плодом совместного творчества двух замечательных отечественных археологов-славистов: Ирины Петровны Русановой (22.04.1929, Москва – 22.10.1998, Москва) и Бориса Анисимовича Тимощука (07.05.1919, с. Лука под Житомиром – 26.02.2003, Черновцы). Их вклад в науку и вехи биографии нашли отражение в ряде специальных публикаций, есть и списки опубликованных работ этих учёных (см. избранную библиографию в конце предисловия). Здесь мне бы хотелось остановиться на некоторых деталях предыстории и судьбы данной книги.

Совместная работа Ирины Петровны и Бориса Анисимовича¹ началась в середине 1970-х годов. И. П. Русанова к тому времени уже была известна как знаток погребальных памятников южной ветви восточных славян (прежде всего – полян и древлян), полевой исследователь школы Ю. В. Кухаренко, открывший многие славянские памятники на северо-западе Украины и юге Белоруссии и проведший раскопки ряда из них, что дало эталонные материалы, специалист по раннеславянской культуре, чьи работы получили европейское признание. Б. А. Тимошук был известен исследованиями в Северной Буковине (бывшей до того «белым пятном» для археологов), где он открыл сотни памятников, раскопками и анализом раннеславянских и древнерусских поселений и городов Восточного Прикарпатья.

В 1970-е годы оба исследователя особое внимание уделяли изучению славянских древностей, связанных с эпохой, когда появились первые письменные известия о народе, носившем имя «славяне». В VI в. этот народ столкнулся с Византией на Дунае, а к VII в. достиг Эгейского и Адриатического морей на юге, Эльбы на западе. Археологические следы традиционной материальной культуры славян специалисты отождествляют с пражской культурой. К началу 1970-х годов археологи активно обсуждали вопросы выделения наиболее ранних памят-

¹ Ряд материалов о Б.А. Тимощуке был любезно предоставлен дочерью Бориса Анисимовича Т.Б. Тимошук и его учеником, черновицким археологом С.В. Пивоваровым.

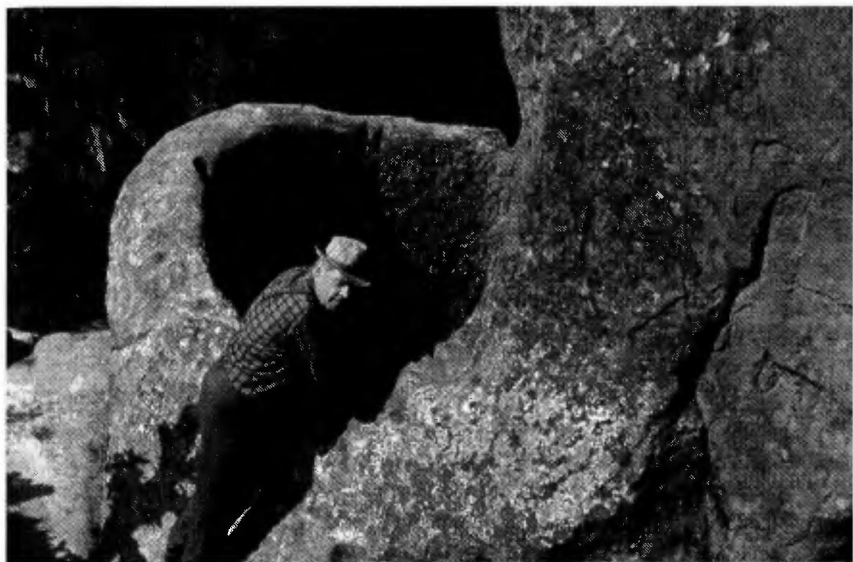

И. П. Русанова дома (из архива И. П. Русановой)

ников пражской культуры. Требовалось найти эталон. Один из пригодных для этого пунктов был открыт Б. А. Тимощуком в урочище Кодын у сёл Острица и Чагор в Черновицкой области. И. П. Русанову тоже привлекало Восточное Прикарпатье, связывавшее славянский «север» и «юг». В 1974 г., вскоре после знакомства, они организовали совместную экспедицию. Была практически полностью раскопана сохранившаяся часть двух поселений в Кодыне, что позволило убедительно выделить славянские древности V в. Результаты раскопок и наблюдения были опубликованы учёными в совместной книге «Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут» (М.: Наука, 1984).

Итак, первый опыт совместной деятельности оказался очень удачным, получил всеобщее признание. Он оказался плодотворным не только в науке: Борис Анисимович и Ирина Петровна стали мужем и женой. Параллельно с раскопками в Кодыне появился новый совместный проект.

Исследователи не раз отмечали, что славянские поселки располагались скоплениями – «гнездами». Уникальную возможность для их изучения дают земли Восточного Прикарпатья. Дело в том, что многие славянские поселения располагались здесь в пересечённой местности, ныне покрытой лесом. После того как жители этих посёлков переселились на новые места, оставленные селища не распахивались и на их поверхности до сих пор хорошо видны «западины» – следы углублённых построек. Важна и другая особенность предгорных районов. Многие из них имеют продиктованные особенностями местности естественные границы. Учитывая всё это, можно оценивать поселения не только по площади,

Б. А. Тимошук у священного колодца, исследованного Прикарпатской экспедицией (из архива И. П. Русановой)

но и по плотности застройки, а гнёзда поселений – не только исходя из расстояния между селищами, но и с учётом заданных природой границ группы древних памятников, связанных с ними угодий и т. д.

Б. А. Тимошуком с учениками в ходе многочисленных разведок по Северной Буковине были открыты многие такие гнёзда, началось их осмысление. И. П. Русанова предложила сделать исследования систематическими, со сплошным обследованием гнёзд, съёмкой инструментальных планов памятников, чёткой привязкой материалов. Комплексные экспедиции, проводившиеся в те же сезоны, что и раскопки, начались со второй половины 1970-х годов и продолжались до последних лет полевых исследований И. П. Русановой и Б. А. Тимошука. Так были получены уникальные данные для изучения общественной организации славян во второй половине I – первых столетиях II тыс. н. э. Пока они отражены в печати лишь несколькими совместными статьями 1980-х годов и использованы в книгах Б. А. Тимошука 1990-х годов.

Коль скоро началось археологическое изучение общественных структур, встал вопрос об отличительных особенностях памятников, связанных с центрами регулирования общественных отношений, военной, политической и, конечно, духовной жизни. Началась разработ-

ка археологических признаков, позволяющих определять городища-убежища, общинные, для более позднего времени – административные и дружинные центры, особенности микротопографии ряда возникающих городов, замков и т. д. Результаты целенаправленных разведок и раскопок на «узловых» для понимания памятника участках, обработанные и обдуманые, помогали точнее сформулировать задачи исследований следующего полевого сезона. В этом контексте И. П. Русанова и Б. А. Тимощук вновь обратились к проблематике исследования общественных центров духовной жизни славян, т. е. святилищ.

Тема не была для них новой. Ещё в 1966 г. И. П. Русанова опубликовала часть материалов своих раскопок у Шумска под Житомиром, связав несколько исследованных объектов со славянской культовой практикой конца I тыс. н. э. Б. А. Тимощук археологические исследования на Буковине сочетал со сбором этнографических данных. Среди них – восходящие к далёким временам поверья и легенды, указывающие на особое отношение, почитание некоторых мест. Во многих из таких мест были обнаружены славянские археологические памятники, причём отличающиеся необычным местонахождением и структурой. В ходе экспедиций по изучению гнёзд славянских поселений на такие места стали обращать специальное внимание, сравнивать их признаки, продумывать интерпретацию. В 1983 г. была опубликована подборка материалов о таких памятниках, расположенных на территории Западной Украины. Как и в случае с древнейшими материалами пражской культуры, требовался эталон, чтобы сделать доказательным для всех то, что было понято в ходе исследований. Так появилась идея экспедиции на реку Збруч.

Место это знал каждый славист. С конца XVIII века, после раздела Польши, здесь проходила граница Российской империи и империи Габсбургов. Сухим летом 1848 г. австрийские пограничники заметили торчащую из реки голову. Объект был вытащен на берег, им оказался каменный идол. Позднее он был переправлен в Краков, тогда столицу Галиции – австрийских владений к востоку и северу от Карпат, где и хранится до сих пор. Находка в славянских землях этого уникального скульптурного изображения породила обширнейшую литературу, от изящных гипотез до фантастических домыслов. Все эти штудии оставались кабинетными.

Первое систематическое археологическое обследование мест в районе находки Збручского идола, как ни странно, было произведено почти на 150 лет позднее его обнаружения. Это стало заслугой И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, начавших в 1984 году исследования на Збруче. На местности на основании описаний было определе-

но приблизительное место, где идол был найден, проведены разведки прилегающих районов, раскопки. Работы продолжались до 1989 г. – первый блок задач был выполнен: открыто 5 городищ, более 20 поселений и связанных с ними могильников. На важнейших из них были проведены стационарные исследования и раскопки, позволяющие получить данные для изучения структуры памятников и датировать их. Новый этап исследований требовал организации ещё более масштабных работ. Но осуществить их не позволяло здоровье, а руководить раскопками, не принимая в них непосредственного участия, но будучи начальником экспедиции номинально, Ирина Петровна считала для себя неприемлемым². Борис Анисимович согласился с ней, было решено посвятить силы осмыслению полученных материалов в широком историческом контексте и их публикации.

Очень оперативно, во второй половине 1980-х гг. (ещё параллельно с раскопками) – начале 1990-х гг. общая характеристика и обзор важнейших материалов, открытых на Збруче, были опубликованы как в центральных археологических изданиях, так и изданиях, ориентированных на коллег – представителей смежных дисциплин, прошли доклады на заседаниях отдела славяно-русской археологии Института археологии АН СССР (где работали И. П. Русанова и Б. А. Тимощук) и научных конференциях. Открытия вызвали большой резонанс. Большинство выводов и наблюдений были приняты специалистами. Хотя в дискуссиях на ряде собраний прозвучал и скепсис.

Пока речь шла о славянском язычестве на территории Руси до XI века, материалы и их интерпретация, предложенные И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком, воспринимались как важные уточнения и дополнения существующих представлений. Но оказалось, что памятники с теми же характеристиками, что святилища IX–XI вв., известны и для более позднего времени. Наличие у полабских (т. е. живших в основном в бассейне Лабы – Эльбы) славян крупных языческих центров, сформировавшегося пантеона и жреческого сословия – по крайней мере, для XII в., до разгрома в ходе немецких и польских «крестовых» походов и завоевания немцами западных славянских территорий, – подтверждено многочисленными письменными источниками. На

² Тогда она отдала мне свою полевую сумку, планшет для черчения на раскопе, свой «фирменный» совок, очень удобный для расчистки. Правда, проводить раскопки я стал в другом месте, исследуя округу знаменитого раннеславянского городища Зимно под Владимиром-Волынским (провести там исследования, чтобы понять археологический контекст этого памятника, было идеей Бориса Анисимовича), что больше соответствовало моим научным интересам. Памятники на Збруче остались «в ведении» ученицы Бориса Анисимовича, археолога из Тернополя М. А. Ягодинской, как и я, руководившей в составе Прикарпатской экспедиции (начальник И. П. Русанова, зам. начальника – Б. А. Тимощук) одним из отрядов.

Збруче же, согласно данным, полученным на исследованных памятниках, один из всплесков активной деятельности местного населения приходился на конец XII – первую половину XIII века. Тезис о наличии в это время крупного языческого центра на территории древнерусского государства противоречил устоявшимся представлениям.

Следует сказать, что полученный вывод оказался неожиданным и для самих исследователей збручского комплекса. В этой связи работа стала продвигаться по нескольким направлениям. Б. А. Тимощук особое внимание начал уделять анализу археологических памятников как отражению общественной структуры, выделяя признаки укреплений-убежищ, общинных центров, городов, замков и на их фоне – святилищ. И. П. Русанова, склонная не столько к социологическому, сколько к сравнительно-историческому анализу, стала специально изучать особенности культовых памятников, достоверно принадлежащих славянам.

Неоднократно поднимался вопрос о систематической публикации материалов, полученных на Збруче. Об этом говорили как сторонники, так и противники концепции. Конечно, это было особенно важно и для авторов раскопок. Однако возможностей для этого в центральных издательствах, где была сосредоточена публикация археологических материалов, не нашлось³. Удалось договориться с научным центром «Архэ»⁴. Как и другие издания этого центра, книга, переиздание которой Вы держите в руках, вышла с минимальными издательскими и полиграфическими затратами и очень ограниченным тиражом. Но главное сделать удалось – научная общественность получила возможность

³ Сейчас трудно сказать, в какой степени это было связано с непониманием важности такой публикации издательскими чиновниками, нежеланием помочь у тех археологов и историков, от кого зависело решение, в какой – с реальными трудностями, которые испытывали все области экономической деятельности в это время, и другие причинами.

⁴ Центр «Архэ» (фактически – объединение нескольких энтузиастов во главе с А. П. Абрамовым) был создан в конце 1980-х гг. и занимался поддержкой исследований по античной археологии Северного Причерноморья, опираясь на изыскиваемые организационные ресурсы, спонсорские деньги и другую безвозмездную помощь. Удалось поддержать раскопки городища Патрей на Тамани, создать в Москве Музей амфор (первый в России!), наладить выпуск периодического сборника научных публикаций и материалов «Боспорский сборник» (его 9 выпусков на некоторое время «закрыли брешь» в изданиях по отечественному антиковедению, стали заметным явлением в историографии) и др. Окрепнув, центр по инициативе Андрея Петровича Абрамова обратился к «славянской программе», понимая её важность для отечественной науки. Эту программу стал разрабатывать я. В рамках этой программы удалось издать книгу И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, был подготовлен, вместе с А. М. Обломским, сборник статей. К сожалению, по причине финансовых и других трудностей центр прекратил деятельность. Значительная часть материалов славянского сборника была опубликована коллегами из Молдавии в посвящённом И. П. Русановой и Б. А. Тимощуку томе 5 за 2002 г. журнала *Stratum plus*.

ознакомиться с основными результатами раскопок Прикарпатской экспедицией памятников, связываемых с языческими культами средневековых славян, в книге был представлен археолого-аналитический и сравнительно-исторический материал для их интерпретации.

Вскоре появились отклики в отечественной и зарубежной печати. Основные сомнения скептиков были изложены в рецензии, написанной известным специалистом по изучению духовной культуры средневековья Владиславом Петровичем Даркевичем и опубликованной в центральном отечественном археологическом журнале «Российская археология». Рецензент высоко оценил полевые исследования И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, но горячо отвергал в принципе наличие крупного языческого центра на территории Руси в XII-XIII вв. Материалы со збручских памятников X-XI вв. он считал соотносящимися с языческими центрами, на месте которых возникли древнерусские поселения, в том числе город, не известный по письменным источникам. Многочисленность находок, расчленённые трупы и т. д. он предложил интерпретировать как следы внезапного ужасного разгрома, который был учинён здесь монголо-татарами.

Следует отметить, что рецензия не переубедила сторонников выводов И. П. Русановой и Б. А. Тимощука. Рецензент использовал факты весьма выборочно, иногда просто ошибочно. В. П. Даркевич не учитывал, что ряд комплексов, которые он связывал с погромом, были разновременными. Сравнения ограничивались отдельными, не всегда корректными, примерами. Всё сказанное выше прозвучало в ответе на рецензию В. П. Даркевича, написанном И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком и в 1998 г. опубликованном в «Российской археологии».

И. П. Русанова и Б. А. Тимощук не считали дискуссию закрытой, о чём не раз говорили и писали. Ведь она затрагивает важнейшие стороны понимания истории и культуры Древней Руси. Авторами был указан и способ её плодотворного ведения. Кроме оценки конкретных материалов⁵, она должна включать последовательное обсуждение методических проблем (в частности – проблему археологических признаков, отличающих культовые памятники от некультовых), опираться

⁵ Даже из материалов Прикарпатской экспедиции опубликована лишь сравнительно небольшая часть. Впрочем, такая ситуация, к сожалению, типична для подавляющего большинства материалов с древнерусских памятников. А ведь по Збручским памятникам, в отличие от многих других, есть весьма подробные ежегодные отчёты о полевых исследованиях, экземпляры которых хранятся в архивах Института археологии Национальной Украинской (в Киеве) и Российской (в Москве) академий наук. В Тернопольском областном краеведческом музее хранятся коллекции находок. Ряд материалов можно найти в личном архиве И. П. Русановой (передан в Институт археологии РАН) и Б. А. Тимощука (передан в Черновицкий университет).

Мемориальная доска на доме № 11 по улице Ватутина в Черновцах (Украина), где жил Б. А. Тимощук. А вот российским археологам государство до сих пор ни одного памятника или мемориальной доски не поставило

ся на широкий круг систематически рассмотренных аналогий. Такой подход требует непредвзятости, смелости и, одновременно, строгости мышления. Впрочем, Ирина Петровна и Борис Анисимович не рассматривали дискуссию как самоцель. Она – лишь момент в научном поиске, позволяющий лучше очертить непонятное, требующее дальнейшего исследования.

Для И. П. Русановой следующим этапом на пути изучения славянского язычества стала разработка картины развития форм и особенностей языческих представлений по археологическим материалам ряда культур Центральной и Восточной Европы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (от кельтов и германцев до скифов, сармат и ряда финно-угорских народов). Этот впечатляющий проект, замечательный по самоценности сконцентрированных материалов и наблюдений, должен был помочь выявить общие закономерности развития и понять специфические формы язычества. Для этого необходимо было учесть разность и взаимовлияние традиций, культурные связи и конвергентные формы эволюции, историческую ситуацию и многое другое. Всё это должно было создать серьёзную сравнительно-историческую основу для понимания язычества в целом и славянского язычества в частности, в противовес как заскорузлости восприятия, так и скороспелым поверхностным суждениям или фантасти-

ческим реконструкциям, ставшим столь частыми в литературе, всё более «захлёстывающей» книжные прилавки. К несчастью, скоротечная тяжёлая болезнь и смерть не дали И. П. Русановой завершить этот труд⁶...

Борис Анисимович Тимошук, переживший болезнь и смерть искренне любимой и глубоко уважаемой Ирины Петровны, продолжал работу, связанную с изучением общественных отношений у славян. Как и прежде, важной стороной своей деятельности он до последнего дня считал устную и письменную популяризацию научных знаний для всех, кого не оставляет равнодушным прошлое родной страны и культуры.

Первое издание книги, которую Вы держите в руках, вышло крайне ограниченным тиражом, разошлось очень быстро и стало библиографической редкостью. Понятно, что этой работе суждена долгая научная жизнь, чему и призвано способствовать её новое издание.

Основные публикации, связанные с дискуссией о памятниках на Збруче

Даркевич В. П. Рец.: Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: АРХЭ, 1993 // РА. 1996. № 4. С. 200–209.

Назаренко А. В., Хорошкевич А. Л. Языческая Европа глазами археолога // Русанова И. П. Истоки славянского язычества (Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Черновцы: Прут, 2002. С. 6–9.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // РА. 1998. № 2. С. 234–243.

Szimanski W. Рец.: Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: АРХЭ, 1993 // Archeologia Polski (Warszawa). 1997. Т. 42, Z. 1–2. S. 286–301.

Важнейшие публикации

И.П. Русановой и Б.А. Тимошука о славянском язычестве

Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 233–237.

Русанова И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // СА. 1992. № 4. С. 50–67.

⁶ Лишь его небольшая часть издана в нескольких статьях и книге, которую удалось подготовить друзьям и коллегам Ирины Петровны из Москвы и Украины, опубликованной в Черновцах в 2002 г.

Русанова И. П. Караваи в языческих обрядах славян // IV научная конференция Российской народной академии наук. М., 1993. С. 27-30.

Русанова И. П. Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. Вып. 3. М.: Русский мир, 1997. С. 47-62.

Русанова И. П. Культовые зольники скифского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. VI. Симферополь, 1998. С. 160-172.

Русанова И. П. Священные колодцы // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). М., 1998. С. 8-14.

Русанова И. П. Истоки славянского язычества (Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Черновцы: Прут, 2002.

Русанова И. П. Языческие храмы славян // Сборник в память В. В. Аулиха. Львов (издание осталось нам недоступно).

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. 1983. № 4. С. 161-173.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. 1986. № 4. С. 90-99.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. По следам Збручского идола // Знание – сила. 1987. № 3. С. 42-47.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 78-91.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Рец.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987 // СА. 1988. № 2. С. 260-264.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Во времена Збручского идола // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 153-157.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: АРХЭ, 1993.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Язычники на Збруче // Наука в России. 1994. № 2. С. 72-77.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // РА. 1998. № 2. С. 234-243.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Религиозное «двоеверие» на Руси XI-XIII вв. // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 144-163.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Збручское святилище // НВУУ. 2001. Т. 1. С. 148-153.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Второе Збручское (Крутиловское) святилище // НВУУ. 2001. Т. 1. С. 159-165.

Тимошук Б. О. Зустріч з легендою: Історико-краєзнавчі нариси. Ужгород: Карпати, 1974.

Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. К.: Наук. думка, 1976.

Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М.: Наука, 1990.

Тимошук Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // РА. 1993. № 4. С. 110–121.

Тимошук Б. О. Лівське городище-святилище // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції: Тези доп. і повід. Міжнар. наук. конф. Галич. Львів, 1993. С. 28–29.

Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М.: Изд-во МГУ, 1995.

Тимошук Б. О. Поганські городища-святилища Галицької Русі // Буковинський журнал (Чернівці). 1996. Ч. 1–2. С. 83–96.

Тимошук Б. А. Отдельный комплекс культовых сооружений святилища Звенигород // РА. 1996. № 1. С. 133–144.

Тимошук Б. О. Язичницькі святилища Галицької Русі // Історико-філологічний вісник Українського інституту. М., 1997. Т. 1. С. 176–181.

Тимошук Б. О. Язичницькі святилища Галицької Русі // Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян (до 150-річчя виявлення Збруцького «Святовита»): Матеріали наук. конф. (8–9 жовтня 1998 р., Гримайлів). Львів, 1998. С. 39–50.

Тимошук Б. О. Східні слов'яни VII–X століть: полюддя, язичництво, початки держави. – Чернівці: Прут, 1999.

Тимошук Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // НВУУ. 2001. Т. 1. С. 165–173.

Основная литература об И. П. Русановой и Б. А. Тимошуке

Борис Онисимович Тимошук. Бібліографічний покажчик. (До 80-річчя від дня народження). Упорядники Ю. В. Мисько, О. М. Масан; вступна стаття О. М. Масана. Чернівці: Місто, 1999.

Винокур И. С. Путь в науку // История СССР. 1969. № 4. С. 174–176.

Винокур И. С. Борис Анисимович Тимошук – выдающийся исследователь археологии Буковины // Stratum plus. 2002. № 5. Славянские древности. Памяти И. П. Русановой и Б. А. Тимошука. С. 13–20. библи. с. 21–26.

Гавритухин И. О. Тимошук Борис Анисимович // Институт археологии: история и современность. М.: ИА РАН, 2000. С. 235–236.

Гавритухин И. О., Масан А. Н., Перхавко В. Б. Памяти Бориса Анисимовича Тимошука (1919–2003) // РА. 2003. № 4. С.175–177.

Гавритухин И. О., Михайлина Л. П., Перхавко В. Б. К 80-летию Бориса Онисимовича Тимошука // РА. 1999. № 4. С. 240–241.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Русанова Ирина Петровна // Институт археологии: история и современность. М.: ИА РАН, 2000. С. 207–210.

Масан О. Борис Онисимович Тимошук: життя і наукова діяльність. (До 85-річчя від дня народження) // Етнокультура у контексті світової історії: Матеріали VI Міжнар. наук. семінару «Черезовські читання». Чернівці: Прут, 2004. С. 72–87.

Масан О., Тимошук Т. Видатний український археолог та історик Борис Онисимович Тимошук (1919–2003 рр.) // Нові обрії: Наукові праці Інституту фундаментальних досліджень. Вип. 8. К., 2005. С. 146–152.

Плетнёва С. А. Памяти Ирины Петровны Русановой // РА. 1999. № 2. С. 246–252 (с библиографией трудов И. П. Русановой).

Плетнёва С. А., Макарова Т. И. Памяти Ирины Петровны Русановой // Stratum plus. 2002. № 5. Славянские древности. Памяти И. П. Русановой и Б. А. Тимошука. С. 10–12. библи. с. 17–20.

Постаті української археології. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 7. Львів, 1998. (статті Л. Михайлини, Ю. Мисько, В. Войнаровського, М. Филипчука, І. Возного, О. Масана). С. 61–67, 108–110.

Хорошкевич А. Л. Судьба – археология: исследователи раннего славянства – Ирина Петровна Русанова и Борис Анисимович Тимошук // Археологічні студії. Вип.1. Київ – Чернівці, 2000. С. 4–21 (с библиографией трудов И. П. Русановой). Переиздано с дополнениями, но без фотографий // Slavia antiqua. Т. 41. S. 191–210.

Сокращения:

НВУУ – Науковий вісник Українського університету (г. Москва)

РА – Российская археология

СА – Советская археология

Каменный идол, случайно найденный в 1848 г. в реке Збруч (служившей в то время границей России и Австро-Венгрии), до сих пор привлекает к себе внимание необычностью своего облика и помещенных на нем изображений, не имеющих в целом аналогий. Эта находка привела к появлению многих научных трудов и вызвала не прекращающуюся до настоящего времени дискуссию о времени изготовления идола, об этнической принадлежности его создателей, о его значении и месте, где он мог стоять (Гуревич Ф.Д., 1941). Для решения этих вопросов было необходимо обследование и выявление всех археологических реалий на местности в районе обнаружения идола. Такие исследования были проведены Прикарпатской экспедицией Института археологии РАН в 1984–1989 гг. под руководством авторов. Эти работы привели к открытию на Збруче в непосредственной близости от места находки идола трех городищ-святилищ – Богит, Звенигород и Говда, как их традиционно называют местные жители. Исследования этих городищ позволили выяснить дату, принадлежность и первоначальное местонахождение Збручского идола.

В то же время сами городища-святилища и открытые на них материалы оказались столь разнообразными и неожиданными, что, в свою очередь, вызвали споры и недоумения. Необычность Збручских святилищ, расположенных на южной окраине Галицкой Руси, связана прежде всего со временем их существования с конца X вплоть до второй половины XIII в., когда основная масса населения этого района была уже христианизирована. Особенностью городищ-святилищ оказались также их сложная планировка, разветвленная система окружающих валов и рвов, многообразие открытых на городищах культовых сооружений и построек. К тому же заключительный этап функционирования святилищ сопровождался массовыми жертвоприношениями, в том числе и человеческими, что в таком количестве не было встречено в других местах славянского мира и не укладывалось в сложившиеся представления о верованиях и обрядах древнерусского населения.

В связи с этим первоочередной задачей данной работы является как можно более полная публикация полученных материалов. Но сделать это необходимо с привлечением имеющихся в настоящее время сведений о славянских культовых сооружениях с широкой территории,

на фоне которых стала бы видна необычность или традиционность открытых на Збруче святилищ. В сумме своей археологические данные о святилищах, распространенных в славянских землях, показывают наличие определенной закономерности в форме и конструкции культовых сооружений, в особенностях совершенных на них жертвоприношений. Как оказалось, те же закономерности прослеживаются и на збручских памятниках, где были сконцентрированы все те элементы, которые присутствуют на разбросанных в разных местах славянских культовых объектах. Уникальность збручских святилищ вызвана хорошей сохранностью этого одного из крупных языческих центров славян, существовавшего длительное время в силу сложившихся исторических условий. Кроме того, богатство и разнообразие полученных данных связано с довольно широким масштабом и целенаправленностью исследований, проведенных на Збруче, что не всегда удавалось осуществить на других подобных языческих центрах славян.

При исследованиях языческих святилищ на Збруче в Прикарпатской экспедиции постоянно участвовали М. А. Ягодинская и И. О. Гавритухин, в разные годы руководили раскопками А. З. Винников, А. П. Медведев, Г. Л. Новикова, С. В. Пивоваров, Н. П. Тельнов, Е. Н. Федотова, М. А. Филипчук, А. А. Юшко. Раскопки проводились силами студентов Черновицкого, Киевского, Воронежского, Тверского университетов, Тернопольского, Нижегородского, Луганского пединститутов. Определение костных остатков сделано В. П. Данильченко, П. М. Покасом, Г. П. Романовой, пыльцовые анализы выполнены Е. А. Спиридоновой, злаки изучены Н. А. Кирьяновой, стеклянные браслеты исследованы Ю. Л. Шаповой. Авторы выражают всем глубокую благодарность.

I. КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА И СВАТИЛИЩА СЛАВЯН

Языческие верования пронизывали всю жизнь древних славян, определяли их быт и обычаи. Пережитки языческих представлений сохраняются до XX века и переплетаются с христианскими обрядами. Поэтому вполне правомерен тот огромный интерес, который проявляли исследователи – историки, фольклористы, этнографы, археологи – к изучению славянского язычества, начиная с середины XIX в. Ему посвящена колоссальная по объему литература, как русская, так и зарубежная. К настоящему времени для исследования мировоззрения и обычаев славян привлечены почти все письменные источники и в значительной мере учтены этнографические материалы. Гораздо в меньшей мере для этой цели использованы данные археологии. В то же время именно культовые места, святилища и другие вещественные памятники, отражающие верования народа, позволяют осветить многие пока еще темные стороны мировоззрения славян, дать конкретные представления о религиозных обрядах и раскрыть роль религии в жизни древнего общества.

Археологические источники, касающиеся языческих верований, в значительной своей массе еще не собраны со всех славянских земель и недостаточно систематизированы. Обычно в общих работах по славянскому язычеству приводятся лишь отдельные примеры широко известных памятников и упоминаются наиболее выдающиеся находки идолов и других культовых предметов. Хотя число культовых объектов славян, открытых археологами, особенно в последние годы, быстро возрастает и находит отражение во многих публикациях.

Значительные археологические материалы привлечены в фундаментальных работах Б.А. Рыбакова, посвященных славянскому язычеству (1981; 1987). Автором рассмотрены многочисленные данные о погребальной обрядности славян, языческих святилищах и городищах, домашних оберегах, женских украшениях, отражающих языческие верования, дана их интерпретация. Археологические источники в работах Б.А. Рыбакова заняли вполне достойное место в освещении славянского язычества наряду с разносторонними данными истории и этнографии. Сводка данных о культовых памятниках восточных славян приведена в работе В.В. Седова (1982, с. 261–268).

Тщательно собраны, хорошо и многократно опубликованы данные о языческих находках и культовых объектах славян, живших между Одером и Эльбой (Herrmann J., 1967; 1969; 1971; 1974; 1978а, б; Германн И., 1980). Археологические материалы, связанные с языческими культами и расположенные на территории Польши, обобщены в книге М. Ковальчик (Kowalczyk M., 1968). Карта с обозначениями святилищ, жертвенных мест и идолов на землях западных и восточных славян приведена в книге З. Вани (Váňa Z., 1983, S. 93). На этой карте было отражено состояние изученности памятников языческого культа на славянских землях: наибольшее число памятников сосредоточено в восточных областях Германии, тогда как на территории Польши, Чехии, Словакии, Украины, Беларуси и России они почти отсутствуют, в восточнославянских областях отмечены лишь Киев и Новгород. Такое положение не отвечает действительности и лишний раз показывает необходимость скорейшего и полного издания материалов.

В изучении славянских святилищ можно отметить несколько основополагающих открытий, которые до сих пор являются эталонными и оказывают влияние на последующие исследования.

В 1908 г. В.В. Хвойко на Старокиевской горе в Киеве раскопал святилище, представляющее собой, по его описанию, эллипс, сложенный из камней и имевший четыре выступа по странам света (Хвойко В. В., 1913, с. 66). Данных для датировки памятника нет. Дата определяется по глубине залегания находок (около 3 м) концом V–VI вв. (Толочко П. П., 1983, с. 328) или VIII–IX вв. (Каргер М. К., 1958, с. 111). Несмотря на то, что сохранились лишь краткие описания и очень схематичный рисунок сооружения и что при повторных раскопках, проведенных в 1937 г. Ф.Н. Молчановским, такой правильной кладки и регулярной формы, как на рисунке В.В. Хвойко, не было обнаружено, памятник до сих пор рассматривается как классический образец славянских капищ, делаются его реконструкции, по его выступам пытаются определить азимуты (Kotlarczyk J., 1988, S. 160), а сам памятник расценивается как «большой культовый центр» Полянского княжества (Козак Д. Н., Боровский Я. Е., 1990, с. 89). В свете новейших археологических открытий В.В. Хвойко, вероятно, были открыты остатки языческого капища, но его рисунок и план едва ли достоверны.

Крупным открытием явились работы К. Шухгардта, проведенные им в 1921 г. на городище Аркона, расположенном на о. Рюген в Балтийском море. Это городище, описанное Саксоном Грамматиком в начале XII в., было разрушено датчанами в 1168 г. Уже ко времени первых научных раскопок городище в значительной мере было разрушено морем, а к настоящему времени его мысовая часть уничтожена

почти полностью. К. Шухардт заложил на городище несколько траншей и в результате этих работ, по его мнению, в мысовой части городища были открыты фундаменты прямоугольного храма и яма, в которой стоял идол Святговита, упоминавшийся Саксоном Грамматиком (Schuchardt C., 1926, S. 14–22). Сведения об этом «храме» долгое время служили основой для реконструкции славянских языческих храмов (Нидерле Л., 1956, с. 289, рис. 53) и привлекались в качестве аналогий (Короšес Ј., 1948, S. 5–42). Позднее обнаруженное на Арконе каменное сооружение рассматривали как остатки романской базилики, построенной на месте разрушенного святилища (Dyggve E., 1959, S. 193–205). При раскопках, проведенных в 1969–1971 гг., было установлено, что на самом деле К. Шухардтом были частично вскрыты древний вал и ров, отделявшие мысовую часть городища, а языческий храм, вероятно, находился на участке, полностью уничтоженном морем (Berlekamp H., 1973, S. 285–289; 1974, S. 211–252; Herrmann J., 1974, S. 177–207). В эти годы через сохранившуюся часть городища было проложено несколько траншей шириной 1 м и выяснено, что на городище не было жилых сооружений, а в некоторых местах находились углубления со скоплениями разнообразных вещей IX–XII вв., человеческими костями и черепами. И. Германн считал скопление вещей, здесь найденных,кладами, зарытыми купцами во время опасности (Herrmann J., 1974, S. 199). Углубления на городище, характер находок в них, особенности конструкции вала и рва, оставшиеся непонятыми при раскопках, находят аналогии на других городищах-святилищах, в основном на Збруче, и таким образом получают объяснение.

В 20-х гг. XX в. были выделены городища-святилища под Смоленском. При обследовании городищ в верхнем течении Днепра А.Н. Лявданский обратил внимание на группу болотных городищ круглой формы и с маленькой внутренней площадкой. Эти городища по своим крошечным размерам «не могли быть укрепленными пунктами на случай защиты от нападения, а тем более местом жилищ... остается допустить, что они служили для обрядовых и вообще религиозных целей» (Лявданский А.Н., 1924, с. 174). А.Н. Лявданским было обследовано семь таких городищ, затем они были осмотрены в 1955–1958 гг. В.В. Седовым. По его данным, в Смоленском Поднепровье насчитывается до 20 таких городищ, рядом с ними он открыл поселения VIII–XIII вв. (Седов В.В., 1962, с. 57–64). На двух болотных городищах в 1960–1961 гг. провел раскопки П.Н. Третьяков (Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 124–129). В.В. Седов наметил ряд признаков болотных городищ-святилищ и сопоставил план и размеры этих памятников со святилищем на Перьни под Новгородом и с планами древнерусских курганов (Седов В.В., 1962, с. 63).

Крупнейшим событием в изучении языческих памятников славян явилось открытие святилища в урочище Перынь на берегу озера Ильмень в 4 км южнее Новгорода. Здесь в 1951–1952 гг. В.В. Седов раскопал остатки трех круглых площадок, ограниченных круговыми рвами. Одна из площадок вскрыта почти полностью, две другие раскопаны частично, так как были испорчены позднейшим селищем и церковью, построенной здесь в XII в. (Седов В.В., 1953, с. 92–103; 1954, с. 105–108). Святилище датируется IX–X в. и сопоставимо с сообщением летописи о низвержении идола Перуна в 991 г. (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 38). Капища, имевшие вид ограниченных ровом круглых площадок, впервые раскопанные на Перыни, в последующие годы были открыты в разных местах славянского мира и являлись одним из характерных элементов многих культовых памятников.

Новый тип культовых сооружений – деревянный храм – был открыт в 1974 г. при раскопках селища и городища Гросс Раден в Германии (Schuldt E., 1985, S. 35–73, 208–216). Остатки подобного храма обнаружены около городища Фельдберг (Herrmann J., 1969, S. 33–68). Открытие деревянных храмов в междуречье Одера и Эльбы привело И. Германна к мысли, что этот тип сооружений, известный здесь и по описаниям немецких хронистов, был присущ только северо-западным славянам и его истоки связаны с древней кельтской традицией (Herrmann J., 1978, S. 20, 26). Этот вывод едва ли справедлив, так как при работах последних лет деревянные языческие храмы исследованы и на восточнославянских землях в Прикарпатье. Эти храмы относятся к XII – началу XIII вв. и их появление скорее могло быть вызвано влиянием христианства, что первоначально признавал и сам И. Германн.

На территории Украинского Прикарпатья большое количество городищ обследовано Б.А. Тимошуком и предложена их социальная типология, сделанная на основе общих для всех городищ критериев: система и конструкция оборонительных линий городищ; характер застройки их площадок; место городища в системе окружающих синхронных поселений (Тимошук Б.О., 1982, с. 6). В результате проделанной работы выделены городища разных типов, для каждого из которых свойственен свой набор признаков. Городища разделены на две большие группы: первую группу составляют городища, служившие общинными центрами, среди них различаются городища административно-хозяйственные, убежища и святилища; ко второй группе относятся городища – раннефеодальные центры, включающие городища – княжеские крепости, замки и города. На землях Украинского Прикарпатья к типу святилищ могут быть отнесены восемь горо-

дищ, для которых характерны свои строго определенные признаки (Тимошук Б.О., 1976, с. 83–93; 1989, с. 74–83).

Начиная с 1982 г. Прикарпатская экспедиция Института археологии РАН проводила целенаправленные исследования славянских святилищ в Прикарпатье, что привело в 1984 г. к открытию целого культового комплекса на реке Збруч (левый приток Днестра) в пределах Тернопольской области Украины, в районе находки Збручского идола. Эта местность со времени обнаружения идола – с середины XIX в. до сих пор специально не изучалась и характер городищ, известных здесь (Lenczyk G., 1964, S. 5–12; Janusz B., 1918, S. 133–134), не был определен. Прикарпатской экспедицией были обследованы и частично раскопаны три городища-святилища и примыкающие к ним селища – городища Богит, Звенигород и Говда, расположенные в 3–5 км друг от друга (Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1986, с. 90–99; Тимошук Б.А., Русанова И.П., 1988, с. 78–91; Тимошук Б.А., 1989б, с. 79–83). На городищах Збруча отмечены те же признаки, которые характерны для других городищ-святилищ. Но, в отличие от рядовых святилищ, святилища Богит и Звенигород занимают большую площадь, разделенную на несколько разных по значению частей, здесь открыты многочисленные культовые постройки разнообразной конструкции, сохранились остатки жертвоприношений, в одной из построек находился каменный идол. По своим размерам, планировке и находкам городища-святилища на Збруче могут быть сопоставлены с культовыми центрами на Арконе, горе Шлюнга в Силезии и городищами-святилищами в Свентокжизьких горах Польши.

Раскопки на городищах Богит и Звенигород дали совершенно новые конкретные материалы для освещения многих языческих обрядов и верований. Эти материалы подтверждают и уточняют данные письменных и этнографических источников и помогают понять многие прежние археологические находки.

Верования и обряды, которые сопровождали славянина от рождения до самой смерти, требовали большого количества культовых мест и святилищ для молитв, жертвоприношений и гаданий. По данным Гельмольда (XII в.), у славян все поля и селения изобиловали божками (1963, с. 129). По его сообщениям, «у славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев» (с. 183). По представлениям И. Срезневского, в

той же мере, как различны были боги, различны должны были быть и сами святилища (Срезневский И. И., 1948, с. 18).

Сравнительно небольшое количество исследованных археологами славянских святилищ вызвано трудностями их открытия и интерпретации. Для культовых памятников характерно расположение за пределами поселений, иногда на краю могильников, часто на неудобных для обычной жизни землях – на высокой горе, на крутом склоне или среди болот. В связи с этим большинство известных культовых мест и святилищ было обнаружено случайно и дало мало информации. К тому же сооружения язычников специально уничтожались христианами и на их месте часто строили христианские церкви. Наиболее перспективными могут быть полевые работы, направленные специально на поиски и изучение таких памятников и учитывающие уже известные их особенности.

Обосновать культовый характер открытого памятника довольно трудно. Для этого далеко недостаточны лишь необычный вид объекта или непонятное с современной точки зрения его назначение. Для подтверждения культового значения памятников необходимо выявить их определенные признаки, отражающие закономерности в расположении, конструкции, планировке, характерные для большинства культовых мест и святилищ. Эти закономерности могут быть выделены при сопоставлении часто отрывочных, но существенно дополняющих друг друга данных, которые получены при раскопках достоверных культовых объектов. Идеальным доказательством культовой принадлежности памятника являются соответствующие свидетельства о нем синхронных письменных источников. Но случаи совпадения письменных и археологических данных крайне редки, можно назвать только Аркону, Перынь и гору Шлонжу. В некоторых случаях обоснованию культового значения памятника помогает совпадение его особенностей с описаниями западнославянских святилищ в трудах немецких хронистов XI–XII вв. Довольно важным обстоятельством могут служить легенды, поверия, а иногда и праздники, устраивавшиеся почти до современности на бывшем священном месте. Общей особенностью культовых объектов оказывается их расположение за пределами населенных пунктов, обычно на возвышенности или высокой горе. Бесспорным свидетельством культовой принадлежности объектов являются находки идолов и специальных мест, где они были поставлены (капищ), сохранение остатков жертвоприношений, длительное употребление огня на одном и том же месте. Выделяется целый ряд конструктивных деталей, свойственных большинству святилищ: символическое ограждение, обычно круглая форма капищ с идолом

в центре, широкое применение камня и каменных вымосток, наличие священных колодцев, целебных источников, расположение поблизости общественных зданий. Различное сочетание этих признаков определяет целый круг памятников, выделяющихся среди обычных жилых и производственных комплексов. Закономерности в той или иной степени оказываются характерными для всей славянской земли.

Известные к настоящему времени в славянских землях культовые памятники (рис. 1), обладающие хотя бы некоторыми из перечисленных признаков, могут быть разделены на несколько видов и типов. В особый вид выделяются почитаемые места и объекты естественно-го происхождения, в создании которых участие человека было минимальным. Это камни, лишь иногда искусственно подработанные, деревья, источники, рощи, горы, которые часто входят в состав больших культовых комплексов. Следующим видом памятников служат культовые места – ямы или площадки, устроенные человеком для жертвоприношения по какому-либо определенному поводу и затем оставленные. Основным видом культовых памятников являются собственно святилища – места постоянных молений и жертвоприношений, на которых имелся объект поклонения – идол. Среди святилищ можно выделить несколько типов:

- 1) круглые площадки-капища с идолом в центре, ограниченные ровиком или системой отдельных ям;
- 2) такие же площадки, огражденные валом и рвом, – малые городища-святилища;
- 3) деревянные постройки, внутри которых стояли идолы, – храмы;
- 4) городища-убежища, служившие одновременно и культовым целям, содержавшие отдельные культовые объекты;
- 5) большие культовые центры, в которых сочетаются все типы святилищ, культовых мест и почитаемых природных объектов.

Этим обусловлена необходимость краткого рассмотрения всех видов и типов культовых памятников прежде, чем приступить к описанию материалов Збручского культового центра.

Вполне правомерно считать курганы одним из видов культовых памятников, тем более что планы многих курганов близки культовым площадкам-капищам и сами курганы собственно являлись семейными святилищами. Привлечение курганных материалов совершенно необходимо при изучении религиозных верований и обрядов славян, но это специальная работа и она еще ждет своего исследователя.

Намеченные виды и типы культовых памятников, конечно, очень условны, между ними нет четких границ и резких отличий. Но это деление в какой-то мере отражает возможности того коллектива лю-

дей, который сооружал и поклонялся святилищам, – отдельных семей, жителей села или целой общины, иногда более широкого круга населения.

Поклонение природным явлениям и объектам

Почитание сил природы было распространено по всем славянским землям. Древнейшие сведения относятся к VI в. – помимо веры в единого бога-творца молний, славяне «почитают реки и нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, при помощи этих жертв производят и гадания» (Прокопий Кесарийский, с. 297). Константин Багрянородный (IX в.), описывая путь по Днепру, сообщает, что на острове Хортица росы «совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб» (Константин Багрянородный, с. 49). Многие объекты поклонения славян перечислены Кириллом Туровским (XII в.): «Не нарицайте себе бога ни на земле, ни в реке, ни в студенцах, ни в птицах, ни в воздухе, ни в солнце, ни в луне, ни в камении, един бо е Бог» (Гальковский Н.М., 1913, с. 69). О молениях «в рощениях и у кладезей» говорится в летописях (НПЛ, с. 105) и упоминается в церковных поучениях до XVII в., а по этнографическим данным поклонение и празднества у природных объектов совершались еще в XIX в. и позднее. Особенно они усиливались после упрочения христианства и уничтожения языческих святилищ.

Такие же верования были распространены на территории Чехии еще в XII в.: «До сих пор многие крестьяне подобны язычникам, один почитает огонь и воду, другой поклоняется рощам, деревьям, камням, а третий приносит жертвы горам, холмам и просит глухих и безмолвных идолов, которых сам создал, защитить его и его дом» (Козьма Пражский, с. 37). На землях Польши около святилища Триглава в Щецине «стоял высокий дуб, а под ним находился излюбленнейший источник, который очень почитался простым народом, так как считался священным, полагая, что в нем живет божество» (Житие Оттона Бамбергского, Котляревский А.А., 1893, с. 402). По верованиям прибалтийских славян, «божества населяют леса и рощи» (Гельмольд, 1963, с. 186).

Поклонение деревьям нашло подтверждение в находках двух дубов с вбитыми в них кабаньими челюстями, поднятых из Днепра около устья Десны (Козловська В., 1928, с. 95–104; Ивакин Г.Ю., 1979, с. 106–115; 1981, с. 124–136). Один из этих дубов по радиоуглеродному анализу относится ко времени 750 ± 50 гг. Такие находки являются, конечно,

редким исключением. Археологически очень трудно уловить места поклонения природным объектам, хотя около почитаемых деревьев могли находиться какие-то сооружения. Так, около Старограда на землях прибалтийских славян, по описанию Гельмольда, «среди старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот... Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князьями и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывают в приюте» (Гельмольд, 1963, с. 185). Около древних русских городов имелись урочища, связанные с культом «рощений», около Чернигова сохранилась «Святая роща» (Рыбаков Б.А., 1949, с. 12). «Перунов» дуб упомянут в 1302 г. около Перемышля (Грамоты XIV ст., 1974, с. 255).

Поклонение камням, необработанным или имеющим на поверхности естественные и искусственные углубления и примитивные изображения, было присуще многим народам с глубокой древности. Особенно широко культ камней был распространен в Скандинавии, в странах Прибалтики, Беларуси, северных областях России, но известен и на юге. С камнями связано много легенд, им приписывали целебную силу (Афанасьев А.Н., 1868, с. 359–360; Александров А.А., 1983, с. 12–14; Макаров Н.А. 1984, с. 203–210; Золотов Ю.М., 1981, с. 269). На святилищах пруссов и финнов камни являлись основным предметом почитания (Смирнова М.Е., 1989; Manker E., 1957). По всему миру с глубокой древности на камнях были распространены изображения ступней ног, кистей рук, часто сочетающиеся с солярными знаками (Формозов А.А., 1965, с. 130–138; 1966, с. 158; Абрамова З.А., 1972, с. 9; Титова Е.Н., 1982, с. 5–12). Камни с «божьей стопой» упоминаются в польских источниках XIII и XIV вв. (Kowalczyk M., 1968, S. 117), известны во многих местах на территории Польши (Baruch M., 1907), Украины, Молдавии, Болгарии, Румынии, Латвии (Ричков М.О., 1982; Уртанс Ю.В., 1987).

При изучении камней наибольшие трудности связаны с определением времени, когда им поклонялись и являлись ли они предметом почитания у славян в средневековье. В редких случаях об этом можно судить по характеру изображений на камнях, но основой для датировки может служить связь культовых камней с близлежащими археологическими памятниками. Этот метод также не слишком надежен, так как камни часто были расположены в пустынной, отдаленной от об-

житых районов местности, кроме того, они могли быть объектом поклонения на протяжении длительного времени. Так, около каменной плиты из Межигорья Тернопольской области обнаружены материалы от раннего железного века до позднего средневековья (Винокур И.С., 1972, с. 115). Поклонение камням продолжается, собственно, до сих пор. К некоторым из них приносят хлеб, ягоды, деньги, по определенным дням около камней совершали молебны и собирался народ со всей округи. Около почитаемых камней возникал целый культовый комплекс, в который входили священные деревья, источник, здесь же ставились кресты и часовни (Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988, с. 85–88). В Белоруссии около одного из камней с тарелковидным углублением, называемым «блюдом богов», была обнаружена каменная кладка, встречались монеты XIX–XX вв., иногда ставили крест, обвешанный полотенцами (Бубенько Т.С., Зайковский Э.М., Поздняков В.С., 1988, с. 357).

Почитаемые камни иногда связаны непосредственно со славянскими святилищами. Так, около городища-святилища Кулишевка лежит камень с двумя овальными углублениями, имеющими разные размеры, которые местные жители называют «божьи ноги». Камень, вероятно, почитали и во времена существования святилища, в X–XII вв. На городище-святилище Ржавинцы (IX–X вв.) был обнаружен грубо обработанный каменный четырехгранный столб, который, по-видимому, в древности стоял в центре площадки городища и служил объектом поклонения (Тимощук Б.О., 1976, с. 87). Многочисленные камни, часто причудливой формы, лежат на поверхности и склонах городищ-святилищ Бабин, Богит, Бубнице, большие камни часто окружают жертвенные площадки, камнями вымощены капища во многих местах – в частности, на городищах-святилищах Богит и Звенигород. Все эти данные подтверждают письменные известия об особом почитании камней у славян.

Идолы

По словам Гельмольда (XII в.), «во всей славянской земле господствовало усердное поклонение идолам», ими изобиловали все города (Гельмольд, 1963, с. 129, 185). Идолы найдены по всей славянской территории, но подавляющее большинство изваяний обнаружено случайно и, как правило, не на своем первоначальном месте и не связано с конкретными археологическими памятниками и датированными комплексами. Поэтому в связи с идолами встают те же вопросы, что и

при изучении культовых камней: кто и когда им поклонялся, кем они были созданы.

В письменных источниках упоминаются главным образом деревянные идолы. Широко известны слова варяга-христианина, сказанные в 983 г. в Киеве: «Не суть то бози но древо; днесь есть, а оутро изгнито есть, не ядять бо ни пьють ни молвятъ, но суть делани руками в древе» (ПВЛ, М., 1998, Т. 2, стб. 70). В Киеве в 980 г. был поставлен кумир «Перуна древяна, а голова его серебряна, а оус золот» (ПСРЛ, т. 2, стб. 56). Деревянным был идол Перуна в Новгороде. Сброшенный в воду, он поплыл по Волхову (ПСРЛ, т. 30, с. 38). Деревянными были идолы, описанные Ибн Фадланом, – высокие деревьяшки с похожим на человеческое лицом (Ибн Фадлан, 1939, с. 79). Западнославянских идолов тоже делали из дерева, при уничтожении их срубали и сжигали на кострах (Гельмольд, 1963, с. 234; Котляревский А.А., 1893, с. 60). Несколько деревянных идолов найдено в западнославянских землях (Фишеринзель, Альтфризак, Берен-Любхен, Янково) (Gringmuth-Dalmer E., Hollnagel A., 1971, S. 107–130; Herrmann J., 1971, S. 538).

Деревянные идолы, несомненно, имелись в большом количестве и у восточных славян, но на их территории большие деревянные изваяния пока не найдены. Зато на тех памятниках, где сохраняется дерево, известны многочисленные маленькие деревянные изображения богов. В Новгороде в слоях X–XIV вв. их найдено около 20, происходят они также из Старой Ладogi, Смоленска, Пскова (Панова Т.Д., 1989, с. 88–95). Эти небольшие фигурки связывают с изображениями низшего духа – домового (Арциховский А.В., 1956, с. 33; Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982, с. 90) или даже высших языческих богов (Панова Т.Д., 1989, с. 93).

Деревянные идолы славян являлись скульптурными изображениями и представляли собой объемные фигуры, часто сделанные во весь рост (Альтфризак, Фишеринзель, Старая Ладога), или имели вид рельефных головок на длинном стержне. Места находок этих идолов свидетельствуют о славянской принадлежности их изготовителей и почитателей. Подобные изображения в виде палочек с вырезанными на концах одной, тремя или четырьмя головками известны и на неславянских землях, например, в Риге, где они датируются XII–XIII вв. (Цауне А.В., 1981; 1990, с. 127–128).

И. Срезневский (1853, с. 181), а в последнее время Г. Ловмянский (Łowmiański H., 1979, S. 158) утверждали, что каменных идолов у славян вообще не было. Но упоминания об идолах, сделанных из камня и металла, встречаются в источниках. Так, в Щецине имелся идол из золота, который был спрятан язычниками (Житие Оттона

Бамбергского, Котляревский А. А., 1893, с. 360). По Иоакимовской летописи, «Добрыня же идолы сокруши, деревянии сожгоша, а камении изломав в реку ввергоша» (Срезневский И. И., 1853, с. 180). В «Слове о том, како первое погани кланялися идолом» (XI в.) говорится: «Начаша кумиры творити, ови деревяны, инеи медяны, друзеи ж мраморяне и золотеи и сребренеи» (Аничков Е. В., 1914, с. 264).

Идолы, сделанные из камня, найдены по всей славянской земле (рис. 2). Сводная карта каменных идолов, найденных на территории Польши, сделана Я. Соколовской (Sokołowska J., 1928). В Германии известны рельефные изображения на камне, например, в Альтенкирхен (Die Slawen in Deutschland, 1970, Abb. 122). Наибольшее скопление каменных изваяний известно в Поднестровье, в Подолии (Довженок В. И., 1952, с. 136–142; Винокур И. С., Хотюн Г. Н., 1964, с. 210; Брайчевский М. Ю., Довженок В. И. 1967; Винокур И. С., 1967; 1970а, б; 1972; Винокур И. С., Забашта Р. В., 1989). Здесь же, помимо сохранившихся идолов, имеется много сведений о когда-то находившихся в разных местах «каменных бабах» (Антонович В. Б., 1901; Сецинский Е., 1901). Идол, обнаруженный крестьянами при добыче камня около Гусятина на Збруче, имел вид четырехгранного столба с изображенными на нем человеческой головой, лошадьми и еще какими-то фигурами. Идол был разбит и камни употреблены при постройке церкви (Сецинский Е., 1901, с. 305). На другом идоле имелась такая же папка, как на Збручском изваянии (Cynkałowski A., 1961, S. 223). В этом же районе была извлечена в 1850 г. из воды каменная фигура с четырьмя лицами. Каменные идолы найдены во многих местах Беларуси и северных областей России: в Брестской области (Гробовцы, Залузье) (Никитина В. Б., 1971, с. 317–318), в Себежском районе Великолуцкой области, в реке Шексне в пределах Новгородской области (Гуревич Ф. Д., 1954, с. 176–179), под Псковом (Кирпичников А. Н., 1983, с. 109–110; 1988), под Волковийском и Слопимом (Sokołowska J., 1928), в Ягнятине около Житомира (Малеев Ю. М., 1975, с. 76–80). Сохранились многочисленные предания об идолах, некогда стоявших в разных городах Руси (Золотов Ю. М., 1985, с. 234–236).

По имеющимся сведениям, идолы в древности стояли на специально устроенных для них святилищах, находившихся в стороне от жилой застройки, как это было в Киеве – «на холму вне двора теремнаго» (ПСРЛ, т. 2, стб. 67), на Пырыни под Новгородом. По описаниям немецких хронистов известны городища-святилища со стоящими на них храмами, в которых находились идолы (Аркона, Ретра, Кореница и многие другие). Не только у славян, но и по верованиям и практике других народов идолы поминались в отдельно стоявших и специаль-

но для них устроенных святилищах. Так, на святилищах стояли каменные бабы половцев и около них приносили в жертву животных и людей. На возвышенностях около каменных баб делали каменные кладки и ограды из камней (Плетнева С.А., 1974, с. 73; Швецов М.Л., 1979, с. 199–201). В славянских землях лишь на двух святилищах идолы были обнаружены на первоначально отведенных для них местах – на городищах-святилищах Ржавинцы и Звенигород.

Языческих идолов усиленно уничтожали при распространении христианства. В 988 г. князь Владимир повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы на Боричеву взвозу к ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для погубления беса, который обманывал людей в этом образе, чтобы приняли он возмездие от людей. Затем идола бросили в Днепр (ПСРЛ, т. 2, стб. 102). В Почайну был сброшен идол Велеса на Киевском Подоле. Также был уничтожен идол Перуна в Новгороде (ПСРЛ, т. 30, с. 38; Татищев В.Н., 1962, т. 1, с. 113).

Идолов, как деревянных, так и каменных, часто находят в воде. Так были найдены идолы в Збруче около с. Лычковцы, в Днестре у с. Лопушня, в ручье у Пскова, в реке Шексне, в Варте у с. Домбрувка, около Лубова в Польше, у Бамберга в Германии, в море около Альтфризак (Leńczyk G., 1964, S. 35; Брайчевский М.Ю., Довженок В.И. 1967, с. 261; Гуревич Ф.Д., 1954, с. 176–179; Gringmuth-Dalmer E., Hollnagel A., 1971, S. 125–128; Stafiński A., 1957, S. 217; Нидерле Л., 1956, с. 288). Потопление идолов имело магическое, очищающее значение. Даже уничтожая их, славяне испытывали страх перед ними, верили в их силу, относились к ним как к вместилищу бесов. Идолов отправляли на тот свет по воде или сжигали, чтобы уничтожить их злую силу. Суеверный страх перед идолами долго сохранялся среди крестьян и по многим сведениям они еще в XIX в. разбивали на куски случайно найденные изваяния, как это было, например, в Иванковцах, в Гусятине (Брайчевский М.Ю., Довженок В.И., 1967, с. 238–262; Сецинский Е., 1901, с. 305). Это же произошло Збручскому идолу, когда он был вытаскен из воды и привезен в с. Лычковцы (Leńczyk G., 1964, S. 18–20). Камни от идолов употребляли при постройке церквей, иногда вмонтировали в их стены целые изваяния (Альтенкирхен, Гусятин). Изваяния свозили к современным кладбищам, как в Яровке на Днестре (Тимошук Б.О., 1976, с. 92). В то же время, как и камням, идолам приписывали охранительную и целебную силу. По сообщению А.Г. Киркора, около Коломыи в Карпатах с идола соскабливали кусочки для изготовления лекарств (Kirkor A.H., 1876, S. 43).

Прятали идолов и сами язычники. Так, идол Триглава в Щетине был спрятан в дупле дуба (Житие Оттона, Котляревский А.А., 1893, с. 370). Вполне возможно, что и Збручский идол был спрятан – традиционно опущен в воду при оставлении язычниками святилища Богит.

Почти полное отсутствие закрытых комплексов препятствует датировке идолов. Определить время их создания иногда можно по особенностям изобразительных приемов и по тем немногим атрибутам, которые на них просматриваются. Но это возможно только для нескольких изваяний. Так, по сабле, изображенной на Збручском идоле, имеющей длинный клинок и изогнутое перекрестие с шарообразными окончаниями (рис. 3), идол может быть датирован второй половиной X–XI вв. (Кирпичников А.Н., 1966а, с. 68–69). Примитивный каменный идол найден на своем первоначальном месте в жертвенном помещении 14 на Збручском городище-святилище Звенигород и по комплексу находок хорошо датируется первой половиной XIII в. Два деревянных идола найдены на поселении XI – начала XIII вв. в Фишеризеле около Неубранденбурга в Германии, но оба в древности находились в других местах и были перенесены при уничтожении поселения (Gringmuth-Dalmer E., Hollnagel A., 1971, S. 107–130). Деревянный идол, найденный в море около Альтфризак в Германии, датирован на основании радиоуглеродного анализа 480 ± 100 гг. и, скорее всего, относится ко второй половине VI или VII в. (Herrmann J., 1971, S. 538).

Идолов, найденных в Подолии, обычно связывают с черняховской культурой, на поселениях которой найдены некоторые изваяния. В связи с повсеместным массовым уничтожением идолов в течение длительного времени и с обычаем перенесения их на другие места кажется очень сомнительным, что идол в Иванковцах на Днестре мог сохраниться на черняховском поселении и простоять на своем месте в вертикальном положении полторы тысячи лет, как считают его исследователи. Два других идола, найденных поблизости, были явно переотложены – один разбит крестьянами и закопан, второй был положен на меже около огорода (Довженок В.И., 1952, с. 136–142; Винокур I.C., 1967, с. 141). При раскопках рядом с идолами никаких сооружений, кроме нескольких ям, обычных для поселений, открыто не было и нет доказательств связи стоявшего идола с черняховским слоем. На этом же поселении есть находки керамики конца I тысячелетия н.э. (Брайчевский М.Ю., Довженок В.И., 1967, с. 253–254, рис. 20). Оснований для датировки идолов у с. Иванковцы II–V веками н.э. недостаточно, скорее можно думать, что идолы в позднейшее время были свезены сюда из различных мест и положены около кладбища.

Идол у с. Ставчаны Хмельницкой области также был найден на черняховском поселении, но небольшой раскоп, заложенный около него, не дал окончательного ответа о связи идола с этим селищем. Вокруг идола обнаружены кострища (Винокур И.С., Хотюн Г.Н., 1964, с. 210–215; Винокур И.С., 1967, с. 136), но это обычное явление на поселениях и не доказывает существования здесь святилища. Ям в материке для укрепления идолов обнаружено не было. По-видимому, идолы были вкопаны в культурный слой поселения и, следовательно, должны быть отнесены к более позднему времени, чем черняховское. Вызывает сомнение и этническая принадлежность создателей идола в Ставчанах. На спине изваяния изображена длинная коса (Винокур И.С., 1970, с. 378–379), что характерно для скульптур тюркоязычных народов (Плетнева С.А., 1974, с. 33). Сближает с тюркскими изображениями и наличие на ставчанском идоле круглой шапочки, очень похожей на сферический шлем, нехарактерный для русских воинов, но широко распространенный в степях (Плетнева С.А., 1974, с. 25). По общему абрису ставчанский идол – статичная скульптура с выделенной головой и выступающими плечами – напоминает самые ранние, X–XI вв., половецкие статуи (тип VI по С.А. Плетневой, 1974, с. 61). Отличается идол от половецких положением рук – у половецких статуй руки сложены вместе под животом и держат сосуд, тогда как идол из Ставчан в правой согнутой руке держит рог для питья, а левая рука у него опущена. Такое положение рук характерно для многих изображений в славянских землях (Калюс, Альтенкирхен, Збручский идол), но встречается и на кипчакских изваяниях IX–X вв., распространенных в Поволжье и в южнорусских степях (Чариков А.А., 1976, с. 162). Вероятно, ставчанский идол был сделан под сильным влиянием кочевников. Кочевнические элементы свидетельствуют о времени его создания не ранее конца I тысячелетия н.э. Сомнения в принадлежности ставчанского идола славянам высказал Б.А. Рыбаков (1987, с. 132).

Стилистический анализ идолов Подолии проведен Р.В. Забаштой, отметившим характерные черты славянских каменных идолов: схематизм изображений, столпообразный силуэт, фронтальность постановки фигуры. Он выделил несколько их типов: столбы, столбообразные с одним или несколькими лицами, столбообразные с объемной головой, рельефные головы, рельефные изображения фигуры полностью (Забашта Р.В., 1987, с. 58–60; Винокур И.С., Забашта Р.В., 1989, с. 65–76). Надо заметить, что рельефное изображение целой скульптуры связывается только с идолом в Ставчанах, происхождение которого вызывает сомнения.

Большинство каменных идолов, известных в славянских землях, представляет собой плиту, прямоугольную в разрезе, длиной около 2 м.

На плите бывает чуть намечена голова, выделенная просто ложбинкой, иногда слабо расширяющимися плечами (рис. 4; 5, 2). В ряде случаев на плитах нет никаких изображений или заметны неопределенные вмятины. Это собственно только символ идола, поклонялись фактически просто камню (Ржавинцы, Ягнятин, Ганачевка, Звенигород, второй идол в Ставчанах, Бамберг). Нечто подобное наблюдалось в античности: «Даже в период наибольшего развития греческой цивилизации продолжали почитать богов в виде камней и кусков дерева, то обработанных, а то и совсем необработанных» (Лосев А.Ф., 1957, с. 38). Лица на стелах иногда изображены грубо выбитыми вмятинами на месте глаз, носа и рта. Известны стелы с двумя и тремя лицами, обращенными в разные стороны (Иванковцы, Яровка). Более рельефно моделированы головы идолов из Новгорода, Себежа, у Збручского идола. На лицах этих идолов выступают большие носы, углублениями изображены глаза и рот. Головы закрыты коническими шапками с околышем типа княжеских, как на Збручском изваянии. Интересен идол, стоящий на скале около Урича в Карпатах (рис. 5, 1). Это грубо вытесанный столб с намеченными чертами лица и четко выраженным профилем. По своим стилистическим особенностям он полностью соответствует славянским изображениям, но данных для его датировки пока нет.

На стелах иногда высечены руки, согнутые на груди, но правая поднята вверх, а левая опущена. В руках изображен рог для питья. В полный рост сделаны лишь фигуры, высеченные невысоким рельефом, на плите в Альтенкирхен и на Збручском идоле.

Рассмотренная группа идолов существенно отличается от каменных баб кочевников по моделировке всей фигуры, по ее позе, манере изображений, деталям одежды, сопровождающим предметам (Плетнева С.А., 1974). Лишь на ставчанском идоле можно заметить влияние кочевников. По ряду деталей идола славянских земель отличаются и от многочисленных каменных скульптур пруссов. Последние обычно представляют собой конические погрудные изображения, их руки симметрично сложены на груди, статуи снабжены сравнительно большим числом предметов – рог для питья, меч, палица, пояс с деталями (Sokołowska J., 1982, S. 14–18).

Среди известных у славян идолов Збручское изваяние отличается сложностью и многоплановостью своих изображений. Идол представляет собой четырехгранный каменный столб высотой 2,57 м со сторонами по 29 и 32 см, каждая грань которого заполнена изображениями, разделенными на три яруса (рис. 3). Голова идола покрыта круглой шапкой с полями и имеет четыре лица, обращенные в четыре сторо-

ны. Лицам на гранях идола соответствуют большие фигуры верхнего яруса – две женских, держащих в руках рог и кольцо, и две мужских, одна из которых изображена с конем и саблей.

В среднем ярусе помещены две мужские и две женские фигуры, около одной из которых изображен ребенок. В нижнем ярусе находится коленопреклоненная мужская фигура, изображенная на одной грани в фас и на двух в профиль. На четвертой грани нижнего яруса выбит солнечный круг (Leńczyk G., 1965, S. 11; Kotlarczyk J., 1987, рис. 1). На руках и лицах фигур сохранились следы красной железистой краски.

Сразу же после находки Збручский идол привлек к себе внимание научной общественности (Leńczyk G., 1964; Гуревич Ф.Д., 1941). Уникальность идола привела к диаметрально различным его оценкам и истолкованиям, вплоть до утверждения о фальсификации изваяния (Гуревич Ф.Д., 1941, с. 279–287). Идола сопоставляли с каменными бабами кочевых народов (И.И. Срезневский, В. Деметрикевич) или призывали влияние тюркских народов на его создателей (Л. Нидерле). Находили в идоле аналогии с германскими каменными изображениями (В. Вейгель) и связь с античностью (К. Гадачек, В. Антоневиц), видели истоки идола в кельтском искусстве (Я. Розен-Пшеворска). Сравнительно недавно польский исследователь А. Лапинский, подводя итоги почти 135-летнему периоду изучения Збручского идола, пришел к выводу: единственно, что можно утверждать определенно, – идол древний и может быть связан с разными культурами, принадлежность его славянам и средневековью не опирается на солидные основания (Łapinski A., 1984, S. 131–132).

Вместе с тем Збручский идол по ряду своих особенностей соответствует каменным славянским изваяниям: по четырехгранной форме столба, манере изображения рельефных фигур, положению рук, по форме каменной шапки. Принадлежность идола славянам и время его создания получили подтверждение при обследовании места его находки и открытии славянских городищ-святилищ, возникших здесь в конце X – начале XI вв.

Большинство исследователей сопоставляли Збручского идола со Святовитом (М. Потоцкий, назвавший его так сразу же после находки, Л. Нидерле, А.С. Фамицын и др.), описанным Саксоном Грамматиком: «В храме установлен огромный, выше человеческого роста идол с четырьмя головами и шеями, из которых две обращены к груди и две к спине. Передние и задние головы устроены так, что одна из них обращена направо, другая налево. Борода и волосы у него подстрижены как бы в подражание обычаю рушан. В правой руке идол держит сделанный из различных металлов рог, который ежегодно наполняет-

ся чистым вином. Эта жидкость служит для гадания о плодородии будущего года. Левая рука идола упирается в бок, изогнута луком. Туника, составленная из разных кусков дерева так искусно, что невозможно заметить соединения, доходит до берцов. Ноги идола стоят на земле, основание их скрыто под землей» (Гуревич Ф.Д., 1941, с. 285).

Действительно, Збручский идол имеет общие черты со Святовитом: четырехликость и атрибуты – рог, меч. Но эти признаки имеют широкое распространение. Многоликость богов известна у разных народов (Rosen-Przeworska J., 1965, S. 214–220), в том числе и у славян и не только северо-западных. Многоликие фигуры найдены в Вислице и Волине на территории Польши, Преславе в Болгарии, Иванковцах и Яровке на Подолии, в Старой Рязани. Атрибуты, особенно рог в руках, имеются у идолов, найденных на землях и восточных и западных славян. В то же время у Збручского идола и Святовита Арконского много отличий, в них отражаются особенности идолов, сделанных из дерева и из камня. Святовит, как все деревянные изваяния, представлял собой объемную скульптуру человека, стоящего во весь рост. Особенности Збручского идола, имеющего вид четырехгранного столба с рельефными изображениями на его сторонах, характерны для идолов, сделанных из камня.

Изображения на идоле были трактованы неоднократно. Четыре грани идола связывали с временами года (Lelevel J., 1857, S. 11–12), три яруса изображений сопоставляли с представлениями о трехчастном делении мира на небо, землю и преисподнюю (Фамицын А.С., 1884, с. 136–140) или землю, солнце и звезды (Lapiński A., 1984, S. 137). Наиболее обоснованно идеи, выраженные в Збручском идоле, рассмотрел Б.А. Рыбаков (1987, с. 236–251). По Б.А. Рыбакову, идол представлял собой целую космогоническую систему, картину Вселенной, где в верхнем ярусе обитали божества неба, в среднем ярусе находились люди земли, в нижнем ярусе – божество, поддерживающее всё мироздание. Исследователь предложил отождествление божеств, изображенных на гранях идола: Макошь – богиня плодородия и урожая, Лада – покровительница весенних полевых работ, Перун – бог грозы и молнии, покровитель воинов, Дажьбог – бог солнечного света, Велес – бог предков и богатства. Боги составляли целый пантеон и олицетворяли собой всеобъемлющее и вездесущее божество Вселенной, которому по значению мог соответствовать Род или Сварог (1987, с. 249–250).

Жертвенные ямы

При раскопках на поселениях, исследованных большими площадями или полностью, не удается выделить места, связанные с религиозными обрядами. Объектом почитания каждой семьи, вероятно, служила печь в доме. По этнографическим данным, с печами связаны многие верования и обряды, домашнему очагу поклонялись как ближайшему и в домашней жизни главному выразителю божественной стихии огня (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 114). Очаг рассматривался как местонахождение домашних духов и душ умерших (Листова Н.М., 1983, с. 167). У земледельческих народов почитание печи было связано с культом хлеба (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 129).

На поселениях VI–VII вв. с земледельческим культом связаны глиняные «хлебцы» – круглые лепешки диаметром 8–12 см, имитировавшие настоящий хлеб. В их глиняном тесте попадаются отпечатки соломы и злаков, на поверхности бывает прочерчен крест. По два-три таких «хлебца» лежат обычно около печей в жилищах (Русанова И.П., 1973, с. 32–35; Хавлюк П.И., 1989, с. 238; Гурин М.Ф., 1990, с. 25). Известны они на черняховских памятниках Волини (Винокур И.С., 1960, с. 109–110). На поселении III–IV вв. в Лепесовке до 10 «хлебцев» лежало около очагов в большом общественном доме, где совершались гадания по священным чашам (Тиханов М.А., 1963, с. 180–181). Обрядовый хлеб употреблялся при всех событиях народной жизни, особенно почитался круглый хлеб – каравай (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 51–85; Гвоздикова Л.С., 1981, с. 207–210).

Лишь в нескольких случаях на раннеславянских поселениях открыты культовые сооружения. На поселении VI в. в Корчаке находилась культовая яма с семью глиняными «хлебцами», лежавшими в один ряд. Яма овальной формы (60 × 70 см) углублена в материк на 20 см и окружена столбовыми ямками – возможно, от перекрытия типа шалаша (рис. 6, 7). Около ямы, вероятно, совершались какие-то обряды, связанные с культом хлеба и плодородия. На окраине поселения Городок расположена яма, заполненная золой, углем, обломками посуды и пережженными костями животных. К яме примыкала каменная вымостка, на которой горел огонь. Жертвенной, вероятно, являлась яма, вырытая в стороне от жилых построек на городище Животинское (IX–X вв.). В яме содержались уголь, горелое зерно, 23 астрагала с отверстиями, часть бронзового котла. Во всех этих ямах, расположенных на краю раннеславянских поселений, проявляются черты, характерные для культовых объектов более позднего времени – применение

огня, неоднократно разжигавшегося на одном месте, наличие сожженных костей животных и обожженных зерен, применение каменных вымоستков, разбивание посуды.

Жертвенные ямы X в. открыты в Новгороде на еще не заселенных в это время участках города. В одной небольшой яме полукругом вдоль западной стенки стояло семь ковшей, поставленных на ребро, еще два ковша были перевернуты вверх дном в центре ямы. Здесь же находились два куска воска полукруглой формы в виде хлебов. Во второй яме на дне лежали два бычьих черепа и между ними деревянный ковш. Третья яма большего размера, возможно, имела перекрытие в виде навеса или шалаша из еловых веток, на ее обожженном дне находился костяк лошади, череп которой был положен выше вместе со свечой и кнутом. Исследователи рассматривают ямы как остатки общественного пира – братчины, во время которого съедали обетного быка, а его кости, по поверью имевшие магическую силу, закапывали в землю (Седов В.В., 1956, с. 138–141; 1957, с. 28–29). Могло здесь происходить освящение нового участка первыми поселенцами (Миронова В.Г., 1967, с. 215–227).

Около поселения, расположенного недалеко от Волина в Польше, открыта яма, в которой находились два человеческих черепа, кости животных, фрагменты сосудов. Рядом с ямой на кострище среди камней лежал также кусок черепа человека. Жертвенная яма с шестью человеческими черепами открыта в Праге. Кости человека, особенно черепа, приносились в жертву в наиболее важных случаях жизни и считались самыми действенными.

Ямы для жертвоприношений вырывали и на могильниках. В Киеве на Житомирской улице около могильника X в. открыта круглая яма, заполненная слоями угля и глины. В яме находились обломки посуды, пряслище, шумящая привеска и замок – символ сохранности и защиты, часто встречающийся на культовых памятниках. Жертвенная яма расположена на могильнике XII – начала XIII в. у с. Горки Вологодской области. В яме лежали скелеты пяти собак, птиц, рыб, сверху были положены деревянный сосуд и два замка – для запираания жертвы и обезвреживания злых сил. Затем яма была забросана камнями и шлаком для неприкосновенности и изоляции от всего живого, что очень часто наблюдается на культовых сооружениях. По мнению Н.А. Макарова, раскопавшего это сооружение, жертва здесь была принесена божествам смерти и подземного мира (1987, с. 77). По-видимому, также культовой являлась яма, открытая на могильнике конца X – начала XII в. у с. Погосище той же области. В яме не было погребения и на разном уровне находились три топора – символ защиты и охраны (Макаров Н. А., 1983, с. 216–218).

Жертвенные ямы с костями животных, углем, битой посудой выявлены на могильниках XII–XIII вв. у сел Василов и Опшхлебы на Буковине. В центральной части могильника IX в., расположенного на городище-убежище Ревно, среди безурновых погребений с трупосожжениями находилось круглое углубление, заполненное углем, пережженными человеческими косточками, костями животных, обломками лепной и гончарной посуды. В центре углубления сохранилась яма от большого столба и к северу от нее полукругом еще три столбовые ямки.

Ямы на могильниках по составу находок не могли быть остатками тризн – поминальных трапез, включавших в себя обычно кости съедобных животных и целые сосуды (Плетнева С.А., 1989, с. 251–255). Жертвенные ямы известны на могильниках позднелатенского и римского времени на территории Польши, Скандинавии, характерны для могильников вельбарской культуры. Так, на могильнике Брест-Тришин открыто восемь таких ям, заполненных золой и заброшенных камнями (Кухаренко Ю.В., 1980, с. 29). Ямы с углем, золой, костями животных встречаются на окраинах черняховских могильников (Федоров Г.Б., 1958, с. 235). Жертвенная яма с прослойками угля и золы в заполнении и челюстью лошади открыта на могильнике в Риге (Цауне А.В., 1990, с. 126). Жертвенные ямы использовались повсеместно у разных народов с глубокой древности. Они являлись составной частью культовых мест в Финляндии (Манкел Е., 1957, S. 290). В Дании известны жертвенные ямы, обставленные камнями и черепками (Behm-Blanke G., 1978, S. 366). На латенском святилище в Просне (Словакия) жертвенная яма была заполнена прослойками золы с пережженными костями человека и животных, содержала разнообразные вещи (Pieta H., Moravčík J., 1980, S. 245–280).

Широкое распространение культовых ям, явно жертвенный состав их заполнения (кости человека и животных, отдельно черепа и челюсти, остатки глиняной и деревянной посуды, зерно, имитации хлеба – каравай), применение огня, забрасывание ям камнями и расположение их на краю поселения или на могильнике свидетельствуют об определенной общности представлений и о закономерности в проведении обрядов. Магическая роль ям была связана, вероятно, с разными верованиями – с жертвами земле, культом плодородия, как земледельческого, так и скотоводческого, со стремлением обезопасить себя от злых сил потустороннего мира, задобрить предков. Славяне пользовались жертвенными ямами долгое время. На ранних поселениях V–VII вв. жертвенные ямы были небольшими и неглубокими, устраивались по каким-то определенным случаям. Жертвы в них могли приносить отдельные семьи или жители небольших поселков.

Позднее известны более крупные ямы со сложным и разнообразным заполнением, а на городищах-святилищах Звенигород на Збруче и, вероятно, в Арконе были распространены большие ямы с усложненным устройством. Эти ямы должны были быть общественными, ими многократно пользовались большие группы людей, в них совершались разнообразные жертвоприношения.

Жертвенные площадки и капища

Помимо жертвенных ям, около рядовых поселений и могильников известны специально устроенные культовые сооружения, где, вероятно, происходили коллективные моления и совершались жертвоприношения всеми жителями поселка. Детали их конструкции бывают различными, но общие особенности характерны для всех славянских земель.

Жертвенные площадки открыты во многих местах (рис. 1). Обычно они расположены за пределами поселения или на окраине могильников, имели круглую или овальную форму, часто вымощены камнями или покрыты глиной. На площадках горели огни, их поверхность обожжена, на ней лежали угли, кости животных, иногда обгорелые черепки глиняной посуды. Такие площадки известны в Городке на Подолии (VII в.), у с. Горановцы в Болгарии (IX–X вв.), в Волине в Польше (X в.), где в кострище вместе с костями животных лежал фрагмент черепа человека, в Гнезно (VIII–IX вв.), где кострище с прослойками камней, угля, пепла находилось под фундаментом построенного на этом месте собора.

Около Плоцка на горе Тумской в Польше на площадке находилось большое овальное в плане кострище, рядом с которым лежал большой камень-алтарь. На площадке находились череп ребенка 12 лет, кости животных, в том числе коня, сосуд с железным шлаком, обломки посуды и в землю был воткнут меч. Площадка датируется X в. и, судя по находкам, скорее всего, здесь совершали обряды, связанные с военным делом. В Плоцке обнаружено раннее свидетельство о человеческих жертвоприношениях. До X в. – до завершающей и наиболее развитой формы язычества – данных о таких жертвах нет.

Особый тип составляют площадки, имеющие кругом ограждение в виде ровика, ряда камней или столбовых ям. В центре площадок обычно находится яма для идола, то есть эти площадки служили подножием идола и являлись собственно капищами. На одной из них в Яздове на территории Польши найдена голова каменного идола.

Располагались такие капища на возвышенных местах за пределами поселений и могильников. Появились они не ранее IX в., а позднее, в XII–XIII вв., на месте многих из них были построены христианские храмы (Микульчицы в Чехии, Бродовин в Германии). Эти маленькие круглые площадки повторяют в миниатюре план главного языческого святилища Новгорода – Перыни, и могут рассматриваться как рядовые сельские святилища (рис. 6, 2–5).

Самой характерной чертой этих святилищ является их ограждение, защита от злых сил. Ограждение бывает разным, чаще всего им служит ровик или канавка шириной 2–5 м, неглубокая, имеющая плоское дно, на котором горели огни – символы защиты и очищения. Во рвах сохраняются остатки жертвоприношений в виде костей животных, обломков разбитой посуды. Иногда ограждение бывало двойным, как в Ходосовичах, где узкие круговые канавки были дополнены внешними серповидными в плане рвами. В центре площадки изредка сохранялись остатки дубового столба от подножия идола (Псков) или центральная яма была обложена камнями (Микульчицы). Иногда рядовые святилища бывали посвящены двум богам, как в Ходосовичах, где рядом были расположены два капища (диаметры их 5 и 7 м), и в Тжебятуве в польском Поморье, где два капища, окруженные ровиками, отстоят одно от другого на 65 м. Капища, расположенные рядом с могильниками, вероятно, служили для обращения к богам потустороннего мира (Псков, Ходосовичи, Зааринген). Те же функции, вероятно, выполняло святилище на городище Поганьско в Моравии. Оно находилось на окраине могильника, было ограничено полукругом из плетня и в его центре находилась большая столбовая яма, окруженная восьмью меньшими ямами. В большинстве случаев на капищах нет никаких находок. Можно отметить только челюсти крупного рогатого скота на площадке в Пскове и некоторые вещи в Микульчицах – гривна, жернов, топоры, связанные с культом земледелия и с защитой от враждебных сил.

Столь же распространены были оградки капищ из камней и каменные вымостки. Камень, как уже говорилось, повсюду служил символом прочности, защиты, сохранности, границей между миром живых и мертвых. Около Вышеграда в Польше на высоком берегу Вислы сохранилась круглая площадка диаметром 18 м, окруженная большими камнями (рис. 6, 8). В ряду камней находился алтарь, сложенный в виде куба из семи камней, и рядом с ним большой плоский камень с углублением. Между камнями лежал скелет человека, голова которого, обращенная к западу, была пробита ударом тупого орудия. В центре круга видны следы столбов и остатки срубных построек. К святилищу

подходила дорога, вымощенная камнями и обставленная большими каменными глыбами. На дороге были положены два серпа, а в ее конце около капища находился второй скелет человека, его голова и ноги положены на большие камни. По-видимому, этот человек тоже был убит, так как у него повреждены шейные позвонки. По находкам керамики святилище может быть датировано X–XIII вв. Вероятно, около Вышегорода находился значительный религиозный центр, существовавший несколько столетий, так как недалеко от Вышегорода частично исследовано еще одно святилище – окруженная рвом площадка, относящаяся к VIII в.

В Польше около Яздова известна круглая каменная вымостка, на которой лежал идол. В Югославии у с. Костол открыл круг из камней, на котором лежали кости птиц. В.Я. Конецкий рассматривает в качестве святилищ каменные круги диаметром 12–20 м, расположенные в окрестностях Новгорода рядом с сопками VIII–X вв. Здесь большие каменные глыбы или кладки из камней ограждают круглые площадки, на которых горели огни, лежали пережженные кости, черепки сосудов (Коломо, Подгощ, Хутын, Сущево). На площадках бывает центральная яма для идола (Хутын) или в центре лежат валуны (Подгощ). Каменные круги, расположенные около сопки, были, вероятно, связаны с культом предков, как и сами сопки, которые Я.В. Конецкий рассматривает как своеобразные «языческие храмы», центральный столб в которых олицетворял мировое дерево (1985, с. 38–41; 1989, с. 143–146).

К такому же типу круглых капищ, выложенных камнями, в центре которых стоял идол, принадлежат площадки на больших городищах-святилищах Богит и Звенигород и, возможно, относится и открытое В.В. Хвойко в Киеве на Старокиевской горе сооружение овальной формы с четырьмя выступами по странам света. Его культовый характер подтверждается тем, что около каменной площадки периодически разжигали огонь, а рядом лежали черепа и кости животных. Это сооружение похоже на другие славянские капища – места, где стояли идолы, рассматривать его как фундамент какого-то большого храма нет никаких оснований (Боровский Я.Е., Моця А.П., 1990, с. 124). Наиболее достоверная дата этого сооружения – VIII–IX вв., предложенная М.К. Каргером (1958, с. 111), согласуется со временем существования таких капищ в других местах славянского мира.

К числу капищ, огражденных ямами, может быть отнесена площадка, расположенная на городище-убежище Воргол. Площадка покрыта обожженной глиной, в ее центре находится столбовая яма для идола, рядом лежат кости животных, в том числе часть скелета лошади. Здесь же найдено три наконечника стрел, обломки замка, ножа, грив-

ны, привески, астрогалы. Площадка окружена ямами с золой, костями животных, черепками X–XI вв.

Особое место среди святилищ занимает комплекс сооружений у с. Шумск на Житомирщине. Само святилище было слегка углублено в материк и имело крестообразную форму с четырьмя выступами, ориентированными по странам света. Несмотря на его в целом необычную планировку, здесь также была использована идея круга и другие характерные для святилищ черты (рис. 6, 7). Вокруг центрального столба-идола, который мог быть укреплен большими камнями в яме, полукругом и в несколько рядов располагались ямы меньшего диаметра, перед идолом многократно разжигали огонь, около каменных плит-алтарей были положены пережженные кости птиц и быка, здесь же лежал кремневый наконечник стрелы и находились черепки лепной и гончарной посуды IX–X вв. После прекращения своего существования святилище было заброшено камнями. Рядом с капищем находился бескурганный могильник с безурновыми трупосожжениями и было расположено место для сжигания умерших. Оно имело такую же планировку, как и обычные жертвенные площадки, – кольцевой ров окружал круглую площадку диаметром 5 м, но, в отличие от капищ, площадка была сильно прокалена и перекрыта толстым слоем угля.

Культовый комплекс в Шумске был полукругом окаймлен синхронными ему поселениями, входившими в состав соседско-большесемейной общины, и являлся религиозным центром этой общины. Обращает на себя внимание еще одна особенность. Рядом со святилищем и в удалении от других поселений расположен большой наземный дом, полуземлянка и несколько наземных столбовых построек типа сараев. Может быть, здесь хранились общинные запасы и жил отдельно от остальных общинников старейшина или жрец, ведающий святилищем. В таком случае это является одним из наиболее ранних свидетельств выделения из общины специальных служителей культа.

Особенности описанных капищ – круглая форма, ограждения в виде ровиков, камней или ям, идол, стоящий в центре, – почти полностью соответствуют описанию святилища русов у Ибн Фадлана. Оно состояло из высокой, воткнутой в землю деревяшки, у которой имеется лицо, похожее на человеческое, вокруг нее находятся маленькие изображения, а сзади них деревянные, воткнутые в землю, то есть ограда (Ибн Фадлан, 1939, с. 79–80). Возможно, такие культовые ограждения имел в виду митрополит Иларион, когда писал: «Уже не капища сатанинские ограждаем. Теперь христовы церкви возводим» (Молдован А.М., 1984, с. 88–89).

Круговые канавки с горевшими в них огнями и круги из камней должны были защищать мир от враждебных сил, обезвреживать и очищать их. Идея круговой защиты воплощена не только на святилищах, но использовалась и при погребениях у самых разных народов с глубокой древности (Рассамакин Ю.Я., 1990, с. 64–74) и применялась в славянских курганах (Винников А.З., 1984; Русанова И.П., 1967). Круговые канавки вокруг площадок устраивали на германских могильниках (Schmidt B., 1961, S. 72–74), у прибалтийских народов (Жулкис В.В., Климка Л.А., 1988).

Остатки жертвоприношений на культовых площадках и капищах прослеживаются только по следам огня, костям животных, иногда и человека, обломкам разбитой посуды, что соответствует тому набору даров, которые славяне приносили своим богам: «Приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг дуба, а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый» (Константин Багрянородный, 1989, с. 49). Такие же жертвы приносили русы на Волге: хлеб, мясо, лук, молоко, хмельной напиток, убивали овец и рогатый скот, часть мяса раздавали, а остальное бросали перед идолами, а головы коров и овец вешали на деревянные, воткнутые в землю (Ибн Фадлан, 1939, с. 80). Происходило собственно «кормление» богов и от таких жертв ничего, кроме костей животных, сохраниться не могло.

Жертвенные площадки и огражденные капища расположены около поселений и могильников, жертвоприношения на них проводились многократно, иногда приносились и человеческие жертвы. Для сооружения этих культовых мест и святилищ требовались определенные усилия значительных групп населения, жителей целого поселка или даже более крупных объединений. К сожалению, в большинстве случаев нет данных о характере заселенности в окрестности святилищ и трудно судить, какая округа объединялась вокруг них. Можно сказать только, что святилище в Шумске являлось религиозным центром целого гнезда поселений VIII–X вв., расположенных по берегам р. Гнилопяти и входивших в состав соседско-большесемейной общины.

Малые городища-святилища

Та же идея круга, что и на площадках-капищах, воплощена в малых городищах, центром которых служат такие же круглые или овальные площадки диаметром от 7 до 30 м. Центральные площадки этих городищ, на которых стояли идолы, представляли собой капища. Благодаря ограждению в виде низких концентрических валов и ши-

роких рвов с плоским дном эти капища имеют стационарный облик и их легче обнаружить. Известны городища-святилища на широкой территории – на Смоленщине, Псковщине, в Припятском Полесье, в Украинском Прикарпатье, на территории Польши, Германии. Возможно, их было гораздо больше, чем упоминается в литературе, но для выяснения времени существования и функций городищ, внешне похожих на святилища, нужны специальные исследования и выявление признаков, присущих этому типу памятников.

Топографическое положение городищ-святилищ различно и зависит от характера местности. На Смоленщине они расположены на останцах среди болот, в Припятском Полесье занимают оконечности песчаных дюн, возвышающихся среди болотистых низин, в Прикарпатье находятся на высоких холмах или мысах, поднимающихся над долинами рек, в Германии известны на холмах и изолированных островках среди озер. Несмотря на такие различия, все эти городища характеризуются рядом общих признаков.

Признаки городищ-святилищ были намечены А.Н. Лявданским, первым выделившим эти памятники на Смоленщине. Он отметил их малые размеры, непригодность для защиты и места жительства, круглую, отнюдь не случайную форму (Лявданский А.Н., 1924, с. 50). На материалах тех же смоленских городищ В.В. Седов добавил следующие признаки: отсутствие культурного слоя, иногда наличие внутреннего рва, расположение среди славянских поселений VIII–XIII вв. (1962, с. 57–64). Специальные исследования городищ-святилищ в Украинском Прикарпатье позволили Б.А. Тимошуку выделить дополнительные признаки: на вершинах культовых валов и на плоском дне рвов устраивали специальные ритуальные огни, составной частью городищ-святилищ были длинные общественные дома, а сами городища выполняли функции религиозных центров общин (1989, с. 79). Не все эти признаки удастся выделить на каждом городище, но только в том случае, когда имеющиеся данные не противоречат всей системе этих признаков, городище можно считать святилищем.

Классические по своему устройству малые городища-святилища открыты в Украинском Прикарпатье. Благодаря тому, что при исследованиях на этих городищах раскопы и траншеи закладывали в самых информативных местах и наибольшее внимание уделялось валам и рвам, были выявлены все характерные для святилищ признаки. Городища у сел Ржавинцы, Бабин, Кулишевка имеют крошечные площадки (их диаметры 22, 7 и 8 м), круглые в плане и слегка выпуклые в центре (рис. 7, 1–3; 8, 2). Планировка их валов различна. Городище в Ржавинцах, находящееся на отроге высокого плато, окружено двумя

концентрическими валами, на которых камнями вымощены специальные площадки для разжигания огней (рис. 9, 3), и двумя рвами с полыми стенками (рис. 7, 2). Между валами выделяются горизонтальные площадки, на которых стояли наземные длинные дома (длиной до 25 м при ширине 4 м). От них сохранился культурный слой толщиной 20 см, насыщенный кусками от глиняной обмазки деревянных стен домов, обломками посуды IX–X вв., расколотыми костями животных. В центре городища стояла грубо обработанная четырехгранная стела, которая, вероятно, служила объектом поклонения и была сброшена в ров при уничтожении городища. На городище вытекает источник чистой воды, что также характерно для святилищ. Центральная площадка городища Бабин занимает самую высокую точку каменистого останца над Днестром и от нее во все стороны начинаются крутые склоны (рис. 7, 1). По склону вырыты два дугообразных рва, выбросы из которых образуют внешние валики-эскарпы. Городище Кулишевка расположено на высоком мысу правого берега Днестра (рис. 7, 3; 8, 1). Маленькая площадка городища ограничена с напольной стороны пятью валами, сооруженными в разное время. Два внешних вала относятся к скифскому времени и окружали древнее убежище. Первый вал непосредственно около центральной площадки был насыпан в X–XI вв. и достроен в XII в., когда был сооружен и второй вал. На плоских вершинах внутренних валов находились каменные вымостки, слои сильно переженной глины, угли, кальцинированные косточки, обломки посуды – остатки долго горевших огней и жертвоприношений. Плоское дно неглубоких рвов вымощено каменными плитками и также носит следы огня (рис. 9, 1).

На Смоленщине болотные городища-святилища обследованы А.Н. Лявданским, В.В. Седовым, П.Н. Третьяковым и Е.А. Шмидтом, но раскопки проведены лишь на трех городищах (Красногорском, Асташковском и Шапыревском). Площадки этих городищ круглой или овальной формы и очень маленькие, даже меньше, чем было отмечено А.Н. Лявданским, так как он не выделял на городищах внутренний расползшийся вал, поэтому считал площадки городищ «вогнутыми». Так, на городище Шапырево диаметры площадки оказались не 14,5 x 20,5 м, как считал А.Н. Лявданский, а всего лишь 9 x 14 м (Шмидт Е.А., 1983, с. 97). На городище Красные Горы А.Н. Лявданский провел подчистку на месте не замеченного им внутреннего вала, наличие которого отмечает Е.А. Шмидт (1976, с. 142), поэтому площадка городища показалась А.Н. Лявданскому вогнутой и искусственно насыпанной из принесенной земли (1924, с. 179; 1926, с. 266). Под насыпью вала на этом городище (на глубине 1–1,5 м) находилась каменная кладка

со следами огня, а на верху вала лежали остатки обгоревших бревен, что хорошо видно в профиле (Лявданский А.Н., 1926, рис. 54). По-видимому, на валу горел огонь, что обычно для городищ-святилищ. Каменная кладка обнаружена под валом городища Кушляншина, а следы огня и обожженная глина – в валах городищ Буловцы, Зяхино, Никульчино.

Обращает на себя внимание, что у городищ Никульчино, Петрово и Красногорье внешний вал отстоит от площадки на 10–18 м, при этом у последнего городища этот промежуток «имеет вид как бы небольшого дворика, на котором следов рва не заметно» (Лявданский А.Н., 1924, с. 172). Вполне возможно, здесь находились длинные наземные дома такого же типа, как на городищах-святилищах Прикарпатья – например, в Ржавинцах.

На частично раскопанном городище Асташково присутствуют все признаки святилища: на его маленькой округлой площадке нет культурного слоя, оно окружено низким валом, широким и мелким рвом, по окружности вдоль вала горели огни, а край площадки сильно прокален (Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 124–125). Такие же признаки наблюдаются на городище Шапырево. Его ров шириной 4 м имел глубину всего лишь 40 см, на его дне лежали камни со следами огня, зола, уголь, в заполнении рва видно зольно-угольные прослойки от неоднократно разжигавшегося здесь огня. Центральная часть площадки этого городища ограничена столбовыми ямами, образующими круг диаметром 8–9 м, и параллельно ему под валом проходили две круговых канавки (Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 37–38; 125–129). Возможно, городище перестраивалось, так как около канавок под валом найдена керамика IX–X вв., тогда как в слое вала есть черепки XII–XIII вв. Может быть, сначала святилище не имело вала, а было ограждено лишь концентрическими канавками, как это имело место на многих площадках-капищах.

К святилищам, может быть, относятся городища, обследованные В.В. Седовым в Псковской области у сел Кирово и Крылово. Их площадки без культурного слоя имеют овальную форму, но довольно большие по площади. Вплоть до начала XX в. на них весной и осенью устраивали праздники и игры (1971, с. 19–20).

К малым городищам-святилищам, возможно, принадлежат и некоторые памятники Белоруссии. На маленьком городище Верховляны внутренний ров расположен между площадкой и валом, на дне рва обнаружена каменная вымостка, уголь и фрагменты ранней гончарной посуды. Круглая площадка городища Бабка понижается к краям и окружена прерывистым ровиком с отдельными корытовидными

ямами, заполненными углем и обломками посуды VIII–X вв. В центре площадки находилась большая столбовая яма (для идола?), окруженная полукругом меньших ям (рис. 10, 1). Огонь разжигали около центральной ямы, на валу и во рву, в заполнении которого прослеживаются прослойки угля. На валу было помещено ритуальное захоронение – поставлен горшок с пережженными костями. Такую же выпуклую площадку, вершина которой поднимается выше кольцевого вала, имело городище Хотомель. Площадка окружена таким же, как в Бабке, прерывистым внутренним ровиком с углистым заполнением, подножие вала сильно обожжено. Такое очищение подножия вала наблюдается на многих городищах-святилищах. Оба городища, Бабка и Хотомель, имели довольно большие размеры (диаметры их 30–40 м) и одновременно могли служить убежищами в случае опасности для окрестного населения. В поздний период, в VIII–X вв., на городище Хотомель вдоль вала был построен длинный общественный дом, от которого сохранился слой пожарища и многочисленные вещи. Наличие длинных домов, примыкавших к внутренней стороне вала, характерно для городищ-убежищ (Тимощук Б.А., 1989а).

К типу малых городищ-святилищ относится городище Говда на р. Збруч, входившее в состав крупного религиозного центра вместе с городищами Богит и Звенигород (рис. 11). Небольшая овальная площадка этого городища имеет большой склон к югу, к солнцу (перепад высот на ней 20 м) и была непригодна для жизни. Кольцевой вал городища несколько раз досыпали и покрывали каменной вымосткой. С южной стороны вдоль вала проходил внутренний ров, заполненный многочисленными прослойками угля, обожженной глины, перемежающимися слоями чистой глины. Заполнение рва насыщено обломками посуды и костями животных, найдены наконечники стрел (рис. 12, 6–14). В XI в. на городище был вырыт колодец, имевший, по-видимому, культовое значение. Это подтверждается тем, что городище не было заселено и перед колодцем была устроена жертвенная площадка, где многократно разжигался огонь, а после засыпки колодца в XII в. на его месте оставили жертвенную яму и рядом построили хлебную культовую печь.

К святилищу по ряду признаков могут быть причислены некоторые городища более сложной планировки. Так, городище Горбово на р. Прут состоит из круглой центральной площадки и примыкающих к ней двух дополнительных площадей, расположенных на крутом склоне. Все площадки окружены валами с остатками горевших на них огней, культурный слой на них отсутствует. На этом городище обращают на себя внимание две особенности: выделение на святилище отдельных частей, что наблюдается и на

крупных городищах-святилищах Аркона, Богит, Звенигород, Лысая Гора, а также расположение на склоне, обращенном к солнцу. Также на склоне находятся площадки городищ в Звенигороде, Говде, Рухотине.

От обычных городищ-святилищ отличается городище в Илиеве, хотя по основным признакам оно принадлежит именно к этому типу памятников (рис. 10, 3). Городище расположено на мысу высокого коренного берега и с напольной стороны ограничено двумя валами, не доходящими до края берега, как это бывает на святилищах (Кулишевка, Бабин, Звенигород), подножие вала обожжено, на его вершине и во рву сделаны вымостки из камней, на которых горели огни, с внутренней стороны вала проходил небольшой ровик с плоским дном (рис. 10, 5)), на площадке городища нет культурного слоя – все это типично для городищ-святилищ. Но размеры треугольной площадки городища значительно больше, чем у рядовых святилищ, кроме того, не вся площадка служила подножием идола – капищем, как это бывает на малых городищах, а для идола был насыпан специальный пьедестал – земляная насыпь, примыкающая с внутренней стороны к центру вала (рис. 10, 4). Насыпь и снивелированная часть вала образовывали почти квадратную площадку со сторонами 5 x 6 м, ориентированную углами по странам света. Площадка вымощена мелкими камнями и обожжена, склоны насыпи также покрыты каменной вымосткой и внизу окаймлены крупными каменными глыбами. На поверхности насыпи среди камней видны столбовые ямы и канавка от лежавшего здесь бревна. Перед капищем на площадке городища совершались какие-то обряды, от которых сохранилось несколько ям, очагов и каменных вымосток. Городище на основании находок керамики и бронзового перстня со щитком в виде розетки городище датируется XIII в. (рис. 12, 1). Возможно, именно этим поздним временем объясняется появление новой формы городища и особого капища на нем, что напоминает большие городища-святилища, существовавшие до XIII в., на площадках которых устраивались капища для идолов.

Небольшие городища-святилища были распространены и на землях западных славян. П. Гримм считает святилищами городища в Петербурге и Ландсберге, расположенные на вершинах высоких гор, их круглые площадки ограничены двумя рядами валов. В подножии вала и в верхней части его насыпи, а также на плоском дне рва в Ландсберге видны угольные прослойки (Grimm P., 1958, Fig. 23d). С городищами связаны легенды о происходивших на них жертвоприношениях, на городище Петербург в XII в. была построена церковь, что косвенно подтверждает нахождение здесь святилищ. По мнению И. Германна, культовое значение имело городище Тауфельсберг, площадка которо-

го диаметром 30 м занимала вершину конусовидного холма, по склону была окружена эскарпом, подножие холма ограничено двумя концентрическими валами и рвами. На краю площадки городища найдены большие камни, уголь, кости и зубы животных, обломки средневековой посуды (Herrmann J., 1960, S. 66, 196–197, Taf. 9e, 13a).

Возможно, такие городища имелись и на территории Польши. Так, например, городище Пустары около Колобжега, занимающее вершину холма и имеющее круглую площадку диаметром 7 м, на которой нет культурного слоя и которая окружена валом (Łosiński W., Olczak J., Suichiński K., 1971, S. 105–107), вполне могло быть святилищем, но имеющих данных для положительного утверждения этого недостаточного, нужны специальные полевые исследования.

В какой-то мере культовое значение могли иметь городища-убежища, где население искало защиту от врагов и обращалось за помощью к богам и предкам. В отличие от святилищ, городища-убежища были тщательно защищены оборонительными стенами и охранявшей их стражей, площадки этих городищ бывают очень большими (на городище Ревно ее размеры 400 x 1000 м), на них нет стационарных жилищ, но стояли длинные общественные дома, предназначенные для сборищ, празднеств и отправления некоторых культовых обрядов (Тимошук Б.А., 1989а, с. 15–20). Так же как и святилища, городища-убежища входили в состав общинных центров. Одно из таких убежищ описано Саксоном Грамматиком: «Город Кореница окружен со всех сторон болотом, сквозь которое проложен только один ход. Необитаемый во время мира, он был полон жилищ (во время войны) до такой степени, что камень, пущенный в город, не упал бы на голую землю» (Фамицын А.С., 1884, с. 24).

Убежища в славянских землях еще недостаточно исследованы, но на некоторых из них известны культовые объекты. Так, на огромном городище-убежище Ревно рядом с могильником находилась большая жертвенная яма, на городище Воргол помещалась жертвенная площадка или капище. В наборе найденных здесь вещей отразились все сферы человеческой деятельности – сельскохозяйственные работы, ремесло, скотоводство, рыболовство и приношения, связанные с военным делом, сохранностью и защитой своего мира (стрелы, замок), что было особенно важно на беспокойном лесостепном пограничье.

Совмещение функций убежищ и святилищ было, вероятно, повсеместным и бывает трудно определить назначение городищ, площадки которых несколько крупнее (диаметром 30–40 м), чем у миниатюрных святилищ, на которых просто никто не смог бы укрыться (диаметры 7–10 м). Городища средней величины (Хотомель, Бабка) могли в

случае опасности укрыть какую-то часть окрестного населения. Такие же размеры и планировку имело городище Головно, но оно было более сильно укреплено еще дополнительной деревянной стеной, на его площадке находился тонкий культурный слой. В то же время на городище найден обломок обгоревшего черепа человека, что связано скорее всего с каким-то ритуалом, совершавшимся на городище. Городища Зимно, Шелиги, по-видимому, совмещали основную роль убежищ с культовым назначением. Наиболее наглядно эти функции совмещены на балтских городищах Верхнего Поднепровья, где на городищах-убежищах типа Тушемли и Городка помещены культовые круги (Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 93–102).

Для сооружения городищ-святилищ требовалась определенная организация труда и гораздо больше усилий, чем при устройстве жертвенных ям и площадок-капищ, которыми могли пользоваться отдельные семьи или жители поселка. Время появления и существования городищ-святилищ – VIII–XI вв. – совпадает с периодом сложения и господства соседско-большесемейной общины, более многочисленной и обладающей лучше развитым производством и организацией, чем распространенные в предшествующий этап развития, в VI–VII вв., большесемейные общины, сил которых для строительства городищ-святилищ, вероятно, еще не хватало (Тимошук Б.А., 1990, с. 77). Городища-святилища входили в состав гнезд поселений и являлись религиозными центрами общин (Тимошук Б.А., 1990, с. 45–112), что хорошо видно на карте Северной Буковины (рис. 13, I). В состав каждого гнезда поселений входило или одно городище-святилище, или городище-убежище, так как в некоторой степени их функции совпадали.

Такая же картина расселения прослежена на Смоленщине (рис. 13, II), где в состав групп поселений, занимавших бассейны маленьких речек и разделенных водоразделами, входило по одному городищу-святилищу или убежищу (Седов В.В., 1960, с. 30–47, 126). Такой же характер заселенности в VII–X вв. выявлен на территории Польского Поморья, где выделяются скопления поселений с городищем в центре (Łosiński W., 1982, S. 186–194). Такая структура заселения территории соответствует сообщению Титмара Мерзебургского (начало XI в.): «Сколько в той стороне областей, столько там есть и храмов, и изображений отдельных демонов, которых почитают неверные» (Хрестоматия, 1961, с. 315).

Основная масса культовых сооружений славян – жертвенные ямы и площадки, капища, малые городища-святилища – имела круглую в плане форму, символ солнца, и в то же время отражала представление о мире – «круге земном». Этой идее круга противоречит сооруже-

ние, открытое в 1975 г. в Киеве на Старокиевской горе, которое в последнее время рассматривается в качестве святилища (Толочко П.П., Боровский Я.Е., 1979, с. 3–4; Боровский Я.Е., Моця А.П., 1990, с. 124; Козак Д.Н., Боровский Я.Е., 1990, с. 92–93). Здесь была раскопана прямоугольная канава и несколько ям, заполненные щебнем, обломками плитки и шифера, голосников, цемьянкой, кусками штукатурки с остатками фресковой росписи, то есть типичным строительным мусором – вероятно, от разрушенной церкви. Считать эту канаву остатками капища, а тем более фундаментами языческого храма нет оснований. Конечно, еще могут быть сделаны самые неожиданные открытия и со временем станут известны новые типы культовых построек, но пока открытие в Киеве не имеет аналогий и противоречит всем данным об известных языческих святилищах.

Храмы

Вопрос о славянских языческих храмах довольно спорен. Считается, что они были известны только западным славянам и традиция их сооружения идет от кельтов (Herrmann J., 1978, S. 19–26). Красочные описания храмов северо-западных славян содержатся в немецких источниках XI–XII вв. и археологами раскопано два деревянных храма в Гросс Радене и Фельдберге. Есть краткие упоминания о храмах и у восточных славян. В слове монаха Иакова «Память и похвала св. Владимиру» говорится, что он «разруши храмы идольския со лжеименными боги» (Голубинский Е., 1901, с. 241). Олав Тригвесон сопровождал князя Владимира до дверей храма и ждал, пока князь приносил жертвы (Фамицын А.С., 1884, с. 37). В последние годы остатки языческих храмов открыты в западных областях Украины на святилищах Зеленая Липа, Рудники и Звенигород.

Собственно храмами, в противоположность открытым капищам, можно считать закрытые помещения, в которых стояли идолы. Иногда в качестве храмов рассматриваются дома-контини в Щетине, описанные в Житии Оттона Бамбергского. Контини были нескольких типов: в одних устраивали пиры и сходки, совершали гадания, в других хранили богатства общины и святилищ. Есть данные о том, что в них стояли идолы. Храмом можно считать только контини, где стояли идолы: в Щетине контина, «бывшая главнейшей, выделялась украшениями и удивительной искусностью постройки; она имела скульптурные украшения как снаружи, так и внутри. Изображения людей, птиц и животных были сделаны так естественно, что казалось, будто они

живут и дышат... Там же было трехглавое изображение божества, которое имело на одном туловище три головы и называлось Триглавом» (Житие Оттона, Хрестоматия, 1961, с. 316). Саксон Грамматик описал храм в Арконе: «Забор, окружавший здание, украшен был кругом искусно вырезанными фигурами, покрытыми однако же грубой и безобразной раскраской. Только один вход был в нем к храму. Самый храм был обведен двойной оградой, из которых внешняя состояла из толстых стен, покрытых красною кровлею, а внутренняя из четырех колонн отделена от остальной части храма вместо стен повешенными богатыми коврами, которые опускались до земли и соединялись только с поперечными балками и кровлей» (Срезневский И.И., 1846, с. 46–47). В храме стоял большой, превосходящий рост человека кумир с четырьмя головами на стольких же шеях.

Деревянный храм, подобный описанным, раскопан около Гросс Радена в Германии. Стены прямоугольного храма были сделаны из вертикально стоявших плах и обшиты снаружи досками, каждая из которых заканчивалась резной схематичной головкой. Здание окружено оградой из столбов. Около здания найдены череп зубра, шесть черепов коней, глиняный кубок, два наконечника копий и обломки посуды второй половины IX–X вв. Здание было повреждено в средней части, и ни идола, ни места, где он стоял, найти не удалось. Конструкция постройки и ее детали соответствуют описаниям храмов, расположенных в стороне от жилой застройки и к ней вела мощеная дорога, что характерно для культовых сооружений, тогда как общественные дома-континты обычно находятся на самих поселениях.

Остатки второго храма открыты около Фельдберга в Германии. Храм расположен на вершине мыса и отделен от плато и обитаемого городища культовым рвом, имевшим плоское дно. Здесь сохранились фундаменты прямоугольного здания, разделенного поперечной стеной на две части. В центре помещения находилась большая яма с углем (для идола?). По керамике и радиоуглеродному анализу храм датируется X в.

Подобные постройки открыты в Прикарпатье. Одна из них находилась на городище-святилище Звенигород на Збруче и в ней стоял каменный идол. Ее можно считать маленьким храмом. Остатки второго храма обнаружены около с. Зеленая Липа на Днестре. Здесь, на самой вершине окруженного болотами и ручьями останца с крутыми склонами, стояла постройка квадратной формы (ее часть уничтожена военным окопом), ориентированная по странам света. У нее были двойные стены из параллельно лежащих бревен, обмазанных глиной (рис. 14). Почти в центре постройки находилась глубокая яма с обожженными стенками и следами вертикально стоявшего в ней столба,

укрепленного камнями (рис. 14, 2, 4). Столб был внушительных размеров и, вероятно, являлся основанием идола. Перед ним в плоской круглой яме лежал мужской костяк, ориентированный головой на запад, и рядом с ним большой плоский камень. По керамике храм может быть датирован XI–XII вв. По склону останца кругом храма в круглых ямах периодически разжигали огни. В западной стороне останца в твердой скале выбит культовый колодец глубиной 14,5 м (рис. 14, 5). Для его сооружения потребовалось очень много усилий, но практического значения он иметь не мог, так как не доходил до воды. К тому же вода кругом холма имеется в избытке. На останце и в его окрестностях никто не жил, здесь нет ни культурного слоя, ни построек. Оборонительные сооружения на останце тоже отсутствуют, его защитой могли быть только уединенность и укромность этого места.

Следы третьего храма обнаружены у с. Рудники на славянском святилище X–XIII вв., расположенном на месте городища раннего железного века (рис. 14, 5). Поверхность городища неровная, изрезана рвами и ямами, на ней выделяются конусовидные останцы, на вершине одного из которых стояла деревянная постройка такого же типа, как в Зеленой Липе. От постройки сохранился слой глиняной обмазки с отпечатками бревен. Культовый характер постройки подтверждается, во-первых, тем, что останец, на котором она находилась, окружен культовым рвом с плоским дном, на котором многократно разжигали огонь, а ров время от времени присыпали глиной и делали в нем каменные вымостки (рис. 14, 6). Во-вторых, на площадке городища нет жилого слоя древнерусского времени, в-третьих, на террасе, образованной на склоне городища, был расположен длинный общественный дом, что характерно для религиозных центров.

Как славянские языческие храмы иногда рассматриваются культовые сооружения, раскопанные в разных частях славянской земли. Так, около Птуи в Югославии раскопана прямоугольная постройка, в которую вписан меньший квадрат (Когоšec J., 1948, S. 5–42). На реконструкцию этой постройки повлияли данные о раскопках К. Шухгардта в Арконе, но по своей конструкции она ближе протоболгарским храмам в Болгарии и культовым постройкам на Маяцком городище (Aladžow Z.T., 1985, S. 73–76; Винников А.З., Афанасьев Г.В., 1991, с. 118–135). Также сомнительно сопоставление со славянскими храмами открытого в Микульчицах сооружения VIII в. (Klanica Z., 1985, S. 474–488). Эта большая прямоугольная ограда из столбов с очагами и тремя скелетами лошадей внутри больше напоминает святилища тюркоязычных народов, например, на Тигашевском городище (Федоров-Давыдов Г.А., 1962, с. 52–54), чем славянские храмы.

Крупные культовые центры

Помимо культовых сооружений, обслуживавших отдельные общины, в разных частях славянской земли известны крупные языческие центры, куда во время праздников собирались массы народа с большой округи. Такие центры в области северо-западных славян описаны в немецких источниках и обследованы археологами в нескольких местах. На землях восточных славян языческие центры в Киеве и под Новгородом упомянуты в летописях, исследованы в Перыни и на Збруче в Галицкой земле. По имеющимся данным, большие святилища возникали около городов – центров широкой округи и создавались в глухих местах, часто в горах, покрытых лесом, как это было в Силезии, в горах Свентокжицких, на Плоцкой возвышенности, в Медоборах на Збруче.

В состав культовых центров часто входило несколько святилищ, среди которых были большие городища, имевшие сложную планировку и разделенные на разные по значению части. Большие городища-святилища включают в себя как составные элементы все типы известных культовых памятников: жертвенные ямы и площадки, круглые капища, ограниченные рвом, валом или рядом камней, храмовые постройки, где стояли идолы, каменные вымостки и жертвенники из камней. Как обычно для всех святилищ, они были ограждены от злых сил культовыми валами и рвами, на них также широко применялся огонь. В отличие от рядовых городищ здесь встречаются многочисленные остатки жертвоприношений.

Верховному «богу всех богов» Святовиту было посвящено святилище Аркона на острове Рюген в северной Германии. По описанию Саксона Грамматика, «город Аркона лежит на вершине высокой горы. С севера, востока и юга огражден природной защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей. Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм» (Фамицын А.С., 1884, с. 23). Святилище было разрушено датчанами в 1168 г.

Городище Аркона вполне соответствует этому описанию. В настоящее время мыс, на котором расположено городище, в значительной мере размыт морем, и сохранившаяся часть городища имеет длину 160 м, тогда как его первоначальная длина могла достигать 300–350 м. С западной, напольной стороны городище ограничено высоким валом, глубоким внешним и мелким внутренним рвами, имеющими плоское дно (рис. 15). Вал досыпали три раза и в его насыпи встречаются прослойки обожженной глины, угля, вершина вала покрыта

каменной вымосткой, как на многих святилищах. Городище делится на две части внутренним валом и рвом, которые отделяли самую священную мысовую оконечность городища, где должен был стоять храм. Эта часть полностью уничтожена морем. На площадке между валами при многолетних раскопках были обнаружены углубления длиной 4–6 м, полностью не расчищенные, и найдены скопления вещей IX–X и XI–XII вв. (рис. 15, 2). В одной из траншей выявлена каменная вымостка шириной 1,5 м, под которой в яме лежали 8–11 мужских черепов, частично поврежденных, кости животных, наконечники стрел, нож, бусины, обломки посуды X–XI вв. В другом углублении оказались остатки ларца (железные оковки, гвозди) и в нем разнообразные вещи: крестовидная подвеска, три топора, девять ножей, серп, кресало, наконечник копья, кинжал, обломки металлических котлов. В разных местах на городище лежали: обломок меча, наконечники копья и стрел, умбон щита, пластинки от панциря, шпоры, поясные бляшки, части весов, гребень, браслет, скребло, жернов, гвозди. Везде в большом количестве встречены обломки посуды. Среди большого числа костей отмечены остатки домашних и диких животных (крупный рогатый скот, лошадь, свинья, коза, олень, собака) и человека. Кости домашних животных принадлежали молодым особям, вероятно, убитым осенью во время праздников урожая.

Состав жертвенных предметов на Арконе – оружие, снаряжение всадника, орудия труда, украшения, бытовые предметы, а также кости животных и человека – полностью повторяется на городище-святилище Звенигород, но здесь гораздо четче выяснена планировка святилища и открыты многочисленные углубленные в землю культовые сооружения с жертвенными дарами.

Около Арконы, как и у многих святилищ, имелся источник чистой воды, к нему по склону была проложена дорожка. В окрестностях Арконы находилось 14 поселений, большой курганный могильник, а в 12 км от городища был расположен важный порт Ральсвек, осуществлявший торговые связи с Данией, Швецией, Польшей, Русью.

Долго существовал большой культовый центр в Силезии. Здесь на самой высокой горе Шлонжа и на соседних с ней холмах Радуня и Костюшко, поднимающихся над силезской низиной, находятся «каменные круги» – валы, сложенные из камней и проходящие по вершинам и склонам гор. Наиболее знаменита гора Шлонжа из-за многочисленных стоящих на ней каменных фигур: медведь, кабан, «сфинкс», голова льва, фигура с рыбой в руках, на некоторых из них выбит знак креста. Этим изображениям посвящена большая литература, идет спор об их принадлежности кельтам или средневековой.

Можно отметить, что эти объемные скульптуры существенно отличаются от известных у славян каменных стел. Об этой горе Титмар Мерзенбургский писал в XI в., что она почиталась из-за своей величины и на ней совершали жертвоприношения. В XIII в. на горе была построена церковь.

Исследования на горе Шлонжа проводились в течение долгого времени, начиная с конца XIX в. В результате было выяснено, что на вершине горы размерами 60 x 120 м нет культурного слоя и никаких построек. Окружающие ее валы, сложенные из крупных и мелких камней без связующего материала, лежат на тонком слое лужицкой культуры (середина I тысячелетия до н.э.). В верхней части вала камни обожжены, как это обычно на святилищах, и здесь найдены обломки посуды X–XIII вв. и довольно много вещей: оружие и снаряжение всадника (наконечники стрел, шпоры, удила), орудия сельского хозяйства (наральник, ботало), бытовые вещи (пряжки, пряслице, замок). О городищах на горах Радуня и Костюшко сведений получено еще меньше, валы на них, по-видимому, тоже были построены во времена лужицкой культуры.

Целый ряд особенностей – расположение городища на высокой горе Шлонжа, господствующей над местностью, использование валов более раннего времени, выступающие на горе скалы, поверхность, покрытая камнями и в настоящее время заросшая лесом, непригодность верхней площадки горы для постоянного проживания, жертвоприношения, совершаемые на вершине валов, концентрация у подножия горы синхронных поселений – всё это характерно для других языческих центров, таких как Лысая Гора и Добжешуво в горах Свентокжичских, Богит и Звенигород на Збруче в Медоборах.

Городище Лысая Гора во многом напоминает Шлонжу. Оно также расположено на самом высоком холме Свентокжичских гор, его неровная поверхность покрыта выходами камня и непригодна для жилья. Площадка городища, заросшая лесом, имеет эллипсовидную форму и окружена валом, идущим по склону, местами прерывающимся и явно не имевшим оборонительного значения. Вал сложен из камней, вершина его плоская, на ней прослеживаются следы огня. Культовое значение городища подтверждается находкой у его подножия каменного идола, упоминанием в письменных источниках святилища на горе, легендами об языческих праздниках, постройкой в 1166 г. церкви св. Троицы (Gařowski E., J., 1970, s. 24). По находкам керамики городище на Лысой Горе датируется XI–XII вв.

В Свентокжичских горах существовал целый комплекс языческих святилищ. В 35 км от Лысой Горы находится городище на Горе Гродовой, также поросшей лесом. Ее площадка окружена тремя концентриче-

скими валами, сложенными из камней, культурный слой отсутствует. Наверху горы построена часовня, а по ее склону расположены селища IX–XI вв. Возможно, к такому же типу городищ относятся каменные валы на горах Столовая и Синевска (Gařowska E., 1979, S. 122).

Самым интересным здесь является городище Добжешуво, расположенное на западной оконечности Лысогорского хребта. Городище исследовалось на протяжении нескольких лет, но результаты раскопок полностью не опубликованы. Городище, как и остальные «горные» святилища, занимает высокий мыс с крутыми склонами и обрывами кругом. Его овальная площадка 40 x 80 м окружена тремя каменными валами (рис. 10, 2). Поверхность валов обожжена, у первого вала в основном сверху и по внутреннему склону, у второго и третьего валов по наружным склонам. В центре площадки на большом круглом камне выбиты солярные знаки – круг и полукружия. На валах к западу, югу и северу от центрального камня также положены большие камни. На площадке видны каменные конструкции в виде ящиков – жертвенники, каменный фундамент для «центрального алтаря», жертвенный камень с выбитым на нем желобком и следами от ударов топора, стелы и менгиры. По радиоуглеродному анализу угля с первого вала получена дата – 795 г., окружающие городище поселения датируются VIII–X вв. По своему плану, каменным валам и жертвенникам, каменным вымосткам городище в Добжешуве очень близко святилищу на Бегите, входившему в состав крупного культового центра, расположенного на возвышенности Медоборы. Напоминает эти городища и святилище в Радзикове, находящееся на взгорье Плоцкой возвышенности в Польше. Раскопки на нем ведутся уже много лет, но пока известны лишь краткие информации о них. Овальная площадка городища 40 x 60 м окружена валом и узким рвом с каменной вымосткой на дне. Открыты прямоугольные жертвенные ямы, многоразового использования, заполненные несколькими рядами камней, такого же типа, как на святилище в Звенигороде (табл. 1).

Важнейший культовый центр находился в Перьни под Новгородом, где в 980 г. был поставлен идол и «жряхуть ему люде новгородьстии аки богу» (ПСРЛ, т. 2, стб. 67). Идол Перуна в 988 или, по другим сведениям, в 991 г. был срублен и брошен в Волхов (ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 207; ПСРЛ, т. 30, с. 38). При раскопках здесь открыты остатки трех капищ, расположенных в ряд с юго-запада к северу-востоку (рис. 6, 6). Капища частично испорчены позднейшей застройкой. Хорошо реконструируется только одно из них, центральное. Оно представляло собой круглую площадку, в центре которой сохранилась яма с остатками вертикально стоявшего столба – идола. Площадка окружена широким рвом,

имевшим восемь симметрично расположенных выступов. От второго капища прослежена лишь часть рва, ограждавшего центральную площадку. Третье капище реконструируется предположительно по составу почвы в небольшом раскопе, заложенном внутри церкви. В плане все три сооружения собственно такие же, как рядовые капища, известные в разных местах славянского мира. В отличие от рядовых святилищ, в Перыни находилось по крайней мере три капища, устроенных для разных богов. Выделяется перыньское святилище большими размерами площадок и восьмью выступами у одного из рвов. Восемь выступов-углублений окружают капище на святилище Богит. Время существования святилища в Перыни определяется по находкам гончарной керамики X в. и совпадает с данными летописи о возведении и разрушении святилища под Новгородом. Остатков жертвоприношений в Перыни не встречено. Интересна только находка наконечника кремневой «перуновой» стрелы (такие стрелки известны на святилищах в Шумске и Радзикове). Дары могли не класть на капищах непосредственно перед идолом, как это наблюдается и в других местах. Кроме того, святилище было преднамеренно уничтожено, перекопано и засыпано песком.

Крупным культовым центром до принятия христианства, несомненно, был Киев. Еще при князе Игоре идола стояли за пределами города: Игорь «приде на холмы кде стояше Перун и покладоша оружья своя и щиты, и золото» (ПСРЛ, т. 2, стб. 42). В 980 г. князь Владимир Святославич «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна деревяна, а голова его серебряна, а оус золот; и Хорьса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь» (ПСРЛ, т. 2, стб. 67). Каждый из этих богов должен был иметь свой пьедестал – капище. Это центральное святилище Киева пока не найдено.

* * *

По современным археологическим данным, существенных различий в распространении всех видов и типов культовых памятников на землях восточных и западных славян не наблюдается. Можно констатировать только их большее или меньшее присутствие в разных областях, что скорее всего связано со степенью и целенаправленностью исследований и, конечно, с разной исторической обстановкой, складывающейся около городских центров и на периферии. Можно отметить, что в западнославянских землях с более раннего времени известны деревянные идолы, а деревянные храмы появились уже в IX в. В остальном время существования культовых сооружений совпадает (табл. 2).

Таблица 1

Основные данные о городищах-святилищах

Городища	Признаки														Время, вв.		
	На горах	Среди болот	Нет культур-ного слоя	Огни на валах и рвах	Круглые капища	Общественные дома	Находки идолов	Котлодец	Источник	Жервенные ямы	Жервенные ямочки	Каменные жертвенники	Храм	Человеческие жертвы		Жервенные вени	Сарапная и общественные части
Большие																	
Богит	•		•	•	•	•		•			•	•		•		•	X / XI - сер. XIII
Звенигород	•		•	•	•	•	•			•	•	•	•	•	•	•	X / XI - сер. XIII
Аркона	•		•	•			•						•	•	•	•	IX-XII
Шлонжа	•		•	•											•		X-XIII
Лысая Гора	•		•	•			•										X-XII
Добжешуво			•	•								•					VIII-X
Радзиково	•			•							•						VII-XIV
Малые																	
Горбово	•		•	•	•												IX-X
Говда	•			•				•			•						XI-XIII
Бабин	•		•	•	•				•								IX-X
Дембино	•			•	•												IX-X
Кулишевка	•		•	•	•	•											X-XIII
Ржавинцы	•		•	•	•	•	•		•								IX-X
Верхоляны				•	•												IX-X
Красногорье		•	•	•	•	?											X-XIII
Кушлянищина		•	•		•	?											VIII-XI
Петрово		•	•	•	•	?											IX-XI
Шапырево		•	•	•	•												IX-XIII

Таблица 2

Хронология культовых памятников

Культовые памятники	Века							
	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Крупные городища-святилища				•	•	•	•	•
Храмы				•	•	•	•	•
Идолы				•	•	•	•	•
Малые городища-святилища			•	•	•	•	•	•
Площадки-капища			•	•	•	•	•	•
Городища-убежища с культовыми сооружениями		•	•	•	•			
Жертвенные площадки		•	•	•	•	•	•	•
Жертвенные ямы	•	•	•	•	•	•	•	•

Существенные изменения в характере культовых объектов происходят приблизительно в VIII-IX вв. В это время, помимо культовых ям, известных на славянских памятниках с VI в. и городищ-убежищ, появившихся в VII в., выполнявших отчасти и культовые функции, появляются новые типы культовых объектов. Их особенностью являлось, во-первых, то, что они специально устроены для религиозных целей и использовались многократно (площадки-капища, малые городища-святилища, храмы). Во-вторых, на этих объектах стояли идолы, сведений о которых для более раннего времени почти нет. В это время происходила персонификация богов, что было связано с новым уровнем развития языческой идеологии. В-третьих, новые культовые сооружения предназначались для обслуживания довольно больших округов – общин, что требовало и специальной организации религиозной жизни и появления служителей культа. Эти изменения были связаны с наблюдавшимся в конце I тысячелетия подъемом хозяйства и развитием общественной жизни населения, созданием новых поселенческих структур и в целом более высоким уровнем организации общества. Небольшие общинные святилища в некоторых местностях продолжали существовать до XII-XIII вв. и заглохли постепенно, хотя воспоминания о стоявших на них богах и легенды, с ними связанные, сохранялись еще очень долго.

Почти одновременно с образованием государства около Киева и Новгорода возникли крупные языческие центры, которые после принятия христианства были уничтожены. Но в глухих местах, в горах и лесах, культовые центры продолжали существовать в XII–XIII вв. Ренессанс язычества и усиление его роли были вызваны общественной и политической борьбой, что особенно наглядно проявилось на землях северо-западных славян, боровшихся с немецкой агрессией и с христианизацией.

II. Лычыеский цетр на реке Збруч

Збручский идол был найден в 1848 г. в р. Збруч ниже по течению от горы Соколихи и выше Девич поля, на землях с. Лычковцы в 18 км от г. Гусятин (теперь районный центр Тернопольской области). Вскоре окрестности находки (рис. 16) были осмотрены местным любителем древностей М. Потоцким и приехавшим сюда членом Краковского общества науки Ф. Жебравским, которые пришли к выводу, что идол мог стоять на горе Богит, где сохранились каменные валы и где они увидели «квадратный каменный фундамент». Ими был сделан схематический рисунок местности (Leńczyk G., 1964, S. 5–58). В 1880 г. берега Збруча в районе находки идола осмотрел А.Г. Киркор, которого заинтересовала скалистая гора Соколиха, городище Звенигород около с. Крутилов и Бабина долина, где, по преданию, стояла каменная баба, разбитая жителями для строительного материала. Но в основном А.Г. Киркор занимался исследованиями курганов (Kirkor A.H., 1876, S. 65–85). Несмотря на большой интерес, вызываемый до сих пор Збручским идиолом, и множество спорных вопросов, с ним связанных, за последующие более чем 100 лет сколько-нибудь серьезных археологических работ в этой местности не проводилось.

Целенаправленные исследования были начаты в 1984 г. Прикарпатской экспедицией Института археологии РАН, задачей которой являлось сплошное обследование местности, выявление и изучение здесь культовых памятников. В предшествующие годы экспедиция проводила работы на городищах-святилищах, расположенных по берегам рек Днестра и Прута в пределах Черновицкой и Ивано-Франковской областей Украины, в результате чего были выявлены основные признаки таких городищ (Тимошук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 161–173). Этот опыт помог получить максимум сведений о городищах-святилищах на Збруче при наименьшем повреждении памятников.

Экспедицией обследованы и частично раскопаны три городища-святилища на правом берегу р. Збруч – городище в урочище Богит (1984 г.), расположенное в 5 км от с. Городница; городище Звенигород (1985, 1987–1988 гг.), находящееся в 1 км вниз по течению реки от с. Крутилов; городище Говда (1988, 1989 гг.) в 3 км от с. Крутилов. Исследовали также селища, окружающие эти городища. По обоим берегам р. Збруч и его притока р. Гнилой проведены сплошные раз-

ведки (ими руководили И.О. Гавритухин и С.В. Пивоваров). При разведках обнаружены памятники трипольской культуры, эпохи бронзы, раннего железа, раннеславянские и древнерусские поселения. По Збручу древнерусские памятники концентрируются отдельными группами возле трех городищ-святилищ на правом берегу реки и около городища Замчисько у с. Иванковцы на его левом берегу (рис. 16). На р. Гнилой и ее притоке р. Тайне, имеющих более пологие и открытые берега, древнерусские поселения располагаются равномерно. Наиболее крупные раскопки проведены на поселении Бабина долина около городища Звенигород, где работы вел Тернопольский краеведческий музей под руководством М.А. Ягодинской.

Збручские городища-святилища находятся на земле древней Подолии, занимавшей бассейн верховьев Южного Буга и левобережную часть бассейна Днестра. Здесь проходит Волыно-Подольская возвышенность, приближающаяся на юго-западе к отрогам Карпат. Известняковые холмы этой возвышенности образуют несколько гряд. Одна из таких гряд, называемая Подольскими Татрами, тянется с северо-запада к юго-востоку на протяжении 200 км при ширине 10–12 км. Высота холмов достигает 440 м над уровнем моря, над окрестностями холмы возвышаются на 50–60 м, а наиболее высокие из них поднимаются на 100–200 м (Денисик Г.И., 1987, с. 434–436).

Збруч, левый приток Днестра, течет с севера на юг (его протяженность 244 км) и в среднем своем течении, пересекая Подольские Толтры, имеет узкую долину в виде каньона, ограниченного высокими холмами. Здесь берега реки на протяжении 15 км покрыты старыми лиственными лесами, состоящими в основном из граба и дуба. В настоящее время лесистая местность между Збручем и его притоком р. Гнилой не заселена и почти лишена проезжих дорог. Эти красивые холмистые и лесные места носят название «Медоборы» и считаются заповедником.

Городища-святилища языческого центра на Збруче находятся на холмах, расположенных в нескольких километрах друг от друга. Первое из них занимает вершину горы Богит, самой высокой в Медоборах – 428 м над уровнем моря и 150–200 м над окружающей местностью. Гора круто поднимается над прилегающей равниной и далеко видна. Она отстоит от Збруча на 1,5 км и по направлению к реке местность постепенно понижается.

Второе городище-святилище, Звенигород, устроено на склоне высокого плато над самым берегом Збруча и удалено от Богита по прямой на 5 км. Третье городище-святилище расположено на отроге горы Говда (урочище Касарня) над самым Збручем. Оно удалено от

городища Звенигород вниз по реке на 2 км и находится собственно между городищами Богит и Звенигород. Располагаясь на возвышенностях или на склонах, городища-святилища находятся в окружении синхронных им древнерусских селищ, то есть они являются частью определенных поселенческих структур.

Городище-святилище Богит

Городище занимает оконечность хребта и его склоны круто спускаются к северу, югу и западу, только с востока холм городища связан перешейком с хребтом (рис. 17). Основа горы, как и все холмы Медобор, состоит из известняка и местами покрыта суглинком толщиной до 20 см, его мощность возрастает только на склонах. Поверхность горы усеяна камнями, а северный и частично южный склоны ограничены скалистыми обрывами. Гора поросла лиственным лесом и на ней почти нет поздних повреждений, кроме нескольких ям, вырытых во время первой мировой войны (рис. 18).

Благодаря каменистому грунту и отсутствию позднейшего заселения на поверхности можно видеть следы бывших на городище сооружений. Хорошо сохранились валы, видны западины от углубленных построек, ровные горизонтальные площадки от наземных сооружений, выкладки из камней. Между этими объектами культурного слоя на площадке городища нет и сразу под дерном выступают камни, скала и мелкая каменная крошка.

Поверхность городища Богит покрыта деревьями, что препятствует раскопкам на большой площади. Стремясь по возможности к сохранению городища и его объектов, Прикарпатская экспедиция провела работы с определенными и строго ограниченными целями. Во-первых, был снят инструментальный план городища со всеми видимыми на его поверхности объектами. Во-вторых, были изучены валы и рвы городища, для чего были сделаны их разрезы в основном там, где есть поздние повреждения. В-третьих, были расчищены возвышающиеся на поверхности каменные сооружения, но сами сооружения оставлены нетронутыми. В-четвертых, заложены небольшие раскопки и траншеи на месте горизонтальных площадок и выяснено, что они являются остатками наземных длинных домов. В-пятых, раскопаны три западины и установлено, что на их месте находились углубленные в землю жилища. Кроме того, за пределами основной части городища на участке, ограниченном северным земляным валом, раскопан курган и заложены траншеи, в которых обнаружены два грунтовых захоронения и ос-

татки жилищ на поселении. Сделаны также планы окружающих городище поселений, на которых сохранились западины от жилищ.

Городище Богит представляет собой сложное в плане сооружение. Главный вал, идущий по периметру холма и в восточной части спускающийся по его склону, окружает всю площадку городища. Два поперечных дугообразных вала (2 и 3) делят площадку на части. Отдельный ров, вырытый на склоне холма, ограничивает всё городище и примыкающую к нему с востока перед въездом площадку. По ого-западному склону холма проходит еще дополнительный эскарп. Земляной вал (4), спускающийся ю северному склону городищенского холма (перепад высот вдоль него 54 м), обособляет отдельный участок (рис. 17; 19). Функции всех выделяющихся участков городища оказались различными.

Въезд на площадку городища, окруженную главным валом, находится с восточной стороны. В этом месте в валу имеется проход и здесь же в обрывистом склоне холма выступает материковая скала шириной 2 м, по которой проходила дорога (рис. 18). К въезду во время Первой мировой войны был устроен проезд в виде земляного пандуса.

Главный каменный вал, окружающий вершину холма, охватывает и часть каменистого склона, из-за чего его уровень понижается с запада на восток на 6–7 м. Вал сложен из камней без связующего раствора. Основу его конструкции составляют большие каменные глыбы, заброшенные сверху камнями меньшего размера. Поверхность вала неровная с выступающими камнями и лишь в западной части на его вершине сделана горизонтальная площадка с обожженной поверхностью, на которой лежат обломки древнерусской посуды. Вал невысокий и поднимается над площадкой городища на 1 м, только в восточной части, где он проходит по склону, высота вала достигает 2 м при ширине 9–10 м (рис. 20, 2). На материке в основании вала прослеживается темная прослойка земли толщиной до 10 см, которая содержит обломки глиняной посуды скифского времени, что указывает на период возведения вала.

Поперечный вал 2 очень низкий, расплывшийся (его высота 0,5–0,7 м), едва заметен на поверхности. Он также сложен из камней – двух параллельных рядов каменных глыб, засыпанных мелким булыжником. Под его насыпью на материке найдено несколько черепков скифского времени. Вероятно, этот вал был сооружен одновременно с главным валом городища. В древнерусское время он, по-видимому, никакой роли уже не играл, перестроек в его насыпи не заметно (рис. 20, 3).

Второй поперечный вал (3) ограничивает самую западную мысовую часть городища (рис. 18). Под его насыпью, сложенной из мелких

камней (высота вала до 0,7 м, ширина 5 м), также найдены обломки посуды скифского времени. В древнерусское время этот вал был перестроен: с западной (внутренней) стороны его каменной насыпи была сnivelирована горизонтальная площадка шириной 1,8–2 м, вымощенная мелкими камнями (рис. 20, 4). Поверхность этой площадки сильно обожжена и покрыта слоем угля, в котором найдены черепки X–XI вв. В древнерусское время этот вал разделял площадку городища на две части, имевшие разное назначение: на западной, мысовой части площадки были расположены культовые сооружения, на восточной части находились углубленные постройки и наземные длинные дома.

Ров, окружавший городище по склону холма (рис. 18), имел ширину 2,5 м при глубине 0,8 м. Выброшенная при его рытье земля образовывала невысокий внешний валик шириной 3 м и высотой около 0,5 м (рис. 20, 5). По своим размерам этот ров не мог иметь оборонительного значения, его роль была чисто символической. Культовый характер этого рва подкрепляется тем, что его плоское дно было выложено мелкими камнями, сильно обожженными, на которых лежал уголь и обломки посуды X–XI вв.

Земляной вал (4), спускающийся по северному склону городищенского холма, не был завершен и не замыкал полностью северный участок городища. Его насыпь, состоящая из глины, сохранилась на высоту до 1 м по склону и до 2 м в низинной части. Ширина вала до 10 м (рис. 20, 1). С обеих его сторон проходят рвы шириной 5–6 м и глубиной 1 м. В насыпи вала и под ней в темной прослойке (толщина ее 20–40 см) встречаются обломки древнерусской посуды X в., кости животных и угли. Сооружение этого земляного вала можно отнести к концу X в.

Площадка городища, окруженная главным каменным валом, имеет не совсем правильную овальную форму. Она вытянута с запада на восток на 300 м при наибольшей ширине до 100 м и сужается к западной оконечности мыса. Вся площадка заросла старым лиственным лесом, на ее поверхности выступают материковые скалы и лежат большие каменные глыбы. Поперечный дугообразный вал 3 делит площадку на две основные части.

Западная, мысовая часть площадки городища ограничена главным и поперечным дугообразными валами, имеет почти треугольную форму и размеры 50 x 70 м (рис. 18). Ее поверхность сравнительно ровная, лишь вдоль главного вала проходят небольшие углубления, которые могли образоваться при постройке или реконструкции вала, когда для него брали камень. На поверхности этой части городища выделяются два возвышения, сложенные из камней. При расчистке этих воз-

вышений оказалось, что одно из них является остатками пьедестала для идола – капищем, а второе – каменным жертвенником.

Площадка-пьедестал находится на самом высоком месте мысовой части городища и всей горы Богит. В плане она круглая с диаметром 9 м и высотой над окружающей поверхностью 50–60 см. Капище сложено из плотно пригнанных друг к другу камней разной величины, без раствора. Его поверхность покрыта вымосткой из булыжника, иногда на ней выступают более крупные камни (рис. 21; 22; 23, 2). В центральной части капища, ближе к его северному краю, заметно воронковидное углубление, в центре которого расчищена большая квадратная яма со сторонами 50 x 50 см и глубиной 50–60 см. Стенки ямы сложены из больших камней и ориентированы по странам света. Яма заполнена землей и камнями, в ней найден черепок X–XI вв. и три косточки птицы.

Площадка капища окружена кольцевой вымосткой из камней, имеющей ширину 3–3,5 м и, таким образом, диаметр всего сооружения составляет 17 м. Кольцевая вымостка прерывается только в северной части, где в ней образован проход шириной 1 м, ведущий на площадку капища и к центральной яме. На поверхности каменной кольцевой вымостки видны восемь симметрично расположенных углублений с перемычками между ними.

Восемь углублений, окружающих площадку капища, опущены на глубину 0,5–0,8 м в материк, который на этом участке состоит из твердой супеси с мелкой каменной крошкой. Углубления имели корытовидную форму с пологими стенками и диаметр 3–4 м, иногда до 5 м. Углубления забросаны камнями и землей, в них найдены обломки посуды, относящиеся ко времени с X по XIII в., хотя количественно преобладали черепки XII в., кости крупного рогатого скота, свиньи (главным образом, фаланги и зубы) и птиц. В некоторых углублениях камни были обожжены и встречался уголь.

В трех из этих углублений находились человеческие скелеты. В углублении 6 между камнями лежали кости ребенка 2–2,5 лет, в углублении 8 – кости годовалого ребенка. Кроме того, в том же углублении 8 находилось погребение взрослого человека – мужчины в возрасте около 60 лет. Костяк лежал в яме, вырытой в дне углубления, вытянут на спине, головой к западу с небольшим отклонением к югу, руки положены на груди и на тазу (рис. 24, 1). Второй костяк, также мужской и того же возраста, был помещен в яме, выбранной среди камней углубления 4. Он также лежал вытянуто на спине, был ориентирован головой на запад с отклонением к северу, руки сложены на тазу (рис. 24, 2).

Восемь корытовидных углублений вокруг центральной площадки служили жертвенными ямами. В жертву были принесены малолетние дети, кости которых найдены в углублениях 6 и 8. Судя по характеру керамики, жертвоприношения здесь совершали с конца X до начала XIII в., углубления заполняли и забрасывали камнями постепенно. Вероятно, жертвоприношения и обряды совершались только с продуктами питания и напитками, как это происходило на Арконе, где жрец проводил гадания с кубком, наполненным вином, и часть жидкости выливал перед идолом (Саксон Грамматик) (Фамицын А.С., 1884, с. 47). Такие же жертвы богам приносили и восточные славяне: «трапезы ставят идолам и черпала бесом» (Почтения св. Василия) (Аничков Е.В., 1914, с. 300).

Пожилые люди, останки которых находились в углублениях 4 и 8, были, скорее всего, здесь захоронены. Об этом свидетельствуют прямоугольные могилы, поза погребенных – вытянуто на спине с руками, сложенными на груди и тазу, ориентировка головой к западу (небольшое отклонение ориентировки, возможно, было связано со стремлением положить погребенных вдоль края центральной площадки). Погребенные, помещенные у подножия идола, вероятно, являлись при жизни уважаемыми членами языческой общины. Погребения совершены в разное время. Более ранним из них было захоронение в углублении 8. Яма для него была врезана в материк и сопровождалось оно посудой XI в. (рис. 25, 13–14). Второе погребение, положенное в углублении 4, содержало обломки посуды XII – начала XIII вв. (рис. 25, 9) и яма для него была выбрана уже среди камней заполнения и не была опущена в материк (рис. 22).

Круглая площадка с ямой для столба-идола в центре принадлежит к широко известному у славян типу площадок-капищ. Восемь углублений вокруг площадки сближают капище на Богите со святилищем в Перыни, столько же ям было открыто в Поганьско, возможно, такое же их число насчитывалось кругом площадки на городище Воргол. Особенность капища на Богите состоит в каменном покрытии – хотя камни повсеместно применяли в культовых сооружениях, видя в них символ прочности и защиты. Каменная кладка на Богите обусловлена и природными условиями – каменной основой горы и выходами камня на ее поверхности.

Вполне возможно, что на капище Богита стоял известный Збручский идол. Об этом говорят следующие данные: Богит – самая высокая гора в Медоборах, господствующая над окружающей местностью, и капище находилось в ее верхней точке; крупное городище-святилище, имевшее сложную планировку, являлось целым культовым комплексом и

создавало величественную и торжественную обстановку, достойную значения Збручского изваяния; важность стоявшего на капище идола подчеркивается жертвами детей, совершенными у его подножия; ямы в середине пьедестала (50 x 50 см) со стенками, обложенными камнями, соответствует размерам основания идола (29 x 32 см), который был укреплен в яме забитыми туда камнями; время изготовления идола (X–XI вв.) совпадает с периодом существования святилища на Богите (конец X – первая половина XIII в.); Богит является ближайшим святилищем к месту находки идола. Городище удалено от реки на 1,5 км, но дорога от него к Збручу идет вниз по склону и транспортировка идола была вполне возможна. По свидетельству летописей, при ликвидации языческих святилищ идолов часто бросали в воду, что имело смысл очищения, отправки идола на тот свет и в то же время способствовало сохранению идолов и надежде на их возрождение. Скорее всего, Збручский идол был спрятан язычниками в реке, когда святилище было ликвидировано. Идол сохранился целым и почти неповрежденным, он был захоронен с должным почтением.

На той же мысовой части городища-святилища Богит, в 35 м к западу от капища стояло курганообразное возвышение, сложенное из камней (диаметр 5 м, высота 80 см). После расчистки этого возвышения, снятия дерна и мелких камней в его центре была обнаружена квадратная яма (2 x 2 м, глубина 70 см), окруженная большими камнями и каменными плитами, поставленными на ребро и образующими вертикальные стенки ямы (рис. 24, 4). Плоское дно ямы вымощено мелкими камнями и каменными плитками. Яма заполнена углистой землей и слоями камней, которыми яма время от времени забрасывалась. Заполнение ямы происходило постепенно в течение длительного времени. В нижних его слоях найдена керамика X–XI вв., в том числе обломки лепных сковород и конических мисок, в верхних слоях преобладала посуда XII и начала XIII вв. (рис. 25, 26–36). Среди камней найдены обломок точила, глиняное пряслице, обломок стеклянного браслета. Здесь же встречены в небольшом количестве кости крупного рогатого скота, иногда обожженные. На обломках посуды также есть следы вторичного обжига, но следов огня на дне ямы не обнаружено. Это курганообразное возвышение с квадратной камерой в центре, обставленной камнями, можно рассматривать как жертвенник. Такого же типа сооружения – «каменные ящики» открыты на городище-святилище Добжешуво в горах Свентокжицких и на жертвенной площадке у Вышеграда.

На мысовой части городища Богит, где расположены капище и каменный жертвенник, явных следов других сооружений не заметно.

Эта часть городища окружена главным каменным валом, вершина которого спланирована, выложена мелкими камнями и каменными плитками, сильно обожжена и на ней лежат остатки жертвоприношений – кости животных и черепки посуды. Такая же жертвенная площадка устроена вдоль дугообразного вала 3, ограничивающего мысовую часть от остальной площадки городища. Эта часть городища с помещенными на ней культовыми сооружениями, символически защищенная валами и горевшими на них огнями, может рассматриваться как сакральная.

Вторая часть площадки городища Богит отделена от сакральной дугообразным валом 3 и окружена главным валом, поверхность которого из-за выступающих каменных глыб узкая и неровная. Эта часть площадки понемногу понижается от сакральной части к въезду (общее понижение ее 5 м). Поверхность этой площадки неровная в силу естественных уступов и обрывов по ее краям, наличия здесь дугообразного вала 2, хотя почти спланированного и еле заметного, разбросанных каменных глыб и многих углублений-западин. Среди углублений есть ямы времен первой мировой войны, но основное количество западин является остатками древних построек. Таких западин насчитывается 44. Западины располагаются ближе к главному валу, оставляя в средней части площадки широкий проход к капищу (рис. 18).

Три западины в разных частях площадки были раскопаны. Во всех случаях обнаружены прямоугольные котлованы с длиной стен около 3 м, выбитые в каменистом материковом грунте (рис. 26, 1, 2). Полом в постройках служили материковые камни или сглаженная поверхность материковой скалы. На полу находились очаги, обложенные рядом камней. В некоторых постройках насчитывается по четыре таких очага, часто совсем миниатюрных, в виде камельков. По конструкции эти постройки подобны обычным жилищам, но выбиты среди камней, что делало их холодными и малоудобными для жилья. Отсутствуют в этих постройках и печи-каменки, являвшиеся непременным атрибутом жилых помещений VI–XII вв. в этом районе. Постройки с очагами многократно использовались на протяжении конца X – XI вв. Их постояльцы не занимались хозяйственной деятельностью, что подтверждается малым количеством находок (по несколько черепков), отсутствием рядом с ними хозяйственных сооружений (хлебов, амбаров, погребов). Кроме того, на всей площадке городища нет культурного слоя, возникающего при стационарном заселении. Об обитателях этих построек можно судить лишь предположительно. Скорее всего, здесь жили служители языческого культа, охранявшие святилище и выполнявшие религиозные обряды. Могли в них останавливаться и

те, кому «угрожала смертельная опасность» и кто находил на святилище временное пристанище.

В этой же части городища вдоль главного каменного вала выделяется ровная горизонтальная площадка, местами поросшая деревьями. На свободном от деревьев пространстве выявлен культурный слой толщиной 10–30 см, насыщенный обломками лепных мисок и сковородок, гончарных сосудов X–XI и XII вв. (рис. 25, 37–39) и костями домашних животных. Ниже культурного слоя залегает каменная вымостка пола, в котором есть столбовые ямки. Все это обычно для остатков наземных домов, имевших столбовую конструкцию деревянных стен. Дом имел ширину 12 и длину 35 м. Этот длинный дом принадлежит к типу общественных домов-«контин», известных на многих городищах-святилищах (Тимошук Б.А., 1990, с. 50–52). Второй дом такого же типа находился у въезда на городище и располагался вдоль культового рва (рис. 18). Рядом с домом 2 была расположена нишеобразная печь, вырезанная в склоне и служившая для выпечки хлеба. Она обладает всеми признаками, свойственными хлебным печам, в большом количестве открытым на втором святилище Звенигород. Материковая глина на ее поду и своде сильно прожжена до красного цвета, устье закладывали большими камнями для сохранения тепла, в предпечной яме сильно обожжено и покрыто углем дно, куда выгребали раскаленный уголь перед выпечкой хлеба. В хлебных печах выпекали праздничные караваи, служившие для жертвоприношений и употреблявшиеся во время пиров, устраивавшихся в длинных общественных домах.

Эта вторая часть площадки городища Богит, на которой находились жилые постройки служителей культа или других временных обитателей, с которой был свободный проход к сакральной части святилища и по краям которой стояли длинные дома-контин, предназначенные для собраний и пиров, может быть названа общественной.

На городище расположено два колодца, также служившие культовым целям. Один из колодцев выбит в скале около главного вала. В плане он имеет прямоугольную форму (2,8 x 1,4 м) и современную глубину 6,5 м. Стенки колодца вертикальны и тщательно выровнены, но каменная глыба одной из стен выпала и нависла над дном колодца, что мешает его исследованию. Второй колодец находится около длинного дома 2. Он квадратный в плане (3,2 x 3,2 м), глубина его в настоящее время 3,8 м. В 1881 г. этот колодец был раскопан местным помещиком до глубины 11,34 м, но сведений о результатах раскопок не сохранилось (Leńczyk G., 1964, S. 12). Культовые колодцы, которые не имели практического значения и не достигали воды, известны на многих городищах-святилищах (Зеленая Липа, Бубнице, Урич, Звенигород).

Третья часть святилища Богит представляет собой ровную площадку (80 x 40 м), расположенную перед въездом на городище уже за пределами главного вала, но окруженную культовым рвом. На площадке не заметно никаких построек, шурфы показали отсутствие культурного слоя. Можно предположить, что эта площадка была местом массовых сборищ во время языческих праздников. Благодаря ограничивающему ее культовому рву она была символически отделена от окружающего мира и включена в состав святилища.

К югу от этой площадки за пределами культового рва расположены две западины. На месте одной из них раскопано жилище, котлован которого выбит в скале, и в нем около каменного останца сделана печь-каменка (рис. 26, 4). В жилище найдена керамика X–XI вв. (рис. 25, 40–42). Вполне возможно, что здесь, на южном наиболее открытом склоне перед городищем находилась сторожка, охранявшая подход к святилищу. Такую же сторожевую роль могли играть и постройки, западины которых сохранились на склоне западной оконечности городища и полукругом огибали его сакральную часть.

Четвертая часть городища-святилища ограничена земляным валом (4), который спускается от центральной части святилища на север по крутому склону холма. В долине он поворачивает под прямым углом и вновь поднимается к городищу, но до него не доходит и неожиданно прерывается (рис. 17). По-видимому, его возведение не было закончено или в этом не было необходимости. Земляной вал ограничивает площадь 270 x 130 м, в средней части которой на поверхности еле заметны пять неглубоких западин и четыре невысоких курганных насыпи, заросших старыми деревьями. Раскопана одна насыпь, частично поврежденная дорогой, в ней обнаружена яма без следов погребения и обломки посуды XI в. Севернее этого кургана в траншее выявлено два грунтовых трупосожжения, в которых, кроме пережженных костей, находились кости животных и обломки посуды X–XI вв. (рис. 25, 46–49). По-видимому, эта часть городища служила могильником.

Святилище Богит было окружено селищами X–XII вв. Одно из них находилось на склоне холма сразу за земляным валом, второе и третье поселения были расположены у противоположного южного подножия городища, еще два больших и одно миниатюрное селище были удалены от святилища к юго-востоку и северо-востоку на расстояние 1 км. На селищах, поверхность которых заросла лесом и где не было более поздней застройки или пахоты, сохранились на поверхности западины от углубленных в землю построек, что дает возможность определить план поселения до проведения на нем раскопок. На самом крупном селище в урочище Скала насчитывается до 80 западин, на

остальных сохранилось около полутора десятков следов древних построек, а на самом маленьком селище видно всего четыре западины. На поселениях были распространены углубленные жилища с печами-каменками, что отличает их от сооружений на городище Богит. Поселения расположены на малоудобных для жизни склонах холмов, вдали от хороших источников воды, что было вызвано стремлением жителей обосноваться вблизи языческого святилища.

На городище Богит выявлены все признаки, характерные для городищ-святилищ: 1) на его площадке отсутствует сплошной культурный слой и типичные для древнерусского времени жилые и хозяйственные постройки; 2) валы и рвы городища не имели оборонительного значения и являлись лишь символической защитой, как и горевшие на них огни; 3) круглые капища типичны для славянских святилищ и восемь углублений кругом напоминают святилище Перынь; 4) жертвенник, сложенный из камней, подобен открытым на других святилищах; 5) наличие длинных общественных домов является одним из важных признаков городищ-святилищ; 6) человеческие жертвы совершались только на святилищах (они известны на Арконе, в Плоцке, Вышегороде, Праге, Звенигороде); 7) рядом со святилищами часто располагались могильники (Ходосовичи, Шумск, Бубнище, Поганьско). Материалы, полученные на Богите, существенно дополняют сведения о крупных славянских святилищах, известных в Арконе, Шлонже, на Лысой Горе, Добжешуве, Радзикове. Новые данные о памятниках такого типа получены при исследованиях второго городища-святилища на р. Збруч – Звенигорода.

Городище-святилище Звенигород

В 5 км от горы Богит на коренном берегу Збруча расположено большое городище со сложной системой валов и рвов (рис. 27). Раскопки показали, что здесь находилось собственно два одновременных городища. Одно из них, расположенное на ровном плато вершины холма, окружено низким валом, построенным в раннем железном веке (высоцкая культура), и в древнерусское время было занято поселением. Следками этого поселения являются западины от углубленных построек, покрывающие всю площадь городища и врезающиеся в насыпь древнего вала. В древнерусское время было начато строительство оборонительной линии этого поселения, от нее сохранились отдельные участки вала и рва на площади древнего городища и к западу от него (рис. 27). Весь этот участок на плато местные жители называют Замчищем.

Второе городище, называемое Звенигород, расположено на крутом склоне холма, спускающемся от плато к долине Збруча и обращенном к югу (рис. 27; 28). Мыс городища ограничен поймой Збруча и глубоким оврагом Слепой яр, по которому течет ручей. Городище отделено от плато валом 2 и рвом, которые спускаются по крутым склонам к юго-востоку и юго-западу, дугообразно огибая площадку городища. Вал заканчивается над обрывами к долине Збруча и к Слепому яру (высота обрывов 20–30 м). Другой вал, внутренний (1), находится ниже по склону, делит площадку городища на две части. В плане он также имеет дугообразную форму, его концы тоже спускаются по склонам и снабжены еще дополнительными отрогами. С юго-западной стороны дугообразные валы 1 и 2 соединены еще одним валом, «Земляным», идущим по склону вдоль оврага. Въезд на городище расположен на южной оконечности мыса и имеет вид пандуса, поднимающегося вверх и огражденного вдоль обрыва двумя невысокими валами.

Валы городища Звенигород сооружались на протяжении нескольких периодов. В основе дугообразных валов 1 и 2 залегает слой скифского времени, засыпанный камнями, и сверху на этой насыпи была сделана горизонтальная площадка с обожженной поверхностью, на которой в валу 1 найдено несколько черепков VI–VII вв. (пражская культура). Затем насыпи валов в древнерусское время покрыты землей и камнями и на их вершинах снова устроены горизонтальные площадки шириной 2–2,8 м, вымощенные камнями и обожженные сверху. На них сохранились остатки жертвоприношений. В результате многократной досыпки высота валов в средней их части достигает 4–5 м, а на склонах 1,5 м. Их насыпи, сложенные из камней, хорошо сохранились. Также четко видны рвы, выбитые в каменистом материке. Плоское дно рвов вымощено камнями и обожжено. На образованных во рву площадках лежат обломки посуды и кости животных (рис. 29, 1,2; 30, 5,6). На плоской вершине валов не было никаких дополнительных укреплений, а система их расположения оставляет открытой самую уязвимую сторону городища – со стороны Збруча. Если учесть, что на вершинах валов и на дне рвов были сделаны жертвенные площадки, то их оборонительное значение следует поставить под сомнение, они представляли собой лишь символическую защиту.

Земляной вал, соединяющий с юго-западной стороны валы 1 и 2, не имел внешнего рва, а внутренний ровик со ступенчатыми склонами имел ширину всего 80 см (рис. 29, 3). С наружной стороны в насыпи вала вырезана ступенька шириной 3,6 м. Вертикальный срез вала над ступенькой был укреплен бревнами и плетнем, обмазанными глиной. На ступеньке многократно разжигали сильный огонь и она покрыта

толстым слоем обожженной глины со многими прослойками угля и золы. Судя по находкам двух черепков в его насыпи, земляной вал был насыпан в древнерусское время. К валу с внутренней стороны примыкала жертвенная круглая площадка (сооружение 15), перекрывшая внутренний ров. Земляной вал с горевшими вдоль его внешней стороны огнями и ритуальными площадками с внутренней стороны также не имел оборонительного значения и играл культовую роль.

Основой холма, на котором расположено городище, является камень-известняк, выходы которого и обнажения скал видны в самых возвышенных частях городища и во рвах. Каменистый материк покрыт тонким слоем суглинка и почвы и лишь на склонах толщина напластований глины достигает нескольких метров. В средней части городища, ограниченной внутренним валом, в течение долгого времени местные жители добывали камень и здесь поверхность городища изрезана огромными ямами и канавами. На остальных местах площадка городища хорошо сохранилась. На поверхности четко выделяются возвышения капищ, западины на местах углубленных построек, горизонтальные площадки – следы длинных наземных домов, воронковидная западина древнего колодца. Вся площадь городища сейчас покрыта лесом, в основном здесь растут дубы и грабы. Деревья мешают раскопкам широкими площадями, но в то же время препятствуют оползням и заплывам древних сооружений. Пыльцовые анализы показали, что во время функционирования святилища здесь было открытое пространство, поросшее разнотравьем и наземными мхами, облесенность была невелика (преобладала сосна, встречались береза, дуб и липа) (анализы сделаны в лаборатории Института археологии РАН Е. А. Спиридоновой).

Задачи исследований, проведенных на городище в 1985, 1987 и 1988 гг., состояли в выяснении функции памятника, его планировки и времени существования. Раскопы закладывали там, где можно было получить наибольшую информацию и по возможности не разрушить объекты, сохранив в целости их внешний облик. На городище исследована площадь 2 250 кв. м. Раскопанные сооружения законсервированы и все каменные конструкции оставлены на месте. Находки переданы в Тернопольский краеведческий музей.

Площадь городища Звенигород, ограниченная валами, имеет наибольшие размеры 500 м (с севера на юг) и 450 м (с запада на восток). Его наиболее высокая часть поднимается над долиной Збруча на 100 м. Наклонная площадка городища имеет перепад высот 65 м (рис. 28). Крутой склон, каменная основа горы и выступающие на поверхность камни делают площадку городища мало пригодной для

обычной жизни. Внутренний дугообразный вал 1 делит площадь городища на две части – северную, ограниченную двумя дугообразными и земляным валом, и южную, огражденную внутренним валом 1. Раскопки показали, что значение этих частей городища было различным – северная часть являлась сакральной, южная была общественной, что подтверждается характером открытых сооружений и составом находок. Такое же разделение на сакральную и общественную части наблюдается на святилищах Богит и Аркона. Форма площадок городища обусловлена особенностью местности и наличием здесь древних скифских валов.

Сакральная площадка городища расположена в верхней части склона, имеет не совсем правильную треугольную форму и размеры 80 x 100 x 150 м. Ее поверхность резко понижается с севера и северо-востока к югу. В самом верху этой площадки, около внешнего дугообразного вала, выделяются три естественных возвышения, вершины которых выровнены. На них устроены капища. Четвертое капище по ряду признаков могло находиться на возвышении в юго-восточной части площадки около внутреннего дугообразного вала.

Капище 1 расположено на возвышении в северо-восточной части сакральной площадки городища около внешнего вала 2. Ровная круглая в плане поверхность капища окружена чуть заметным валиком, возникшим при нивелировке возвышенности. Площадь капища заросла большими деревьями, в том числе старыми дубами, и для выяснения того, что находилось на этом месте, оказалось возможным заложить только траншею шириной 1 м в направлении с севера на юг (рис. 30, 1). Сразу под дерном находится каменная вымостка, лежащая на материке. С северной и южной сторон вымостки среди камней выбраны чашевидные ямы глубиной 20–40 см. Общий диаметр всего сооружения 20 м. На каменной вымостке и в ямах находились уголь, обломки посуды XII в., четыре ножа, трубчатый замок, наконечники железных стрел, шпора, серебряная и несколько стеклянных бусин, проволочные височные кольца, крест-складень с двумя створками, побывавший в огне (рис. 31, 10–20; 32, 3; 33, 1). По аналогии с другими капищами, открытыми в Звенигороде и известными на других святилищах, эта круглая площадка, ограниченная валиком и жертвенными ямами, может рассматриваться как капище – место, где стоял идол и совершались жертвоприношения.

Рядом с капищем 1 на вершине внешнего дугообразного вала находилась площадка для жертвоприношений. Ее ровная поверхность вымощена камнями и покрыта углем. На площадке лежали четыре трубчатых замка, копьё, наконечники стрел, ключ, удила, пряжка,

пряслице, обломки стеклянных браслетов, обломки бронзового котла с петлевидной ручкой и бронзовая чаша (рис. 30, 6; 31, 1–9; 34, 1–6).

Вторым важным объектом около капища 1 являлся длинный дом 8, расположенный к юго-востоку от капища на краю обрыва (рис. 27). От него сохранилась горизонтальная площадка длиной 25 м и шириной 5 м, средняя часть которой, свободная от деревьев, раскопана (рис. 35, 7). На полу наземного дома найдены куски обожженной глины с отпечатками прутьев, оставшиеся от обмазки деревянных стен дома, обломки глиняной посуды XII – начала XIII в., топор, четыре серебряных трехбусинных височных кольца и восемь проволочных перстнеобразных колец (рис. 32, 7; 37, 1–4). После того как этот дом был разрушен, на его месте была выкопана яма, в которой лежали разрозненные человеческие кости: фрагменты черепов, нижние челюсти, позвонки и бедренные кости ребенка семи лет, подростка 16–18 лет, двух взрослых мужчин в возрасте 25 и 35–40 лет (определение Г.П. Романовой). В яме найдены черепки XIII в. (рис. 38, 22, 23), проволочное перстнеобразное кольцо, перстень со щитком, две шпоры, часть удила, трубчатый замок, три железных наконечника стрел и один костяной наконечник, звездчатая привеска (рис. 32, 2, 4; 36, 12–20; 37, 5). Яма была засыпана камнями. Длинный дом 8, вероятно, служил для хранения довольно дорогих вещей (серебряные височные кольца со сплошными и ажурными бусинами), затем здесь было совершено жертвоприношение, о чем говорят находки человеческих костей и набор жертвенных вещей, такой же, как и при жертвоприношениях в других местах Звенигорода.

Рядом с капищем 1 на отдельном возвышении было расположено капище 3, раскопанное полностью. Оно занимает отрог треугольной формы (53 × 42 м), понижающийся от внешнего дугообразного вала к юго-западу на 5 м (рис. 39; 40). Поверхность отрога и его подножие покрыты каменной вымосткой (рис. 41, 2), состоящей из камней величиной 10–15 см и лежащей на материке – известняковой скале и плотной глине с каменной крошкой. На вымостке лежит слой земли толщиной 10–20 см, насыщенный обломками глиняной посуды, костями животных и разнообразными вещами. Кругом отрога располагаются жертвенные ямы (сооружения 4, 9, 10, 11), вырытые в материковой глине. Всё это составляет единый комплекс с капищем, за пределами этого комплекса на некотором расстоянии нет никаких сооружений (рис. 42).

Планировка капища 3, кажущаяся на первый взгляд не совсем четкой, выражает определенную систему. На поверхности отрога выделяются три понижающиеся ступени, вытянутые с востока на запад, отделенные одна от другой невысокими уступами и каменными глы-

бами, принесенными сюда специально или являющимися выходами материковой скалы (рис. 39, 40). Конструктивным центром капища служила круглая площадка (диаметром 9 м), расположенная посредине отрога, ограниченная уступами и большими камнями, а с севера еще и полукругом столбовых ям. В центре этой площади находится большая яма 1, забитая камнями, которые могли укреплять основание вертикально стоявшего столба, возможно, идола. С южной стороны ямы земля сильно прожжена и здесь лежит плоская каменная плита (рис. 43, 1). Круглая площадка со стоящим в центре идолом – характерная форма капищ на славянских святилищах, но здесь она осложнена примыкающим к ней ступенчатым склоном.

Остатков жертвоприношений на центральной площадке капища почти нет. Непосредственно у ямы 1 перед идолом находились только несколько обломков посуды XII – начала XIII вв., фрагмент стекляннo-го браслета, части черепа и челюсти свиньи. Жертвы оставляли кругом этой площадки и в жертвенных ямах. К западу от центральной ямы на краю капища около большой каменной плиты (жертвенника?) расположена жертвенная яма 18 (рис. 43, 2). В яме лежала часть костяка мужчины 25–30 лет (череп, шейные позвонки, плечевые кости, несколько ребер, находящиеся в анатомическом порядке), на его груди помещены кости ребенка 1–2 лет и челюсть молодой женщины. Рядом были положены позвонки и кости таза крупного рогатого животного, бронзовые браслеты, височное перстнеобразное кольцо, цилиндрический замок, топор, дужка ведра (рис. 44, 2; 45, 24).

С противоположной стороны от центральной ямы расположена жертвенная яма 7, в углистом заполнении которой лежал череп свиньи. Рядом с ямой положены три цилиндрических замка, ключ, нож, пряжка, ручка бронзового ковша и бронзовая ложка (рис. 45, 22; 46, 7, 8).

На трех ступенях, примыкающих к центральной площадке капища, также находились остатки жертвоприношений, но их количество и состав на каждой ступени имели свои особенности. Северная, самая верхняя ступень, ограниченная внешним дугообразным валом 2, покрыта небрежно разбросанными камнями, ее поверхность неровная, ходить по ней трудно. Находок здесь мало: обломки стеклянных браслетов, три ножа, три проволочных височных кольца. Зато на склоне вала, который здесь поднимается на 4–5 м, обнаружено большое количество самых разнообразных предметов, по всей вероятности, сползших сюда по глиняному откосу вала с его вершины. Здесь лежало множество обломков стеклянных браслетов, ажурный серебряный и бронзовый пластинчатый перстни, четыре проволочных височных кольца, трехбусинное височное кольцо, бронзовый витой браслет,

лунница, овальный медальон из горного хрусталя в тонкой проволоочной окантовке, хрустальная вставка от такого же медальона, равноконечный крестик из горной смолы, серебряная цепочка, квадратная бронзовая бляшка, ключ, наконечник стрелы, удила, обломок шпоры, дужка ведра, миниатюрный глиняный сосуд (рис. 33, 6; 39; 42; 47, 1, 2, 7, 13, 17; 48, 1, 2, 7, 9, 10, 16, 17).

Средняя ступень отделена от верхней и нижней уступами, вдоль которых лежат большие камни. Кроме того, вдоль южной границы ступени проходит ряд столбовых ям, отстоящих одна от другой на 2,5 м (от ямы 11 до ямы 15), здесь же лежало скопление кусков глиняной обмазки с отпечатками обтесанных бревен. По-видимому, эта ступень была ограждена с юга деревянной стеной, обмазанной глиной. Наличие определенной преграды между ступенями видно по расположению находок – они концентрируются на нижней ступени вдоль стены и почти отсутствуют на средней ступени (на ней находилось лишь одно височное кольцо и серп). Поверхность средней ступени тщательно выложена мелкими камнями и удобна для прохода к центру капища с восточной стороны.

Нижняя ступень капища, заканчивающаяся с южной стороны крутым уступом, разделена еще одним невысоким уступом на западную и восточную части. Западная часть непосредственно примыкает к центральной круглой площадке с идолом и имеет полукруглую форму (ее размеры 5,6 x 10 м). Она выложена камнями разной величины довольно небрежно, так что ее поверхность оказалась неровной и по ней трудно ходить. С юга на ее краю лежат огромные каменные глыбы, а в центре находится столбовая яма квадратной формы, обложенная камнями, вокруг которой найдены обломки стеклянных браслетов, три стеклянные бусины, два серебряных проволоочных височных кольца, бубенчик, пряслице, нож, замок, часть бронзового кадила или лампы (рис. 46, 6).

На склоне этой ступени расчищена большая жертвенная яма 3, в заполнении которой был уголь, обломки глиняной посуды, а рядом лежало два ключа, проволоочные кольца и обломки стеклянных браслетов (рис. 39). В углублении рядом располагался очаг диаметром 1 м с глиняным подом, обставленный кругом большими каменными плитами, поставленными на ребро. Около него лежал трубчатый замок (рис. 43, 5).

Восточная часть нижней ступени капища размерами 15 x 5 м носила другой характер. Ее поверхность покрыта слоем мелких, хорошо пригнанных друг к другу камней и на ней видно лишь одно небольшое кострище. Почти вся поверхность площадки усеяна вещами: обломки стеклянных браслетов, проволоочные височные кольца, пряжки,

костяная пуговица, бусины, кресало, наконечник стрелы, замки, серп, бронзовое коромысло весов (рис. 32, 11), пластинки от оковки шка-тулки, игла, два маленьких глиняных яичка с беспорядочно прочерченными на них линиями (рис. 47, 15, 16). Здесь же лежали три креста: маленький перламутровый крестик тонкой работы, шиферный равноконечный крест и небольшой оловянный нательный крестик (рис. 33, 2, 3, 5). Все эти вещи были оставлены на этой части площадки как бы перед стеной, отделявшей жертвователей от самой священной и недоступной для всех центральной части капища.

Массовые жертвоприношения совершали у подножия капища, где продолжалась каменная кладка, переходящая к капищу 1. Здесь кладка состоит из плотно уложенных больших камней, лежащих в два-три слоя. Среди камней между капищами 1 и 3 находилось пять жертвенных ям и вся поверхность усеяна вещами (отсутствие находок на некоторых квадратах объясняется тем, что здесь растут большие деревья) (рис. 39, 42).

Жертвенные ямы такие же, как и на самом капище, – овальные, мелкие, выбранные среди камней до материка на глубину 10–20 см, засыпаны углистой землей. Они лишь несколько больших размеров (в длину 1,0–1,5 м, шириной 0,6–1,0 м), чем на центральной площадке капища (рис. 43, 4, 5). В трех из них (9, 13, 14) лежали разрозненные человеческие кости – обломки черепа, отдельные кости конечностей, ребра и около ямы 12 – нижняя челюсть мужчины 35–45 лет. В ямах вещей немного (в яме 14 найдены обломок стеклянного браслета и бубенчик; в яме 10 – нож, шпора, крест-складень; в яме 12 – пять проволочных височных колец, пластинчатый перстень, бусина), но значительное число находок концентрируется вокруг ям: крест-складень (рис. 33, 4, 7, 8), равноконечный крест из горной смолы, бусина минского типа, проволочные височные кольца, пластинчатый браслет, пряжка, пряслице, восемь ножей, ножницы, два замка, два наконечника стрел, шпора.

В целом состав находок в подножии капища обычен и для других культовых сооружений Звенигорода. Здесь найдены: украшения (проволочные височные кольца – 12, бусины – 4, бронзовый браслет, пластинчатый перстень, бубенчик, пряжки – 4), оружие и снаряжение всадника (наконечники стрел – 4, стремяна – 2, шпоры – 2), орудия труда (ножи – 15, ножницы, пряслице, мотыжка, долото), а также замки – 6, ключи от них – 4, предметы христианского культа и бронзовая монета с отверстием для подвешивания из Фессалоник (определение А.В. Фомина) и некоторые другие предметы (рис. 32, 8–17; 39; 44–48).

Количество вещевых находок и обилие жертвенных ям позволяет предположить, что капище 3 было наиболее посещаемым местом,

здесь могло стоять изображение божества, особенно почитаемого язычниками. Пыльцовые анализы показали большую затоптанность почвы у подножия капища (данные Е.А. Спиридоновой), где молящиеся оставляли свои дары. По внешнему виду (холм, покрытый камнями) и по составу находок капище 3 Звенигорода напоминает святилище ненцев в устье Печоры, на котором также найдены многие украшения, обломки медных котлов, христианские кресты и иконки, где стояли деревянные идолы и которое посещалось верующими с X до XVII в. (раскопки Л.П. Хлобыстина и О.В. Овсяникова 1985–1987 гг.) (Архив ИА РАН, № 10143, 10694, 12472).

Вокруг капища 3 были расположены культовые сооружения различной конструкции. Сооружение 4, находившееся у южного подножия капища, представляло собой почти квадратный котлован со сторонами около 2 м, углубленный в материк на 50–80 см (рис. 42; 49, 5, 6). Посредине северо-западной стены сохранилась столбовая яма от опоры, поддерживавшей, вероятно, перекрытие в виде навеса. Пол вымощен камнями и сильно обожжен. Вдоль стены лежал расчлененный на две части костяк мужчины 20–25 лет. Непосредственно возле него было насыпано зерно и положен серп. В других местах на том же уровне находились три ножа, две шпоры, два трубчатых замка, большой ключ от внутреннего замка и ключ от навесного замка, топор, серебряный витой браслет и пряслице (рис. 50, 2–8; 51, 9–13). Ниже каменной вымостки пола на обожженном материке лежали кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади и среди них нижняя челюсть человека 40–50 лет. Сооружение использовали по крайней мере дважды и в завершение забросали камнями. В нем нет признака жилых или хозяйственных помещений, отсутствуют следы военного разгрома. По ряду признаков – многократному использованию; применению каменной вымостки, употреблению огня, составу находок, обычному и для других сооружений Звенигорода, наличию зерна и серпа, расположению рядом с капищем – сооружение 4 может рассматриваться как культовое, а всё в нем найденное – как остатки жертвоприношений.

С западной стороны капища 3, уже за пределами его каменной вымостки, видны три западины, при раскопках здесь выявлены три сооружения 9, 10, 11 (рис. 42). Сооружение 9 представляло собой круглую яму диаметром 4 м, стенки которой сужаются ко дну (рис. 52, 1–5). Никаких следов облицовки стен и перекрытия здесь не обнаружено. С юга в яму шел проход по наклонному пандусу. Судя по заполнению, сооружение использовалось неоднократно. Первоначально в центре его дна была вырыта круглая яма, рядом с которой горел огонь, на кострище остались кости животных и нижняя челюсть ребенка

3–5 лет. Здесь же находилась шпора (рис. 53, 6). Затем яма и кострище были забросаны камнями и перекрыты слоем чистой глины без всяких находок. При последующем использовании сооружения 9 в его материковой стене подбodem была устроена нишеобразная печь (3), под которой лежал на 10 см выше дна ямы. При использовании печи для выпечки культового хлеба раскаленный уголь из нее выгребали внутрь сооружения, при этом слой угля перекрыл центральную яму и кострище возле нее. Возле устья нитеобразной печи лежали большие камни, которыми закрывали печь при выпечке хлеба.

Слой, связанный с печью 3, в свою очередь перекрыт чистой глиной. После этого в материковой стене была вырезана новая хлебная печь (2) на 30 см выше пода печи 3. И снова слой, связанный с печью 2, был засыпан чистой глиной толщиной 30–40 см. Затем в материковой стенке была устроен следующая нишеобразная хлебная печь (1), под которой находился уже на высоте 60 см от дна ямы. На поду этой печи лежал жерновой камень.

К самому позднему периоду использования сооружения 9 относится верхний слой, который содержал четыре небольших очажка, расположенных на разных уровнях, и довольно много вещей (обломки стеклянных браслетов, бусина, бубенчик, часть трубчатого замка, перстень и обломки бронзового браслета, нож, ножницы, удила, брусек, часть топора) (рис. 53, 1–5, 7). Здесь же находились кости животных (крупного рогатого скота, свиньи, собаки) и черепки глиняной посуды (рис. 38, 29–31). Отдельными скоплениями лежали человеческие кости: в одном содержались нижняя челюсть, правая лучевая и локтевая кости, принадлежащие мужчине в возрасте 25–30 лет, и во втором – плечевая и лучевая кости со следами расчленения, принадлежавшие молодой женщине.

Сооружение 9 использовалось не менее 5–6 раз, в нем устраивали нишеобразные хлебные печи, приносили жертвы – кости людей и животных, разбрасывали обломки глиняной посуды и разнообразные вещи. Совершавшиеся здесь обряды были связаны с аграрной магией, направленной на обеспечение обильного урожая, хорошего приплода скота и помощь в хозяйственных делах и бытовых нуждах.

Сооружение 10 представляло собой овальное углубление с ровным полом и наклонными стенками (рис. 52, 6). Вдоль стенок лежали большие камни. Посередине западной стенки сделан вход в виде ступеньки. Пол сооружения покрыт слоем угля толщиной 5–7 см, а его центральная часть сильно обожжена до красного цвета. На полу найдены ножны меча, нож, пряжка, четыре переплетенных проволочных височных кольца, обломки стеклянных браслетов (рис. 53, 8–10), кости животных (свиньи, мелкого рогатого скота – нижняя челюсть,

крупного рогатого скота, собаки, лошади – берцовая кость, благородного оленя – фаланга) и птицы. Среди костей животных находились кости людей, обломки черепа, два шейных позвонка и ребра подростка 12–14 лет, три фрагмента свода черепа младенца 1,5 лет и правая плечевая кость мужчины молодого возраста.

Сооружение 11 примыкает к капищу 3 и склону вала, поэтому его глубина колеблется от 10 до 90 см (рис. 42; 52, 7, 8). Его пол обожжен и покрыт слоем угля. В восточной части пола лежали шейные позвонки и нижняя челюсть ребенка 7–9 лет и кости животных (свиньи, крупного и мелкого рогатого скота, преобладали фрагменты черепов, зубы, кости ног). Часть костей была обожжена. На высоте 10 см над полом кости перекрыты плотным углистым слоем и на нем находится второй слой костей – плечевые кости и фрагмент черепа молодого мужчины и скопления костей животных такого же состава, как и на дне сооружения. Сверху на этом слое были положены камни и жернов. В черном заполнении найдены: обломки стеклянных браслетов, две половинки бронзовых колтов с орнаментом, два проволоочных височных кольца, перстень, лунница, пять квадратных бронзовых бляшек с изображениями птиц и дубового листа, пряжка, два наконечника стрел, семь железных ножей, трубчатый замок, три ключа, шпора, шиферное пряслице, край бронзового котла, бронзовые оковки и застежка от деревянной шкатулки, бронзовый оклад иконки и обломки глиняной посуды XII – начала XIII вв. (рис. 38, 35, 36; 53, 17–19; 54).

На участке к западу от капища 3 в разных местах во время функционирования святилища горели костры, остатками которых является прожженная до красного цвета материковая земля. На месте одного из очагов (квадрат 7г) находились разрозненные кости нескольких человек: ребенка 6–9 лет (бедренная, большая и малая берцовые, плечевая, лучевая, ключица), ребенка 2–3 лет (обломки черепа, кости правой руки и бедро), ребенка 8–9 лет (правая нога, таз, позвонки и ребра), взрослого человека (сильно поврежденный череп, ребро, фаланги пальцев). Среди человеческих костей лежали кости свиньи, обломок стеклянного браслета и пряслице. Создается впечатление, что здесь сначала положили несколько скелетов, а затем брали отдельные кости для совершения обрядов в разных местах святилища.

На западном участке между капищем 3 и сооружениями 9–11 без определенной связи с объектами найдены серебряный перстень с монограммой на щитке (рис. 45, 5; 47, 6), колечко от кольчуги, пластинки от панциря, лунница и шиферное пряслице (квадраты 13–14в).

За пределами капища 3 и окружающих его сооружений поверхность городища постепенно понижается к югу и к юго-западу. Вблизи

раскопа следов древних сооружений (западин, площадок) не видно и культурного слоя нет – под дерном и серым слоем лесного перегноя толщиной 15–20 см залегает материковая глина. Можно думать, что комплекс сооружений, связанных с капищем 3, раскопан полностью.

Таким образом, капище 3 представляло собой довольно сложное сооружение. На круглой площадке, вымощенной камнями, стоял идол (сохранилась яма, в которой он был укреплен). С востока к идолу был устроен проход, огражденный деревянной стеной, обмазанной глиной. Подходить к идолу, вероятно, разрешалось только служителям культа, как это было принято у поморских славян. По Саксону Грамматику, вход в самую священную часть Арконы был доступен только жрецу, но и он боялся осквернять божество своим дыханием (Фамицын А.С., 1884, с. 48). На склоне капища и у его подножия приносили жертвы, были выкопаны жертвенные ямы и помещение для выпечки ритуальных караваев.

В этой же сакральной части городища Звенигород полностью раскопано еще одно капище 2, которое занимало вершину самого высокого каменистого отрога в северной части городища. Отрог имеет конусовидную форму и крутые склоны, спускающиеся к югу на 65 м и к востоку, в сторону капища 3, на 15 м (рис. 27). С севера капище 2 примыкало к внешнему дугообразному валу, который поднимался над капищем на высоту 6 м. С юга оно открыто и видно со всего городища. Капище имело вид округлой горизонтальной площадки диаметром 10 м, ограниченной невысоким валиком, образовавшимся, как и на капище 1, при выравнивании поверхности холма (рис. 55). Площадка капища и его южный склон вымощены мелкими камнями. В центре выступает материковая скала, гладко подтесанная и имевшая слегка выпуклую поверхность. Выступ скалы имеет овальную форму размерами 2,4 x 3,2 м, на нем лежал фрагмент черепа человека. Каменная вымостка вокруг скалы во многих местах сильно обожжена и покрыта углем. В северной части вымостка отсутствует, а материковая глина здесь сильно обожжена.

Вокруг центра капища с юга и с севера расположены небольшие ямы чашевидной формы. Стенки одной из них тщательно выложены камешками, а вторая была заполнена костями животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади и собаки. Это главным образом целые неразрубленные кости конечностей, несколько позвонков и челюсти. В маленькой яме лежали шарнирные ножницы и обломок стеклянного сосуда. В северной части капища в чашевидной яме находилось проволочное височное кольцо. К востоку от центральной материковой скалы среди камней выбита корытовидная яма, в заполне-

нии которой найдены трубчатый замок, обломки ножа, коса-горбуша и фрагмент бронзового котла. На каменной вымостке капища лежали вещи: масса обломков стеклянных браслетов, височные провололочные кольца – 7, бусины – 2, пряжки – 2, наконечники стрел – 3, шпора, топор, ножи – 3, косы-горбуши – 2, ключи – 2, обручи деревянного ведра, точило, серебряный образок с изображением Богоматери Оранты (рис. 34, 7–14; 38, 1–5; 56; 57, 1–3).

В расположении вещей на капище наблюдается некоторая закономерность. В западной половине капища лежала основная масса стеклянных браслетов, все провололочные височные кольца, иконка, то есть в основном женские вещи. Из вещей, принадлежащих мужчинам, можно отметить только один наконечник стрелы. В восточной части женских вещей практически нет, здесь найдены топоры, косы, ножи, обломки бронзовых котлов, пряжки от пояса, здесь же преобладают находки замков и ключей (рис. 55).

Много вещей лежало и на вымощенном камнями южном склоне капища: два замка, шпора, топор, наконечник железной стрелы, коса, провололочное височное кольцо, пряслице и пятилучевое височное кольцо с ложной зернью. К северо-западу от площадки лежали вместе обручи от ведер, оселок и коса.

Капище 2, как и капище 3, было окружено культовыми сооружениями. На вершине дугообразного вала 2, примыкающего к капищу с севера, была сделана площадка, где в свое время горели огни и возлагались жертвы. В траншее на ее месте обнаружена сильно обожженная глиняная вымостка и обломки посуды XII в.

К юго-западу от капища 2 на террасе склона находился длинный наземный дом 7. От него сохранилась горизонтальная площадка, заросшая деревьями. Удалось вскрыть лишь половину дома (рис. 35, 4–6). Пол дома выложен камнями и в его центре был расположен очаг с глиняным подом (на нем растет дерево). Стены дома имели столбовую конструкцию, от которой сохранились ямы по контуру дома. Возле очага сравнительно компактно находилось скопление вещей. Возможно, часть вещей содержалась в деревянном сундуке, от которого найдены металлические оковки и накладка на внутренний замок. Здесь на участке пола лежали украшения (серебряные перстнеобразные височные кольца – 2; обломки стеклянных браслетов – 12; браслет с ажурной пластинкой; зерненная бусина минского типа), оружие и снаряжение всадника (половина меча с перекрестием, наконечник стрелы, удила), бытовые предметы (трубчатые замки – 2; обломки от шести замков; ключи – 3), орудия труда (серп, коса, ложка, скребница, оковка лопаты, топор, ножи – 3, пряслища – 3), обломки глиняных сосудов XII в. и миниатюрный сосуд (рис. 36, 1–11;

37, 6; 58). Состав вещей, найденных в доме, соответствует их набору на капищах и в жертвенных помещениях. Возможно, что в этом доме хранилось имущество святилища и назначение дома было таким же, как одной из контин в Щецине и длинного дома 8, расположенного около капища 1.

Исследованные три капища городища-святилища Звенигород находятся на самых высоких местах северной части сакральной площадки и занимают отдельные возвышенности. Обращает на себя внимание еще одна возвышенность на сакральной площадке, которая расположена рядом с внутренним каменным валом и его рвом. Она ниже остальных на 10–15 м, но явно поднимается над окружающей ее поверхностью и от нее начинается склон к юго-западу. В обнажениях на этом возвышении видна каменная кладка и встречаются кости человека. Вполне возможно, что здесь находилось четвертое капище, о чем свидетельствуют следующие данные.

На западном склоне возвышенности сохранилась западина, свободная от деревьев, которая была раскопана. При этом выяснилось, что склон возвышенности, как и на капищах 2 и 3, покрыт каменной мостовой. На месте западины исследовано культовое сооружение (14), которое по своему устройству близко культовым объектам, окружающим другие капища Звенигорода. Например, как и в последних, в сооружении 14 в материковой стене были устроены нитеобразные хлебные печи. Вместе с тем сооружение 14 имеет свои особенности (рис. 59).

Его остатки представляют собой прямоугольный котлован, ориентированный по сторонам света. Сооружение расположено на склоне возвышенности и его горизонтальный пол был углублен с восточной стороны на 1,1 м, а с западной на 30 см. Возле западной стены обнаружены столбовые ямы, что позволяет предположить: котлован был перекрыт навесом, опиравшимся с восточной стороны на каменный склон, а с западной – на столбы-стояки. Наземных стен сооружение, по-видимому, не имело, его углубленные в материк стены наклонены и выложены камнями, к тому же в них вырезаны нишевидные печи. Оно несколько напоминает храм в городе Кореница, описанный Саксоном Грамматиком: «Главное капище находилось посередине передней части храма, которая так же, как и капище, не имея стен, завешена была пурпуровою тканью, так что кровля лежала на одних колоннах» (Фамицын А.С., 1884, с. 25).

Вход в помещение был расположен посередине западной стены и имел вид материковой ступеньки. Рядом с входом на полу лежал каменный идол. Он сделан из плотного известняка, но его лицевая сторона состоит из слоя мягкого крошащегося известняка и плохо

сохранилась. Идол представлял собой каменную плиту толщиной 20 см, высотой 195 см при наибольшей ширине 70 см (рис. 4, 2; 5, 2). По форме плита напоминает фигуру стоящего человека, голова отделена от туловища желобком, на месте лица заметны шесть или семь небольших выбоин, идущих полукругом по контуру головы. На туловище видны пересекающиеся линии, направленные острием вниз. Подобные примитивные каменные изваяния, дающие только приблизительный абрис фигуры человека, известны в славянских землях (Ягнятин, Ржавинцы, Ганачевка). Идол лежал над ямой, вырытой в полу помещения и забитой камнями, которые в древности поддерживали изваяние в вертикальном положении. Судя по глубине ямы, стоявший в ней идол возвышался над полом на 130–140 см и был повернут лицевой стороной к югу.

На полу перед идолом многократно разжигали огонь. Земляной пол сооружения прожжен до красного цвета и на нем сохранилось круглое кострище, состоящее из нескольких прослоек угля, золы и глины. Кострище было окружено рядом маленьких столбиков. Среди угля найдены два ножа, круглая привеска с крестовидной прорезью, оковка шкатулки и дужка котла. Рядом с кострищем по полу было рассыпано большое количество обгоревшего зерна (в основном пшеницы с примесью ржи, овса, проса и гороха), положены два жерновых камня и кости человека (череп и разрозненные кости конечностей). На полу в северо-восточной части помещения лежали параллельно друг другу два серпа, рядом трубчатый замок, а в заполнении котлована найден замок от конских пут (рис. 51, 1–5; 57, 8,9; 60, 15–18).

В том же северо-восточном углу помещения в стене были вырезаны две нитеобразные печи. Нижняя, более ранняя печь находилась на уровне пола, около ее устья лежали горшок и наконечник стрелы. Позднее эта печь была завалена камнями и над ней выдолблена в стене новая печь, с которой связан угольно-зольный слой, залегающий в заполнении выше поля. В этом слое также находился фрагмент черепа человека, кости животных, обломки посуды, железные стамеска и долото.

Сооружение 14, в котором стоял идол, а перед ним совершались жертвенные обряды, можно рассматривать как храм. Его важное значение подчеркивается не только тем, что он входил в число объектов, связанных с капищем 4, но и тем, что рядом с храмом проходила дорога, вымощенная камнями, которая шла от подножия городища, огибала его южную площадку и поднималась вверх на сакральную часть городища (рис. 27; 59, 1). Дорога, вероятно, предназначалась для торжественных процессий, а первым культовым объектом перед ка-

пищами оказывался храм со стоящим в нем идолом, хорошо видимым из-под навеса.

Сооружение 14 существовало длительное время и использовалось многократно. Найденная в нем посуда, сильно профилированная и лишенная орнамента, может быть отнесена к концу XII – первой половине XIII в. (рис. 38, 37–40). Судя по находкам – зерну, жернову, серпам, хлебным печам – здесь совершались обряды, связанные с земледельческими культами.

Помимо капищ, окружавших их культовых сооружений и длинных домов-хранилищ, на сакральной части городища Звенигород видны в разных местах западины от углубленных построек, расположенных на крутом склоне (рис. 27). Три из них раскопаны и во всех случаях открыты более или менее одинаковые по конструкции и назначению культовые постройки многоразового использования.

Сооружение 6 находилось в ложбине между капищами 2 и 3, у склона внешнего дугообразного вала. Оно представляло собой квадратное помещение с опущенным в материк полом и бревенчатой обшивкой стен (рис. 61, 2). В центре помещения находился очаг и лежал обожженный камень. В восточной стене сооружения в глиняном материке были вырезаны две нишеобразные хлебные печи, расположенные на разном уровне и частично перекрывающие одна другую. Их использовали последовательно в разное время, но перерыв между их сооружением был небольшим, так как вычищенные из них зола и уголь образовали на полу помещения один слой. Как и в других местах, хлебные печи быстро выходили из строя и часто сменяли друг друга.

На полу и в заполнении сооружения 6 найдены обломки глиняной посуды XII – начала XIII в., кости животных (часть из них обожжена), обломки точильных брусков, серебряная пряжка, два серебряных проволочных височных кольца, замок без дужки (рис. 38, 27–29; 50, 17). Сверху сооружение было забросано большими камнями, как и другие углубленные постройки святилища, прекратившие свое существование.

На месте другой западины, также находившейся между капищами 2 и 3, раскопано сооружение 12 – в принципе, такое же, как сооружение 6. Оно было прямоугольным в плане, расположено на склоне, имело вход в виде ступеньки (рис. 61, 1). В северной, самой высокой материковой стене подбоем вырезаны три нишеобразные печи обычной конструкции, находящиеся на разной высоте над полом и использовавшиеся не одновременно. Также последовательно помещение заполняли слоями угля и чистой глиной. После того, как сооружение было оставлено, его забросали камнями.

На месте углубленной постройки 12 в XIII в. был построен наземный дом (сооружение 13). От него сохранился темный культурный слой с угольками и несколько столбовых ям. Но его контуры из-за деревьев установить не удалось. В доме была вылеплена из глины печь (ее стенки сохранились на высоте 40 см) (рис. 61). Культурный слой дома содержал много вещей: около 30 обломков стеклянных браслетов, семь ножей, ключ, бубенчик, маленькая зерновая бусина, две пряжки, пряслице, две иглы, жернова, колечко от кольчуги, семь железных накладок на уздечку, удила, шпора, скребница, серебряная гривна киевского типа (рис. 51, 6-8; 57, 4, 10; 60, 6-14). Здесь же находилось большое количество костей животных, в том числе зубы и челюсти, принадлежавшие крупному и мелкому рогатому скоту, свинье и лошади.

Наземное сооружение 13, по-видимому, было предназначено для хранения вещей и продуктов, которые употребляли для жертвоприношений. Найденные здесь предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила, остатки узды, скребница), возможно, принадлежали священному коню. Кони, посвященные Святовиту, имелись на Арконе и там же найдены седло и узда священного коня (Фамицын А.С., 1884, с. 201-209).

Рядом с сооружениями 12 и 13 на месте еще одной западины раскопано сооружение 5, расположенное на крутом склоне (рис. 27; 62). Оно прямоугольной формы, вытянуто с севера на юг, его глубина в зависимости от склона колеблется от 0,4 до 1,1 м. Дно сооружения покрыто углем и в двух местах обожжено до красного цвета. Помещение, вероятно, не имело стен и было перекрыто навесом, опиравшимся на склон и столбы. Оно также использовалось многократно и его котлован заполнялся постепенно.

В ранний период его существования на обожженных пятнах пола были положены жертвы. На пятне, находившемся в центре пола, были помещены кости человека (ребра, части таза, бедренная кость) частично обожженные. Между ребер было воткнуто в землю шило, рядом лежали нож, полуторооборотное височное кольцо, два клыка кабана, обломки ошлакованного сосуда XII в. Здесь же были насыпаны обгоревшие зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса и проса. На соседнем пятне также находились разрозненные кости человека (ребра, несколько позвонков, кости рук), два ножа и рядом кучкой лежали обожженные хлебные зерна и два перекрещивающихся серпа. Третий серп и развал сосуда (рис. 50, 9-16) были помещены несколько в стороне. На том же уровне у северо-западного угла помещения лежал череп мужчины 20-30 лет, плечевая и локтевая кости левой руки. Череп лежал на правом виске и был частично обожжен. Около него также насыпаны

обгоревшие зерна и поставлен горшок (рис. 38, 24–26; 62, 2). Здесь же на уровне пола в материковой стене подбоем была выкопана нишеобразная хлебная печь.

Затем всё, что находилось на полу, было засыпано слоем желтой глины толщиной 10–15 см, в котором найдены массивный витой браслет, сделанный из серебра и разогнутый, четыре переплетенных между собой золотых височных кольца с надетыми на них полыми золотыми бусинами (рис. 37, 7–11).

Во время вторичного использования слой насыпанной глины был вновь обожжен и в центре помещения из камней выложена площадка диаметром 0,8 м (рис. 62, 2). На площадке находился череп мужчины 40–50 лет, положенный на правом боку теменной частью к югу. Рядом с ним лежали развалы горшков, миниатюрный трубчатый замок, обломки стеклянных браслетов, кости крупного и мелкого рогатого скота. Всё это вместе с каменной площадкой в свою очередь было засыпано слоем глины толщиной 15–20 см (рис. 62, 3) и в этом слое найдено еще одно полуторооборотное височное кольцо и обломок розетковидной золотой бляшки. В северной материковой стене почти засыпанного помещения была вновь вырезана нишеобразная хлебная печь, которая оказалась уже на высоте 70 см над полом сооружения. После завершения всех обрядов помещение было заброшено крупными камнями.

Котлован сооружения 5 был выкопан на месте, где в материковом склоне в более раннее время находились четыре нишеобразные хлебные печи, также использовавшиеся не одновременно и частично перекрывающие одна другую. При исследовании этих печей найден один черепок сосуда XI в. Таким образом, хлебные печи, игравшие существенную роль в религиозных обрядах, сооружались постоянно во время функционирования святилища Звенигород. Ритуальное хлебопечение сопровождалось жертвоприношениями, иногда довольно дорогими, о чем свидетельствуют находки в сооружении 5.

Хлебные печи помещались не только в углубленных помещениях. Такая печь была вырезана в склоне земляного вала, но и перед ней совершались жертвоприношения, для чего были устроены специальные площадки (сооружение 15). Площадки использовались последовательно одна за другой и лежали на разном уровне (рис. 29, 3; 30, 2–4). Диаметры площадок – 4 м, каждая из них окружена рядом камней. В центре нижней площадки находился прямоугольный очаг и на ее уровне в валу помещена хлебная печь. На площадке найдены обломки посуды XII в. и кости животных. Позднее площадка засыпана слоем глины. На нем возобновлена такая же площадка с очагом в середине

и обожженной поверхностью, на которой также лежали кости животных, находились обломки стеклянных браслетов, ножи, часть жернова и более поздняя керамика XII – начала XIII в. Здесь же был положен фрагмент черепа человека. По своим особенностям – круглой форме, ограждению из камней, горевшему в центре огню, находкам вещей и костей – обе площадки перед хлебной печью принадлежат к типу жертвенных.

На верхней, сакральной части городища Звенигород никаких жилых и хозяйственных сооружений не обнаружено. Все открытые здесь объекты оказались культовыми, характерными для славянских святилищ. Эта часть окружена двумя дугообразными и земляным валами, на вершинах которых находились ровные площадки, горели огни, приносились жертвы. Капища, расположенные на всех самых высоких местах городища, повторяли излюбленную язычниками форму круга. Одно из капищ (3), имевшее конструктивным центром такой же круг, было осложнено дополнительными площадками, выполнявшими разные ритуальные цели. Вокруг круглых площадок-капищ сконцентрированы многократно использовавшиеся жертвенные ямы и углубленные объекты с хлебными печами и остатками жертвоприношений, стояли длинные наземные дома, где хранились вещи и продукты для жертвоприношений.

На склоне сакральной части ниже капищ видны еще несколько западин (рис. 27). Вероятнее всего, они также являются остатками типичных для городища углубленных жертвенных помещений. Они оставлены нетронутыми для будущих исследований.

Вторая часть городища Звенигород, отделенная от сакральной внутренним дугообразным валом, расположена южнее и на 15 м ниже капищ (рис. 27). Поверхность этой площадки круто спускается к югу (размеры площадки 120 x 200 м, перепад высот на ней 40 м). На склоне площадки выделяются две горизонтальные террасы, на которых были расположены длинные наземные дома 1 и 9. Пол домов вымощен камнями, на нем залегал слой толщиной 15–20 см, насыщенный обломками посуды, костями домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи). Кости часто разрублены на куски и раздроблены, по всей вероятности они остались от общественных пиршеств. Еще один наземный дом (10) стоял вдоль внутреннего дугообразного вала на вершине южной площадки городища. Здесь площадка совершенно разрушена при добыче камня, но в выбросах и небольших останках виден культурный слой в 30 см толщиной, содержащий обломки посуды и кости животных (рис. 38, 41–43). Здесь найдены ключи от дверных замков, ножи, шпоры, обломок косы.

За пределами наземных домов на южной площадке нет культурного слоя, но видны западины нескольких углубленных построек. Пять из них расположены в один ряд вдоль восточного склона площадки. На месте одной из западин раскопано углубленное в каменистый материк жилище, в углу которого были специально оставлены материковые глыбы и к ним пристроена примитивная печь-каменка (рис. 63, 1). Жилище имело деревянные стены столбовой конструкции и пол, выстланный деревом. На полу найдены обломки посуды первой половины XII в. и целый стеклянный браслет небольшого диаметра (рис. 57, 7), железный ключ. Возле жилища нет культурных напластований и хозяйственных построек; его обитатели, по-видимому, не занимались хозяйственной деятельностью. Это жилище напоминает постройки, раскопанные на общественной части городища Богит и, вероятно, тоже могло принадлежать служителям культа.

Еще одна западина на южной площадке городища была расположена на террасе около длинного дома 1 и дороги, ведущей на сакральную часть городища (рис. 27; 49, 1–3). Здесь находилась прямоугольная яма, на обожженном полу которой лежал скелет подростка (около 11 лет) в скорченном положении, с коленями и руками, подтянутыми к подбородку. Скелет лежал на правом боку и ориентирован головой к югу. Кругом него на полу уложены большие камни. К югу от костяка пол был выложен кусками туш животных (позвонки с ребрами, кости ног не менее, чем от 10 молодых особей крупного рогатого скота). С западной стороны этого скопления в один ряд помещены челюсти коров. Здесь найдены черепки сосудов XI–XII вв., точильный брусок и среди костей в землю воткнут наконечник стрелы (рис. 50, 1). Сверху всё забросано большими камнями, как это делали во всех сооружениях на городище после прекращения их существования. В этой яме (сооружение 3) было совершено человеческое жертвоприношение, а сопровождающие его съедобные части домашних животных, вероятно, были предназначены для «кормления» богов.

Вся южная площадка городища Звенигород, застроенная длинными наземными домами, служившими местами сборищ и пиршеств, примитивными жилищами, где, возможно, жили служители культа, выполняла такую же роль, что и общественная часть городища Богит. Здесь же совершались и жертвоприношения, но, в отличие от сакральной части городища, на южной площадке не было капищ, не проводились такие массовые жертвоприношения и нет такого обилия и разнообразия жертвенных вещей.

Такое же общественное значение имели постройки, размещенные на двух террасах, расположенных по склону к востоку от въезда

(рис. 27). На нижней из этих террас, выбитой в каменистом склоне у подножия горы около целебного источника, находились два длинных общественных дома 5 и 6. В шурфах на их месте обнаружен каменный пол домов и обломки посуды XII – начала XIII вв. Вполне возможно, что здесь происходили собрания язычников и обряды, связанные с почитанием источника. Источник до сих пор считается целебным и местные жители его называют «глазным». Почтение могла вызывать таинственность этого источника, который бьет из-под скалы и через несколько метров исчезает под землей.

На второй террасе, расположенной в 30 м выше по склону (ширина террасы 6–7 м), находился целый комплекс культовых сооружений. Они сплошным рядом занимали всю площадь террасы. Первой от въезда была жертвенная яма (сооружение 1), на дне которой лежал целый костяк коровы (рис. 49, 4). Кругом него разбросаны черепки посуды XI–XII вв. и обломки стеклянных браслетов, побывавшие в огне. За ямой следовал длинный наземный дом 3, стены которого были сложены из горизонтально положенных бревен, опиравшихся на столбы-стояки. Вход в дом имел вид выступающего тамбура, также столбовой конструкции. Он способствовал сохранению тепла в доме, которым, вероятно, пользовались и зимой. На вымощенном камнями полу дома находились глинобитный очаг и сложенная из камней возвышенная площадка, может быть, служившая столом. В слое на полу дома лежали обломки посуды XI–XII вв., развалы горшков, кости домашних животных, часто расколотые. Вероятно, этот дом служил для сходов и пиров (рис. 35, 1–3).

Следующим на террасе было сооружение 2, представляющее собой прямоугольное помещение, углубленное в материк (рис. 64). От его стен сохранились столбовые ямы и куски обгоревшего дерева, вход был сделан в виде материковой ступеньки. Напротив входа в материковой стене помещения вырезана хлебная печь, устье которой закладывали крупными камнями. Вдоль длинной стены сооружения в материке вырезана ступенька (ширина ее 60 см, высота над полом 20 см), поверхность которой местами выложена каменными плитками и обожжена, так что на ней можно было стоять или сидеть. Пол помещения покрыт углем и в некоторых местах сильно прокален, особенно интенсивно в средней части. К западу от обожженного пятна на полу лежали разрозненные кости не менее чем трех скелетов детей в возрасте от 2 до 11 лет. Здесь находились кости рук, ног, отдельные позвонки, ключицы. Между костями найдены черепки XII в., побывавшие в огне, бусина-пронизка, тонкое проволочное колечко. Все, что лежало на полу, было засыпано слоем серой земли толщиной 10–15 см,

а сверху на нем разожжен огонь. На верхнем углистом слое были положены череп взрослого человека и разрозненные кости рук, ног и шейные позвонки. На том же уровне в северной части помещения лежали куски черепа мужчины и несколько костей. Кругом человеческих костей набросаны камни, кости животных, положена железная скоба и остался обруч от деревянного ведра. Много костей животных лежало при входе в помещение, здесь же найдена бусина-пронизка и полутораоборотное височное кольцо из тонкой проволоки. Все остатки жертвоприношений были заброшены большими камнями, которых особенно много около хлебной печи.

Дальше на террасе находилась огромная западина колодца (рис. 63, 3, 4). Западина конусовидной формы имеет диаметр 15 м и глубину около 5 м. При расчистке ее дна оказалось, что в глубину уходит шахта колодца, имеющая квадратную форму (2,4 x 2,4 м), выбитая в скалистом материке и забитая глиной и камнями. Здесь же обнаружен скорченный костяк мужчины 30–35 лет. Череп его пробит в теменной части острым орудием. Рядом лежал топор, оковка деревянной лопаты и черепки XII в. (рис. 32, 6). По-видимому, убитый человек был брошен в полужасыпанный колодец в виде жертвы. Сам колодец не имел практического значения, так как не было необходимости долбить здесь твердую скалу, когда у ее подножия вытекал чистый «глазной» источник и к нему от террасы была проложена по склону дорожка, вымощенная камнями. Городище с этой стороны не было защищено, оно не приспособлено для длительной осады, когда могли бы потребоваться запасы воды. Культовые колодцы, как уже отмечалось, являлись частой принадлежностью языческих святилищ.

Завершал ряд построек на террасе длинный наземный дом 4. Его поверхность покрыта деревьями, так что можно видеть лишь оставшуюся от него ровную площадку длиной до 50 м и тонкий культурный слой на ней. Рядом с этим домом в склоне над террасой вырезано небольшое квадратное помещение и нишевидная печь в нем (сооружение 8). В отличие от других эта печь имела дымоход, вырезанный в виде круглой трубы в материковой глине (рис. 63, 2). В помещении обнаружены кости животных, обломки посуды XI–XII вв., проволочные височные кольца (рис. 57, 5, 6; 60, 1–4). В этом помещении могли готовить пищу для общественных пиров, происходивших в длинных домах.

Городище Звенигород находилось в окружении синхронных поселений. Самое раннее селище «У двух источников» существовало в X в. и занимало удобную для жизни террасу коренного берега Збруча. Поселения Замчище и Хаща возникли несколько позднее, на них жили в XI–XII вв. Оба эти поселения явно тяготели к святилищу и

были расположены на трудных для обитания высоких холмах севернее Звенигорода. На Замчище раскопано несколько обычных жилых домов-полуземлянок с печами-каменками в углу и мастерских, где занимались ремесленной деятельностью. Раскопана целая усадьба, состоявшая из двух разновременных домов и нескольких хозяйственных построек (рис. 65). Здесь же выявлено пахотное поле, с поверхности которого были убраны и сложены по краям камни (рис. 27).

Большие площади раскопаны на селище Бабина долина, расположенном по склону глубокого оврага Слепой яр, где течет ручей и находятся целебные источники. Это место сырое, лишенное солнца и существование здесь поселения было вызвано тяготением к святилищу и к священным источникам. На селище раскопана целая усадьба, многие жилые дома и ремесленные мастерские, относившиеся к XI–XII вв. После того как часть поселения уже была покинута жителями, здесь около священных источников возникли два культовых сооружения (рис. 66, 2; 67; 68; 69, 2).

Одно из культовых сооружений (5) было такого же типа, как и на городище Звенигород: прямоугольная постройка со столбовой конструкцией стен и хлебной печью. Но состав и расположение находок были несколько необычными. В центре печи лежал череп ребенка, а с обеих его сторон были положены две согнутые в коленях ножки теленка, направленные копытцами к черепу. Здесь же находились пережженные кости, нож, точило, развал сосуда. На пол сооружения был брошен костяк женщины, лишенный головы, с раскинутыми в стороны руками и ногами (рис. 67, 2). От одежды женщины сохранились поясная пряжка, провололочные височные колечки, подковки от обуви. Отдельно на полу в анатомическом порядке лежали кисти рук подростка 12–14 лет, челюсть и отдельные кости ребенка 7–12 лет, здесь же находились височные кольца, звездчатая привеска, бусина, обрывок кольчуги, обломки посуды XII – начала XIII в., челюсти и кости конечностей крупного рогатого скота. Всё помещение на завершающем этапе его существования было засыпано глиной, завалено большими камнями, сверху положен фрагмент черепа человека и разожжен огонь. В этом помещении проводили разные обряды, в частности, связанные с почитанием хлебной печи, здесь разрубали жертвы, а часть костей, например, череп женщины, могли быть унесены для совершения ритуалов в другом месте.

Вторым культовым объектом на селище Бабина долина была специально устроенная жертвенная площадка, выровненная на склоне и частично перекрывшая более раннее жилище (рис. 67, 1; 68). Как обычные жертвенные площадки, она имела почти круглую форму, ее

северный склон был выложен булыжником и ограничен более крупными камнями. В центре площадки находилось пятно прожженной глины, к западу от него лежал костяк мужчины 40–45 лет, положенный на спине с поджатыми к груди руками и ногами. Его череп находился отдельно среди костей животных. Кругом прожженного пятна были уложены в один слой части туш крупных рогатых животных (позвонки с ребрами, таз, кости конечностей) и семь бычьих черепов, лежавшие на шейном основании и повернутые в сторону центра площадки. Здесь же в один ряд были уложены коровьи челюсти. Среди костей были поставлены четыре сосуда.

В материковом склоне над площадкой вырезана нишеобразная хлебная печь, в которую был втиснут скорченный скелет подростка, положенный на правом боку головой к северу (рис. 69, 2). Рядом с ним находились два проволочных колечка и точильный брусок. После окончания всех ритуальных действий площадка была завалена камнями, две большие глыбы положены в центре на кострище и все засыпано землей.

Круглая форма площадки, каменное ограждение, разжигание в центре огня, наличие хлебной печи, принесение в жертву съедобных частей животных, их черепов и челюстей, жертвоприношения людей – все это типично для языческих культовых мест. По керамическому материалу, находке проволочного кольца большого диаметра с нанизанными на него полыми металлическими бусинами, распространенными в XIII в. (Рабинович М.Г., 1953, с. 332), и прямоугольного кресала, которое входило в употребление в середине XIII в. (Колчин Б.А., 1959, с. 100), а также по стратиграфическим наблюдениям, жертвенная площадка возникла в середине XIII в., когда и на самом городище происходила активизация религиозной деятельности. Расположение жертвенной площадки за пределами городища-святилища, возможно, было связано с поклонением вытекающим здесь священным источникам.

Помимо уже упомянутых поселений, рядом с Звенигородом располагалось большое селище в урочище Стадна. Оно занимало часть крутого склона городищенского холма, но основная его площадь лежала на пологом берегу Збруча, удобном для жизни и для пахоты. На поселении раскопаны три хозяйственные помещения, в одном из которых находился горн, сложенный из камней. Здесь найдена керамика XI–XIII вв. и пятилучевая подвеска середины XIII в. (рис. 57, 12). Это поселение продолжало существовать во второй половине XIII в. и, возможно, в XIV в. Еще одно поселение в урочище Сиванка, относившееся к X–XIII вв., находилось на противоположном берегу Збруча.

Городище Звенигород, как и Богит, являлось связующим центром для окрестных неукрепленных поселений. Городище также возникло на месте укрепления скифского времени, более древние валы которого были использованы славянами. Они же насыпали и дополнительный земляной вал. Валы городища ни по своей конструкции, ни по расположению не были приспособлены для обороны. На их плоских вершинах и ровном дне рвов находились площадки для огней и жертвоприношений. Городище Звенигород, как и Богит, было разделено на две части – сакральную и общественную. На сакральной части были расположены круглые капища, жертвенные ямы и сооружения с хлебными печами, жертвенные площадки, длинные дома для хранения богатств святилища. На общественной части стояли длинные дома для общественных пиров и сходов, ямы для одноразовых жертвоприношений, жилища служителей культа. Особенностью Звенигорода является только богатство и разнообразие найденных на нем жертвенных даров. На обоих городищах отсутствуют обычные жилые и хозяйственные постройки, их площадки не были пригодны для постоянного заселения. Святилища Богит и Звенигород не были разрушены врагами, на них нет следов разгрома. Они были оставлены преднамеренно, все культовые объекты засыпаны землей и заброшены камнями, идолы убраны, а жертвоприношения, в том числе дорогие золотые и серебряные вещи, оставлены на месте.

Датировка збручских святилищ

Найденные на святилище Звенигород вещи характерны для древней Руси и в целом относятся к периоду с X–XI до XIII в. включительно. Часть из них имеет более узкую датировку, но, как правило, в пределах не менее двух веков, и лишь некоторые вещи бытовали в строго ограниченный отрезок времени. Последнее относится, главным образом, к вещам, появившимся в XIII в., что особенно важно, так как определяет конечную дату существования святилища. Основная часть находок происходит с открытых капищ, площадки которых насыщены разновременным материалом, и период их функционирования может быть определен только суммарно. К закрытым комплексам на городище могут быть отнесены углубленные культовые сооружения, использовавшиеся неоднократно, в заполнении которых выделяются стерильные прослойки. Единообразие культуры по всей территории Киевской Руси позволяет привлекать в качестве аналогий материалы достаточно удаленных памятников, вплоть до Новгорода, но преиму-

шественно всё же использованы данные из юго-западных областей Руси, тем более что некоторые вещи имеют узкое распространение и, вероятно, произведены на месте. Даты, полученные по вещам, подтверждаются массовым керамическим материалом, в котором также есть локальные особенности.

Находки в Звенигороде достаточно разнообразны и принадлежат к нескольким категориям вещей – это женские украшения, предметы вооружения и снаряжения всадника, орудия труда, различные бытовые вещи и предметы христианского культа. Для определения времени существования и области распространения все находки рассмотрены по категориям.

Среди украшений значительную серию составляют височные кольца, сделанные из бронзы, серебра и золота и относящиеся к разным типам. Перстнеобразные кольца из тонкой проволоки, концы которой сходятся вместе (капища 3, сооружение 10), были широко распространены во всех славянских землях, по крайней мере, с IX до XIII в. Полутораоборотные кольца с заходящими друг за друга концами (капища 1, 2, 3, сооружения 5, 10) датируются тем же временем и хорошо известны в восточнославянских землях, тогда как у западных славян они встречаются редко (рис. 31, 16; 47, 9; 54, 16; 56, 1).

Характерны для юго-западных областей Руси проволочные кольца, один конец которых отогнут наружу завитком (капища 1, 2, 3, длинный дом 8) (рис. 31, 17; 56, 2). Такие кольца в западнославянских землях известны уже с VII–VIII вв. (Musianowicz K., 1949, S. 192) и были распространены у восточных славян в X–XIII вв. Но специфически западных колец с эсвидным окончанием в Звенигороде не найдено, хотя они довольно часто встречаются на окружающих Звенигород землях (Левашева В.П., 1967, с. 17).

Своеобразные проволочные височные кольца, один конец которых повернут в обратную сторону и иногда еще снабжен завитком (капища 2, 3, сооружения 8, 10, 11, длинный дом 8) (рис. 45, 9–14; 47, 10–12; 53, 10; 56, 3; 60, 1–4), были распространены только в западных землях Киевской Руси (рис. 70). Они встречаются в могильниках Поднестровья (Ратич О.О., 1957, рис. XI, 2, 3; Власова Г.М., 1962, с. 248; Томенчук Б.П., 1985, с. 88–95), на городищах, расположенных здесь же, то есть сконцентрированы в пределах Галицкого княжества (Свешніков І.К., 1987; Кучера М.А., 1962, рис. 17, 6; Раппопорт П.А., 1971, рис. 29, 4; Тимошук Б.О., 1969, с. 75; Піскова Г.О., 1988, рис. 1, 10–20; Юра Р.О., 1962, рис. 32, 4, 5; Довідник... 1984, с. 85; Rauhut L., 1960, Tab. XVI, 1, 2; XXII, 1, 2). За пределами этого княжества единичные кольца такого типа найдены в Понеманье и Белостокском воеводст-

ве Польши (Гуревич Ф.Д., 1962, с. 129; Павлова К.В., 1974, рис. 19, 14–21; Musianowicz K., 1955, S. 267–268), куда проникало влияние и простирались притязания галицко-волынских князей. В небольшом числе эти кольца попадали на прилегающие соседние земли, где они найдены в курганах Сурожа, Олевска, на земле дреговичей, в городах Турове и Бресте (Антонович В.Б., 1901; Яроцкий Я.В., 1903, с. 186–190; Успенская А.В., 1953, с. 122; Лысенко П.Ф., 1985, с. 260; 1974, рис. 9, 5). Самым восточным пунктом их проникновения является Райковецкое городище (Гончаров В.К., 1950, табл. XX, 18). Возможно, центр производства колец с обратным перегибом находился в Галицкой земле и оттуда кольца распространялись в сопредельные земли. Во всех случаях, когда для этого имеются данные, кольца с обратным перегибом датируются серединой XII – XIII вв.

Помимо проволоочных колец, в Звенигороде найдены височные кольца с надетыми на дужку тремя бусинами. Кольца с гладкими бусинами, сложенными из двух половинок, и проволоочной обмоткой между ними (сооружение 5 – четыре экземпляра, сделанных из золота, длинный дом 8 – два серебряных кольца, **рис. 37, 3, 4, 7–10**), а также с бусинами, украшенными зернью и филигранью (длинный дом 8 – два серебряных кольца, капище 3, **рис. 37, 1, 2; 47, 17**), широко употреблялись в XII – первой половине XIII в. и известны по находкам в кладах, зарытых между 70 гг. XII в. и 40 гг. XIII в. в Киеве, Княжьей Горе, Изяславле, Городище Хмельницкой обл., на Райковецком городище, в курганах Побужья, в Старой Рязани и т.д. (Корзухина Г.Ф., 1954; Піскова Г.О., 1988; Якубовський В.І., 1975, рис. 11; Гончаров В.К., 1950, табл. XX, 6–9; Коробушкина Т.Н., 1988, рис. 2; Даркевич В.П., 1974, рис. 11, 2). Кольца с гладкими бусинами, возможно, появились несколько раньше, так как в кургане у Пекунова они найдены с денарием второй половины XI в. (Равдина Т.В., 1988, с. 96). Одно из колец Звенигорода, бусины которого украшены большими кругами с ажурной розеткой из четырех лепестков и шариком зерни в центре (**рис. 47, 17**), имеет аналогии в Изяславле и принадлежит к местному варианту трехбусинных колец (Піскова Г.О., 1988, с. 29).

Самым ранним является пятилучевое височное кольцо с ложной зернью и выпуклой дужкой на щитке, так называемого зарайского типа (капище 2, **рис. 57, 1**). Кольца этого типа имеют широкое распространение и датируются IX–X вв. (Рыбаков Б.А., 1948, с. 104–110; Ляпушкин И.И., 1958, с. 97; Кухаренко Ю.В., 1961, табл. 8, 21; Москаленко А.Н., 1965, рис. 42; Пушкина Т.А., 1987, рис. 1, 1). В отличие от большинства колец такого типа звенигородский экземпляр украшен шариками на концах лучей и внутренних зубчиков, что сближает его с найденным на городище Супруты (Недошивина Н.Г., 1960, рис. 1, 9).

К головным украшениям принадлежат колты, входившие в состав убора зажиточных горожанок. На капище 3 в Звенигороде лежали две половинки медных литых колтов, полых внутри и снабженных колечками для прикрепления дужки (рис. 54, 1, 2). На колтах изображены Древо жизни – крин и под ним треугольник, обращенный острием вверх, а по обе стороны древа прямостоящие птицы, хвосты которых разделены на три части в виде крина. В углублениях-лотках не сохранилось ни перегородок, ни следов эмали – возможно, изготовление колтов не было завершено. Найденные колты являлись примитивным и упрощенным вариантом золотых изделий с выемчатой эмалью, для которых была характерна сцена с двумя птицами по сторонам древа жизни. Медных подражаний золотым колтам известно всего четыре, из них два происходят из Киева и Райковецкого городища, а место находки двух других неизвестно. Медные подражания колтам сделаны гораздо примитивнее, чем их высокохудожественные образцы, и имеют, как и звенигородские, меньшую выемку у дужки (Макарова Т.И., 1975, с. 88).

С производством вещей с эмалью связаны медные матрицы, найденные на капище 3. Это четыре прямоугольных (22 x 26 мм) и массивных (толщиной 3–4 мм) пластинки с углубленным орнаментом одной стороны и гладкой оборотной поверхностью (рис. 54, 7–10). На одной из них изображено дерево, контуры которого обведены семью полукругами и выделено массивное основание. На трех остальных матрицах помещены изображения птиц с прямостоящими лапками, длинным носиком и таким же, как на колтах, тройным хвостом. Матрицы предназначались для изготовления бляшек на головные венчики – широко распространенное украшение женщин, в том числе и жительниц Галицкого княжества (Ратич О.О., 1957, с. 45–68). По рисунку и по довольно грубому и примитивному изготовлению звенигородские бляшки подобны найденным здесь же колтам и, вероятно, входили в состав одного стилистически близкого убора. Отсутствие аналогий таким изделиям в других частях Руси позволяет сделать предположение о существовании местного галицкого центра производства вещей с эмалью. О наличии своего эмальерного дела свидетельствуют и другие находки в Галиче (Макарова Т.И., 1975, с. 22).

В такой же «местной» манере выполнены две медные литые подвески квадрифолийной формы, имеющие выемки для эмали (капище 3, рис. 54, 5, 6). Одна из них снабжена ушком для подвешивания, в ее средний квадрат вписан углубленный ромб для эмали, треугольными углублениями заполнены углы квадрата и окружающие его полукругия. У второй подвески в центре вписан круг и углублены лишь ободки в

углах квадрата и в полукружиях. По своей форме и орнаменту привески напоминают квадрифолийные бляшки рясен, найденных в Киеве и в Сахновке (Макарова Т.И., 1975, с. 44), но, конечно, золотые рясны из кладов по мастерству исполнения и тонкости рисунка не сравнимы с нашими. Форма квадрифолия распространяется в прикладном искусстве Руси довольно поздно – в середине XIII в. и особенно часто применялась уже в XIV в., когда появляются квадрифолийные кресты, мощевики, накладки (Николаева Т.В., 1976, с. 138–158). В Новгороде квадрифолийный щиток перстня относится к 30–60 гг. XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 137). В эволюционном ряду перстней, украшенных чернью, такая форма является самой поздней (Макарова Т.И., 1986, с. 48).

Широкоугольная бронзовая лунница, украшенная ложной зернью и шариками на концах (капище 3, **рис. 47, 1**), принадлежит к типу лунниц, распространенных в X–XI вв. (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 65; Журжалина Н.П., 1961, с. 126; Седова М.В., 1981, с. 24). Небольшие круторогие лунницы, одна гладкая (капище 3), вторая с растительным орнаментом (сооружение 11, **рис. 54, 5**), датируются XII–XIII вв. (Гольмстен В.В., 1914, с. 95–98; Седова М.В., 1981, с. 24).

Круглые ажурные подвески с вписанным в середину крестом, имеющим поперечные выступы на концах, так называемым «патриаршим» крестом (капище 3, **рис. 47, 8**), часто встречаются при раскопках городов, поселений и курганов, в том числе найдены в Галиче, Плиснеске, Звенигороде Львовском и везде относятся к XII–XIII вв. Менее известны круглые небольшие привески с четырьмя прорезями, расположенными крест-накрест (сооружение 14, **рис. 57, 9**), они датируются не ранее XIII в. и найдены в Галиче, Плиснеске, Зеленче (Власова Г.М., 1962, с. 257).

Бронзовая пятилучевая привеска с дужкой и полыми шариками на концах (капище 3, **рис. 57, 3**) принадлежит к изделиям, отлитым в имитационных формах и распространенным в XIII в. Вторая привеска такой же формы, но с рельефным орнаментом в виде розетки с одной стороны и концентрическими кругами с другой (длинный дом 8, **рис. 37, 5**), аналогична найденной на Княжьей Горе (Корзухина Г.Ф., 1950, с. 221, **рис. 1, 1**).

Своеобразна массивная, литая из бронзы круглая бляха с прорезями в середине, образующими крин с боковыми выступами около него (сооружение 11, **рис. 54, 1**). Аналогии ей найти не удалось.

Овальная привеска – медальон из горного хрусталя, окантованно-плетенкой из тонкой серебряной проволоки (**рис. 47, 2**), и вставка от такого же медальона (капище 3) принадлежат к местным галицко-волынским изделиям. Точные аналоги происходят из слоев вто-

рой половины XII – первой половины XIII в. Изяславля, Городища Хмельницкой области, Звенигорода Львовского (Піскова Г.О., 1987, рис. 1, 3, 4; Якубовський В.І., 1975, рис. 5, 3; Свешников І.К., 1987).

Круглые и грушевидные бубенчики с щелевидной или крестовидной прорезью (капище 3, сооружения 9, 12, длинный дом 9, **рис. 45**, 2, 3; **47**, 5; **53**, 1; **60**, 6) бытовали повсеместно с XI по XIV в. (Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967, с. 134; Журжалина Н.П., 1961, с. 138; Седова М.В., 1981, с. 156).

Зерненные бусины минского типа (капище 3, сооружение 13, длинный дом 7, **рис. 37**, 6; **60**, 7) были характерны не только для дреговичей, но часто встречаются в южнорусских землях, в частности в городах, погибших при монгольском нашествии – в Райках, Изяславле, Городище Хмельницкой области (Успенская А.В., 1953, с. 121; Гончаров В.К., 1950, табл. XVIII, 6; Якубовський В.І., 1975).

Бронзовая матрица для тиснения полых овальных реберчатых бусин (сооружение 11, **рис. 54**, 12) имеет аналогии в погребении ювелира на могильнике Пересопница X–XI вв. Бусина, сделанная на такой матрице, найдена в кладе у Юрковец Киевской губернии, зарытом на рубеже X–XI вв. (Мельник Е.Н., 1901, с. 506–511; Корзухина Г.Ф., 1954, с. 73). Матрица для таких бус, но несколько меньших размеров, происходит из мастерской ювелира в Новогрудке, а бусины, сделанные при помощи таких матриц, найдены вкладах конца XII – начала XIII в. и в Изяславле (Гуревич Ф.Д., 1974, с. 24; Корзухина Г.Ф., 1954, с. 128; Піскова Г.О., 1988, рис. 2, 19).

Стеклянные бусы из Звенигорода принадлежат к общерусским типам и точнее всего датируются по материалам Новгорода, что соответствует времени их бытования и в южнорусских землях. К наиболее ранним типам, распространенным в X–XI вв., относятся глазчатая бусина (сооружение 9), цилиндрическая фиолетовая (капище 1), рубленый бисер (капище 3) (Шапова Ю.Л., 1956, с. 171–178; Колчин Б.А., 1982, с. 168). Большинство бус из Звенигорода имело широкое распространение в XII–XIII вв.: шаровидная черная, бочонковидная, зонные голубая и ярко-зеленая, эллипсовидная гладкая, бисер голубой (капище 3), винтовидные зеленая и желтая (капища 1 и 2). К этому же времени относится сердоликовая бипирамидальная бусина (капище 1, **рис. 31**, 11, 13–15).

Обломками стеклянных браслетов усеяны площадки всех трех капищ в Звенигороде – на капище 3 их насчитывается до 260 и на капище 2 около 400. Найдены они почти во всех сооружениях на городище. По цветовой гамме среди браслетов преобладают оливковые и фиолетовые, в убывающем количестве встречаются зеленые, бирю-

зовые, желтоватые, синие, красные. По поперечному сечению среди них выделяются круглые гладкие, крученые, в меньшем количестве представлены треугольные и сегментовидные. Основная масса браслетов относится к киевскому производству и только девять обломков принадлежат к византийскому (определение и все подсчеты проведены Ю.Л. Щаповой). Стекланные браслеты входили в моду на Руси в конце XI в. и получили наиболее широкое распространение в городах во второй половине XII и в XIII вв., в Новгороде они встречались еще в первой половине XIV в. (Колчин Б.А., 1982, с. 159). По цветовой гамме звенигородские браслеты приближаются к составу, характерному для Изяслава в момент монгольского нашествия, что отражает закономерность в увеличении числа окрашенных браслетов в первые десятилетия XIII в. (Щапова Ю.Л., 1974, с. 87).

Металлические браслеты из круглой проволоки со сходящимися концами (капища 2 и 3, **рис. 45, 23**) бытовали повсеместно в X–XIV вв. Пластинчатые узкоконечные с завитками на концах (капище 3, сооружения 9 и 11, **рис. 45, 24; 53, 11; 57, 11**) были широко распространены со второй половины XI до XIV в. (Арциховский А.В., 1930, с. 21; Левашева В.П., 1967, с. 236; Седова М.В., 1981, с. 113). Витой двойной браслет с петлей на конце (капище 3, **рис. 45, 16**) принадлежит к типу, характерному для XI – начала XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 97; Лысенко П.Ф., 1985, с. 263). Витой тройной браслет с петлевидными концами (капище 3, сооружение 4, **рис. 50, 5**) относится к тому же времени (Колчин Б.А., 1982, с. 173). Массивный серебряный браслет, скрученный из толстой проволоки и имеющий склепанные концы (сооружение 5, **рис. 37, 11**), аналогичен новгородским, датируемым XII – второй половиной XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 98). Литой билонный браслет с ажурным плетеным узором и ложной пряжкой на конце (длинный дом 7, **рис. 36, 2**) подобен найденному в Новгороде в слое, датируемым 60-ми гг. XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 118, **рис. 15, 10**).

Перстни, сделанные из обломков пластинчатых браслетов, украшенных ромбическим узором, проведенным зубчатым колесиком (капище 3, сооружения 9 и 11, **рис. 53, 2**), имеют такую же широкую временную амплитуду, как и сами пластинчатые браслеты. Перстни с круглой вставкой (длинный дом 8, **рис. 36, 19**) были распространены во второй половине XII в. и бытовали до конца XIV в. (Седова М.В., 1981, с. 140; Гуревич Ф.Д., 1981, **рис. 66, 8**). Ажурный перстень с ромбическим щитком и арочками по бокам (капище 3, **рис. 45, 1; 47, 7**) имеет близкие аналогии в Новгороде, где подобные перстни датируются периодом с 30-х гг. XIII в. до середины XIV в. (Седова М.В., 1981, с. 136, **рис. 51, 27**).

Уникален массивный серебряный перстень, на круглом щитке которого гравировкой, заполненной чернью, нанесен знак собственности (рис. 45, 5; 47, 6). Знак представляет собой вертикальную черту с плавным отрогом влево, имеющим на конце завиток и снабженным еще тремя дополнительными отростками (капище 3). Перстень-печать с подобным знаком найден в кладе у Городища Хмельницкой области (Болоховская земля), второй перстень с таким знаком хранится в Киевском историческом музее (Якубовський В.І., 1975, с. 102; Макарова Т.И., 1986, с. 131, рис. 16, 85). Данный знак относится к группе, имеющей форму багра (Янин В.Л., 1970, с. 134–137), и его возникновение можно связывать с эволюцией знака Юрия Долгорукого у его внуков от Ростислава Юрьевича или Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (Рыбаков Б.А., 1940, с. 235; Янин В.Л., 1956, с. 10–16, рис. 5, 3–5). А.В. Куза обратил внимание на такой знак, изображенный на ктиторовой фреске Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде, и связал его с сыном Всеволода Большое Гнездо – Ярославом Всеволодовичем или с его внуком Александром Ярославичем Невским (Куза А.В., 1966, с. 97–100). Подобные знаки помещены на двух актовых печатях, найденных в Новгороде (Янин В.Л., 1970, № 308, 309). На перстнях из Городища и Киева имеются усложнения – «отпятныши», что делает возможной их принадлежность разным представителям семьи суздальских князей (Макарова Т.И., 1988, с. 246). Находки в Галицкой земле перстней со знаками суздальских князей неудивительны. В Галиче были обнаружены еще два перстня, знаки на которых В.Л. Янин сопоставил со знаком Всеволода Большое Гнездо (Ратич О.О., 1957, табл. XI, 12, 16; Володченко З.А., 1951, с. 62–67; Янин В.Л., 1956, с. 14). Политические, династические и культурные связи между Галицко-Волынским и Владимиро-Суздальским княжествами существовали долгое время и князья этих земель несколько раз заключали союзы в борьбе против Киева и Чернигова. Во всяком случае, можно считать, что найденный в Звенигороде перстень принадлежал представителю княжеского или крупного боярского рода.

Многочисленные пряжки, сделанные из бронзы и железа, принадлежат к типам, имевшим длительное использование. Самые обычные из них: круглая с язычком (длинный дом 2, площадка на валу 2), полукруглая с прямой спинкой (капище 3, сооружение 11, длинный дом 7), прямоугольная с язычком (капище 3, сооружение 13), прямоугольная с вогнутыми длинными сторонами (площадка на валу 2) (рис. 31, 2; 34, 3; 36, 3; 45, 17, 19; 53, 9; 60, 8). Индивидуальную форму имеет пряжка с язычком, украшенным двумя полукруглыми выступами (капище 2, рис. 57, 3). Бронзовые пряжки вытянутой овальной формы, с прямой

спинкой, корпус которых украшен рифлением и насечкой (капище 3, **рис. 45**, 20-22), имеют аналогии на Бородинском городище конца XII-XIII вв. (Седов В.В., 1960, с. 117), на Княжьей Горе (Rauhut L., 1960, Tab. VII, 3). Округлые пряжки с узким держателем (капище 3, сооружение 13, **рис. 45**, 18) принадлежат к поздним вариантам лировидных пряжек. Лировидная пряжка с прямоугольным приемником найдена в сооружении 14 (**рис. 57**, 8).

Среди предметов вооружения самыми многочисленными являются наконечники стрел, большая часть которых датируется очень широко - от IX до XIII-XIV вв. Многие из них найдены в южнорусских городах и крепостях - Райках, Колодяжине, Изяславле, особенно большое их количество происходит из Княжьей Горы (Шендрик Н.И., 1958). По типологии А.Ф. Медведева (1966, с. 56-88) это различные черешковые ромбические и ромбовидные наконечники типа 43 (капище 1, длинный дом 8), типа 46 (капище 3, длинный дом 7), типа 48 (сооружение 3), ланцетовидные наконечники типа 62 (капище 3), лавролистные типа 63 (капище 3, сооружение 11), граненые шиловидные типа 93 (капище 3) и типа 95 (капище 2), а также втульчатые наконечники (более характерные для западнославянских земель), двушипные типа 2 (капище 3, длинные дома 7 и 8) (**рис. 36**, 6, 20; **32**, 2, 3; **48**, 1-5; **50**, 1; **56**, 11).

К более раннему времени, к IX-XI вв., могут быть отнесены ромбовидные наконечники с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками типа 45 (капища 1 и 3). Определенно к позднему периоду, к XII - первой половине XIII в., принадлежат двурогие срезни типа 60 (длинный дом 8, **рис. 32**, 1), килевидные вытянутые типа 33 (капище 2), граненые шиловидные с простым упором типа 94 (капище 3) и с боковыми выступами типа 32 (капища 1 и 2, сооружение 4, **рис. 56**, 8, 9, 10). Совсем поздним временем, XIII-XIV вв., датируются срезни в виде лопаточки с тупоугольным острием типа 68 (сооружение 14, **рис. 51**, 3), занесенные на Русь монголами. К этому же времени относятся наконечники в виде круглой лопаточки, ровно срезанные сверху (капище 3, **рис. 48**, 8), подобные есть среди золотоордынских стрел типа BVIII по Г.А. Федорову-Давыдову (1966, с. 26, 27; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, **рис. 72**, 55). В поздний период были распространены треугольные в сечении костяные уплощенные наконечники стрел (сооружение 14, длинный дом 8, **рис. 36**, 12).

Наконечник копья найден только один (площадка на валу 2, **рис. 34**, 1). У него узкий четырехгранный стержень типа пики, воронковидная втулка. Такие копья служили для пробивания металлического доспеха и являлись типичным оружием азиатских воинов-кочевников

в период с X до XII-XIII вв., особенно в последние столетия, когда лезвие копья сужается (Кирпичников А.Н., 1966б, с. 15, 16).

Меч с обломанным концом и без навершия найден в длинном доме 7 (рис. 58, 8). Его изогнутое железное перекрестие, круглое в поперечном сечении и имеющее слегка расширяющиеся концы, характерно для мечей первой половины XIII в. (Кирпичников А.Н., 1966а, с. 55). Оковка ножен меча с геометрическим прорезным орнаментом (длинный дом 7, рис. 58,9) и вторая оковка в виде металлической рамки с овальным концом и каплей внизу относятся также к первой половине XIII в. (Кирпичников А.Н., 1975, с. 33, 34).

Несколько колечек от кольчуги, плоских, диаметром 15 мм (капище 3), принадлежат к типу кольчуг, которые распространились в южнорусских землях с начала XIII в. (Кирпичников А.Н., 1971, с. 14). Прямоугольные пластины от панциря с дырочками для крепления (капище 3, сооружение 14, рис. 51, 4) известны с X в., но особенно были распространены в XIII-XIV вв. (Медведев А.Ф., 1959, с. 132).

Наиболее ранние шпоры с отогнутыми наружу крючками для крепления (сооружение 9) датируются не позднее IX-X вв. (Кирпичников А.Н., 1973, с. 57). Легкие шпоры (типа II по А.Н. Кирпичникову), предназначенные для стрелков-лучников (сооружение 4), шпоры типа III и IV, массивные, служившие тяжеловооруженным всадникам и известные по всей Европе (капища 2 и 3, длинные дома 2 и 8, сооружение 4, южная площадка городища, рис. 31, 25, 26; 32, 4, 5; 34, 9; 36, 14, 15; 48, 10, 11; 50, 5, 6; 51, 7, 10, 11; 56, 18) употреблялись в XII - первой половине XIII в. Самыми поздними являются шпоры типа V, снабженные вместо шипа зубчатым колесиком, они появились в южной Руси в 1220-1230 гг. и господствовали в XIV-XV вв. (сооружение 11, рис. 48, 9) (Кирпичников А.Н., 1973, с. 62-68). В Польше такие шпоры распространились лишь в XIV в. (Hilczerówna Z., 1956, S. 203-207).

Стремена арочной формы с прямой подножкой и прямоугольным выступом для ушка (капище 3, рис. 32, 3) могут быть датированы второй половиной XII - первой половиной XIII в. и особенно характерны для областей от Поросья до Вольни (Кирпичников А.Н., 1973, с. 51). Такие стремена были предназначены для тяжеловооруженных всадников.

Удила с кольцами (капище 3, сооружение 9, длинные дома 7 и 8, рис. 34, 5; 48, 12; 53, 4; 58, 11) употреблялись длительное время, с IX до XIII в. (Кирпичников А.Н., 1973, с. 19). Аналогии удилам с фигурной ковкой и нарезным орнаментом (длинный дом 8, рис. 36, 16) есть в Новогрудке, Воищине, Изяславле, Поросье в памятниках конца XII - XIII вв. Удила с большими кольцами (диаметром до 7 см), предназначенные для слабоуздых, то есть очень чувствительных лошадей,

снабженные железными скрепителями ремней в виде прямоугольных фигурных пластин (сооружение 13, **рис. 60, 4**), относятся к XII-XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1973, с. 17, 31). По форме прямоугольные накладки на уздечку со слегка вогнутыми сторонами и четырьмя заклепками для крепления (сооружение 13, **рис. 60, 13**) близки ремennым наконечникам территориально очень удаленных курганов аскизской культуры в Хакасии, датируемым серединой XIII - XIV вв. (Кызласов И.Л., 1980, с. 158, **рис. 19, 17**; 1983, с. 66-67).

С конским снаряжением связаны скребницы для чистки коней, относящиеся к двум типам: пластинчатая гребенка с отверстием для рукоятки и двумя колючками по краям (сооружение 13, **рис. 51, 6**) и двухрядная полутрубчатая гребенка с длинной рукояткой (длинный дом 7, **рис. 58, 7**). Такие скребницы были распространены в XI-XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1973, с. 84). Часто встречаются в древнерусских памятниках и замки от конских пут (капище 1, сооружение 14, **рис. 51, 1**).

Орудия труда принадлежат к типам, имевшим повсеместное распространение с X до XIII-XIV вв. К ним относятся ножи (их особенно много на капище 3, встречены они и в других сооружениях), ножницы пружинные (капище 2, сооружение 9) и парнирные (капище 2, **рис. 34, 10; 46, 11; 53, 7; 56, 21; 58, 5**), иглы (капище 3, **рис. 57, 1**), долота (капища 2 и 3, сооружение 14, площадка на валу 2), пинцет для ювелирных работ (капище 3, **рис. 46, 4**), упорная пила для бондарного производства (капище 2, **рис. 56, 19**), серпы (капище 3, сооружения 4, 5, 14, **рис. 46, 15; 50, 8, 11-13; 60, 7, 18**), косы с широким лезвием южного типа (капища 2 и 3, длинный дом 7, **рис. 51, 13**). Топоры относятся к двум типам: первый с оттянутым вниз лезвием, имеющим выемку (капища 2 и 3, колодец, **рис. 32, 6; 34, 13, 14**), известен в Новгороде в X-XII вв., но на юге и юго-западе Руси употреблялся в XII-XIII вв.; второй тип топоров с симметричным лезвием был распространен с XII до XIV в. (капище 2, сооружение 4, длинный дом 8, **рис. 32, 7; 34, 12; 51, 12**) (Колчин Б.А., 1982, с. 164; Кирпичников А.Н., 1966б, с. 37). Кресал в Звенигороде очень мало и найдены они только на капище 3. Одно из них принадлежит к раннему варианту калачевидных с язычком (**рис. 32, 12**), распространенных в X - середине XII в. Два экземпляра относятся к типу прямоугольных с овальной прорезью (**рис. 46, 5**), бытовавших во второй половине XIII-XV вв. (Колчин Б.А., 1959, с. 99-101; 1982, с. 163; Лысенко П.Ф., 1985, с. 246, 247).

Многочисленные висячие цилиндрические замки и ключи к ним в основном соответствуют типам Б и В, выделенным Б.А. Колчиным (1959, с. 78-93; 1982, с. 160) и распространенным в XII - первой половине XIV в. по всей территории Руси (капища 1, 2, 3, сооружения 4, 6, 11, 13,

14, площадка на валу 2). К XI в. относятся более редкие формы ключей (капище 3, **рис. 44**, 10, 11), имеющие аналогии в Новгороде, Слободке, Серенске и т.д. (Колчин Б.А., 1959, рис. 69, 5, 6; Никольская Т.Н., 1981, с. 267). Лишь несколько ключей могут быть соотнесены с типом Г (капище 3, сооружение 13, южная площадка городища, **рис. 31**, 21; **44**, 16), датируемым временем с середины XIII до середины XV в. (Колчин Б.А., 1959, с. 82; 1982, с. 160).

Коленчатые ключи от дверных навесных замков (капище 3, сооружение 13, площадка на валу 2, южная часть городища, **рис. 31**, 5, 23; **32**, 16; **44**, 15; **50**, 4; **53**, 15) были хорошо известны на Руси. В Новгороде они употреблялись в X–XI вв., в городах Поднепровья и Волыни (Райки, Вышгород, Плиснеск, Галич) были распространены в XI–XIII вв. и в русской деревне использовались до XX в. (Колчин Б.А., 1959, с. 86; Соловьева В.М., 1952, с. 183–188).

Ключи с бородкой, предназначенные для внутренних замков на сундуках и ларцах (длинный дом 7, сооружение 4, **рис. 36**, 10, 11; **51**, 9), относятся к типу 1 (X–середина XIII в.) и типу 2 (конец XI – середина XIV в.) по новгородской типологии (Колчин Б.А., 1959, с. 90). Накладки с петлями, пластины-оковки и личина замка с орнаментом (длинный дом 7, капище 3, **рис. 58**, 1, 6, 10, 12–14) похожи на найденные в Полоцке и Ярополче (Штыхов Г.В., 1975, рис. 49, 5; Седова М.В., 1978, табл. 1, 16). Металлические застёжки от небольших шкатулок (капище 3, длинный дом 7) принадлежат к изделиям, хорошо известным жителям городов, их иногда помещали в клады (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 13, 14).

Обломки котлов, клепаных из медных листов и снабженных железными ручками в виде петель (капище 2 и 3, площадка на валу 2, **рис. 34**, 6, 7), часто встречаются на городищах XII–XIII вв. (Бородино, Серенск, Слободка, Новогрудок, Брест, Райки и т.д.), в Новгороде они употреблялись в XIII–XIV вв. (Колчин Б.А., 1959, с. 104). В Звенигороде найдены также обломки бронзовых ковшей и ложек (капище 3, площадка на валу 2, **рис. 31**, 1; **34**, 2; **46**, 7,8).

Обломок стеклянного кубковидного сосуда на поддоне, сделанного из желтоватого прозрачного стекла (капище 3), принадлежит к типу сосудов, особенно характерных для южнорусских городов, начиная с 30-х гг. XII в.; встречены они в Турове и Новогрудке (Щапова Ю.Л., 1972, с. 58).

Редкой находкой можно считать серебряную денежную гривну киевского типа, имеющую вес 152 г, длину 6,7 см, ширину 2–4 см, высоту 1,2 см (сооружение 13, **рис. 57**, 4). Гривна относится к первой группе шестиугольных слитков, датирующихся XII – первой половиной XIII в.

На Волини известно всего четыре таких слитка, в том числе в Изяславе (Сотникова М.П., 1974, с. 65). Столь же редкой находкой является византийская монета с двумя отверстиями для подвешивания (капище 3, **рис. 47, 4**), чеканенная в 1224–1230 гг. (определение А.В. Фомина).

К предметам христианского культа относится распределитель цепей от кадильницы или лампадки (капище 3, **рис. 46, 6**). Подобные детали часто встречаются на древнерусских городищах XII–XIII вв., в том числе и в южных – Киеве, Родене, Воине, Плеснеске, Райках (Боровский Я.Е., Сагайдак М.А., 1985, **рис. 4, 4**; Мезенцева Г.Г., 1968, табл. IV, 1–3; Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966, табл. XV, 3, 4; Кучера М.П., 1962, **рис. 17, 13**; Гончаров В.К., 1950, табл. XVI, 7; XXI, 4). В Ярополче Залесском найдена целая лампадка с цепями и таким распределителем (Седова М.В., 1978, с. 122, **рис. 35**).

Бронзовый крест-энколпион, состоящий из двух створок, скрепленных осями, с биконической ворворкой для подвешивания найден на капище 3 (**рис. 33, 7, 8**). На одной створке изображено распятие, на другой – фигура Богородицы. На концах креста, оформленных в виде круглых медальонов, помещены погрудные изображения святых. Энколпион принадлежит к группе отлитых в одной форме крестов-складней с зеркальной надписью «Святая Богородица, помогай». Б.А. Рыбаков определил время изготовления этих крестов в Киеве 1230–1240 гг. (Рыбаков Б.А., 1948, с. 456). По мнению исследователя, обратным надписям нередко приписывалось магическое значение и, возможно, кресты с необычным закланием изготавливали уже тогда, когда в Киеве знали о разгромах северо-восточной Руси татарами и ждали грозившую им и неотвратимую опасность (Рыбаков Б.А., 1964, с. 39). Энколпионы разошлись по южным русским городам еще до нашествия Батыя и встречаются в слоях пожарищ, вызванных разгромом.

Крест-складень из двух створок, соединенных ворворкой, имеющий прямые, слегка расширяющиеся концы, с изображениями, сделанными высоким рельефом с тщательно моделированными деталями, найден на капище 1 (**рис. 33, 1**). На одной створке помещена фигура Богоматери, стоящей во весь рост и держащей в левой руке младенца. По обе ее стороны находятся погрудные изображения святых с нечитаемыми надписями. На второй створке изображена фигура св. Николая, стоящего в рост и держащего евангелие. По сторонам его расположены образы Козьмы и Демьяна. На центральных фигурах прекрасно выполнена одежда, ниспадающая волнистыми складками.

Третий энколпион, состоящий из двух створок, найденных рядом на капище 3, имеет прямые концы, заканчивающиеся утолщенными перекладами (**рис. 33, 4**). Крест отлит грубо, фигура распятого

Христа изображена примитивно, она не вполне пропорциональна, руки широко распростерты, подчеркнуто преувеличены кисти рук и ступни ног. Вторая створка креста совсем гладкая. Форма креста редкая для складней. Н.П. Кондаков считал кресты с прямоугольными окончаниям лопастей сравнительно ранними (1896, с. 113–117). Такое окончание в виде поперечной перекладины имели кресты с эмалью, найденные в районе Киева и датированные Б.А. Рыбаковым XII в. (1948, с. 386, 387). Примитивное изображение распятия, напоминающее найденное в Звенигороде, помещено на змеевиках, датированных первой половиной XII в. (Седова М.В., 1966, с. 243).

Равноконечный крест, отлитый из оловянно-свинцового сплава, с расширенными концами, украшенными тремя шариками, подражающими зерни (капище 3, **рис. 33, 9**), по новгородским аналогам может датироваться XII – серединой XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 52, **рис. 17, 4**). Литой оловянный крест с рифленой поверхностью и шариками на концах (капище 3, **рис. 33, 3**) в Новгороде относится к 20–30-м годам XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 54, **рис. 16, 18**). Маленькие равноконечные кресты с прямыми концами, сделанные из шифера и горной смолы (капище 3, **рис. 33, 2, 6**), часто встречаются в слоях предмонгольского времени (Лысенко П.Ф., 1985, с. 325). Маленький перламутровый крестик с квадратным среднекрестием и расширяющимися треугольниками на лопастях (капище 3, **рис. 33, 5**) имеет аналогии на Райковецком городище и в кладе, найденном около Сахновки (Гончаров В.К., 1951, табл. XXII, 10; Корзухина Г.Ф., 1954, с. 131).

Маленькая бронзовая иконка прямоугольной формы (14 x 18 мм) с изображением Богоматери Оранты, стоящей в полный рост (капище 2, **рис. 57, 2**), аналогична находке на городище Карабчев, расположенном поблизости от Збруча на р. Смотрич (Rauhut L., 1960, **Tabl. IV**), а также найденной далеко на северо-востоке, около Белоозера в кургане с. Митино. В этом кургане иконка с Богоматерью Орантой входила в состав ожерелья вместе с лунницами, 15 крестиками и девятью образками другого типа (Голубева Л.А., 1962, с. 68–70). Курган датируется XII в. (Седова М.В., 1974, с. 192). Образ Богоматери Оранты с молитвенно воздетыми руками характерен для южнорусской иконографии и связан с Киевом (Николаева Т.В., 1983, с. 23).

Серебряная заготовка иконки (сооружение 11, **рис. 54, 4**) имеет киоточную форму, распространенную в мелкой пластике XIII в. (Николаева Т.В., 1983, с. 50, 52).

Поверхность капищ, пол длинных домов были усеяны обломками глиняной посуды, много их находилось и в культовых сооружениях. Типология и хронология древнерусской керамики IX–XIV вв. разрабо-

таны по материалам Буковины, при этом датировка посуды построена на основе закрытых комплексов и стратиграфических наблюдений (Тимощук Б.О., 1982, с. 14–34). Это дает возможность рассматривать керамику городища Звенигород по хронологическим группам. На городище почти полностью отсутствуют миски и сковороды, все обломки принадлежат горшкам, имеющим конусовидное тулово, расширяющееся в верхней части, более вытянутое в ранние периоды и приземистое в позднейшее время. Хронологическим индикатором являются состав теста, расположение орнамента и, что самое существенное, изменения в профилировке верхней части сосуда – плечиков, шейки и венчиков (рис. 38).

К периоду X–XI вв. относятся толстостенные горшки, имеющие в тесте примеси крупного песка, дресвы, иногда шамота. Часто вся их поверхность покрыта линейным и волнистым орнаментом. Горшки имеют выпуклые плечики и отогнутый венчик, ровно срезанный или закругленный в ранних вариантах, снабженный манжетовидным утолщением в X в. и получивший более сложную профилировку с плавным изгибом с внутренней стороны к XI в. (Тимощук Б.О., 1982, рис. 4). Характеристика этой группы посуды подтверждается материалами городища Монастырек на Днепре и многими другими данными (Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988). Посуды этого времени в Звенигороде немного, отдельные фрагменты найдены на капищах 2 и 3, где есть и лепной сосуд, что закономерно для комплексов X в., в нижнем слое заполнения сооружения 9 и на южной площадке городища (рис. 38, 13, 14, 29, 30, 41).

Для периода XII – первой половины XIII в. характерны тонкостенные горшки, с примесью песка в тесте. Орнамент в большинстве случаев линейный, покрывает только верхнюю часть сосуда. Плечи сосудов хорошо выражены, венчик отогнут и снабжен с внутренней стороны бороздкой для крышки. Самый край венчика бывает закругленным, что свойственно посуде этого времени для всей территории Руси, или ровно срезан наискось и горизонтально, что более свойственно, как установила М.В. Малевская, Галицкой Руси (1969, с. 3–14). При этом эволюция керамики идет по линии всё большей профилированности верхней части сосудов – больше выдается плечико, сильнее отгибается венчик и его форма усложняется. К этому периоду относится подавляющее большинство посуды из Звенигорода, она встречена во всех раскопанных объектах.

В следующий период, во второй половине XIII – XIV в., характер посуды резко меняется. В комплексах иногда попадает лепная керамика, гончарные сосуды делаются более приземистыми и менее

профилированными. Тесто сосудов очень плотное, с примесью песка и известняка, линейный и волнистый орнамент расположен в верхней части горшка. Венчики отогнуты слабо, шейка прямая, иногда с перегибом в виде воронки (рис. 38, 23). Часть венчиков имеет небольшой валик-утолщение с наружной стороны, что напоминает сглаженный манжет, характерный для X в. Распространены венчики с плавным изгибом с внутренней стороны (рис. 38, 9, 20, 24), что тоже делает их похожими на более ранние (Тимошук Б.О., 1982, рис. 19). В это время наблюдается регресс в изготовлении гончарной посуды, вызванный татарским разгромом и общим упадком ремесленного производства; кроме того, намечаются локальные пути в развитии посуды. Выделяются области со своеобразным набором сосудов, отличающимся от буковинского. Например, в Чернигово-северской земле (Виноградская Л.И., 1990), на территории среднего Поднепровья (Беляева С.А., 1982, с. 67-76). В Звенигороде поздняя керамика в небольшом количестве представлена на капищах 1, 2, 3, в длинных домах 7 и 8, в сооружениях 5, 11, 13, 14 (рис. 38, 1, 4, 7, 9, 10, 23, 24, 38, 40). Сооружение 13 в Звенигороде стратиграфически является самым поздним, так как перекрывает углубленное сооружение 12, содержавшее материалы XII – первой половины XIII в. Поздняя посуда есть также в яме, вырытой на месте длинного дома 8, относящегося к предмонгольскому времени. Состав поздней посуды в Звенигороде несколько своеобразен, в нем соединены элементы буковинской и поднепровской керамики. Помимо общих для этих земель форм, в Звенигороде встречаются сосуды с короткой цилиндрической шейкой и утолщенным крючковатым венчиком, а также с короткой шейкой и венчиком, отогнутым наружу под прямым углом (рис. 38, 11, 42, 43), что характерно для Приднепровья (Беляева С.А., 1982, рис. 22; 24, 10-12).

Приведенные данные неоспоримо свидетельствуют, что святилище в Звенигороде возникло на рубеже X-XI вв. и прекратило свое существование во второй половине XIII в. При этом большая часть керамики и вещей (не менее 24 наименований, не считая разновидностей) относится к довольно широкому промежутку времени: XII – первой половине XIII в. Среди находок есть твердо датирующиеся первой половиной XIII в., и даже более точно – 30-40-ми гг. XIII в. Это, прежде всего, византийская монета 1224-1230 гг., крест-складень с обратной надписью (1240 г.), а также кресты – перламутровый и с рифленой поверхностью, перстень-печать с княжеским знаком, меч, наконечник ножен, пятилучевая привеска-колт. Находок, выходящих за пределы этого периода, немного. К X-XI вв. относятся пятилучевое кольцо за-райского типа, ширококорая лунница, калачевидное кресало, нако-

нечник стрелы типа 45, шпора с крючками на концах, некоторые типы бус, глиняная посуда. Завершающая фаза существования святилища датируется второй половиной XIII в. по находкам квадрифолийных привесок, ажурного перстня, прямоугольных кресал, ключей типа Г, литого ажурного браслета, стрел типа 68 и В VIII, шпоры с колесиком, накладок на уздечку, обломков посуды (табл. 3).

Поддаются датировке и отдельные объекты, открытые на святилище. Капище 3 использовалось с начала и до конца существования святилища – с рубежа X–XI вв. до второй половины XIII в. Интересно расположение вещей разного времени на этом капище. Все вещи X–XI вв. (широкорогая лунница, калачевидное кресало, наконечник стрелы типа 45 и керамика) находились в северной его части, за пределами выложенной камнями площадки капища (рис. 71). На самой каменной вымостке найдена только бусина этого времени – рубленый бисер. Возможно, это связано с тем, что площадку капища время от времени очищали, как, согласно описанию Саксона Грамматика, это делали в Арконе: жрец «за день до праздника святилище храма, куда вход только ему был позволен, выметал веником, как можно лучше» (Фамицын А.С., 1884, с. 48). При этом только маленькая бусина случайно осталась среди камней. Вещи XII – первой половины XIII в. в большом количестве покрывают всю площадь капища (рис. 39); самые поздние находки второй половины XIII в. не встречаются в центре капища, за исключением одного прямоугольного кресала, а расположены кругом каменной кладки у ее подножия (рис. 71). Здесь же встречены обломки позднейшей посуды. Может быть, на завершающем этапе почитания местного бога сама площадка капища стала неприкосновенной и все обряды совершались вокруг нее. В это время кругом капища были устроены и культовые сооружения.

Капища 1 и 2 по вещевым находкам и керамике могут датироваться X–XI – серединой XIII в. Явно поздних вещей на них нет. К раннему периоду относятся пятилучевое кольцо зарайского типа и керамика, лежавшие, как и на первом капище, не в центре капища 2, а на его склоне. На капище 1 ранним временем датируются бусины и наконечник стрелы типа 45.

К раннему времени, к X–XI вв., относится нижний слой сооружения 9, в котором находились бусина того времени и шпора с крючком. Это сооружение использовали многократно, его заполнение разделено стерильными прослойками. Верхние его слои датируются XII – первой половиной XIII в. К этому же времени относится большинство раскопанных в Звенигороде объектов – сооружения 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, длинные дома 2, 3, 8. В некоторых объектах найдены и более поздние вещи

и керамика – второй половины XIII в.: в сооружении 11 шпора с колесиком, в сооружении 13 ключ типа Г, в сооружении 14 наконечник стрелы типа 68 и костяной, в длинном доме 7 литой ажурный браслет, в яме на месте длинного дома 8 костяной наконечник стрелы. Поздняя дата этих объектов подтверждается и стратиграфическими данными (сооружение 13 перекрывает сооружение 12, яма врезается в длинный дом 8). Вместе с поздними вещами встречены и более ранние находки и керамика первой половины XIII в., что указывает на длительное существование этих объектов и отсутствие перерыва в их использовании в середине XIII в.

Датировка городища-святилища Богит может быть основана только на находках керамики. Из вещей во всех объектах найден только обломок стеклянного браслета в каменном жертвеннике на сакральной части городища. В отличие от Звенигорода, на Богите в гораздо большем количестве представлена посуда раннего периода – X–XI вв. В это время на святилище были сооружены главное капище и жертвенник, а на общественной части городища построены длинные дома и углубленные жилища. Одновременно совершались погребения на могильнике, кругом него был насыпан земляной вал. К этому периоду относится яма с «хлебной» печью, жилище-сторожка за пределами главного вала.

Все углубленные объекты раннего периода были оставлены и засыпаны землей, заброшены камнями. Более поздние материалы XII – первой половины XIII в. происходят с капища и из жертвенника, где находился и обломок стеклянного браслета. Поздние обломки посуды есть и в длинном доме 2. Все эти объекты существовали длительное время, святилище посещали, перед идолом совершали обряды, приносили жертвы, собирались сходки в общественном доме, что продолжалось до середины XIII в.

Третье городище, Говда, входившее в состав культового центра на Збруче, также использовалось с рубежа X–XI вв. вплоть до середины XIII в. Заполнение его широкого внутреннего рва, в котором слои жертвоприношений, состоящие из угля, пепла, битой посуды, костей животных, перемежались со стерильными прослойками из глины и каменными вымостками, делится на три хронологических периода. В самом нижнем слое содержится керамика X–XI вв. и найдено калачевидное кресало с язычком X–XI вв. (Колчин Б.А., 1959, с. 99). Средний горизонт по керамике датируется XII в., тогда как самый верхний горизонт относится к XII – первой половине XIII в. Эта дата определяется по керамике и по наконечникам стрел. Три из них относятся к типам 42, 46, 52, датирующимся очень широко,

с VII до XIII в., но стрелы типа 95 имели хождение лишь в XII–XIII вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 66–70, 84). Наиболее узкую и конкретную дату дает литой оловянисто-свинцовый перстень с изображением птицы на щитке, имеющий аналогии в Новгороде в слое 20–30-х гг. XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 137).

Все три городища-святилища Богит, Звенигород и Говда, составлявшие культовый комплекс на Збруче, возникли приблизительно одновременно на рубеже X–XI вв., существовали до середины XIII в., а Звенигород функционировал еще во второй половине того же века.

Таблица 3

Датировка объектов городища Звенигород (начало)

ВЕК	Х-ХI	XII - пер. пол. XIII	пер. пол. XIII	втор. пол. XIII	НАХОДКИ	
ОБЪЕКТЫ	Стрела типа 45 • Бусины • 5-луч. колыцо • Лунница пирок. • Кресло козач. • Шпора с крюком • Керамика • 24 категории вещей	Монета 1224-1230 г. • Энкапсион • Крест перлам. • Крест с рифл. • Перстень-печатъ • Перстень с вставк. • 5-луч. колы. • Иконка-киот • Меч • Шпора с колес. • Керамика • Лривеска квадрат. • Перстень ажурн. • Браслет литой • Кресало прямолуг. • Ключ типа I • Стрела типа 68 • Стрела вуш • Костян. стрела • Керамика • Узечные накладки				
Капище 1						
Капище 2						
Капище 3						
Длинный дом, яма						
Сооружение 13						
Сооружение 14						

Таблица 3

Датировка объектовгородища Звенигород (окончание)

ВЕК	Х-XI	XII - пер. пол. XIII	пер. пол. XIII	втор. пол. XIII	НАХОДКИ																										
ОБЪЕКТЫ	Стрела типа 45	Бусины	5-луч. кольцо	Плунница широк.	Кресало колюч.	Шпора с крючком	Керамика	24 категории вещей	Монета 1224-1230 г.	Энколпион	Крест перлам.	Крест с рифл.	Перстень-печатъ	Перстень с вставк.	5-луч. котл	Иконка-киот	Меч	Ножны	Шпора с косес.	Керамика	Привеска кварц.	Перстень ажурн.	Браслет литой	Кресало прямоуг.	Ключ типа I	Стрела типа 68	Стрела вуш	Костян. стрела	Керамика	Удачные накатки	
	Сооружение 11							•								•	•	•	•	•			•			•		•			
	Длинный дом 7							•									•	•		•						•		•			
	Сооружение 10							•									•	•		•											
	Сооружение 5							•										•		•											
	Сооружение 6							•												•											
	Длинный дом 8							•												•											
	Сооружение 4							•																							
	Сооружение 9, вверх							•																							
	Сооружение 9, из	•					•																								

III. ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

Многообразие в характере и конструкции культовых памятников, в их величине и в составе жертвоприношений отражает разное назначение этих объектов и своеобразие обрядов, в них совершавшихся. Конечно, следы далеко не всех обрядов могли сохраниться на археологических памятниках, но всё же по многим материальным свидетельствам можно в какой-то мере восстановить древние ритуалы, которые, с одной стороны, иллюстрируют и подтверждают данные письменных источников, наполняют их конкретным и, что не менее важно, хронологическим содержанием, а с другой стороны, дают дополнительные новые сведения о языческом богослужении. В свою очередь, обряды отражают различные стороны верований и мировоззрения славян, по ним можно судить о высшей мифологии (Токарев С.А., 1957, с. 110–114).

Понять характер обрядов, совершавшихся на святилищах, и объяснить значение приносившихся там жертв можно только предположительно, учитывая при этом возможность разных толкований. Это связано как с отрывочностью дошедших до нас источников, так и с многогранностью и противоречивостью многих верований и обрядов. Как заметил А.Я. Гуревич, «чуждые нам система взглядов и строй мыслей, господствующие в ту эпоху, подчас с трудом доступны современному сознанию» (1984, с. 19).

Главными составными частями языческого богослужения у славян были моления, жертвоприношения и гадания, завершались все эти действия всеобщим пиром, пением и плясками, что известно из многочисленных известий и описаний. И.И. Срезневский считал, что обряды, совершаемые при богослужении, собственно одинаковы у всех славян и дополняются лишь местными и временными особенностями (1846, с. 63, 104; 1848, с. 32). Это положение подкрепляется выводами современных исследователей о том, что славянская мифология, несмотря на локальные варианты, долго сохраняла основные общеславянские характеристики (Мифы народов мира, 1982, с. 450). Эти выводы подтверждаются и археологическими данными – широким распространением по славянским землям более или менее одинаковых культовых памятников и сооружений на них.

Глубокие корни славянского язычества, уходящие в отдаленную древность (Рыбаков Б.А., 1981, с. 604), сохранение индоевропейских

мифологических традиций (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974), близкие черты с верованиями соседних народов (как считает Н.И. Толстой, «почти все признаки объединяют славянскую духовную культуру со многими родственными и соседствующими культурами и традициями Евразийского континента» (1989, с. 16)) – всё это позволяет искать довольно отдаленные по времени и пространству аналогии и объяснения славянским обрядам и, во всяком случае, с полным правом привлекать для этого сведения о религии западных славян, содержащиеся в немецких хрониках.

Само строительство святилищ и храмов являлось своего рода жертвоприношением (Чайльд Г., 1949, с. 173). При выборе места для них существовали определенные требования. Как правило, святилища располагались в стороне от жилых построек и находились на холмах или горах, господствующих над окружающей местностью. Это относится ко многим рядовым городищам-святилищам и ко всем известным крупным религиозным центрам славян. «На холме вне двора теремного» было устроено святилище в Киеве, за пределами Новгорода находилось святилище в Перыни. Городище Богит занимает самую высокую вершину в Медоборах, святилища в Звенигороде и Говде расположены на южных, обращенных к солнцу склонах холмов, что было свойственно и некоторым рядовым святилищам (Рухотин, Горбово). Такое расположение святилищ имеет параллели и у других народов. Так, дельфийский храм Диониса – бога растительности и плодородия и прилегающий к нему священный участок находились на южном склоне Парнаса, на довольно крутом подъеме горы (Лосев А.Ф., 1957, с. 317). Для славян объяснение этому находится в Слове св. Григория: «окаянии полдень чтуть и кланяются на полгдень обратившися» (Афанасьев А.Н., 1865, с. 182). Как и на Збруче, вершины трех гор занимали святилища в Силезии (Шлонжа, Радуня, Костюшко). В горах Свентокжичских святилища расположены на господствующих над местностью вершинах гор (Лысяя Гора, Добжешуво, Гора Гродова). Городище Аркона было построено на вершине высокого мыса, с трех сторон защищенного утесами, которые «поднимаются как стены и так высоки, что их вершины не может достигнуть стрела, пущенная из метательной машины» (Саксон Грамматик) (Срезневский И.И., 1846, с. 47).

В какой-то мере уединенное расположение святилищ могло иметь практическое значение во времена гонения на язычников, когда они уходили от преследований в глухие и малообжитые места. Так, вероятно, произошло на Смоленщине, где городища-святилища были спрятаны среди болот. Но основа тяготения святилищ к вершинам на местности была связана с культом мировой горы, присущим многим на-

родам, ассоциирующим с горами разные идеи. Так, у народов Сибири родовая гора рассматривалась как источник происхождения рода и вместилище душ умерших (Кызласов И.Л., 1982, с. 82; Тиваненко А. В., 1989, с. 166–173). По самым распространенным представлениям, имевшимся уже в Ветхом Завете и в античности, гора являлась местом обитания богов и местом принесения жертв (Токарев С.А., 1982, с. 108–113). По общеиндоевропейским представлениям, бог-громовержец обитал на высокой горе, достигающей небес (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 667).

Окружающий святилище лес также имел культовое значение. Збручские святилища находятся в таком же заповедном лесу, как святилище Радигоща, описанное Титмаром Мерзебургским: «Со всех сторон его окружает большой лес, неприкосновенный и священный в глазах местных жителей» (Хрестоматия, 1961, с. 313). Старые деревья и священные дубы, посвященные богу Прове, видел Гельмольд около Старограда (1963, с. 185). Священные деревья и рощи почитались у многих народов. Так, у чуди священные рощи – «кусты» были неприкосновенны и около них располагались могильники (Никитинский И.Ф., 1989, с. 76, 77). Германцы посвящали богам дубравы и рощи, у свебов было распространено представление, «что именно здесь получило начало их племя, что тут местопребывание властвующего над всеми бога» (Тацит, с. 357, 369). В то же время земледельцам было свойственно враждебное и боязливое отношение к лесу, с которым им приходилось бороться за пахотные земли и который был полон таинственных и потусторонних сил. В русских сказках через лес проходила дорога в иной мир, в лесу находилась избушка смерти – Бабы Яги, окруженная забором из человеческих костей (Пропп В.Я., 1986, с. 58).

В комплекс атрибутов святилища Звенигород входили семь источников, вытекающих из-под горы, их вода до сих пор местными жителями считается целебной, излечивающей от многих болезней. Вода по этнографическим данным являлась очищающей, целительной и оплодотворяющей силой, особенно действенными считались воды, взятые из трех или семи источников. Священные источники, как правило, содержали минеральные соли и на самом деле были полезными (Токарев С.А., 1957, с. 71–73). При изготовлении обрядового хлеба воду тоже полагалось брать из семи разных мест (Виноградова Л. К., 1981, с. 17).

Святилища часто располагались на берегах рек и озер, что вызывалось особым значением воды, которая рассматривалась как рубеж между «тем» и этим светом, по воде шел один из путей на тот свет. С этим значением воды, возможно, связано сбрасывание в воду идолов, свергнутых при принятии христианства, но сохранившаяся вера в их

силу и страх перед ними заставляли совершать обряд очищения и отправления на тот свет. Точно так же, между прочим, не уничтожали, а пускали плыть по воде старые иконы (Прошин Г., 1988, с. 39). Через воду можно установить связь с миром умерших предков, способных предсказывать будущее, поэтому вода играла большую роль в гаданиях (Виноградова Л.Н., 1981, с. 32). В то же время вода связана с земледельческими культами, ее оплодотворяющая сила была необходима для роста хлебов, для жизни и благополучия людей и животных. К воде, дающей плодородие, приходили бездетные женщины. При помощи воды, как очищающей силы, гадали и судили о виновности преступников (Иванов В.В., 1989, с. 130–140).

Не случайно многим славянским святилищам сопутствуют пещеры. В них, вероятно, совершались какие-то обряды. На горе Богит пещера выбита на северном склоне городища почти в вертикально поднимающейся скале. В скалах около городища Звенигород искусственно сделанная пещера служила часовней и кельей отшельника, который жил здесь до середины XX в. Около пещеры найдены черепки, относящиеся ко времени, начиная с XVII в., вероятно, с этого времени она использовалась христианами. Две пещеры расположены в выбоинах скал на склоне городища Илиев, из-за чего вся гора называется «Пещера». Культовое значение пещерам придавалось многими народами. В «Слове о законе и благодати» есть упоминание, что язычники при крещении прятали свои кумиры в пещере (Аничков Е.В., 1914, с. 351). В Сибири пещеры считались входом в потусторонний мир, в них совершали захоронения вплоть до XVIII в. (Кызласов И.Л., 1982). По античным мифам, Зевс родился в пещере на горе Ид, в местности, покрытой густым лесом. Рядом с этой пещерой был построен храм, ежегодно совершались жертвоприношения. Остатки жертв найдены во многих пещерах на Крите (Лосев А.Ф., 1957, с. 105–110). Пещеры-провалы глубиной до 14 м находятся около святилищ, расположенных в низовьях Печоры. Ненцы использовали их до XVII в., в них сбрасывали жертвы (Хлобыстин Л.П., Отчет 1985 г.). У лопарей до XVIII в. сохранялись капища на горах, где стояли идолы, которым приносили жертвы, в подножии горы были выбиты пещеры, где тоже совершали жертвоприношения (Аничков Е.В., 1914, с. 355).

Подобное значение, вероятно, имели и специальные ритуальные колодцы, вырытые на городищах-святилищах. Два таких колодца находятся на горе Богит, колодцы имеются на святилищах Звенигород, Говда, Зеленая Липа, Бубнище (рис. 9, 2; 10, 5, 6; 14, 3). Все они расположены на вершинах холмов и, несмотря на довольно большую глубину (на Зеленой Липе 14,5 м), не достигали воды, были сухими. Для сбо-

ра воды не было необходимости, так как все эти святилища не были местом постоянного жительства, не были они пригодны для обороны и осады; кроме того, городища были окружены водными источниками, а в Звенигороде к источнику, находящемуся в 30 м от колодца, была проложена специальная дорожка. Колодцы на многих святилищах были выбиты в твердых скальных породах, что требовало огромных усилий, это еще усугублялось большим объемом колодцев – на Богите и в Зеленой Липе они были прямоугольными в плане со сторонами 2–3,5 м. К сожалению, ни один из колодцев не был раскопан полностью, но всё же данные об их культовом значении имеются. При расчистке колодца в Звенигороде была обнаружена жертва – костяк мужчины с головой, пробитой острым орудием. По сопровождающим его вещам и обломкам посуды костяк может быть датирован XII в. На городище Говда колодец имел круглую форму и диаметр 3,4 м, его стенки укреплены камнями и бревнами. Колодец заполнялся постепенно с XI до XIII в. и перед ним была устроена площадка для жертвоприношений, на которой периодически жгли огонь.

Культовые колодцы известны около кельтских святилищ, в них жрица бросала жертвы, что, по мнению Н.Н. Велецкой, означало отправление посланцев на тот свет (1984, с. 79–81). Около кельтского святилища Липтовская Мара в Словакии была вырыта шахтовидная яма, в которой находились человеческие скелеты. Исследователи полагают, что это отверстие в земле служило для связи с подземным миром (Pieta H., Moravčík J., 1980, S. 245–280). У индоевропейских народов распространены мифы о спуске героя в колодец. Герой попадает в потусторонний мир и добывает там богатство и живую воду, а затем возвращается на землю, преодолевая смерть (Мифы народов мира, 1982, с. 531). По А.А. Котляревскому, колодцы имели значение рая и в них можно увидеть всех умерших родственников (1869, с. 77). По-видимому, на славянских святилищах сухие культовые колодцы также служили для связи с подземным миром и для принесения жертв предкам.

В отличие от культовых обычные бытовые колодцы вырывали, как правило, в низких местах. В древности их глубина достигала всего 2–5 м, а диаметры редко превышали 1 м (Vendtová V., 1966, S. 417–437). Колодцы с питьевой водой почитают до сих пор, над ними строят навесы, возводят часовни, ставят кресты, помещают изображения солнца, птиц, зверей (Золотов Ю.М., 1981, с. 274). Колодцы запирают на замок для защиты от злых сил, иногда гадают над специально устроенными из ветвей колодцами (Виноградова Л.Н., 1981, с. 26, 27). О почитании колодцев славянами-язычниками говорится во многих церковных поучениях и в летописях: «Жертвы богомерзския богом своим прино-

шаху и озером и кладязем, и рощением» (ПСРЛ, СПб., 2003, т. 40, с. 25), «к кладезем приходяше молятся и в воду мечют велеару жертву приносяше» (Слово Иоанна Златоуста) (Фамицын А.С., 1884, с. 30).

Помимо выбора места для святилища, большое значение придавалось его ограждению, имевшему символический смысл. Это были ровики, круги из камней или частокола, валы, не имевшие оборонительного значения, на вершинах которых разжигали огни и приносили жертвы. Ограды отделяли священный мир, принадлежавший богам, от мирского света, служили защитой от окружающих злых сил – так же, как, по сохранившемуся поверью, спастись от нечистой силы можно с помощью прочерченного вокруг себя круга, или опахивания села, или просто протянув веревку (Афанасьев А.Н., 1865, с. 565; Велецкая Н.Н., 1968, с. 396; Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С., 1985, с. 51). Недаром те, кому угрожала опасность, стремились попасть внутрь святилища под защиту богов и никому «здесь никогда не отказывают в приюте» (Гельмольд, 1963, с. 185). Хотя к самим богам на их капища и в храмы доступ был возможен только для жрецов, как это было в Арконе.

Богослужения сопровождалась принесением жертв и общественными пирами, для чего устраивали жертвенные площадки и ямы, строили наземные длинные дома. По представлениям индо-иранцев, воздействовать на волю богов можно, только договорившись с ними, поднеся им определенные дары, и за это получить то, что просишь (Овсяннико-Куликовский Д.Н., 1962, с. 149; Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1969, с. 189). Г. Ловмянский подчеркивает, что и у славян богослужение преследовало практические цели, жертвы приносили, чтобы убоготворить и умиловить богов (Łowmiański G., 1986, S. 241, 397). Такое представление существовало у славян еще в VI в.: «...Когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы» (Прокопий, 1950, с. 297). Посредниками при договоренности с божеством могли выступать предки, которых надо было тоже задобрить поминаниями и кормлением.

Жертвы богам были самыми разнообразными: от продуктов питания – хлеба, мяса, напитков – до кровавых жертвоприношений животных и человека. В жертву могла быть принесена любая вещь, так как все они обладают различными функциями и имеют ритуальное значение (Байбурин А.К., 1981, с. 215-224). Несмотря на то, что состав жертв в разных концах земли более или менее одинаков, а церемо-

нии и обычаи существуют долго, их смысл и истолкование меняются со временем достаточно сильно (Фрезер Д., 1986, с. 529; Тейлор Э.Б., 1989, с. 458). В религии переплетаются пережитки глубокой древности и вновь возникающие представления, поэтому объяснение различных обрядов и смысла жертв не может быть однозначным, оно зависит от конкретных исторических условий и традиций.

Жертвоприношения человека

Принесение в жертву богам людей было широко распространено у народов всего мира и играло существенную роль во многих религиях. Сведения о таких жертвах есть в письменных источниках и подтверждаются археологическими находками.

В Индии человеческая жертва считалась самой сильной. В брахманских текстах существовала иерархия жертв: на первом месте по силе воздействия стоял человек, за ним по значению следовали конь, бык, баран, козел (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 257; Иванов В.В., 1974, с. 92). В Греции принесение человеческих жертв практиковалось в течение длительного времени и получало разную мотивировку в зависимости от той или иной эпохи (Лосев А.Ф., 1957, с. 69). У разных народов такие жертвы совершали во время эпидемий и других бедствий, при этом часто убивали врагов – преступников или плененных (Фрезер Д., 1986, с. 540; Тейлор Э.Б., 1989, с. 480). По сообщению Цезаря, так поступали кельты, приносившие в жертву богам «попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжком преступлении... а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных» (1948, с. 126–127). По Тациту, германцы начинали свои культовые праздники с заклания человеческой жертвы. Рабов и плененных топили в болотах (1970, с. 369). Остатки таких жертв найдены в болотах Дании и Гольштейна (Jankuhn H., 1967, S. 117–147; Behm-Blanke G., 1978, S. 364). Принесение человеческих жертв кочевниками подтверждается археологическими материалами. А.К. Амброз рассматривал человеческие кости, найденные в Гладосах, как остатки таких жертв (1982, с. 218). Следы человеческих жертв сохранились у подножия некоторых половецких статуй и в золотоордынских памятниках (Плетнева С.А., 1974, с. 73; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 193). У обских угров жертвоприношения людей – в основном иноплеменников, рабов и плененных – продолжались до XVII в. (Соловьев А.И., 1990, с. 96–98). В Европе случаи принесения в жертву людей известны даже в период позднего средневековья, когда человека замуровывали в фун-

дамент замка, в насыпь плотины в качестве строительной жертвы, которая должна была придать постройке и ее обитателям прочность и благополучие, запитить от враждебных сил (Зеленин Д.К., 1937, с. 47; Тейлор Э.Б., 1989, с. 86).

О человеческих жертвоприношениях у славян имеется довольно много сведений в разнородных источниках. В самых ранних из них говорится об умерщвлении женщин при похоронах мужчин. Об этом красочно писал еще в VI в. Маврикий. О таком же обычае упоминал св. Бонифаций в VIII в., подробно его описывали арабские писатели IX–X вв. (Мишулин А.В., 1941, с. 253; Котляревский А.А., 1868, с. 43–60). Такое добровольное умерщвление славянских женщин Масуди в «Золотых лугах» объясняет тем, что «жены пламенно желают быть сожженными вместе со своими мужьями, чтобы вслед за ними войти в рай» (Гаркави, 1870, с. 129). По-видимому, кроме такого желания женщин, в осуществлении этого обряда сказывалось поклонение умершему, принесение ему жертвы наряду с другими дарами, например, перечисленными Ибн Фадланом при описании похорон руса, – оружием, собакой, двумя лошадьми, коровами и т.д. (1939, с. 81–82). Масуди писал, что славяне не только сжигают своих мертвецов, но и чтут их (Гаркави, 1870, с. 36).

Человеческие жертвы у западных славян описаны немецкими христианами XI–XII вв., бывшими современниками и участниками событий. В «Хронике» Титмара Мерзебургского говорится, что у славян «страшный гнев богов умиляется кровью людей и животных» (Фамицын А.С., 1884, с. 50). По Гельмольду, славяне «приносят богам своим жертвы волами, и овцами, а многие и людьми-христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам». Святовиту ежегодно приносят в жертву «человека-христианина, какого укажет жребий» (Гельмольд, 1963, с. 129). Особенно увеличивалось число христиан, принесенных в жертву, при восстаниях славян, например, когда в 1066 г. ободриты принесли в жертву епископа Иоанна и многих священников (Гельмольд, 1963, с. 65–78). Помимо христиан, приносили в жертву и детей. В Житии Оттона Бамбергского говорится, что в Поморье «женщины предают смерти новорожденных девочек» (Котляревский А.А., 1893, с. 341).

Сведения о человеческих жертвоприношениях у восточных славян также вполне определены, повторяются в разных источниках и их вряд ли можно рассматривать как наветы и пропаганду против язычества. Древнейшие известия содержатся у Льва Диакона: воины князя Святослава после битвы собрали своих мертвецов и сожгли их, «заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и

женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили нескольких младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (1988, с. 78). Совершались жертвоприношения в Киеве на холме вне двора теремного, где стояли кумиры, поставленные при князе Владимире: «...Привожаху сына своя и дщери и жряху бесом, [и] оскверняху землю теребами своими. И осквернися кровью земля Руська и холмо-ть» (ПСРЛ, М., 1997, т. 1, стб. 79). То же самое произошло после похода князя Владимира на ятвягов в 983 г.: старцы и бояре выбирали по жребию отрока или девицу «на него же падеть, того зарежем богом», и жребий пал на сына варяга-христианина (ПСРЛ, т. 1, стб. 82). Те же сведения повторены в «Слове о том како первое погани кланялися идоломъ» (XI в.): «...Приводяху сына и дщери своя, и заколоху пред ними, и бе вся земля осквернена» (Аничков Е.В., 1914, с. 264). Митрополиты Иларион и Кирилл Туровский писали о человеческих жертвах как об оставленном в прошлом обычае: «уже не заколем бесом друг друга» (Иларион); «отселе бе не приемлеть ад требы заколаемых отцы младенецъ, ни смерть почести: преста бо идолослужение и пагубное бесовское насилие» (Кирилл Туровский) (Аничков Е.В., 1914, с. 238). Но сведения о человеческих жертвах продолжают встречаться и позднее. В Суздале во время голода в 1024 г. по инициативе волхвов «избиваху старую чадь по дьяволу наоученью и бесованию, глаголше тако си держать гобино» (ПСРЛ, т. 2, стб. 135), в 1071 г. также при голоде в Ростовской земле волхвы заявили: «ве сведе, кто обилые держить», «ту же нарицаху лучшии жены глаголаща, тако си жито держить...», «и привожаху к нима сестры своя, матери и жены своя... и оубивашета мнози жены» (ПСРЛ, т. 1, стб. 175). Исследователи рассматривают эти действия как жертвоприношения для прекращения бедствий и голода (Рыбаков Б.А., 1987, с. 300; Фроянов И.Я., 1983, с. 22–37; 1986, с. 40; 1988, с. 319–321) или как отправление своих представителей на тот свет для предотвращения неурожая (Велецкая Н.Н., 1978, с. 65–68). В «Слове о маловерии» Серапиона (XIII в.) говорится, что его современники сжигали огнем неповинных людей при бедственных событиях жизни – неурожае, бездождии, холоде (Котляревский А.А., 1868, с. 35). В обращении «О посте к невежам в понеделок» (XIII в.) сказано об обычае «разбивая младенца своя о камень. Мнози же от человек погоубляютъ мзду свою» (Гальковский Н.М., 1913, с. 9). В памятнике «Слово святого Григория изобретено в толоцех о том, како первое погани суцые языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (XIV в.) упоминается о «таверская детарезанья идолам от первенецъ» (Гальковский Н.М., 1913, с. 23). В 1372 г. при строительстве крепостных стен в Нижнем Новгороде по преданию была убита купеческая жена Марья (Морохин В.Н., 1971). Густинская

летопись (XVII в.) сообщает, что «умножения ради плодов земных... От сих единому некоему богу на жертву людей топяху, ему же и доныне по некоих странах безумнии память творят» (ПСРЛ, т. 40, с. 44–45). В России женщин, заподозренных в чародействе, похищении дождей, земного плодородия, жгли, топили, зарывали в землю еще в середине XVIII в. Есть сведения, что и в XIX в. в Белоруссии во время засухи топили старуху (Афанасьев А.Н., 1983, с. 395; Велецкая Н.Н., 1978, с. 66). В этом проявлялось стремление, с одной стороны, обезвредить злую силу колдуний, а с другой стороны, послать на тот свет своего представителя с просьбой о помощи.

Отголоски древнего обычая человеческих жертвоприношений у восточных и южных славян сохранялись почти до современности. Они прослеживаются в деградированном и трансформированном виде, когда вместо человека на тот свет отправляли чучело или куклу, устраивали инсценировку такой жертвы во время праздника (похороны Костромы, Ярилы, Морены, проводы Масленицы), пережитки этого ритуала улавливаются в преданиях, сказках, пословицах и поговорках, в погребальном обряде, вплоть до детских игр (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 107; Велецкая Н.Н., 1978).

Смысл человеческих жертвоприношений был многообразен и менялся в зависимости от уровня развития общества, конкретных верований и характера народа, от обстоятельств принесения жертвы. Из всего разнообразия побудительных стимулов для принесения в жертву человека к славянам могут быть применены некоторые из них.

По представлениям славян-язычников, смерть являлась только переходом в другое состояние и умерший продолжал жить на том свете, который представлялся собственно отражением земного мира (Ибн Фадлан, Лев Диакон). Потусторонний мир по русским сказкам имел вид прекрасного сада и лугов. Там нет полей и лесов, нет никакой работы, туда переходят умершие и там можно увидеть всех своих родственников (Пропп В.Я., 1986, с. 287–293). По словам А. Котляревского, «языческая древность имела иные, совершенно отличные от нынешних, воззрения на усопшего: он был только переселенцем, здесь праздновалось это событие, сопровождалось веселием и пляской» (1868, с. 229).

У многих народов мира было распространено представление о кругообороте в природе «жизнь – смерть – жизнь» – для того, чтобы произошло возрождение, необходима смерть. По Фрезеру, смерть бога ведет к его воскресению и возрождению природы (1986). Такие же представления у славян восстанавливают по своим материалам В.Я. Пропп (1963, с. 71) и Н.Н. Велецкая (1978). По их мнению, смерть приводит к возрождению в природе и растительности, к усилению плодонося-

шей силы земли. У славян существовало поверье, что земля принимает умерших предков и отдает их души новорожденным (Комарович В.Л., 1960, с. 104; Шилю Б.П., 1972, с. 71). По широко бытовавшим представлениям, жизненная сила убитого переходит к живым, как это считалось при убийстве состарившихся вождей (Фрезер Д., 1986, с. 87). В исландских сагах есть рассказ о конунге Ауне, который продлевал свою жизнь, принося в жертву Одину своих сыновей и отбирая таким образом их жизненную силу (Стурлусон, 1980, с. 23).

Умерший родственник-предок становился защитником и покровителем живущих, приобщался к сонму богов. С этим связан обычай убивать специального представителя общины и отправлять его на тот свет к богам как своего посланца. Деградированные пережитки этого обряда прослеживаются в славянских календарных праздниках (Велецкая Н.Н., 1978). Такой обычай известен в культах и других народов. У чукчей добровольная смерть ради пользы общины считалась почетной (Зеленин Д.К., 1936, с. 58). Геты каждые пять лет посылали к богам вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу всё, в чем они нуждаются в данное время (Геродот, 1972, с. 210).

По наиболее универсальным понятиям жертва человека имела значение искупления и очищения, вызывалась стремлением умили-вить богов и добиться благоденствия для живущих (Фрезер Д., 1936, с. 529-534). Поэтому этот обряд совершался для предупреждения и спасения при тяжких бедствиях, войнах, неурожаях (Зеленин Д.К., 1936, с. 58). В польской «Великой хронике» приведены слова короля алеманов: «"Я за вас всех, о знатные, принесу торжественную жертву подземным богам" и, бросившись на меч, покончил с жизнью» (Великая хроника, 1987, с. 58).

В обычае человеческих жертвоприношений у славян нельзя видеть какой-то особой жестокости. Эти жертвы были обусловлены мировоззрением того времени и применялись для пользы и спасения общества. Смерть при жертвоприношении содействовала благополучию живущих и продолжению жизни на земле, считалась почетной и на нее иногда могли идти добровольно.

Из письменных и этнографических источников неясно, насколько широко был распространен обычай человеческих жертвоприношений у славян, в какой форме и в какой период он практиковался, где и каким образом их совершали. Дать ответ на эти вопросы может только археология. Существует мнение, что, пока жертвы человека не подкреплены фактическим материалом, сообщения о них можно рассматривать как выдумку церковников, боровшихся с языческими верованиями (Gassowski J., 1971, S. 568).

Фактические данные о принесении в жертву людей имеются среди археологических материалов. Захоронения младенцев в качестве строительной жертвы известны по всей Европе, в частности, в городах XII-XIII вв. Гданьске и Риге (Зеленин Д.К., 1937, с. 8-9; Kowalczyk M., 1968, S. 110; Lerówna B., 1981, S. 181; Цауне А.В., 1990, с. 127-130). Возможно, был принесен в жертву ребенок, кости которого найдены в доме 2 Новотроицкого городища (Ляпушкин И.И., 1958, с. 53-54). Человеческие черепа находили в жертвенной яме Волина, в Праге, на жертвенной площадке X в. у Плоцка, скелеты убитых людей лежали на святилище у Вышеграда X-XIII вв. (Kowalczyk M., 1968, S. 111; Gierlich B., 1975, S. 53-56), человеческие черепа были сложены в яме на городище Аркона (Berlekamp H., 1974). По подсчетам Г. Мюллера, на Арконе к IX-X вв. относится 470 костей человека, а к XI-XII вв. – 905 человеческих костей (Müller H., 1974, S. 293). Костяки обнаружены в культовых сооружениях на поселении Бабина долина, на святилище Зеленая Липа. При раскопках городищ-святилищ на Збруче останки людей, принесенных в жертву, встречены во многих сооружениях Богита и Звенигорода, что значительно расширяет круг источников и дает дополнительные сведения об этом обряде и сопровождающих его действиях.

На збручских святилищах останки людей представлены в разных формах. Здесь обнаружены вытянутые и скорченные костяки, расчлененные части трупа, отдельные черепа и их фрагменты, а также разрозненные кости нескольких индивидуумов, сложенные вместе.

Целые костяки мужчин в возрасте около 60 лет, вытянутые во весь рост, лежали в двух углублениях на капище Богита (рис. 21; 24, 1, 2). Положение костяков в обычных могильных ямах, их поза и ориентировка (головой на запад с небольшим отклонением вдоль края капища) указывают на захоронение естественно умерших, но погребенных в необычном месте – на высокой горе у подножия идола. Ритуальное значение этих погребений подчеркивается находками в заполнении могильных ям костей животных, главным образом, зубов крупного рогатого скота и свиньи, а также засыпкой ям землей с углем и мелкими обломками посуды, вторично обожженными. С таким же почетом, как и на Богите, был захоронен пожилой мужчина на святилище Зеленая Липа. Он был положен в круглой яме, вырытой в полу храма, расположенного на вершине холма, и обращен головой на запад, в сторону идола. Рядом с ним находился большой плоский камень – жертвенник и лежали обломки посуды XI-XII вв. (рис. 14, 2).

Пожилые мужчины, торжественно погребенные на вершине горы непосредственно перед идолом, должно быть, были при жизни на-

ибо более почитаемыми и уважаемыми членами общины. Так же торжественно на горах были похоронены князья Аскольд и Дир, князь Олег, о котором в летописи сказано «и несоша, и погребоша [его] на горе еже глаголиться Шелковица» (ПСРЛ, т. 1, стб. 39). Князья, как наиболее могущественные и уважаемые люди, были таким образом приобщены к божественным предкам (Велецкая Н.Н., 1978, с. 134). На Богите такими почитаемыми людьми могли быть жрецы. Эти погребения отражают культ предков, игравший главенствующую роль в языческом мировоззрении славян. Умершие переходили в иной, природный мир, были связаны с силами природы, сами превращались в одного из почитаемых божеств. Они охраняли земельные владения сородичей, способствовали плодоносящей силе земли (Рыбаков Б.А., 1987, с. 74). Культ предков был тесно связан с аграрными культами и входил в состав всех аграрных праздников (Пропп В.Я., 1963, с. 14). Вероятно, на капище Богита были погребены умершие в разное время (XI и XII – начало XIII вв.) жрецы, особенно почитаемые при жизни и могущие стать достойными защитниками и покровителями живущих перед богами. Если на этом капище действительно стоял Збручский идол, то один из погребенных жрецов был положен перед изображением Дажьбога, а второй был помещен перед богом подземного мира Велесом (Рыбаков Б.А., 1987, с. 251).

Интересно и то обстоятельство, что явно языческие погребения на святилищах были совершены почти по христианскому обряду – несожженные трупы положены в узкие ямы, ориентированы головами на запад. В отличие от христианских канонических погребенных не были сложены на груди, а в засыпке ям находились угли, кости и черепки. По-видимому, не все распространившиеся на Руси трупоположения под курганными насыпями можно считать христианскими – тем более, что в X в. христианство имело еще очень узкий круг обращенных, в основном живущих в городах. Переход от сожжений к ингумации и в Скандинавии произошел еще при господстве язычества и там выделяются «времена сожжений» и «времена погребения покойников» (Стурлусон, 1980, с. 663). Можно предположить, что отказ от сожжений и переход к ингумации были вызваны распространением христианской идеи о телесном воскресении, что не было свойственно язычникам, они этого «себе не чают». С этой идеей связано стремление не уничтожать, а сохранять тело умершего, как «Бог сохраняет кости праведников» (Слово св. Кирилла, XIV в.) (Гальковский Н.М., 1913, с. 69). Сохранение тела умершего, особенно выдающегося человека, было вызвано и верой в то, что пока покойный находится на месте, он обладает большей благоденствующей силой. В сагах есть рассказ о

том, что в Швеции после смерти конунга его тело «не стали сжигать и назвали его богом благоденствия и всегда с тех пор приносили ему жертвы за урожайный год и мир» (Стурлусон, 1980, с. 16).

Младенцы, кости которых были найдены среди камней в углублениях 6 и 8 на капище Богит, вероятно, были принесены в жертву богам и положены, возможно, перед изображениями на Збручском идоле Макоши и Велеса и перед богиней с кольцом Ладой, покровительницей весенних полевых работ. Принесение детей в жертву при тяжелых обстоятельствах и неурожаях было распространено у народов всего мира, известно еще по Ветхому Завету и, возможно, вызывалось представлением, что чем ценнее жертва для дарителя, тем она угоднее богу (Фрезер Д., 1986, с. 316–329; Тейлор Э.Б., 1939, с. 492). Как уже говорилось, в письменных источниках такие жертвы у славян упоминаются неоднократно. В Полесье долгое время сохранялось поверье, что для прекращения дождей надо зарыть ребенка в землю, а для борьбы с засухой бросить его в воду (Толстые Н.И., С.М., 1981, с. 50). В русских сказках кровь младенца обладает чудодейственной силой и с ее помощью можно оживить человека.

Остатки человеческих жертвоприношений обнаружены в нескольких сооружениях святилища Звенигород. В сооружении 3, расположенном на дороге, ведущей на священную гору, лежал скорченный скелет подростка и крутом него в один слой уложены разрубленные на части туши коров, их наиболее мясные и съедобные части (позвонки с ребрами, бедренные кости) и четыре коровьи челюсти. Среди костей в земляной пол был воткнут наконечник стрелы. Это сооружение принадлежит к типу жертвенных ям, широко известных в славянских землях. В нем нет признаков жилых или хозяйственных помещений, а после окончания проведенных здесь обрядов яма была забросана большими камнями, что часто применялось при засыпке культовых сооружений, должно было способствовать сохранности жертв и в то же время обезвредить их (рис. 49, 1, 2). Вероятно, жертва человека была принесена здесь для умиловливания богов, а мясная пища была предназначена для «кормления» богов и предков, которых славяне наделяли человеческим образом и потребностями. Люди должны их поить и кормить, за что боги исполняют желания людей. Мясо для пропитания богов приносили русы, по данным Ибн Фадлана и Константина Багрянородного; Перун в Новгороде «досыта ел и пил», пока его не сбросили в Волхов.

Вероятно, такие же магические действия совершали на жертвенной площадке XIII в., расположенной у подножия городища Звенигород на месте более раннего селища Бабина долина. В центре площадки был разожжен огонь, рядом положен на спине с поджатыми к груди

ногами скелет человека, голова его отсечена и находилась в стороне. Кругом в один ряд уложены части туш коров, тоже только съедобные, а по краям площадки расположены семь коровьих черепов, лежащих на шейных основаниях и повернутых к центру. Над жертвенной площадкой в глинистом склоне выбита «хлебная» печь такого же типа, что и в других жертвенных сооружениях Звенигорода, и в нее втиснут скорченный скелет подростка. После завершения всех ритуалов площадка была завалена большими камнями (рис. 68; 69, 2).

Второй скорченный скелет на городище Звенигород найден в колоде, расположенном на террасе в южной части святилища. Скелет принадлежал мужчине лет 30–35, череп которого на темени пробит острым орудием (рис. 63, 3). Рядом со скелетом лежал топор, оковка деревянной лопаты и обломки посуды XII в. Возможно, что около убитого положены орудия, при помощи которых было совершено жертвоприношение, как это делалось в Индии, где вместе с человеческой жертвой, принесенной богине смерти, клали заступы, которыми рыли могилу (Тейлор Э.Б., 1989, с. 492). Убитый человек, брошенный в священный колодец, через который проходил один из путей на тот свет, был отправлен в подземный мир в качестве жертвы предкам.

Скорченные погребения изредка встречаются на могильниках восточных и западных славян. В южнорусских землях их насчитывается 16 (Моця А.П., 1990, с. 27). В Словакии на могильнике Забор из 52 погребенных четыре находились в скорченном положении, в Победиме из 118 погребенных пять были скорчены (Chropovsky B., 1978, S. 99–123; Vendtová V., 1969, S. 171–193). Погребенных в таком положении, по-видимому, связывали или хоронили в мешках. Такой обычай объясняют верой в упырей (Kowalczyk M., 1968, S. 82–83) или видят в них погребения волхвов (Моця А.П., 1981, с. 101–105). Вряд ли таким способом могли погребать волхвов, так как язычники должны были к ним относиться с почтением; кроме того, среди скорченных погребений есть и детские. Скорее всего, такое положение погребенных указывает на страх перед ними и стремление препятствовать их возвращению на землю. С этой целью у погребенного в скорченном положении на могильнике Радомия в Польше были отрублены обе ступни ног (Gaśowski J., 1950, S. 322). Скорченные захоронения в Звенигороде, по-видимому, можно рассматривать как принесение в жертву врагов, вредоносные действия которых должны были быть пресечены. Такими врагами для местных жителей могли быть христиане, кровь которых была особенно угодна языческим богам.

Вероятно, таким же страхом было вызвано расчленение жертвы, оставленной в сооружении 4, расположенном в подножии капища

3 Звенигорода. Здесь лежал расчлененный на две части костяк мужчины 20–25 лет. Верхняя часть костяка до пояса сохранилась в анатомическом порядке, череп повернут влево, руки согнуты в локтях и кисти положены около головы. Нижняя часть костяка – таз, бедренная и берцовая кости помещены отдельно за черепом (рис. 49, 5, 6). Символическое значение лежавших кругом вещей (замки, ключи, топор, ножи, шпоры, рис. 50, 2–8; 51, 9–13) указывают на стремление к защите от злых сил, сохранности, благополучию. Но главный смысл совершенных действий был направлен на обеспечение урожая и плодородия – рядом с костями насыпаны зерна овса, в меньшем количестве ржи, с примесью пшеницы, ячменя и проса, то есть всех видов возделываемых злаков. Сверху на зерно был положен серп, по полу разбросаны кости домашних животных, среди них кости трех поросят 1–2-месячного возраста. Судя по возрасту этих поросят, жертвы и обряды в этом сооружении проводились ранней весной. Как и в остальных случаях, сооружение 4 являлось собственно жертвенной ямой, в которой обряды жертвоприношений совершались по крайней мере дважды, и, как многие ямы неодноразового использования, она имела перекрытие в виде навеса. После завершения обрядов всё было засыпано камнями.

С земледельческими культами связаны жертвы, принесенные на площадке Вышегорода в Польше. Здесь у входа на святилище и около каменного жертвенника лежали два скелета мужчин со следами насильственной смерти и были оставлены два серпа (рис. 6, 8).

Особый магический смысл имели разрозненные кости людей – черепа, их фрагменты, кости рук, ног, найденные во многих местах на святилище Звенигород. При этом в каждом помещении и в скоплениях костей находятся фрагменты скелетов нескольких человек разных возрастных групп. Существенно и то обстоятельство, что останки людей относятся к разному времени, во многих сооружениях обряды проводились по несколько раз и после перерыва в них снова приносили кости людей.

Разрубание, растерзание человеческого тела на части играло огромную роль во многих религиях и мифах, память о нём сохранялась в сказках (Пропп В.Я., 1986, с. 95). Смысл этого обычая был многогранным и менялся со временем. В индоевропейской мифологии бог-громовержец рассекает своего противника – повелителя загробного мира на части и разбрасывает их в разные стороны, освобождая этим скот и воду (Мифы народов мира, 1982, с. 530). Из этой же мифологии исходит представление о создании вселенной и человеческого общества из расчлененных частей человеческого тела (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981, с. 821). У хеттов при принесении в жертву человека или живот-

ного их тела рассекали на 12 частей, из которых, по поверьям, возникали части вселенной, достигалось общее благо. При отправлении в поход хетты разрубали жертву пополам (Иванов В.В., 1974, с. 104). Умиравшие и воскресшие боги растительности и плодородия Осирис в Египте, Дионис на Крите, Адонис в Финикии были разорваны на части и разбросаны в разных местах (Фрезер Д., 1986, с. 404–420). На древнегреческом языке часть тела и «песня», «напев», а также «расчленять», «рассекать на части» и «петь», «играть» обозначались одними терминами, что связано с исполнением обрядов жертвоприношения (Лукинова Т.Б., 1990, с. 45).

В Европе широкое распространение имел обычай расчленять тело короля или колдуна и хоронить в разных частях страны, чтобы обеспечить плодородие почвы, плодовитость людей и животных. Посмертное ритуальное расчленение трупа конунга и погребение частей его тела в разных концах державы для равномерного одарения подданных лаской и талантом господина существовало в Скандинавии (Гуревич А.Я., 1972, с. 235, 236). Норвежский король Гальфан Черный был разрезан на куски и захоронен в различных частях королевства, чтобы сделать землю плодородной (Фрезер Д., 1986, с. 420, 421). У всех народов Европы известны весенние праздники, когда разрывали на части куклу или чучело, которое у славян называлось Масленицей, Купалой, Костромой и являлось заменой человеческой жертвы, и разбрасывали куски по полям, что должно было способствовать хорошему урожаю (Сумцов Н.Ф., 1890, с. 143–144; Пропп В.Я., 1963, с. 72–74, 84; Фрезер Д., 1986, с. 346; Велецкая Н.Н., 1978, с. 87).

Магической силой обладали отдельные кости человека – бедро, рука, кисть (Фрезер Д., 1986, с. 36), но главное значение придавалось голове человека, где была сосредоточена его жизнь и сила. Культ головы был распространен у разных народов на протяжении долгого времени. Сохранивший голову умершего, по поверьям, получает власть над ним, приобретает его жизненную силу (Пропп В.Я., 1986, с. 152). Кроме того, при практиковавшейся повсеместно замене целого его частью, именно голова являлась воплощением человека (Фрезер Д., 1986, с. 470; Велецкая Н.Н., 1984, с. 87).

Все эти верования и обряды, основанные на расчленении жертвы, находят подтверждение в археологических материалах разного времени. Например, на кельтском святилище в Словакии в священный колодец были брошены человеческие жертвы с отрубленными головами и конечностями (Pieta H., Moravčík J., 1980, S. 245–280), в Тюрингии на жертвенной площадке Обердорля, использовавшейся в римское время, были положены череп, плечо, кости ноги человека

(Behm-Blancke G., 1978, S. 364). В Германии обычай отделения головы, рук и ног умершего существовал вплоть до средневековья (Schott L., 1982, S. 461–469).

Подобный обычай описан Гельмольдом у прибалтийских славян: в 1066 г. в своей столице Ретре ободриты убили епископа Иоанна, «отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли ее в жертву богу своему Редегасту в знак победы» (Гельмольд, 1963, с. 77). Также был убит язычниками в Польше св. Войтех, его голову поместили на шест (Karwacińska J., 1956, S. 33). В славянских могильниках иногда попадаются рассеченные кости. Например, на могильнике XII–XIII вв. в Черновке на Буковине костяк человека был рассечен пополам (Тимощук Б.О., 1976, с. 96). Иногда бывает отсечена голова и положена между ног, что известно в северной Руси, в Польше, в Чехии (Рябинин Е.А., 1974, с. 25; Eisner J., 1966, S. 460–463; Kowalczyk M., 1968, S. 15, 16). В Пиотркове Куявском в Польше голова упыря была пробита железным гвоздем (Kowalczyk M., 1968, S. 17). Обычай разрушения трупа в данном случае применяли для обезвреживания умершего, как это происходило еще в XIX в. на территории Белоруссии, когда у «вампиров» отрубали голову и клали ее между ног погребенного (Богданович А.Е., 1895, с. 58).

Исходя из имеющихся данных, можно считать, что у славян обряд рассечения трупа имел различный смысл. Прежде всего, разбрасывание частей тела убитого или умершего своей смертью человека должно было способствовать благополучию общины и плодородию полей и животных, скорейшему всходу посевов. Помимо этого, сказывалось стремление обезопасить себя от вредоносного воздействия покойного. Возможны и другие побудительные причины для осуществления этого обряда. Так, у Григория Богослова (XIV в.) говорится о гадании с помощью такого ритуального действия, как «жреческое искусство магов и угадывание будущего по рассеченным жертвам» (Гальковский Н.М., 1913, с. 30). Отдельные кости особенно почитаемых людей могли служить священными оберегами подобно тому, как христиане верят в силу мощей святых и почитают их части. Например, мощи св. Владимира были разделены на части и хранились в Москве, Софии Киевской и в Печерском монастыре (Голубинский Е., 1901, с. 186). В Польше «кости св. Станислава частично были распределены по костелам. Другая часть вместе с преславной головой хранится в Краковском костеле» (Великая хроника, с. 170). Это многообразие обычаев и верований нашло отражение в материалах святилища Звенигород.

Человеческие кости обнаружены на разном уровне в заполнении сооружения 5 Звенигорода. Здесь перед хлебными печами магические

обряды совершались периодически и остатки жертв были разделены стерильными подсыпками (рис. 62). На полу лежали частично обожженные череп, позвонки, кости левой руки мужчины 20–30 лет, ребра с воткнутым среди них пилом, большое скопление зерен ржи, проса с добавлением незначительного количества пшеницы, ячменя, овса и гороха, два перекрещивающихся серпа. Выше в заполнении был положен череп человека, кости животных, вещи, в том числе очень дорогие, золотые и серебряные. После окончания всех действий сооружение 5, как и все подобные ему культовые постройки на святилище, было заброшено камнями, в том числе очень крупными и тяжелыми. Совершавшиеся здесь обряды связаны с сельскохозяйственными культами и были проведены в какие-то важные и критические моменты жизни общества, когда требовались значительные жертвы – головы людей и богатые дары.

Человеческие кости находились в неглубоких овальных ямах, выбранных среди каменной кладки на капище 3 (рис. 39; 43, 2, 4, 5). Около идола в яме 18 лежали верхняя часть скелета мужчины 25–30 лет, череп ребенка одного–двух лет и нижняя челюсть молодой женщины. Кругом ямы расположены большие плоские камни-жертвенники и вещи, связанные с солнечным культом: металлические браслеты, обломки стеклянных браслетов, проволочное височное кольцо, топор и всё «запирал» трубчатый замок. Захороненные в этой яме человеческие черепа, возможно, символизировали целое по его части и означали принесение в жертву трех человек. У юго-восточного подножия капища в таких же ямах 9, 13, 14 находились разрозненные кости сравнительно пожилых мужчин в возрасте около 45 лет. Они были положены без анатомического порядка и составляли только часть скелетов – фрагменты черепов, нижняя челюсть, отдельные кости рук и ног. В этой части капища обряды совершались очень интенсивно и лежала масса принесенных в жертву вещей (рис. 39). Вероятно, и кости людей были принесены сюда как символические жертвы и около них совершались определенные обряды. Так, около ямы 14 сохранилось кострище и лежало несколько ключей – символов сохранности и оберегов.

Человеческие кости обнаружены и на других капищах. На капище 2 в разных местах лежали единичные кости, принадлежавшие пяти молодым мужчинам. Среди костей встречены фрагмент черепа (лежал в самом центре капища), нижние челюсти, позвонок, кости рук и ног. Такие же кости, но чаще фрагменты черепной коробки, распавшейся по швам, найдены во многих сооружениях на городище. Части черепов находились в сооружении 6, где имелось две «хлебные» печи, на вершине вала 2 вместе со скоплениями жертвенных вещей, на круг-

лой жертвенной площадке (сооружение 15), устроенной около земляного вала. В сооружении 14 перед идолом на разных уровнях лежали фрагменты человеческих черепов (рис. 59). В сооружениях 9, 10, 11, расположенных у подножия капища 3, вместе с жертвенными вещами иногда очень богатого и разнообразного состава, как в сооружении 11, также находились разрозненные кости людей. В одном из этих сооружений 9 обряды с перерывами совершали многократно и каждый раз вырывали в стене помещения новую хлебную печь и перед ней клали отдельные кости разных индивидуумов. Разрозненные фрагменты черепов, челюсти, кости рук взрослых и детей помещены в жертвенной яме, вырытой во второй половине XIII в. на месте более раннего длинного дома 8.

В сооружении 2 обряды совершались неоднократно и разрозненные кости детей и взрослых мужчин, а также кости животных лежали здесь несколькими слоями (рис. 64). Конструкция этого сооружения была необычна. Помещение имело деревянные стены и крышу, вдоль его стены находилась скамья для сидения. Для проведения собраний и общественных пиров это помещение было слишком мало, можно предположить, что здесь в присутствии нескольких человек происходили гадания, для чего использовались кости людей и животных, огонь, разводившийся на полу и в печи.

Разрозненные кости людей, найденные в культовых сооружениях, были взяты от скелетов с уже сгнившими тканями. Возможно, кости собирались в каких-то временных хранилищах, откуда их брали по мере надобности для совершения обрядов. Одним из таких хранилищ могли служить обожженные площадки, расположенные около капища 3 в кв. 7г, д (рис. 39). Здесь в несколько рядов лежали неполные костяки и отдельные кости детей и взрослых мужчин. В этом скоплении костей есть позвонки, ребра, кости таза, что редко встречается в жертвенных комплексах, но почти нет черепов и челюстей, являвшихся неременной частью жертвоприношений. Таким же хранилищем костей могло быть сооружение 5 на селище Бабина долина (рис. 67, 2). Пол сооружения был покрыт человеческими костями, иногда сохранившимися в анатомическом порядке, например, кисти рук подростка. Судя по положению костей, здесь был брошен труп только что убитой женщины с отрубленной головой. Возможно, в этом помещении жертвы разрубались на части и отдельные кости могли быть унесены для совершения ритуалов в других местах.

Несмотря на плохую сохранность костей, часто лежавших на небольшой глубине, иногда почти сразу под дерном, их определение, сделанное антропологами Г.П. Романовой и П.М. Покасом, показы-

вает, что кости преимущественно принадлежали молодым мужчинам в возрасте от 20 до 45 лет и детям от одного года до 10-14 лет. Трудно выяснить, скольким людям принадлежали найденные кости, так как кости одного и того же скелета могли находиться в разных местах. Всего мужские кости обнаружены почти в 40 местах, а кости детей и подростков лежали в 30 скоплениях. Можно думать, что такое количество детских останков вызвано большой детской смертностью, но возможно, детей, как наиболее ценную жертву, выбирали по жребию, что известно по письменным источникам.

Найденные на городищах-святилищах Богит и Звенигород костные останки людей не являлись обычными захоронениями или следами вражеского разгрома и гибели людей. Все сооружения на городищах были оставлены в спокойной обстановке и были тщательно забросаны камнями, многочисленными вещами, часто достаточно дорогие, были оставлены на месте. Останки людей и отдельные кости помещены в специальных сооружениях, около них совершались определенные ритуалы (разжигание огня, устройство хлебных печей, посыпание зерном, углем, мелкими обломками посуды, расположение многочисленных вещей, имевших символическое значение). Кости людей находятся в сооружениях разного времени и часто связаны с последовательно проводившимися на одном и том же месте обрядами. В большинстве случаев собраны вместе разрозненные кости людей разного возраста. Все эти данные свидетельствуют о принесении на святилищах человеческих жертвоприношений и об особой магической роли человеческих костей.

Жертвы совершались разными способами и служили нескольким целям. Для благополучия и процветания общины наиболее уважаемых ее членов торжественно хоронили в самом почетном месте перед идолом. Врагов – вероятно, христиан – убивали и приносили в жертву, чтобы умиловить богов. Убитых врагов оставляли связанными в скорченном положении или расчленяли на части, чтобы воспрепятствовать их возвращению на землю и принесению вреда живущим. В наиболее ответственные моменты приносили в жертву детей как самый ценный и действенный дар богам. Как священные амулеты широко использовались отдельные кости и особенно черепа людей, являвшиеся заменой целой человеческой жертвы. Черепа людей, как наиболее значимые жертвы, оставляли богам в самых священных местах, на капищах и в окружающих их культовых сооружениях. Отдельные кости и части скелетов должны были способствовать благополучию, увеличению плодоносящей силы земли, урожаю, плодотворности животных и в целом сохранности и долговечности святилищ и вообще мира язычников.

Человеческие жертвы совершались на святилищах с XI до XIII в., в период распространения христианства и усиленной феодализации общества. В это время человеческие жертвоприношения совершались и западными славянами. У прибалтийских славян происходила «милитаризация» язычества, вызванная немецкой и датской агрессией (Gařowski J., 1971, S. 570). Вероятно, усиление и ожесточение борьбы язычников с христианизацией и государственностью происходило во всех землях, где в глухих местах сохранялись последние очаги прежней веры. Именно в таких обстоятельствах требовались наиболее значительные и действенные жертвы для сохранения языческого мира.

Жертвоприношения животных

Кости домашних животных встречаются во всех объектах на святилище Звенигород. Среди них по количеству преобладают кости крупного рогатого скота (52 %) и свиньи (31 %), меньше костей мелкого рогатого скота (14 %) и совсем редко попадаются кости лошади и собаки.

Кости животных составляли основную часть среди остатков жертвоприношений на святилищах всех народов мира. В Европе жертвоприношения животных известны до позднего средневековья. Состав животных варьировал в зависимости от природных условий, но повсеместно в жертву приносили все виды домашних животных. На культовых памятниках германцев костей лошади и собаки значительно больше, чем на синхронных поселениях (Jankuhn H., 1967, S. 131).

Принесение в жертву животных имело разные формы и многообразное значение. Рассечение животного на несколько частей соответствовало древнеиндийской традиции. В ней особое значение придавали отсеченной голове коня, которая была посвящена богу огня Агни и входила в одну из частей трехчастного космоса (Иванов В.В., 1989, с. 79). В древнем Риме ежегодно расчленили священного коня (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 552). При похоронах руса на Волге была разрублена пополам собака и зарублены два коня (Ибн Фадлан, 1939, с. 82). Голова коня использовалась как строительная жертва для сохранения благополучия в доме. В Полесье конские и коровьи черепа сжигали в канун праздника Ивана Купалы (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 48). У русских головы коней и коров вешали на заборе вокруг конюшни и хлева для предотвращения падежа скота, для защиты от моровой язвы и от злых духов (Срезневский И.И., 1846, с. 80; Фамицын А.С., 1884, с. 201). У лужичан голову теленка до

XIX в. зарывали на пороге как средство, ограждающее от колдовства (Фамицын А.С., 1884, с. 50).

По поверью, распространенному у многих народов в удаленных друг от друга местах мира и в разные исторические периоды, сохранение костей жертвенного животного является залогом его возрождения. Представление о воскресении убитых на охоте животных существовало с древнейшей поры, известно у финнов, германцев, по преданиям которых, Тор может воссоздать животное из его костей и шкуры, было распространено и у славян (Тиваненко А.В., 1989, с. 34; Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С., 1985, с. 85; Behm-Blancke G., 1965, S. 238; Велецкая Н.Н., 1978, с. 88; Фрезер Д., 1986, с. 468). По поверьям славян, кости съеденного на общем пире животного обладали магической силой, их зарывали в землю, чтобы не переводился в доме скот (Зеленин Д.К., 1928, с. 133). Столь же популярно было представление, что часть животного заменяет целое, особенно полноценно такую замену символизировала голова жертвы. Даже отдельная кость и волос животного, по поверьям, сохраняли силу целого и его значение (Пропп В.Я., 1986, с. 195).

По индоевропейской традиции в иерархии жертв конь занимал второе после человека место. В Ригведе конь выступает как одно из основных жертвенных животных (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 548). Конь был связан с Перуном, солнечные кони украшали крыши домов. В то же время коня рассматривали как заупокойное животное, он являлся посредником между мирами, путеводителем на тот свет (Пропп В.Я., 1986, с. 172–176). Германцы ослепительно белых коней выращивали в священных рощах, эти кони служили посредниками богов (Тацит, с. 358). Германский Один, привязав своего коня к Мировому древу, общался с царством мертвых (Кардини Ф., 1987, с. 73). У богов прибалтийских славян имелись свои кони белой и вороной масти, за которыми ухаживали жрецы, при помощи коней проводили гадания. Бронзовые, оловянные и деревянные фигурки коней, украшенные солярными знаками, найдены на территории Польши в Волине, Ополе, Крушвице (Hensel W., 1974, S. 226). Возможно, священный конь был и у богов в Звенигороде. В наземном сооружении 13 хранилось конское снаряжение – удила с нарядной уздечкой, шпоры, скребница для чистки коня. Здесь же находилось много ценных предметов, в том числе серебряная гривна киевского типа (рис. 51, 6, 7; 57, 4; 60, 6–14). Кости коня найдены в наиболее важных культовых объектах Звенигорода.

Корова как главный предмет богатства и пропитания была связана с аграрными культами, облака рассматривались как небесные коровы, дающие дождь (Афанасьев А.Н., 1865, с. 653). Жертвенную

корову иногда заменяли солнечным «короваем» (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 112, 124). Этимологическую связь «коровы» и «коровая» отмечал В.В. Иванов (1974, с. 116). Чтобы вызвать дождь, по поверью, нужно было кости коровы закопать в землю и полить их водой (Пропш В.Я., 1986, с. 23).

На збручских святилищах в составе и распространении костей животных по объектам есть определенные закономерности. На капищах и там, где приносили жертвы (сооружения 2, 4, 5, 9-11), встречаются кости лошади и собаки, а кости съедобных домашних животных лежат в основном целые, не расколотые, среди них преобладают зубы, нижние челюсти, черепа, кости конечностей – таранные, пяточные, фаланги, то есть части животных, которые символизировали принесение в жертву целой особи. На капище 3 в Звенигороде кости животных лежали кругом центральной площадки, образуя жертвенный пояс. В их распределении заметны некоторые особенности: кости собаки встречены, главным образом, у южного и юго-восточного подножия капища, где были сосредоточены наиболее богатые скопления вещей и жертвенные ямы с человеческими костями, тогда как кости лошади концентрировались на северной ступени капища, где почти не было вещей и куда вход был возможен только для служителей культа. Повидимому, кости собак и лошадей выполняли здесь охранительные и защитные функции, при этом лошади придавалось более важное значение.

Совсем другим был состав костей в сооружении 3 и на жертвенной площадке в Бабиной долине. Здесь лежали крупные части туш животных (коров, свиней) и только их наиболее съедобные мясистые куски (ребра, бедренные и берцовые кости). Эта мясная пища была, вероятно, предназначена для «кормления» богов и предков (рис. 49, 1, 2; 68). По Э.Б. Тейлору, 9/10 всех языческих жертв состояло в принесении яств и остатков пиршеств, которыми угощали богов и предков (1939, с. 492). В Риме считалось, что для жертвы годится все, что естся и пьется (Тит Ливий, с. 508). Росы приносили своим богам в жертву живых петухов, куски хлеба и мясо (Константин Багрянородный, с. 49; Ибн Фадлан, 1939, с. 79-80).

Особую форму жертвы представлял целый костяк коровы, найденный в жертвенной яме 1 на святилище Звенигород. Костяк сопровождали угли, обломки стеклянных браслетов, черепки от посуды (рис. 49, 4). Возможно, эта жертва была связана с земледельческими культами, с поклонением солнечному божеству.

В длинных домах на общественной части городища пол усеян костями крупного рогатого скота и свиней и только от их наиболее мяс-

ных частей, к тому же эти кости по большей части разбиты на части и раздроблены. В этих домах собирались на праздничные пиршества и часть еды бросали на пол. По этнографическим данным, остатки общих трапез, кости «братчинного» быка полагалось зарывать в землю и оставлять в пищу предкам (Снегирев И.М., 1837, с. 71, 72; Зеленин Д. К., 1937, с. 28).

Принесение в жертву животных на святилищах служило, собственно, той же цели, что и все другие дары, – задабриванию богов. Мясо животных предназначалось для кормления богов и предков, черепа и непригодные для еды части туш символизировали жертву целого животного, сохранение костей служило залогом возрождения и плодovitости животных.

Роль огня, хлеба и хлебных печей

Ни одно священнодействие невозможно без применения огня – Сварожича, сына солнца. С ним связано множество верований и обрядов. Огонь являлся источником жизни и тепла, в нем обитал священный дух. По представлениям индо-иранцев, огонь находился во всем сущем – в тучах, в дереве, в кресалах, в камне (Овсяннико-Куликовский Д.Н., 1962, с. 149). Его считали посредником между людьми и богами (Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1969, с. 183). Огню придавалась главенствующая роль при жертвоприношениях, он пожирал жертвы и доставлял дары богам (Невелева С.Л., 1975, с. 85). С таким посредничеством связан и обряд трупосожжения. По словам руса, «мы сжигаем (покойника) во мгновения ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас» (Ибн Фадлан, 1939, с. 83). По мнению Н.Н. Велецкой, прыжок через костер на празднике Ивана Купалы символизировал приобщение к предкам, принесение им жертвы (1978, с. 95). В Густынской летописи об этом обряде сказано: «через оный огонь прескакують оному бесу жертву себе приносяще» (ПСРЛ, т. 40, с. 44). Такое же действие, совершаемое во время праздников по всей Европе, воспринималось как очищение и способ гадания. Огню повсеместно придавали значение очищающей силы, уничтожающей все вредное на земле. Сжигали на кострах ведьм, колдунов, вампиров, чтобы избавиться от их вредоносной силы, сжигали чучело Масленицы как символ зимы и смерти. Огонь разжигали во время бедствий и несчастий для очищения и защиты (Фрезер, 1986, с. 596). В Полесье верили, что огонь ограждает от нечистой силы (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 220). Остатки костра – пепел, уголь – также обладали магической силой,

являлись целебными, защищали от молнии, способствовали плодородию (Фрезер Д., 1986, с. 576; Иванова Ю.В., 1983, с. 119).

Огню молились на очаге, под овином, у костра, ему приносили жертвы. Во всем мире в огонь полагалось бросать пищу, «кормить» его (Календарные обычаи..., 1977, с. 100). В Индии в огонь кидали мясо и хлебные зерна (Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1969, с. 190). В Шотландии до XIX в. во время праздников на круглой площадке, окруженной канавой, крестьяне разжигали огонь, пекли на нем большой пирог и куски его бросали в огонь (Фрезер Д., 1986, с. 577–578). Культ огня у славян был связан с домашним очагом, в котором обитают души предков (Никольская Р.А, 1959, с. 111). Домашний очаг рассматривался как символ семьи, обилия и мира, печи кланялись молодые во время свадьбы, печь полагалось кормить, бросать в нее куски хлеба, вспоминая при этом предков, через печь проходил один из путей на тот свет (Афанасьев А.Н., 1865, с. 178–180; Иванова Ю.В., 1983, с. 119; Велецкая Н.Н., 1978, с. 120; Ветловская В.Е., 1987).

Соответственно такому всеобъемлющему значению огня его следы видны всюду на святилищах. Огонь многократно разжигался на культовых валах и во рвах, где он служил дополнительным ограждением и защитой священного места. Так же делали перед Перуном, которому «яко богу, жертву приношаху огон[ъ] неугасающий з дубового древия непрестанно паляху» (ПСРЛ, т. 40, с. 44). Вечный огонь жрецы поддерживали и в Пруссии (Мержинский А., 1895, с. 257). Все площадки капищ покрыты углем, но наиболее прожженные участки находились непосредственно перед идолами на капищах 2 и 3, а также перед идолом в сооружении 14 в Звенигороде. Углем и золой покрыты остатки жертвоприношений и пол в культовых сооружениях на святилищах. Особенно многочисленны прослойки угля, золы и обожженной глины, разделенные стерильными слоями засыпки, в заполнении глубокого внутреннего рва на городище-святилище Говда, где огонь разводили многократно (рис. 10, 4, 5). В ряде сооружений на кострищах найдены мелкие пережженные косточки – остатки сожженных жертв (сооружения 9, 10, 14), обожженные зерна ржи (сооружения 4, 5, 14), встречаются частично обожженные кости человека (сооружение 5) и часты находки вторично обожженных черепков глиняной посуды. На капище 3 в Звенигороде был сделан большой круглый очаг с сильно прожженным подом, обставленный кругом большими камнями и окруженный жертвенными вещами, что, вероятно, тоже было связано с поклонением огню (рис. 39).

Неотъемлемой принадлежностью большинства культовых сооружений в Звенигороде являются нишеобразные печи, в которых горел

сильный огонь (сооружения 2, 5, 6, 8, 9, 12, 14, 15). Такие же печи имелись на городищах Богит и Говда, где печь была выкопана в насыпи вала над священным колодцем, в культовых сооружениях Бабиной долины.

Нишеобразные печи, сделанные подбоем в материковой стене помещения, были распространены на средневековых памятниках Болгарии, Румынии, Словакии и в южнорусских областях (Выжарова Ж., 1987, с. 274-277; Teodor D., 1984, p. 64; Смиленко А.Т., 1989, с. 107). Такие печи не являлись бытовыми отопительными устройствами, в жилищах всегда были дополнительной пристройкой наряду с обычными для данного памятника отопительными печами из камня или глины (Раппопорт П.А., 1975, с. 14) или находились в специальных постройках. Среди нишеобразных печей выделяется два разных типа, имевших неодинаковое назначение. Печи одного типа носят явно производственный характер, в них найдены шлаки и крицы, находятся такие печи в специальных мастерских, где есть рабочие площадки, сложенные из камней, вытяжки, дымоход и в одной из мастерских находился еще гончарный горн (Добрыновцы, Ревно, Райки) (Тимошук Б.О., 1976, с. 111; 1982, с. 129; Гончаров В.К., 1950, с. 50-56).

Печи другого типа не несут никаких признаков ремесленной деятельности. Их своды целиком вырезаны в материке и сильно прокалены, также глубоко прожжен очень гладкий и ровный под печей. Небольшие предпечные ямы заполнены углем и золой, около устья печей часто лежат большие камни. Печи такого типа открыты на поселении Гнидава IX-X вв. и служили, по мнению М.П. Кучеры, для сушки зерна и выпечки хлеба (1975, с. 98-103). Такие же печи для выпечки хлеба находились в длинном доме, который, вероятно, являлся общественной пекарней на городище Ревно 1. В одной из печей этого дома лежали куски большого противня, предназначавшегося для сушки зерна и выпечки хлеба (Тимошук Б.О., 1982, с. 51; Третьяков П.Н., 1948, с. 182). Применение нишеобразных печей для выпечки хлеба подтверждается находкой в такой печи на поселении V в. Девин в Словакии обгорелого караваея хлеба круглой формы с диаметром 23 см (Pieta K., Placha V., 1989, S. 69-88).

По этнографическим данным, в России специальные хлебные печи устраивали в виде пещер на склонах оврагов и косогоров. Стенки и свод таких печей обмазывали глиной, просушивали, затем в них разжигали огонь. Из разогретой печи выгребали угли, подметали под печи мокрой метелкой, сажали в печь хлеб и закрывали ее камнями, обмазывали устье глиной и оставляли на несколько часов. Для лучшего качества хлеба печь должна была остывать как можно

медленнее, для чего горячие угли подгребали к закрытому устью печи (Энциклопедический словарь, 1903, с. 440–442). Хлебные печи, поставленные в стороне от жилых домов и находившиеся в общем пользовании нескольких соседних семейств, были распространены в южно-русских областях, у словаков, болгар, украинцев (Бломквист Е.Э., 1956, с. 263–265). Известны специальные печи для выпечки обрядового хлеба (Виноградова Л.Н., 1981, с. 17).

Хлебные печи, хотя и другой конструкции, известны в северных областях Руси и изучены в Старой Ладоге и на Рюриковом городище. Здесь печи были наземными с глинобитным сводом, укреплены деревом и перекрыты навесом. Ставили такие печи в стороне от жилищ или на перекрестках улиц (Носов Е.Н., Петренко В.П., 1986, с. 9–10; Носов Е.Н., 1990, с. 51–60). Несмотря на другую конструкцию, хлебные печи на севере выполняли ту же функцию, что и нишеобразные, – как можно дольше сохранять тепло, для чего в печах делали под из камней, обмазанных глиной, и ставили заслонки около устья.

На святилищах Богит, Говда, Звенигород, в культовых сооружениях Бабиной долины хлебные печи были вырезаны в материковой глиняной стене сооружений и выступали за их контуры. Полукруглые своды печей поднимались на высоту 40–50 см и были сильно обожжены. Под печей, круглой или овальной формы, диаметром 0,8–1 м, был ровным, прожженным до звона на толщину до 10 см и как бы отполированным. Поверхность пода чистая, с нее тщательно убраны зола и уголь. Устье печей обращено внутрь помещения и имело форму вытянутой канавки шириной около 40 см, заполненной углем, золой, камнями и кусками обожженной глины, служившими для закупорки устья печи. Такие печи должны были долго сохранять тепло и хорошо выпекать хлеб.

Большинство сооружений с хлебными печами в Звенигороде представляло собой прямоугольное углубление, перекрытое навесом. Такие же навесы над хлебными печами строились на севере Руси, где от навесов сохранились деревянные столбы (Носов Е.Н., 1990, с. 51–55). Сооружения с хлебными печами в Звенигороде использовались многократно и периодически в их стенах на разных уровнях строились новые печи. С каждой печью в сооружении связывается слой угля, золы и здесь же были положены принесенные жертвы – кости и черепа человека (сооружения 5, 9, 14), кости животных, хлебные зерна (сооружения 5 и 14), положены серпы и другие, иногда довольно дорогие золотые и серебряные вещи (сооружение 5). Жертвы оставались и в самих печах. Так, в культовом сооружении Бабиной долины на поду такой печи лежал череп младенца и симметрично уложенные около

него кости животных. В печи, вырытой в склоне над жертвенной площадкой в Бабиной долине, был положен скорченный костяк подростка. В хлебную печь сооружения 9 в Звенигороде был символически помещен жернов. Жертвы хлебным печам приносили и на севере: в одной из печей на Рюриковом городище были замурованы череп и ноги коровы (Носов Е.Н., 1990, с. 54). Перед хлебными нишеобразными печами, вырезанными в глиняных насыпях валов (Звенигород, Говда), тоже оставляли жертвы на культовых площадках (сооружение 15) и в культовых ямах.

Всего хлебных печей в Звенигороде оказалось очень много. Так, в сооружении 12 было три разновременных печи, в сооружении 14 две, в сооружении 5 последовательно использовались также две печи, а само сооружение было построено на месте более ранних хлебных печей, вырытых в склоне. Такое обилие хлебных печей было связано, по-видимому, с рядом причин. Во-первых, печи были очень недолговечны и выходили из строя после нескольких топок, а возможно, вообще были одноразового употребления. Печи портились из-за высокой температуры в них, из-за давления грунта, просачивания воды. Так же быстро сменяли друг друга хлебные печи на севере, что хорошо показывает стратиграфия Рюрикова городища (Носов Е.Н., 1990, с. 55). Во-вторых, широкое использование таких печей было вызвано большой потребностью в хлебе, который употреблялся на общих трапезах, служил для «кормления» богов и для гаданий. В-третьих, печи выполняли культовую роль и при выпечке хлеба около них совершали обряды, связанные с почитанием огня, хлеба и вообще с культом земледелия и плодородия. У русских выпечка обрядового хлеба сопровождалась особыми ритуалами, в них принимала участие вся родня, существовали специалистки – «коровайницы». Воду для обрядового хлеба брали из разных источников. По поверьям, при выпечке хлеба происходили контакты со сверхъестественными силами (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 135; Зеленин Д.К., 1928, с. 134; Листова Н.М., 1983, с. 163).

Почитание хлеба зафиксировано у славян уже в V–VI вв., когда около печей в жилищах пражской культуры и в отдельных жертвенных ямах были положены его модели – глиняные «хлебцы». О принесении хлеба в жертву богам говорится во многих источниках. Такие жертвы упоминают Константин Багрянородный, Ибн Фадлан. В «Слове некоего христороубца» перечисляются жертвы богу: «Кладут им требы и короваи им молят, коуры режут и огнем молят» (Аничков Е.В., 1914, с. 372). В «Вопрошениях Кирика» говорится о жертвах хлеба, сыра и меда роду и рожаницам (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 50). На святи-

лице Аркона с огромным пирогом совершали гадания и магические действия – жрец прятался за круглый пирог и, если его не было за ним видно, то в следующем году должен был быть обильный урожай (Гильфердинг А., 1874, с. 163–164). Подобный обычай долго сохранялся у русских и украинцев, когда хозяин прятался за сжатый сноп и спрашивал домашних, видно ли его (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 125; Этнография..., 1987, с. 382).

По этнографическим данным, русские употребляли хлеб при всех торжественных событиях в жизни. «На родинах, крестинах, новоселье, именинах, свадьбе хлеб служит выражением благополучия и богатства», – констатировал Н.Ф. Сумцов, специально изучавший обрядовую роль хлеба (1865, с. 136). Особенно почитали круглый хлеб – «каравай», символ солнца. На нем иногда изображали солнце, луну, дерево (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 258). Каравайные ритуалы особенно широко применяли на свадьбах: с хлебом приходили сваты в дом невесты, караваем благословляли молодых, кусок свадебного каравая давали каждому гостю (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 64; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 254; Гвоздикова Л.С., 1981, с. 204–214). Хлеб был не только символом богатства и изобилия, но и очищения, мира, способствовал плодородию и воссозданию силы жизни. Существовали особые «каравайные моления», с хлебом в Белоруссии проводили праздники призывания весны, в Болгарии хлебом встречали весеннее солнце, в Гродненской губернии с хлебом обходили поля, хлеб преломляли над новорожденным и клали его в колыбель, обрядовый хлеб давали скоту (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 256; Сумцов Н.Ф., 1885, с. 79; Этнография..., 1987, с. 382, 399). Хлеб употребляли на похоронах и поминках, но при этом никогда не использовали круглый хлеб-каравай (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 67, 128). Почитание хлеба свойственно всем земледельческим народам – например, в Бретани огромный каравай хлеба нового урожая возлагали на алтарь церкви (Фрезер Д., 1986, с. 578).

Очистительной силой, воссоздающей жизнь, обладало зерно. Зерном обсыпали молодых на свадьбе, посыпали лавку, где лежал покойник, приносили в жертву богам (Котляревский А.А., 1869, с. 77; Сумцов Н.Ф., 1885, с. 28; Пропп В.Я., 1963, с. 16). В Звенигороде скопления зерна входили в состав жертвоприношений во многих сооружениях (4, 5, 14). При этом в каждом скоплении содержались все возделываемые злаки: преобладали пшеница и рожь, в меньшем количестве встречены ячмень, овес, просо, горох. Такой набор зерен имел явно символический смысл.

Судя по обилию хлебных печей в Звенигороде, хлеб широко применяли при жертвоприношениях на сакральной части святилища. На

общественных площадках Звенигорода и Богита хлебные печи располагались около длинных домов, в которых происходили собрания и пиры и был тоже необходим хлеб.

Символика жертвенных вещей

В большом количестве вещи находились на городище Звенигород, где они концентрировались на капищах и в культовых сооружениях сакральной части городища. На Богите вещевых находок нет, на городище Говда они единичны и представлены главным образом наконечниками стрел. Немного вещей встречается и на других святилищах, за исключением Арконы и Шлонжи, где известны скопления разнородных находок.

Среди вещей, найденных в Звенигороде, присутствуют самые разные категории предметов: украшения, орудия труда и оружие, конское снаряжение, принадлежности христианского культа. Такое же обилие предметов, употреблявшихся в повседневной жизни, характерно для находок на святилищах, удаленных друг от друга по времени и пространству и принадлежавших разным народам. Те же категории и даже типы вещей обнаружены на святилище в Арконе (Berlekamp H., 1974, S. 211–251). В культовых пещерах на Крите находили мечи, кинжалы, дротики, щиты, топоры, ножи, иголки, браслеты, туалетные принадлежности и, конечно, в большом количестве керамику (Лосев А.Ф., 1957, с. 51). Такие же разнородные находки сделаны на античных святилищах в Крыму (Новиченкова Н.Г., 1983, с. 327–328). Тот же состав даров обнаружен на святилищах римского времени у германцев, в него еще входили косы, серпы, лопаты (Behm-Blancke G., 1978, S. 368), а также у финских народов (Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С., 1985, с. 108). На удивление близок звенигородскому не только набор, но и типы вещей на святилищах немцев, открытых в устье Печоры (Хлобыстин Л.П., Отчет 1984, 1985 гг.; Овсянников О.В., Отчет 1987 г.). Здесь, помимо обычных древнерусских вещей, встречающихся повсеместно, найдены совершенно такие же, как в Звенигороде, круглые подвески с вписанным в них «патриаршим» крестом, замки, кольчужные кольца, металлические коробочки для вещей, а также кресты и иконка. Столь же разнообразен состав вещей на жертвенных местах в Финляндии, где также есть кресты, привески разных типов, ключи, шкатулки и т.п. (Serning J., 1956). Разнородный состав жертвенных даров был, вероятно, вызван тем, что они отражали людские нужды и чаяния, связанные со всеми сторонами повседневной жизни и с экстремальными обстоятельствами. Каждая принесенная в жертву вещь должна была иметь свой

магический смысл. По мнению В.Я. Проппа, «нет, кажется, такого предмета, который не мог бы фигурировать в фольклоре как предмет волшебный» (1986, с. 191). Вещи выполняли разные функции, их символическое значение могло быть многообразным и меняться в зависимости от обстоятельств и времени.

Как установлено Б.А. Рыбаковым, в женском и девичьем костюме и в головных уборах присутствовала сложная символика, смысл которой состоял в защите от окружающего зла. Оберегами служили височные кольца и шейные украшения, покрывавший их орнамент был насыщен магической силой (Рыбаков Б.А., 1951, с. 399–404; 1971, с. 17). В Звенигороде самой многочисленной группой женских украшений были провололочные височные кольца разных типов. Кольца представляли собой круг, имевший сам по себе двоякое значение: символ солнца и охрана от злых сил. В ряде мест на святилище височные кольца лежали вместе по четыре штуки или в количестве, кратном четырем, и были переплетены между собой. Так было в сооружении 5, где вместе находилось четыре трехбусинных кольца. В длинном доме 8 также были переплетены между собой дужками четыре серебряных трехбусинных кольца, на капище 3 были положены вместе восемь провололочных колец. В одном случае вместе оказалось 18 провололочных колец, но из них 16 принадлежало к одному типу с обратно завернутым концом и два были с просто заходящими друг за друга концами, то есть здесь, по-видимому, находились кольца от нескольких головных уборов. Полные наборы височных колец, найденных в курганах, обычно состоят из четырех или восьми экземпляров (Седов В.В., 1982, с. 100). Следовательно, в Звенигороде часто приносили в дар богам целые наборы головных украшений. В такой жертве могла заключаться просьба охранить и защитить владелиц этих украшений. В то же время кольца – знаки Солнца – должны были способствовать плодородию и хорошему урожаю (Hensel W., 1970, S. 243–250).

Металлических перстней и браслетов найдено немного и все они, кроме одного перстня-печати со знаком Рюриковичей, имели одну особенность – были несомкнутыми, пластинчатые и витые браслеты часто специально разогнуты, как и перстни, сделанные из обломков пластинчатых браслетов. Может быть, в этом есть определенная связь с поверьем, что с замкнутым кольцом на пальце нельзя входить в святилище. В Греции и Риме это не имел права делать даже жрец Юпитера, если кольцо у него не было сломано (Фрезер Д., 1986, с. 234). Кольцо препятствовало выходу души через пальцы, с умирающего полагалось снять перстень. При похоронах руса на Волге девушка, отправляемая на тот свет, перед смертью сняла с себя браслеты и ножные кольца –

вероятно, они мешали уходу души в иной мир (Ибн Фадлан, 1939, с. 82). Замкнутые кольца считались действенными оберегами от злых духов и ведьм (Фрезер Д., 1986, с. 234). По сохранившемуся в сказках представлению, волшебное кольцо удовлетворяло все желания хозяина (Афанасьев А.Н., 1865, с. 214). При помощи колец гадали: «Кольца мечют в воду и поясы» (Григорий Богослов, Гальковский Н.М., 1913, с. 35). Среди разнообразных вещей на других святилищах обычно браслеты и перстни отсутствуют. Вероятно, целые и замкнутые браслеты не полагалось приносить в жертву. Может быть, единственный замкнутый перстень-печатка, найденный в Звенигороде, был оставлен в память и в честь умершего?

Такие же поверья, вероятно, были связаны со стеклянными браслетами. Их обломками усеяно капище 2, они рассеяны по подножию капища 3, встречены во многих культовых сооружениях. Целых браслетов на сакральной части святилища не обнаружено. Лишь в жилище на южной части городища найден целый стеклянный браслет, но он не является жертвой. Отдельные обломки от 33 стеклянных браслетов, найденные на святилище, Ю.Л. Шаповой удалось склеить. При этом обнаружилась интересная закономерность. На капище 3 склеивающиеся между собой обломки браслетов находились на большом расстоянии друг от друга в разных концах капища – в квадратах $5г+3е$, $Г_0+2з+10т$, $10и+3к$, $4м+1з$, $2б+11г$, то есть обломки разбитых браслетов были разбросаны в разных местах капища. То же самое наблюдалось на капище 2. При этом выявилась и еще одна особенность – подклеились обломки браслетов с капища 2 и из расположенного рядом длинного дома 7 и находящегося в стороне сооружения 5. В данном случае, куски разбитого браслета были разнесены молящимися и положены в разных культовых сооружениях. Это между прочим подтверждает и одновременность существования всех этих объектов.

Само по себе разбивание, размельчение вещей должно было способствовать их «размножению» и возрождению (Свешников Т.Я., Цивьян Т.В., 1979, с. 149–190), как это предполагалось при расчленении тел людей и животных. Подобные представления были, вероятно, связаны и с разбиванием посуды. Битье горшков практиковалось при всевозможных случаях жизни: при свадьбах в знак целомудрия невесты, при рождении ребенка для облегчения родов, при похоронах для скорейшего перехода души в иной мир. Разбитый горшок должен был прогнать всякий недостаток из дома, его черепки разбрасывались по огороду для обеспечения урожая. Разбивались горшки, послужившие богам: ими уже не могли пользоваться люди (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 46, 47; Афанасьев А.Н., 1865, с. 180; Этнография..., 1987, с. 399;

Котляревский А.А., 1869, с. 221). Общий смысл разбивания сосудов состоял в том, чтобы способствовать переходу в другое состояние и возрождению, в том числе и растительному. Эти действия были направлены и на предохранение от злых сил (Свешников Т.Я., Цивьян Т.В., 1979, с. 180–190). Черепки разбитых сосудов в огромном количестве встречаются на святилищах. Они сплошным слоем покрывали площадки его капищ, но их обычно не удается склеить между собой. Возможно, как и обломки стеклянных браслетов, черепки разбитых горшков разбрасывали в разных местах.

Целую посуду в славянском фольклоре отождествляли с телом человека, ее части обычно назывались «голова», «устье», «горло», «туловище». Посуда повторяла этапы жизни человека – рождалась из глины, жила и умирала. Она являлась необходимым атрибутом при всех ритуалах, сопровождающих основные моменты в жизни человека. В культовых сооружениях Звенигорода наряду с мелкими обломками горшков, иногда вторично обожженных уже в разбитом состоянии, часто лежат развалы целых сосудов, которые можно склеить. Целые сосуды стояли в сооружениях 5, 9 рядом с костями человека, животных и жертвенными вещами, а также около идола в сооружении 14, где совершались ритуалы, связанные с земледельческими культами. Возможно, целые сосуды служили здесь для защиты живущих, так как по поверьям в них можно загнать болезнь, всяческие несчастья и даже смерть (Свешников Т.Я., Цивьян Т.В., 1979, с. 155–164). В сооружении 3 и на жертвенной площадке Бабиной долины целые сосуды находились между частями туш мясных животных, принесенных сюда для «кормления» богов и предков. Вероятно, в сосудах содержалась еда или напитки. Целые горшки можно собрать из обломков, лежавших на полу длинных домов 3 и 10, находившихся в южной части городища и предназначенных для общественных пиров. Вероятно, посуду после трапез полагалось разбивать тут же.

Магическое значение имели и металлические котлы, обломки которых лежали на капищах и на жертвенной площадке вала 2. Котлы с костями и черепами животных ставились в курганах – в Черной могиле под Черниговом, в Гнездове. Такой обычай существовал и у скандинавов (Петрухин В.Я., 1975, с. 85–92). Котлы разбивали и разбрасывали в тех же случаях, что и глиняные горшки. В Болгарии в котлах полагалось варить пищу для свадеб. В сказках герой, побывавший в горящих котлах, возвращался оттуда, из иного мира, помолодевшим и обновленным (Сумцов Н.Ф., 1885, с. 63; Велецкая Н.Н., 1978, с. 40; Сравнительный указатель сюжетов, № 331, 332, 531, 1169). По сказкам, металлическая посуда придает силу тому, кто к ней прикасается (Свешников Т.Я., Цивьян Т.В., 1979, с. 185).

Острые предметы – серпы, косы выполняли двойную роль. С одной стороны, они представляли собой эмблему плодородия и радуги, были связаны с сельскохозяйственными культами (Афанасьев А.Н., 1865, с. 352). С другой стороны, они, наряду со всякими режущими и колющими орудиями, являлись оберегами от злых сил. Их клали на пороге дома для его защиты, в Полесье ими во время грозы «рассекали» тучи, предотвращали град (Макаров Н.А., 1981, с.261–264; Толстые Н.И., С.М., 1981, с. 46; Kowalczyk M., 1968, S. 37). Эти орудия клали в погребения в качестве оберегов (Рябинин Е.А., 1974, с. 24). В Звенигороде серпы явно относились к обрядам земледельческого культа – в сооружениях 4, 5 и 14 они лежали вместе с расчлененными костяками и были посыпаны хлебными зернами. На капищах серпы и косы скорее выполняли функции защиты.

Ножи представляют собой обычную находку на всех древнерусских поселениях, но, как правило, не больше, чем по одному-два экземпляра в каждом доме. В Звенигороде они встречаются крайне неравномерно. В длинных домах 2, 7, 8, где хранились богатства святилища, найдено по два-три ножа. В длинном доме 3, в котором происходили общественные собрания, а также в сооружениях 6, 8, 12, служивших для выпечки хлеба, но в которых не проводили жертвоприношений, ножей не найдено совсем, тогда как во всех сооружениях, в которых сохранились остатки жертвоприношений (4, 9–11, 13, 14), ножи присутствовали непременно по много экземпляров. Но в массовом количестве ножи находились на капище 3, где их обнаружено 42. Вероятно, также много их было на капище 1, на котором в небольшой траншее было встречено пять пожей. В то же время на капище 2, которое, несомненно, занимало существенное место в культовых действиях, найден всего один нож. Такое распределение ножей по объектам на святилище указывает на их культовое значение как оберегов и символов хозяйственности, что наблюдается у многих славянских народов (Колчин Б.А., 1959, с. 71). Ножи и ножницы употреблялись при заговорах. Считалось, что нож может предотвратить стихийное бедствие, его при вихре втыкали в землю. Нож и ножницы служили оберегами для новорожденных, они могли отпугнуть смерть, препятствовали злым намерениям умерших (Афанасьев А.Н., 1865, с. 261; Велецкая Н.Н., 1984, с. 78; Этнография..., 1987, с. 398). Для благополучия ножом крестили хлеб (Григорий Богослов, Гальковский Н.М., 1913, с. 35).

Топор и молот в балтийской традиции считались оружием Перуна. По белорусским преданиям топором Перун высекает огонь

и молнию (Афанасьев А.Н., 1865, с. 253; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 93). Топору в народе придают охранительное значение: при грозе из дома выносят на улицу топоры, лопаты, хлеб; топор перекидывают крест-накрест через стадо для его благополучия и защиты от хищников; топор, положенный на пороге острием наружу, должен отпугивать смерть; топор кладут на место, где лежал покойник, и с топором провожают гроб (Даркевич В.П., 1961, с. 90-101; Велецкая Н.Н., 1984, с. 78; Байбурин А.К., 1981, с. 224; Макаров Н.А., 1983, с. 218; Этнография... 1987, с. 382, 412). В Звенигороде топоры находились в центре капищ 2 и 3 непосредственно около стоявших там идолов. Еще один топор лежал в колодце рядом с принесенным в жертву человеком.

Охранительную роль играло и оружие, но его значение было более сложным, так как вооружение само являлось предметом поклонения. В Греции копье почитали с давних пор, ему поклонялись как богу, копьё приписывали магическую силу. Ахилл умерщвлял копьем сотни врагов и им же исцелял раны (Лосев А.Ф., 1857, с. 51). По сообщению в Житии Оттона Бамбергского, воткнутое в столб копье стояло в городе Волин и почиталось как бог (Фамицын А.С., 1884, с. 25). С помощью копий жрецы в Штетине и Волине проводили гадания – через перекрещенные копья проводили священного коня и следили, какой ногой он делал первый шаг и не заденет ли он копьё. Копье помещали в клад для его охраны (Макаров Н.А., 1981, с. 261-264). На святилище Звенигород найден только один наконечник копья, лежавший на жертвенной площадке вала 2, – он должен был усиливать защиту от злых напастей.

Самое престижное оружие – меч, символ власти – также было предметом поклонения. В Греции меч Менона почитался как фетиш наравне с копьем Ахилла и луком Геракла (Лосев А.Ф., 1957, с. 39). Мечу поклонялись аланы, ему приносили жертвы скифы (Кардини Ф., 1987, с. 98). Боги прибалтийских славян стояли в полном вооружении, в шлемах и латах, имели огромные мечи, у идола в Коренице их было восемь (Срезневский И.И., 1846б, с. 45). Мечом-саблей вооружен Перун на Збручском идоле. На Руси язычники приносили к богам оружие: князь Игорь в 945 г. «приде на холмы кде стояше Перун и покладаша оружья своя и щиты, и золото» (ПСРЛ, т. 2, стб. 42). В Звенигороде часть меча с перекрестием лежала на полу длинного дома 7, где хранилось имущество святилища, здесь же находился наконечник ножен меча. Такой же наконечник найден в культовом сооружении 10, около капища; вероятно, в данном случае, часть заменяла целый предмет.

Наконечники стрел найдены на всех капищах, в некоторых культовых сооружениях 3, 4, 11, 14 и в длинных домах 7 и 8, где лежали вместе с другими жертвенными находками. Все эти объекты расположены в сакральной части городища. За ее пределами и на примыкающих к городищу селищах стрелы отсутствуют. Несколько стрел найдено на городище Говда, где они лежали на жертвенных пролойках в заполнении внутреннего рва. Стрелам приписывали многообразное символическое значение. Прежде всего, стрелы служили оберегами, «стрелы как острый и колющий предмет, подобно иглке, ножу, топору, сабле, мечу, копыю, а также колючему растению, наводят страх на злого духа» (Веселовский А., 1921, с. 288). Стрелы как защиту от нечистой силы дарили на свадьбе новобрачным в Белоруссии (Афанасьев А.Н., 1865, с. 432; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 18). Кроме того, в свадебных обрядах стрелы символизировали плодородие. Выстрел из лука приводил к зарождению новой жизни. На Украине существовал обряд «расстреливания новобрачной», стрелой с нее снимали покрывало (Веселовский Н., 1921, с. 291). По древнеиндийскому эпосу, состязания в стрельбе из лука способствовали избранию жениха для царевны. Этот же мотив присутствует в русских сказках (Гринцер П.А., 1974, с. 43). Но этим значение стрел не ограничивается. Прослеживается их связь с солнцем. В честь бога солнца устраивали ритуальные стрельбы из лука в Индии. У славян стрелами назывались лучи солнца, от стрел Перуна шел дождь и увеличивалось плодородие полей (Афанасьев А.Н., 1865, с. 244, 432). Множество поверий, связанных со стрелами, приводило к обилию их находок на святилищах многих народов. Их скопления прослежены около писаниц, распространенных от Финляндии до Якутии (Бадер О.Н., 1954, с. 246–258), они встречены на святилищах кельтов, германцев, даков (Котигорошко В.Г., 1987). Славяне на острове Хортица укрепляли стрелы вокруг громадного дуба (Константин Багрянородный, с. 49).

Замки и ключи являлись символами сохранности и прочности, о чем свидетельствуют многие данные археологии и этнографии, собранные Н.А. Макаровым: замки употребляли в свадебной обрядности для придания крепости браку, их помещали вклады для сохранности, замками обносили стадо в Юрьев день, при первом выпасе скота, при похоронах замком запирали окна, чтобы смерть не смогла вернуться в дом, замки клали в могилы как магическое ограждение от враждебной силы мертвых (1981, с. 264). Подобные поверья имелись и у других народов. Например, в Англии считалось, что в запертый дом не может проникнуть смерть, замки обносили вок-

руг табуна лошадей для защиты от волков; наоборот, замки и узлы полагалось отпирать и развязывать для облегчения родов (Фрезер Д., 1986, с. 230–234). Запирание смерти было в обычае у германских племен, ключи характерны для погребений пшеворской культуры римского времени, затем этот обычай был перенесен на черняховскую территорию. Замки усиливали верность договора и у славян было распространено заклятье: «Замыкаю свои слова замками, бросаю ключ под бел-горюч камень» (Афанасьев А.Н., 1865, с. 421). В Белоруссии и у западных славян замыкают зиму и отпирают весну и лето «ключиком-замочком, золотым платочком», отмыкают ключом землю (Пропп В.Я., 1963, с. 16; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 108, 196). Таким образом, помимо символа крепости и надежности, замки и ключи имели отношение к годичному циклу природы, с их помощью пытались создать благоприятные погодные условия для урожая.

В Звенигороде замки и ключи в большом количестве найдены на капищах (на 2 находилось шесть замков, на 3 – пятнадцать), во многих культовых сооружениях среди скоплений костей и жертвенных вещей. Несомненно, здесь они являлись принадлежностью ритуалов. Но часть замков и ключей, вероятно, использовались по своему прямому назначению – запирать двери длинных домов и крышки сундуков и шкатулок. Ключи от внутренних замков, личина замка, накладки с петлями, пластины-оковки от сундука лежали на полу длинного дома 7, где хранились богатства святилища. Этот дом, вероятно, запирали и сам, так как в нем найдена щеколда дверей. Несколько коленчатых ключей от внутренних дверных замков находились на месте длинного дома 10, расположенного вдоль вала в южной части городища.

Магическую силу могли иметь собственно все предметы, найденные на святилищах. Бубенчики должны были прогонять нечистую силу, их звон отпугивал эпидемию и грозу (Афанасьев А.Н., 1865, с. 299). В вятичских курганах бубенчики входили в состав ожерелий вместе с амулетами (Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967, с. 140; Недошивина Н.Г., 1976, с. 50). Жернова намалывали богатства; из жерновов, по представлениям белорусов, Перун добывает огонь (Афанасьев А.Н., 1865, с. 290; Богданович А.Е., 1895, с. 76).

Предметов с орнаментом и с изображениями на святилище Звенигород немного. Все они происходят с капища 3 и лежали компактно в сооружении 11 около этого капища. Прежде всего, это две половинки парных колтов с изображениями двух птиц, стоящих по сторонам дерева. Этот мотив, по мысли Б.А. Рыбакова, являлся от-

голоском космогонической легенды о творении всего живого двумя птицами, гнездящимися на дереве среди океана (1951, с. 420). Само дерево олицетворяло центр мироздания и плодоносящие силы природы. Помимо колтов, изображения птиц и дерева находились на квадратных матрицах, найденных здесь же и служивших для изготовления бляшек головного убора. По-видимому, они составляли такую же композицию на налобной повязке – дерево с птицами по его сторонам. На лежавшей поблизости круглой ажурной бляхе изображен крин – проросший росток, символизирующий возрождающиеся силы природы (рис. 54, 11). Трилистник, вписанный в круг, является классическим типом крина, составляя основной элемент орнамента на древнерусских вещах с эмалью. Мотив крина был распространен в земледельческих культурах Европы и Византии (Макарова Т.И., 1975, с. 18; 1978, с. 374). Орнамент в виде ромба с точкой в центре, сделанный пунктиром на пластинчатых браслетах, являлся, по Б.А. Рыбакову, символом дома или пахотного поля (1971, с. 92–116).

Труднее понять присутствие на святилище предметов христианского культа – крестов и иконки, найденных на всех трех капищах, в самых священных местах, где приносили наиболее богатые жертвы. Находки христианских символов на языческих святилищах не исключительный случай – кресты среди других жертвенных вещей найдены на святилищах ненцев в устье Печоры, они часто встречаются на культовых местах в Финляндии (Serning J., 1956, Pl. 18; 19; 44, 11). Кресты и образки, иногда по несколько штук, вместе с языческими амулетами входили в состав ожерелий и подвесок в курганных погребениях вплоть до XIII в. (Анучин Д.Н., 1900, с. 85–87; Фехнер М.Ф., 1968, с. 210–214). Сам по себе знак креста с древности являлся символом бессмертия и вечного возрождения, считался оберегом от несчастий и болезней (Даркевич В.П., 1960, с. 57–59; Велецкая Н.Н., 1968, с. 194; Куницкий В.А., 1990, с. 106).

Для язычников было характерно терпимое отношение к чужой религии. Заимствование охранительных символов других народов является нередким фактом (Анучин Д.К., 1900, с. 87; Голубинский Е., 1901, с. 69). В Штетине жрецы были готовы поставить идол Христа (Lowmianski G., 1986, S. 274). По данным Гельмольда, славяне «отклонились от света истины и св. Вита начали почитать как бога, поставили в его честь громадного идола» (1963, с. 235). В связи с этим находки христианских символов на святилищах кажутся вполне естественными.

Обычные каменные или металлические крестики массового производства могли быть принесены в жертву их владельцами как обереги при обращении к богам за помощью или как знак отречения от христианского бога, так как крест препятствовал общению с духами, как это бывало при посещении волхвов (ПСРЛ, т. 1, стб. 179). Кресты-складни художественной работы, которые население не могло носить в повседневной жизни, скорее всего, были отобраны у христианских священников и затем принесены в дар своим богам.

IV. Значение городищ на Збруче и условия их существования

По полученным данным, исследованные на Збруче городища Богит, Звенигород и Говда являлись святилищами. На них отсутствуют черты, присущие обычным жилым поселениям, – нет следов постоянного заселения и сопутствующего ему культурного слоя, отсутствуют типичные для этого времени жилые дома с печами и хозяйственными постройками, которые сотнями раскопаны на других городских и сельских поселениях. Площадки городищ-святилищ расположены на крутых склонах высоких холмов, покрыты камнями и выступающими материковыми скалами и из-за этого непригодны для повседневной жизни. В это отношении збручские городища подобны известным святилищам Шлонжа в Силезии, Лысая Гора и Добжешуво в Свентокжических горах, также неприспособленных для постоянного обитания.

В то же время на Збручских городищах сконцентрированы все те особенности, которые многократно встречены на культовых памятниках и являются для них характерными. К этим особенностям относится расположение святилищ в глухой и гористой местности, покрытой лесом, наличие священных источников и колодцев, символическая защита площадок городищ, окруженных валами и рвами, не приспособленными для обороны, но охранительные функции которых усилены принесенными здесь жертвами и разжиганием огня, что должно было препятствовать проникновению на святилище злых сил. Открытые на городищах объекты также подтверждают их культовое назначение и имеют многочисленные аналогии на других святилищах, хотя пока больше нигде не известна такая концентрация разных по значению и конструкции культовых сооружений. Состав находок в этих объектах в виде костей человека и животных, многочисленных вещей типичен для жертвенных остатков на святилищах разных народов.

Основной и неотъемлемой принадлежностью святилищ должно было быть наличие одного или нескольких изображений богов – идолов. По письменным и археологическим источникам, идолов ставили в специально отведенных для них местах, для них сооружали или храмы, или открытые пьедесталы – капища, огражденные рвами, валами, частоколом или рядом камней. Во всех, уже довольно многочисленных,

случаях капища, известные в разных частях славянского мира, имели круглую или овальную форму. Круглое капище находилось на городище Богит и три таких капища исследованы на городище Звенигород, где, возможно, имелось и четвертое капище. В центре капищ сохранились места, где, вероятно, стояли идолы. Как известно, большинство святилищ различных народов построено по принципу круга с точкой – идолом в центре (Плетнева С.А., 1964, с. 133). Такая форма святилищ, являющаяся символом солнца, известна от Греции V–VII вв. до н.э. до американских индейцев новейшего времени, в Бретани, в Прибалтике, у финнов, пруссов и т.д. (Фрезер Д., 1986, с. 468; Чайльд Г., 1949, с. 173; Жулкус В.В., Климка Л.А., 1988). В планировке славянских святилищ так же, как в христианских храмах, являющих собой образ мира (Вагнер Г.К., 1987, с. 73; 1990, с. 29–30), отразилось мировоззрение славян, представляющих себе мир в виде круга, магической фигуры, не имеющей ни начала, ни конца, символизирующей вечность и круговорот природы (Хокинг Д., 1977, с. 51). Этим, в частности, славянские воззрения на мир отличались от представлений многих азиатских народов, у которых в понятии мира присутствовала и форма квадрата (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 295; Войтов В.Е., 1986, с. 11). Такое понимание мира прослеживается, например, у праболгар в Плиске, Преславе, на Маяцком городище, где святилища имели форму вписанных друг в друга квадратов (Ваклинов С., 1977, с. 111; Аладжов Ж., 1980, с. 73–74; Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1989).

Каждое из святилищ на Збруче имело свои особенности. На Богите круглая площадка капища окружена восемью симметрично расположенными углублениями, как это было на капище в Перыни, возможно, в Погачьско и на Ворголе. Число четыре у многих народов считалось магическим и священным (Даркевич В.П., 1960, с. 59). У славян были распространены представления о четырех сторонах света, четырех временах года, четырех ипостасях Перуна. В мифологической системе бинарных противопоставлений это число усложняется до восьми (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 24–26). Так же, как Збручский идол, вероятно, стоявший на капище Богит, смотрел в четыре стороны света, само капище было обращено во все стороны, а его углубления были связаны с различным положением солнца в отдельные времена года. Следуя реконструкции Б.А. Рыбакова, Дажьбог, изображенный на Збручском идоле, был обращен к югу, бог подземного царства Велес и богиня Макошь находились с северной стороны. На самом капище, перед богом, как и на других святилищах, жертвы не приносили. Жертвоприношения детей, кости животных, черепки сосудов были положены в углублениях кругом капища. Здесь же, как послан-

цы богу, были захоронены наиболее почитаемые жрецы. Главный бог Вселенной, объединяющий три вертикальных мира – небо, землю и преисподнюю, изображение которого было воплощено в Збручском идоле (Рыбаков Б.А., 1987, с. 249–250), по-видимому, не нуждался в рядовых жертвоприношениях и не был связан с повседневными делами, как и бог богов северо-западных славян, всемогущий и заботящийся о делах небесных (Гельмольд, 1963, с. 186).

В сакральной части Богита, кроме капища и каменного жертвенника, возможно, больше ничего не было, как и на Арконе, где на открытой площади возвышался только деревянный храм (Саксон Грамматик) (Фамицын А.С., 1884, с. 29), или в Радигоще, где около ворот «не стоит ничего, кроме искусно построенного из дерева храма» (Титмар Мерзебургский). В сакральную часть городища Богит молящихся, вероятно, не пускали, там священнодействовали только жрецы, как то происходило и на святилищах прибалтийских славян. В Старграде и Ретре к святыне подходить было «дозволено только тем, кто хочет приносить жертву или отгадывать волю богов» (Адам Бременский) (Срезневский И.И., 1848, с. 14). В жилище божества не разрешалось входить в Греции и в Риме (Тит Ливий, с. 511; Вагнер Г.К., 1990, с. 7–8). Вероятно, на Богите во время торжественных богослужений верующие могли стоять на общественной части городища вдоль низкого поперечного вала, над которым возвышался идол и были видны священнодействия жрецов.

На общественной части городища Богит стояли длинные наземные дома, на полу которых разбросаны кости съеденных животных и обломки разбитых сосудов. По-видимому, назначение этих домов было таким же, как у некоторых контин в Штетине, описание которых приведено в Жизнеописании Оттона Бамбергского: «Внутри них были только расставлены в круг скамьи и столы, потому что щецинцы имели обыкновение устраивать здесь совещания и сходки. В определенные часы и дни они собирались сюда затем, чтобы пить или играть, или обсуждать серьезные дела» (Хрестоматия, 1961, с. 316). Длинные общественные дома являлись неотъемлемой частью общественных центров славян в VIII–X вв. и открыты на городищах административно-хозяйственных, на городищах-убежищах и святилищах, например, в Ржавинцах (Тимошук Б.А., 1990, с. 32–44). Подобный дом упомянут Ибн Фадланом: русы «строят на берегу большие дома из дерева и собираются в одном таком доме десять или двенадцать» (Ибн Фадлан, 1939, с. 78). Такие дома известны у разных народов и относятся к отдаленным друг от друга хронологическим периодам (Bender W., 1980, S. 335–392; Jankuhn H., 1967, S. 130; Тиханова М.А., 1963, с. 190;

Рыбаков Б.А., 1987, с. 156–159; Панова Т.Д., 1989, с. 91; Szymański W., 1967; Федоров-Давыдов Г.А., 1962, с. 49–92).

В Миккульчицах довеликоморавского времени такой дом реконструирован (Kávanová B., 1985, S. 398–426). По-видимому, к этому же типу домов относилась бревенчатая постройка, открытая в Волине, которую обычно трактуют как остатки языческого храма, хотя никаких признаков идола в ней нет (Filipowiak W., 1979, S. 109–110). В общественных домах совершали и разные культовые действия. Например, на городище Добрыновцы в таком доме был погребен пожилой мужчина, вероятно, помещенный в яму сидя, обставленный кругом целыми сосудами и обсыпанный углем и битыми черепками (Тимошук Б.О., 1976, с. 122–125). В длинном доме Екимауц найдены фигурка коня с циркульным орнаментом и глиняные хлебцы, что тоже было связано с культом (Федоров Г.Б., 1953, с. 116–117).

Пышными пирами, которые устраивали в общественных домах, заканчивались все праздники и богослужения. В Арконе «собирались жители всего острова перед храмом, приносили жертвы и праздновали именем веры общественный пир» (Срезневский И.И., 1846, с. 97). На пиру «потреблялись жертвы. Здесь неумеренность была добродетелью, а воздержание – стыдом» (Саксон Грамматик) (Фамицын А.С., 1884, с. 50). При этом происходило кормление предков и богов, а кости съеденных животных, обладающие магической силой, сохраняли и закапывали в землю. Пир и игрища долго обличали авторы церковных поучений (Аничков Е.В., 1914, с. 156–167).

На Богите в определенные дни, вероятно, собиралось много молящихся и для них, видимо, была предназначена ровная пустая площадь, расположенная перед входом в святилище и огражденная от окружающего мира рвом (рис. 17). В поучении XII–XIII вв. говорилось, что даже христиане, когда их позовут «на какое зборище идольское, то вси томо текут радуясь» (Гальковский Н.М., 1913, с. 82). Большое стечение народа происходило на праздниках около святилищ северо-западных славян. В Арконе праздник проводили осенью после жатвы, в Волине «народ имел обычай праздновать в начале лета торжество какого-то божества; на этот праздник для игр и плясок сходилась множество народа» (Жизнеописание Отгона Бамбергского) (Фамицын А.С., 1884, с. 52), а в Старгороде «каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд» (Гельмольд, 1963, с. 185). В Польше к капищу богине Живы, устроенном на горе, «в первые дни мая благоговейно сходилась многочисленный народ испрашивать от той, которую почитали источником жизни, долговременного и благополучного здорovia» (Бернштам Т.А., 1981, с. 200). Праздники происходили в дни, на-

и более важные для сельскохозяйственного цикла, но сроки богослужений менялись, «когда жрец по указанию гаданий объявляет празднества в честь богов» (Гельмольд, 1963, с. 129).

Хорошо известно, что на каждом святилище балтийских славян имелся свой жрец, который совершал всенародные моления и жертвоприношения, проводил гадания, руководил празднествами, участвовал в судебных разбирательствах, собирал и хранил богатства святилища (Гильфердинг А., 1874, с. 200–203). Существовала целая иерархия жрецов разных рангов, особенно почитали жрецов, которые служили главным богам, прежде всего Святовиту, стоявшему на святилище в Арконе (Гельмольд, 1963, с. 129). Известны даже имя одного из жрецов, их внешний вид – белая одежда и длинные волосы (Срезневский И.И., 1846, с. 64), описано их поведение во время богослужений и гаданий: «Для тщательного охранения этой святыни жителями поставлены особые жрецы, которые только одни остаются сидеть, когда все прочие стоят в то время, как совершаются жертвоприношения и умиостивляются боги» (Титмар Мерзебургский) (Хрестоматия, 1961, с. 313). Только жрецы могли свободно входить в святилища и убирать храмы, ухаживать за священными конями. Роль жрецов в северо-западных славянских землях, где борьба с наступлением немцев, феодализацией и христианизацией приобрела религиозный характер, была особенно велика. По Гельмольду, «король же находился у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы (божества) и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят» (1963, с. 237).

В письменных источниках нет таких ярких свидетельств о выделении сословия жрецов у восточных славян и многие исследователи отрицают их существование (Голубинский Е., 1901, с. 211; Нидерле Л., 1956, с. 281; Łowmiański G., 1986, S. 240). Наиболее основательно и обоснованно рассмотрел вопрос о жречестве у восточных славян Б.А. Рыбаков. Он считает, что жречество должно было существовать в любом языческом обществе накануне создания государственности, разветвленность и влияние жреческого сословия в русских землях IX–X вв. едва ли подлежат сомнению (1987, с. 302). Общее название языческих жрецов – волхвы, но, по сведениям XI–XIV вв., выделяются разные разряды людей, причастных к языческому культу: помимо волхвов, известны волшебники, облакопрогонители, жрецы, ведуны, чародеи, чаровники и т. д. (1987, с. 298, 359). Жрецы на Руси руководили религиозной жизнью народа, следили за соблюдением старых обычаев, вели календарные расчеты и определяли оптимальные сроки молений и магических действий, влиявших на все силы природы, занимались гаданием. Жрецы

содействовали сохранению и созданию религиозного фольклора, с их помощью был объединен пантеон. Волхвы проводили языческие богослужения и жертвоприношения, торжественные похороны, участвовали в изготовлении оберегов и идолов. Збручский идол мог быть создан лишь по указанию волхвов высшего разряда (1987, с. 295–305, 344–354). После принятия христианства роль волхвов изменилась, но их влияние среди народа сохранялось еще в XI–XIII вв., о чем свидетельствуют обычаи в Суздале и Ростовской земле в XI в. В Новгороде при противостоянии князя и епископа в 1071 г. «людье вси идоща за вольхва» (ПСРЛ, т. 2, стб. 170–171). Еще в 1227 г. в Новгороде было сожжено четыре волхва. Их силу признавали даже монахи: «Много бо и вольсви чюдес сътворища бесовьским мечтанием», – сказано в «Похвале Владимиру», написанной Иаковом Мнихом (Голубинский Е., 1901, с. 243). О большом значении служителей культа – «знахарей» говорится в сочинении Ибн Русте: «Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем как будто бы они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказание никак невозможно» (Новосельцев А.П., 1965, с. 398).

Важная роль жрецов-волхвов подтверждается самим существованием крупного языческого центра на Збруче. Без служителей культа его невозможно было создать, спланировать большие святилища со сложной планировкой и разнообразными культовыми постройками, выполняющими разные функции. Жрецы должны были проводить общие богослужения и жертвоприношения, следить за соблюдением обрядов, руководить празднествами и организовывать пиры. На святилищах есть еще одна особенность, указывающая на присутствие здесь служителей культа. Они могли жить в неблагоустроенных домах, стоявших на общественной части святилища, где нет следов хозяйственной деятельности. Подобный примитивный по своему устройству дом находился на святилище в Шумске недалеко от капища, в отдалении от заселенного района. Этот изолированный дом можно рассматривать тоже как жилище жреца, отделившегося от общины. Сведений в письменных источниках о жизни волхвов нет. По Прусской хронике известно, что жрецы жили на общественный счет, вели жизнь уединенную и целомудренную, за нарушение обычаев их сжигали (Фамицын А.С., 1884, с. 111). Подобную жизнь вели жрецы в древней Греции: монахов, живших вблизи святилища Зевса, отличали аскетизм, пост, молитва, чистая жизнь, но они же, служа богу, приносили кровавые жертвоприношения (Лосев А.Ф., 1957, с. 106). Так же строго относились славяне к жрецу, поддерживающему неугасимый

огонь перед Перуном: «Аще ли бы случилось за нерадънием служащего иерея, когда ему огню угаснути, такого иерея без всякого извета и милости убиваху» (ПСРЛ, т. 40, с. 44).

Святилище Богит, занимавшее вершину самой большой горы в Медоборах, господствующую над окружающей местностью, на котором стоял уникальный идол, совершались человеческие жертвоприношения, имелся свой штат жрецов, собиралась в определенные дни масса молящихся, было, вероятно, главным в культовом центре на Збруче. У его подножия к северу от священной горы был расположен могильник, в той стороне, где и должно было находиться царство мертвых. Святилище, вероятно, было посвящено одному из высших богов славян, богу Вселенной, оно отражало представления о мироздании и связывало мир богов, людей и преисподней.

Характер святилища Звенигород был несколько иным. Оно имело много общих черт с Богитом – большую площадь, разделенную на сакральную и общественную части, как это было и на Арконе, капища, находящиеся на сакральной части, и длинные дома, расположенные на общественной, отсутствие признаков постоянного заселения и культурного слоя, символическое ограждение, разделяющее мир богов и людей и усиленное горевшими на валах огнями и охранительными жертвенными площадками, но обряды и жертвоприношения на этом святилище отличались своеобразием (рис. 72).

На капищах в Звенигороде лежало большое количество принесенных в жертву предметов – женских украшений, бытовых вещей, относительно мало оружия и орудий труда (почти отсутствуют ремесленные инструменты, пахотные орудия, рыболовные принадлежности). Такой же набор вещей найден на святилище Аркона и встречается на культовых местах других народов. В каждом случае понять значение этих жертвоприношений можно только гадательно, так как очень трудно определить «не только каково прошлое само по себе, но и то, каким видели свое собственное время люди прошлого» (Гуревич А.Я., 1984, с. 30). В общих чертах смысл большинства оставленных на капищах Звенигорода даров может быть расценен как обращение к богам с просьбой о благополучии, защите и сохранности (женские украшения-обереги, острые предметы, замки, ключи). По убеждениям язычников, вещи и их владелец обладали магической сопричастностью, в вещах заключена частица их хозяина (Гуревич А.Я., 1970, с. 64). Оставляя на святилище свою вещь, «часть себя», человек, по-видимому, устанавливал связь с божеством, отдавая себя под покровительство богов, просил защиты и помощи в различных повседневных делах. Также на Арконе, по словам Саксона Грамматика, «можно было

видеть здесь множество общественных и частных даров, жертвованных благочестивыми обетами требующих помощи» (Фамицын А.С., 1884, с. 24). По Гельмольду, мелкие дары оставляли при частных жертвах, Помимо частных жертв, на капище 3 Звенигорода проводили общественные жертвоприношения. При них важную роль играли человеческие кости и черепа, положенные в специальные ямы и окруженные жертвенными дарами. Эти жертвоприношения, вероятно, должны были умиловить богов, способствовать сохранению жизни и вечному возрождению общины. Человеческие жертвы приносили только в честь главных богов (Гельмольд, 1963, с. 129).

Существенного различия в наборе жертвенных подношений, обнаруженных на трех капищах Звенигорода, заметить не удастся, но планировка самих капищ была неодинаковой, вероятно, и их значение было разным. Капище 1, раскопать которое не удалось из-за растущих на нем больших дубов, по-видимому, представляло собой круглую площадку, окруженную углублениями, как и капище на Богите, но здесь в углублениях находилось много вещей. Капище 3 имело довольно сложную планировку и было разделено на несколько частей. Его центром являлась круглая площадка с идолом, доступ на которую был, видимо, закрыт для всех, кроме жрецов. К центру капища шел подход с востока по средней площадке, отгороженной с юга деревянной стеной, обмазанной глиной! Только вдоль этой стены и в подножии капища сосредоточена основная масса даров, вероятно, сюда был открыт доступ жертвователей. Капище 2 (его круглая площадка ограничена невысоким валиком и в центре ее выступает округлая скала с выглаженной поверхностью) было открыто к югу, к солнцу. Здесь находилось и много круглых предметов – символов солнца (проволочных височных колец, стеклянных браслетов). Возможно, капище было посвящено солнечному богу. В распределении вещей на капище есть не совсем четкая закономерность – женские вещи преимущественно были сосредоточены в западной части площадки, а принадлежавшие мужчинам – в восточной. Это позволяет вспомнить древнее представление, что левая сторона является женской, а правая мужской (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 259; Вагнер Г.К., 1990, с. 29) (рис. 55).

Помимо капищ, в сакральной части Звенигорода находились многочисленные культовые постройки, в которых периодически совершались жертвоприношения. Вероятно, подобные постройки были расположены на площадке святилища Аркона, в них лежали человеческие черепа и многочисленные вещи. В Звенигороде культовые постройки имели прямоугольную форму, были углублены в землю и этим напоминали жертвенное помещение еще первых веков нашей

эры, открытое у с. Загаи на Волыни, в котором были найдены мужские и женские челюсти, глиняная статуэтка и антропоморфное каменное изваяние (Козак Д.К., 1990, с. 435). Культовые сооружения в Звенигороде были перекрыты навесами, как то имело место и в других местах (Тиваненко А.В., 1989, с. 6). В отличие от широко известных жертвенных ям, в стенах углубленных построек Звенигорода были устроены хлебные печи, время от времени возобновляемые, перед которыми были в виде жертвы положены человеческие кости и различные вещи, в том числе серпы, и рассыпаны хлебные зерна. Магическая направленность этих жертвоприношений и самих хлебных печей, в которых выпекали священные караваи, несомненно, была связана с земледельческим культом. Одно из сооружений такого типа (сооружение 14) можно рассматривать как примитивный храм, так как в нем, помимо хлебных печей, рассыпанного зерна и двух серпов, стоял каменный идол, перед которым разжигался огонь, были положены части человеческих черепов. Сооружение имело навес, опирающийся на столбы, и по конструкции было таким же, как храм в Коренице, который не имел стен, они были завешены тканью, а кровля опиралась на колонны (Фамицын А.С., 1884, с. 25).

На сакральной части святилища около капищ были расположены наземные длинные дома, в которых находились довольно дорогие вещи – серебряные височные кольца, бусы, меч, серебряная гривна, конская сбруя, сложенные в специальном сундуке или шкатулке. В этих домах, вероятно, хранилось богатство святилища, как это описано в Житии Оттона Бамбергского: в одной из контин Щецина находилось оружие врагов, всякая добыча, захваченная в сражениях, золотые и серебряные сосуды, огромные рога, обрамленные золотом и драгоценные камнями (Котляревский А.А., 1893, с. 447). Конечно, в Звенигороде не могло быть таких богатств, как в святилищах балтийских славян, куда поступала десятина с большой округи и присылались жертвы «со всех славянских земель» (Гельмольд, 1963, с. 129). Кроме того, часть вещей была, вероятно, унесена из Звенигорода, когда святилище было оставлено.

На сакральной части святилища Звенигород не было жилых или производственных помещений, но она была более оживленной и доступной, чем на Богите. Вторая, общественная часть Звенигорода в определенные дни была также довольно многолюдной. На ней около внутреннего дугообразного вала и на террасах по склону находились наземные общественные дома, предназначенные для собраний и пиров, как и на Богите. Рядом с ними были расположены жертвенные ямы с пищей для богов (сооружения 1 и 3), обряды в которых были

совершены только один раз. Здесь же находились помещения с хлебными печами (сооружение 8), но без остатков жертвоприношений, предназначенные для изготовления ритуальной пищи, потреблявшейся, по-видимому, во время пиров. В одной углубленной постройке с хлебной печью и разбросанными по полу в несколько слоев разрозненными костями детей и взрослых мужчин (сооружение 2), может быть, проводили гадания. На этой же общественной части святилища видны пять западин углубленных построек, в одной из которых при раскопках была выявлена полуземлянка, выбитая в материковой скале и такая же примитивная по своему устройству, как «жилища жрецов» на Богите.

Как и у всех земледельческих народов, основные моления и просьбы к богам были направлены на улучшение плодородия полей, получение большого урожая, увеличение плодовитости скота и достижение общего благополучия. Для этого приносились жертвы, относящиеся, по Д. Фрезеру, к симпатической магии (1986, с. 20), – хлебное зерно и печеный хлеб, орудия сельского хозяйства, животные – и совершались действия, способствующие возрождению и размножению, кругообороту «жизнь – смерть – жизнь» (расчленяли трупы жертв, разбивали и разбрасывали сосуды и стеклянные браслеты). К богам обращались и с другими повседневными нуждами или с благодарностью за помощь, о чем свидетельствуют находки многих бытовых предметов. Важнейшей жизненной необходимостью была защита от злых сил и окружающих врагов, с просьбой о чем язычники и обращались к богам. Защита и сохранность своего мира приобрела особенно насущное значение после распространения христианства и начала борьбы с ним. Просьбы о защите и спасении усилились к середине XIII в., когда активизировались жертвоприношения в Звенигороде. По-видимому, страх за свою судьбу и надежда на помощь старых богов были вызваны известиями о страшном разгроме татаро-монголами восточных княжеств Руси, о взятии Чернигова и Киева. В это время во Владимиро-Галицкой Руси появились беженцы с востока, в частности, есть сведения о спасавшихся здесь черниговских боярах.

По месту расположения Збручских святилищ и по находкам, на них сделанным, можно представить, кому эти святилища принадлежали и кто их посещал. Река Збруч входит в ареал славянской культуры V–VII вв. пражского типа и восточнославянской культуры VIII–X вв. типа Луки Райковецкой. Именно здесь, в Верхнем Поднестровье, и несколько южнее, в Попрутье расположены самые ранние достоверно славянские памятники, хорошо датированные V в. (Баран В.Д., 1988, с. 61–72). Основная масса славянских памятников Западной Подолии концен-

трируется по берегам Днестра и довольно много их известно по его левому притоку р. Смотрич. На Збруче открыто лишь одно поселение в его устье у с. Исаковцы (Приходнюк О.М., 1975, с. 12, карта). Позднее эта местность начала осваиваться и около городища Звенигород открыто два поселения, относящихся к поздней фазе культуры типа Луки Райковецкой.

Бассейн Верхнего Днестра, вероятно, входил в состав большого хорватского союза, упомянутого Константином Багрянородным (1989, с. 131–137). В русских летописях хорваты включены в перечень восточнославянских группировок и вслед за ними упоминаются дулебы, уличы и тиверцы (ПСРЛ, т. 2, стб. 9), участвовали они и в походе князя Олега в 907 г. на Византию (ПСРЛ, т. 2, стб. 21). Письменных данных для локализации хорватов недостаточно, археологические материалы для этого малопригодны в связи с удивительным единообразием культуры всей юго-западной группы восточных славян. Всё же многие исследователи помещают хорватов в Восточном Прикарпатье, включая и Галицию (Нидерле Л., 1956, с. 77–79; Łowmiański G., 1964, S. 114–200; Тимофеев Е.И., 1961, с. 56–73; Тимошук Б.О., 1976, с. 138–139; Седов В.В., 1982, с. 123–129). Вероятно, р. Збруч находилась в пограничной полосе между хорватами, заселявшими бассейн верхнего Днестра, и волынянами, занимавшими в основном земли Волынского княжества и бассейн Буга.

Поселения XI–XIII вв. на среднем Збруче группировались около городищ-святилищ, окружая их со всех сторон. Поселения занимали труднодоступные и плохо приспособленные для жизни участки. Пять поселений, открытых около Богита, были удалены от реки и около них нет хороших источников воды; одно из них находилось на высоком холме между скал. Около Звенигорода поселения также занимали трудные для освоения высокие холмы (селища Замчище, Хаща), селище Бабина долина тянулось по склону глубокого и сырого оврага (рис. 66). На такие неудобные для жизни места, где мало пригодных для сельского хозяйства земель, людей могли привлечь только находившиеся здесь святилища. Поселения и городища-святилища на Збруче, удаленные от более освоенных и пригодных для земледелия участков по р. Гнилой и по Днестру, образовывали свой обособленный мир, в котором должны были господствовать языческие верования и обычаи.

Вероятно, святилища и объекты на них были построены и обслуживались местными жителями – приверженцами языческой религии. Окрестное население, несомненно, занималось сельским хозяйством, около поселения Замчище было расчищено от камней большое па-

хотное поле, в жилищах Бабиной долины найдены чересло от плуга и мотыга. На селище Бабина долина наряду с обычными жилыми домами полуземляночного типа, отапливаемыми печами-каменками, находились в сравнительно большом числе постройки-мастерские универсального назначения. На поселении Стадна в одной постройке из камней был сложен железоплавильный горн. Мастерские такого типа известны на многих городищах Буковины, где была развита производственная деятельность (Тимошук Б.А., 1991, с. 42–44). По-видимому, ремесленники, жившие около святилища Звенигород, обеспечивали языческую общину основными изделиями, необходимыми в повседневной жизни. Около святилища создан свой ремесленный посад, что способствовало изоляции языческой общины от окружающего мира.

В жилищах на селищах находился обычный бытовой материал. Среди находок преобладали глиняные сосуды, ножи, оселки, костяные проколки и пряслица. Здесь нет такого разнообразия вещей и дорогих предметов, как на святилище Звенигород, кроме нескольких проволочных височных колечек и четырех обломков стеклянных браслетов. Вещи на святилище принадлежат к общим древнерусским типам, распространенным по всей восточнославянской территории (проволочные височные кольца с заходящими концами или с завитком на конце, трехбусинные кольца, браслеты, замки и ключи, орудия труда и оружие, кресты). Но среди них есть и характерные в основном для южнорусских земель (трехбусинные кольца с зернеными розетками, бусины минского типа, свои типы стремян и кос) и даже более узко для Галицко-Волынского княжества (прежде всего, проволочные височные кольца с концом, загнутым в обратную сторону (рис. 70)); колты – вероятно, местного производства; квадратные бляшки-очелья, часто встречающиеся в погребениях Галицкой Руси; привеска из горного хрусталя; специфические галицкие горшки со срезанным краем). Большинство вещей изготовлено городскими ремесленниками, а в некоторых случаях вещи происходили непосредственно из Киева. Так, большинство стеклянных браслетов – киевского производства (определение Ю.Л. Шаповой), из Киева распространялись пятилучевые привески-колты, отлитые в имитационных формах, кресты-складни. Все эти вещи не могли быть сделаны местными ремесленниками и, скорее всего, были принесены сюда паломниками, приходившими на святилище из городов, возможно, даже из Киева. В Галицкой земле было «множество бежавших от безбожных татар», «...мастере всяции бежаху ис татар, седелницы и лоучницы, и тоулницы, и коузниче железоу и меди и серебру» (ПСРЛ, т. 2, стб. 843).

Среди горожан, приходивших на святилище, были представители богатых и привилегированных слоев. Именно они могли принести сюда серебряную гривну, золотые и серебряные трехбусинные височные кольца. Им же принадлежали шпоры и меч, атрибуты конных воинов, знаки рыцарского ранга и достоинства, надевавшиеся при посвящении в рыцарство (Кирпичников А.Н., 1973, с. 57) Перстень-печать (рис. 45, 5; 47, 6) мог быть оставлен на святилище представителем княжеского или крупного боярского рода. Предметы христианского культа, найденные на капищах в Звенигороде, могли быть отняты у христиан и отданы язычниками в дар своим богам или были принесены сюда самими христианами, ищущими помощи у старых богов.

После официального принятия христианство на Руси распространялось медленно и постепенно. Его внедряли силой, «огнем и мечом», или, по словам митрополита Иллариона, «страхом власти» (Голубинский Е., 1901, с. 169). Летопись передала слова князя Владимира: кто не крестится «противен мне да будет» (ПСРЛ, т. 1, с. 117). Еще княгиня Ольга, а затем князь Владимир «храмы идольския и требища всюду раскопа и посече, и идолы съкруши» (Голубинский Е., 1901, с. 242). При этом «бысть нечестивым печаль велика» и «плакахуся его невернии людье» (ПСРЛ, т. 1, стб. 117). В XI в. выступления волхвов в Суздале, Ростове, Новгороде пользовались поддержкой народа, в XII в. вятичи убили проповедника Кукшу. Не желавшие креститься бежали из Киева или были казнены (Голубинский Е., 1901, с. 175). Язычники уходили в дебри, пустыни и леса (Аничков Е.В., 1914, с. 264, 270). В Слове св. Григория о том, «какo первое погани сущие языци кланялися идолом и требы им клати, то и ныне творят» (XIV в.), сказано, что «и ныне по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу и Мокоши и вилам нъ то творять акы отай» (Гальковский Н.М., 1913, с. 25). О том, что язычество сохранялось после принятия христианства в одних местах более, в других местах менее, признавали историки русской церкви (Митрополит Макарий, 1901, с. 25). Христианизация русской деревни, по Е.В. Аничкову, продолжалась до XV-XVI вв. (1914, с. 306). Укрепление христианской идеологии произошло лишь после татарского нашествия (Рыбаков Б.А., 1987, с. 773; Новосельцев А.П., 1989, с. 29).

Славяне, принявшие крещение, долгое время сохраняли старые языческие верования и обряды. В Слове некоего Христовлюбца (XII в.) говорится о христианах «двоеверно живущих», то есть присоединявших христианство к прежним языческим верованиям (Голубинский Е., 1901, с. 835-836). Вновь крещенные в массе своей усваивали лишь внешнее благочестие, не знали учения веры, ее догматов. Книг и священников было мало, сами священники были плохо образованны, едва грамотны, умели

совершать только церковные службы и учить таинствам (Голубинский Е., 1901, с. 369, 479, 831). В Слове Иоанна Златоуста говорится: «Не все, именующиеся христианами, христиане на самом деле... По названию христиан много, а на деле очень немного... В крестьянстве суще, а не ведают, что есть крестьянство» (Гальковский Н.М., 1913, с. 56–59). Христиане «жрут бесом и болотам и кладезям», смешивают «чистые молитвы с проклятым молением идольским» (Голубинский Е., 1901, с. 848; Гальковский Н.М., 1913, с. 43). И всё это «творят не токмо худии людие, но и богатых мужии жены» (Аничков Е.В., 1914, с. 300) и «не только невежи, но и вежи попове и книжници» (Гальковский Н.М., 1913, с. 14). Сохранение языческих верований среди социальных верхов русского государства XII–XIII вв. показал Б.А. Рыбаков при исследовании золотых и серебряных предметов женского убора и змеевиков, насыщенных аграрной и заклинательной символикой (1987, с. 557–657, 775–782).

Во второй половине XII в. наблюдается даже возрождение язычества в городах и в княжеско-боярских кругах, что в какой-то степени было связано с раздроблением Русского государства на множество княжеств и с усилившейся ролью местного боярства (Рыбаков Б.А., 1987, с. 774). Интерес к язычеству обостряется в пору невзгод, болезней, народных бедствий и митрополит Иларион обращался к богу с просьбой: «Не попуцай на ны скорби, и глада, и напрасных смертей, огня, потопления, да не отпадут от веры нетвердии верою» (Аничков Е.В., 1914, с. 266, 306). Не только пережитки язычества, но и скрытое двоеверие продолжались на Руси очень долго и обличались церковными проповедниками вплоть до XVII в. В послании 1505 г. игумена одного из монастырей под Псковом говорится: «Не престала zde еще лесьть идольская, кумирское празднование», и каждое лето собирается народ и приносит жертвы (Фамицын А.С., 1884, с. 61). О том же писал архиепископ Новгородский и Псковский Макарий в 1534 г.: «Во всеи Руской земли скверные молбища идольские разорены тогда, а в Чюди, и в Жере, и в Кореле, и во многих русских местех в преждедеченных оных скверные мольбища их лес, и камене, и реки, и блата, источники, и гори, и холми, солнце, и месяцъ, и звезды, и езера, и проста рещи всеи твари поклоняхуся яко богу, и чтяху, и жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы, и всяк скот и птицы» (ПСРЛ, М., 2003, т. 5, вып. 1, с. 141).

Процесс принятия христианства аналогично протекал и в ряде других стран. Так, в жизнеописании Оттона Бамбергского говорится, что в Штетине народ «двоеверно поклонялся и немецкому богу и прежним богам своих отцов» (Котляревский А.А., 1893, с. 62). Пережитки языческих обрядов сохранялись в Польше очень долго. В Хронике Длугоша сказано: «Хоть вот уже пятьсот лет прошло с тех пор, как поляки испо-

ведуют христианство, но и доселе некоторые из игор остались в обычае» (Срезневский И.И., 1848, с. 91). Двоеверие было свойственно и другим народам, например, «датчане с древнейших времен были христианами, тем не менее, следуя обычаям отечества, поклонялись идолам и считали, что есть боги более могучие, чем Христос» (Видукинд Корвейский, 1975, с. 191). Также и викинги, как писал архиепископ Реймса, «были крещены дважды, однако, несмотря на это, по-прежнему предпочитают вести языческий образ жизни, убивают христиан и священнослужителей, приносят жертвы идолам» (Иванов В.В., 1974, с. 196).

Упорное сохранение языческих верований, длительное существование двоеверия, отказ от христианства во времена народных бедствий, уход язычников в глухие места из-за гонений на них делают вполне естественным возникновение языческих святилищ в малообжитых горных и лесных районах, как это происходило в Силезии, Свентокжических горах и на Плюцкой возвышенности. Святилища в Медоборах появились на рубеже X и XI вв. во время усиленной христианизации земель, когда язычники, не желавшие расставаться с верованиями своих отцов и предков, уходили на окраины, удаленные от более развитых центров и городов. Языческие святилища на Збруче, сооруженные, вероятно, под руководством жрецов, привлекли сюда приверженцев старой религии, кругом святилищ появились поселения, образовался ремесленный посад и здесь возник крупный религиозный центр. По-видимому, он был известен окрестному населению и активно посещался паломниками, особенно в критические и бедственные периоды жизни.

Существованию языческого центра на Збруче способствовала историческая обстановка, сложившаяся в юго-западных землях Руси. Западная Подолия вошла в состав древнерусского государства еще в конце X в., в XI в. землями по левым притокам Днестра, в том числе и по Збручу, владело Теревовльское княжество. Местные князья Ростиславичи, хотя и признавали власть великого князя киевского, но стремились добиться независимости и им приходилось бороться с киевскими и волынскими князьями и их союзниками Польшей и Венгрией. В 1141 г. Теревовль вошел в состав Галицкого княжества, которое в конце XII в. ненадолго объединилось с Волынским. Но с 1205 г. в юго-западной Руси опять началась политическая раздробленность и борьба за галицкие земли при участии князей киевских, черниговских и смоленских, при непрерывных вторжениях венгерских и польских войск. Обстановка в западных землях осложнялась тем, что еще до присоединения к Киеву здесь возникли свои города и свой господствующий класс (Насонов А.Н., 1951, с. 130–133), процесс феодализации

шел интенсивнее, чем в других частях Руси (Пашуто В.Т., 1950, с. 152). Галицкие бояре боролись за земельные владения и власть между собой и с князьями, приглашая угодных им князей и свергая тех, кто пренебрегал интересами боярства. Положение в Галицко-Волынских землях было даже более беспокойным и напряженным, чем в других местах Руси. Здесь всё время существовала опасность внешних вторжений из Венгрии и Польши, не было сильной княжеской власти, нигде ее престиж не падал так низко и нигде боярское своеволие не достигало таких границ (Тихомиров М.Н., 1955, с. 201). В Ипатьевской летописи положение в Галицко-Волынском княжестве характеризуется как «бещисленные рати и великия троуды, и частыя воины, и многия крамолы, и частая восстания» (ПСРЛ, т. 2, стб. 750). Лишь после многих лет борьбы князю Даниилу Романовичу удалось объединить Галицкие и Волынские земли в 1238 г., накануне татаро-монгольского нашествия.

Беспрерывные войны, вражеские вторжения, усиленная феодализация приводили к бегству недовольных на юг. В Подунавье галицкие выгонцы создали свое Берладское княжество, формально зависимое от Галича, но ведущее самостоятельную политику. Население бежало и в галицкое Познысье. Познысье – территория на левобережье Днестра, куда входит и Збруч, расположенная вдоль южной границы Галицко-Волынского княжества (Молчановский Н., 1886, с. 69). Она была укреплена по Днестру и Пруту оборонительной линией, состоящей из княжеских крепостей и поселений (Тимошук Б.О., 1982, с. 85, 86). Южнее этой границы начиналась степь. К северу и северо-западу от Познысья находились центры Галицко-Волынского княжества, были расположены богатые города и множество укрепленных пунктов, были развиты ремесла и торговля, проходили международные торговые пути, связывающие Киев с Балтийским морем, Польшей, Венгрией, Чехией, Германией, а по Днестру и Пруту – с Византией. В отличие от этих земель, в Познысье не известно ни одного древнерусского города или упомянутого в летописи населенного пункта, кроме входивших в оборонительную линию по Днестру (рис. 73). Обходили Познысье стороной все известные по летописям многочисленные походы князей и торговые пути. Ближайшим к Збручу городом был Теребовль, до которого от святилищ насчитывается около 60 км.

В Познысье находился «Чертов лес», трижды упомянутый в летописи (1150, 1231 гг.). На его границе останавливались княжеские войска, «заложився лесом» и «не дерзну поити сквозе лес» (ПСРЛ, т. 2, стб. 786). В источниках говорится только о восточной границе «Чертова леса»

по р. Ушице и верховьям Случи. Вполне возможно, что лесистая и холмистая местность по Збручу также входила в этот лес.

В этом глухом и малообжитом галицком Понизье возник культовый центр язычников, «ушедших в дебри». Святилища на Збруче и образовавшаяся около них колония язычников существовали, по-видимому, спокойно, население занималось хозяйственной деятельностью, на святилищах происходили богослужения. Оживление здесь началось во второй половине XII – первой половине XIII в., когда резко возросло количество и значимость жертвенных даров, человеческих жертвоприношений, возникли новые культовые объекты (табл. 3). Многие жертвы – хорошо датированные вещи – были принесены на святилище в середине XIII в., уже во время начавшегося татаро-монгольского нашествия. В это время здесь усилился приток молящихся, просящих у старых богов помощи и защиты, чего не смог им дать христианский бог.

Войска Батыя, захватив земли северо-восточной Руси, разгромив Чернигов и Киев, в начале 1241 г. двинулись на юго-западные земли. Их путь прослежен по письменным и археологическим источникам. Татары взяли и сожгли крепости около с. Райки, Колодяжина, Изяславля. Далее к западу татары подошли к Кременцу и Данилову, но не смогли их взять и двинулись к Владимиру, жителей которого «изби не щадя не оставя в живых» (ПСРЛ, т. 2, стб. 786), и «церкви наполнены быша троубия и телес мертвых» (ПСРЛ, т. 2, стб. 788). Затем татары захватили Галич, Берестье и «иныи града многы, имже несть числа» (ПСРЛ, т. 2, стб. 786) и ушли в Польшу и Венгрию, «сошли суть из земли руское». Путь татар на запад от Киева к Владимиру отмечен рядом кладов, зарытых во время опасности (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 46).

Татары шли на запад по хорошо известным торговым путям, проходившим через города Вольни. Данных об их движении на юг, в лесное и глухое Понизье, в частности на Збруч, где не было ни дорог, ни городов, нет ни в письменных, ни в археологических источниках. Как уже говорилось, на збручских святилищах нет никаких признаков разгрома или пожара, все оставленные культовые объекты были тщательно засыпаны и забросаны для сохранности камнями, на месте оставлены дорогие и серебряные вещи. Человеческие кости в объектах помещались в разное время, около них совершали сложные обряды и кругом укладывали жертвенные дары. Можно думать, что существование святилищ затухало постепенно. Еще в XII в. прекратилась жизнь на части поселения Бабина долина, были покинуты некоторые «жилища жрецов». Но функционирование святилищ продолжалось в

середине и во второй половине XIII в., о чем неоспоримо свидетельствуют вещи этого времени (табл. 3). До XIV в. шла жизнь на поселении Стадна около Звенигорода.

Причины оставления святилищ можно искать в сложившейся во второй половине XIII в. обстановке на землях Галицко-Волынского княжества. Таких причин могло быть несколько. Несмотря на разгром ряда городов, Волынская земля меньше пострадала от татарского погрома, чем восточные и северо-восточные русские области. Князь Даниил Романович пытался вести независимую политику, укреплял города, собирал воинов, приглашал к себе ремесленников из разных земель. Он посылал войска в Понизье и на Днестр, чтобы «исписати грабительства нечестивых бояр и оутиши землю» (ПСРЛ, т. 2, стб. 791), «хотя оуставити землю» (ПСРЛ, т. 2, стб. 793). Эта деятельность князя могла привести к ликвидации святилищ на Збруче или, во всяком случае, нарушить их спокойное существование.

Другой причиной, вызвавшей прекращение деятельности святилищ, могли быть действия татар. В 1259 г. в галицкое Понизье был прислан с большими силами баскак Бурундай. Он остановился на южной границе княжества в Бакоте на Днестре. По его требованию были сожжены укрепления многих городов Галицко-Волынской земли. Татары начали проводить перепись населения, как это уже было сделано в других русских землях: «Сочтоша я в число и начата на них дань имати». В Киеве население бежало от переписи (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с. 218). Бурундай стоял совсем недалеко от Збруча и, может быть, надвигающаяся опасность и нежелание подпасть под татарскую перепись заставили язычников уйти со своих привычных мест.

В конце XIII и начале XIV в. Галицко-Волынское княжество значительно усилилось, здесь была учреждена своя митрополия, что укрепило независимость княжества (Исаевич Я.Д., 1989, с. 76; Шапов Я.Н., 1972, с. 61). В это время началось активное освоение галицкого Понизья, на Збруче и в его окрестностях появились первые населенные пункты, упомянутые в письменных источниках (История міст і сіл, 1973, с. 178-250, 461). Ближайший к культовому центру на Збруче город Сатанов упомянут в 1404 г., но монастырь рядом с ним возник еще в XIV в. В пещере на скалистой гор Звенигород была устроена часовня и келья отшельника. Появление в этой местности первых городищ и монастыря делало невозможным существование здесь языческих святилищ. Память о них сохранялась долго и местные жители до 1947 г. на Троицу устраивали процессии на священную гору Звенигород и к пещере отшельника.

* * *

Новые материалы, полученные при исследовании огромного языческого центра на Збруче, существовавшего с конца X до конца XIII в. документально подтвердили длительное сохранение языческих верований, доказали славянскую принадлежность знаменитого Збручского идола, показали богатство и разнообразие языческих представлений как целостной и развивающейся со временем религиозной системы, более или менее общей для всех славянских народов. Вопреки довольно распространенному мнению о неразвитости религиозных представлений у восточных славян, уровень развития язычества у них отнюдь не был примитивным и отсталым. У восточных славян были известны боги, обладающие разными функциями, распространены идолы, строились деревянные храмы, создавались крупные религиозные центры, существовали разработанные ритуалы богослужения и жертвоприношения. Религиозной жизнью руководили специальные жрецы, роль которых была, вероятно, не менее значительной, чем у западных славян.

Приложение

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КУЛЬТОВЫХ МЕСТАХ И СКАТНИЩАХ

Аркона на острове Рюген, Германия. Городище-святилище IX–XII вв., расположено на мысу высотой 40 м, обращенном к востоку. С трех сторон омывается морем и в большей степени разрушено. Современные размеры – 90 м с востока на запад и до 160 м с севера на юг, предполагаемые прежние размеры в 2–3 раза больше.

Раскопки проводились в 1921, 1930 и 1969–1971 гг., когда через площадку и вал были проложены траншеи шириной 1 м (рис. 15). В валу выявлены три строительных периода, обнаружены прослойки обожженной глины, угля, камней. С внутренней стороны вала проходит плоский ров и с внешней стороны более глубокий ров также с плоским дном. Оконечность мыса отделена внутренним валом шириной 5–6 м и плоским рвом шириной 10 м, сооруженными в IX в.

На площадке между валами построек не обнаружено. Частично раскопаны углубления в материке (глубиной до 60 см), имеющие длину 4,1 и 6,2 м и содержащие многочисленные вещи. В одной из траншей выявлена каменная кладка и под ней в углублении найдено 8–11 мужских черепов, частично поврежденных, кости животных, вещи, обломки посуды X–XII вв. В другой траншее в углублении находились остатки ларца с многочисленными вещами.

У северного склона городища находится источник воды, к нему проложена дорожка. В окрестностях городища расположены 14 поселений и большой курганный могильник.

Schuchardt C., 1926, S. 14–22; Dyggve E., 1959, S. 193–205; Berkekamp H., 1974, S. 211–252; 1973, S. 285–289; Herrmann J., 1974, S. 177–210; 1978, S. 162–178; Müller H., 1974, S. 255–293.

Асташково, Смоленская обл., Россия. Городище в лесу среди болот на левом берегу Сожа. Овальная площадка (14,5 × 12 м) окружена расплывшимся валом (ширина 4 м, высота 0,5 м) и рвом глубиной 50 см. Под насыпью вала и в ней встречается уголь. Площадка городища вдоль вала прокалена.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 124–125.

Бабин, Черновицкая обл., Украина. Городище на вершине останца правого берега Днестра. Центральная площадка круглой формы (диаметр 7 м) окружена заплывшим рвом с выступами полукруглой формы (ширина рва 2 м). С напольной стороны по склону останца проходят два дугообразных эскарпа, не достигающих до обрывов. Во

рвах найдены угли, кальцинированные кости, обломки лепной и гончарной посуды IX–X вв. (рис. 7, 1). Рядом с городищем находится большое синхронное поселение.

Тимошук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 164–165.

Бабина долина, Тернопольская обл., Украина. Культовые яма и площадка XII – начала XIII в., расположенные на месте поселения XI–XII вв., находившегося у подножия городища-святилища Звенигород. Раскопками, проведенными в 1985–1989 гг. Тернопольским краеведческим музеем под руководством М.А. Ягодинской, вскрыта большая площадь на поселении и открыты жилые полуземлянки с печами-каменками и хозяйственными помещениями с каменными рабочими площадками.

Сооружение 5 представляло собой прямоугольную постройку (2,8 x 2,2 м), углубленную в материк на 50 см, со стенами столбовой конструкции (рис. 67, 2). На поду круглой нишеобразной печи (диаметр 90 см), вырезанной в стене постройки, лежали череп, кости рук ребенка и симметрично по обе стороны черепа – две согнутые ноги теленка. На обожженном полу помещения брошен костяк женщины, голова ее отсутствует. В разных местах на полу находились скопления костей людей и животных, вещи, обломки посуды. Помещение засыпано глиной, сверху положены большая каменная плита, фрагмент черепа человека и разожжен огонь.

Сооружение 10 перекрывало более раннее жилище и представляло собой округлую горизонтальную площадку, выровненную на склоне (на верху склона она углублена на 80–110 см, внизу на 15–20 см). Северный склон кругом площадки выложен камнями и большими плитами. К югу от площадки в глиняном склоне вырезана нишеобразная печь (диаметр 2 м). В печи на правом боку лежал скелет подростка с поджатыми к груди руками и ногами (рис. 68). Площадка имела овальную форму (5 x 5,6 м). В ее центре находилось пятно обожженной до красного цвета глины (80 x 45 см), окруженное столбовыми ямками. К западу от пятна лежал костяк человека. Кругом в один ряд уложены кости и черепа крупных рогатых животных.

На краю площадки находились еще два скопления костей: в одном из них были челюсть теленка, кости конечностей мелкого рогатого скота, челюсть человека, височное проволочное кольцо и разбитый горшок, во втором скоплении – позвоночник мелкого рогатого животного, пряжка, нож и кресало.

Сверху в центре площадки положены два больших камня и всё засыпано глиной.

Ягодинская М.А. Отчет о работах за 1985 и 1989 гг. Архив ИА Украины, Киев; Тернопольский краеведческий музей.

Бабка, Ровенская обл., Украина. Городище на восточной оконечности песчаной возвышенности. Круглая площадка диаметром 30 м окружена углублениями в виде прерывистого ровика и отдельных корытовидных ям. Почти в центре площадки находится столбовая яма (диаметр 0,5 м и глубина 0,7 м) и скопление угля диаметром 1 м. В южной части обнаружено трупосожжение в горшке. На городище найдены нож, кости животных, обломки лепной и гончарной посуды VIII–X вв. (рис. 11, 1).

На вершине окружающего вала лежат уголь и обгоревшие бревна. Мелкий ров заполнен прослойками угля. Рядом расположено синхронное селище.

Кухаренко Ю.В., 1961, с. 9, 10, 34–36.

Благовещенская Гора около Вщижа, Брянская обл., Россия. Городище-святилище юхновской культуры. Площадка городища (40 x 25 м) с напольной стороны ограничена валом и широким рвом (ширина 18 м). С внутренней стороны к валу примыкал длинный общественный дом.

На городище найдена роменская керамика IX–X вв., рядом расположено синхронное селище, на котором открыто жилище и остатки длинного дома. Найдены амулеты из просверленных клыков, бобровых позвонков, камни с прочерченными крестовидными знаками, гребень с конскими головками. Возможно, городище служило святилищем и в это время. В XI–XIII вв. на городище находилось кладбище и рядом была построена церковь Благовещения.

Рыбаков Б.А., 1953, с. 108–113; 1987, с. 156–159.

Богит, Гусятинский район, Тернопольская обл., Украина. Городище-святилище расположено на самом высоком холме в лесистой местности Медоборы в 5 км от с. Городница. Является ближайшим к месту находки Збручского идола культовым памятником. Раскопки проводились в 1984 г. Прикарпатской экспедицией Института археологии РАН. Траншеями перерезаны валы городища: главный вал около въезда на городище, второй вал у среза пересекающей его дороги, третий вал также около обнажения на дороге, северный земляной вал перерезан в трех местах. На площадке городища расчищено капище, жертвенник и три постройки – западины (рис. 16–26).

Круглая площадка капища (диаметр 9 м) окружена восемью углублениями, общий диаметр капища 17 м. Все углубления имеют чашевидную форму. Углубление 1 (3,8 x 3,2 м) глубиной в материке 40–60 см заполнено камнями. Со стороны центральной площадки большие камни выложены полукругом. Углубление 2 (4 x 2,8 м) глубиной 60 см также заполнено камнями, большие камни также образуют полукруг.

В заполнении найдены черепки XII – первой половины XIII в. и зуб коровы. Углубление 3 (5 x 4 м) глубиной 60 см заполнено мелкими камнями и по дну выложено крупными камнями. Почти в середине среди камней выбрана яма 50 x 50 см, глубиной 70 см. Среди камней встречаются черепки XI–XII вв. и кости крупного рогатого скота (фаланги) и птицы. Углубление 4 (3,6 x 3,2 м, глубина 60 см) заполнено камнями и среди них выбрана яма 2 x 0,8 м, стенки которой обставлены большими камнями до дна углубления. В яме лежал костяк мужчины 60 лет, ориентированный головой на СЗ. Длина костяка 165 см. В заполнении найдены черепки XII–XIII вв., тазовая кость крупного рогатого животного. Дно ямы около костяка посыпано углем и мелкими вторично обожженными черепками. Углубление 5 (3,6 x 2,8 м, глубина 60 см) выложено большими камнями и на его дне лежал большой камень с плоской поверхностью (80 x 55 см). Среди камней заполнения встречались обломки посуды XI–XII вв. Углубление 6 (3,8 x 3,8 м, глубина 50 см) с восточной стороны выложено большими камнями. На глубине 20 см среди камней заполнения находились кости ребенка 2–2,5 лет (обломки черепа с несросшимися швами, позвонки, ребра, кости конечностей). Найдены черепки XI–XII вв., зубы крупного рогатого скота и свиньи. Углубление 7 (4,6 x 3,8 м, глубина 50 см) заполнено камнями и на дне из больших камней сложены два концентрических кольца неправильной формы. Найдены зубы крупного рогатого животного. Углубление 8 (3,5 x 3,1 м, глубина 50 см) заполнено камнями и среди них лежат кости ребенка в возрасте около 1 года. В дне углубления выбрана яма (1,9 x 0,7 м, глубина 35 см в материке), стенки которой обставлены большими камнями и поставленными на ребро плитами. На дне ямы лежал костяк мужчины 60 лет, ориентированный головой к ЮЗ. Длина костяка 165 см. Найдены черепки конца X и XI вв., кости крупного рогатого скота, свиньи и зубы лошади.

На части городища, отделенной от капища валом 3, раскопано три западины. Постройка 1 (2,8 x 2,8 м, глубина 1,2 м) выбита в каменистом материке и камни из выброса лежат кругом котлована шириной до 2 м. Постройка заполнена камнями, по-видимому, упавшими со стен и с перекрытия. Полом служил каменистый материк, покрытый слоем угля толщиной 10 см, на нем находилось четыре очага, обставленных мелкими камнями (размеры очагов 80 x 50, 40 x 40, 60 x 30 и 60 x 40 см). На полу найдены черепки X–XI вв. и каменное биконическое пряслице. Постройка 2 (3,2 x 3,2 м, глубина 70 см) имела такую же конструкцию и заполнение, на полу выступает плоская поверхность материковой скалы. В трех углах котлована прослеживаются столбовые ямы. Очаг на полу (диаметр 60 см) обставлен камнями. На полу лежали облом-

ки лепной миски и сковороды и гончарных горшков конца X–XI вв., кости свиньи. *Постройка 3* (3,2 x 3,7 м, глубина 90 см) имеет такую же конструкцию и заполнена камнями. В ямке на каменистом полу находился очаг (диаметр 50 см, глубина от пола 8 см), обложенный мелкими сильно обожженными камнями. В разных местах на полу были устроены еще три маленьких очага (диаметры 15–20 см, глубина в полу 10–15 см), также огороженные камушками. На полу лежали обломки посуды X–XI вв. и кости животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи).

На этой же части городища вдоль валов видны горизонтальные площадки с культурным слоем 15–20 см, являющиеся остатками длинных наземных домов. *Длинный дом 1*, судя по размерам площадки, имел размеры 35 x 12 м. Расчищена его часть (5,2 x 12 м), свободная от деревьев. Пол дома вымощен камнями, среди которых выделяются столбовые ямы стен (диаметры ям 40–70 см, глубина 20–50 см). В слое на полу найдено много гончарной посуды, лепные миски и сковороды XI–XIII вв., кости крупного рогатого скота, часто раздробленные, бронзовая пластинка с отверстием и часть железного обруча ведра. Остатки *длинного дома 2* прослеживаются в северо-восточной части городища вдоль культового рва. Предполагаемые размеры дома 60 x 6–8 м, он частично разрушен оползнями. На расчищенном участке 5 x 5 м сохранился пол, выложенный камнями, и культурный слой толщиной 10–15 см. В слое лежали черепки X–XI вв., кости животных и куски глиняной обмазки стен с отпечатками плетня.

На месте западины около длинного дома 2 раскрыт котлован предпечной ямы с пологими стенками. Размеры ее плоского пола 2,4 x 2,6 м, глубина на склоне 40 и 80 см. В материковой стене склона выкопана нишеобразная хлебная печь, под которой имел диаметр 1,4 м, устье выложено камнями и имело ширину 50 см и высоту 40 см. Под и стенки печи прожжены на 15–20 см. На полу ямы, также обожженном, лежал слой угля толщиной 10 см, камни, куски большой глиняной жаровни, обломки глиняных гончарных сосудов и мисок XI в.

К югу от городища за пределами культового рва раскопано жилище (3 x 3,1 м), углубленное в материк на 80 см. Вдоль стены жилища оставлен каменный материковый выступ и к нему пристроена печь-каменка обычной конструкции с подом (80 x 40 см), выложенным камнями.

На северном склоне городища, окруженном земляным валом, видны насыпи четырех курганов, поросших лесом. Один из курганов частично разрушен дорогой. Его высота 1,2 м, диаметр 5 м. Насыпь кургана сложена из глины, в ней встречено несколько камней и черепки посуды X–XI вв. Под насыпью в материке вырыта прямоугольная яма

(2,1 x 1,1 м, глубина 20 см), ориентированная с запада на восток. Яма заполнена черной землей с угольками, погребения нет. В этой же части городища траншеей (ширина ее 3 м, длина 10 м) выявлены два грунтовых трупосожжения. *Погребение 1* находилось в яме 70 x 80 см, глубина в материке 20 см. Дно и стенки ямы выложены мелкими камнями и обожжены. В яме найдены пережженные мелкие косточки, обломки лепной конической миски и гончарных сосудов XI в., кости животных (зубы, пяточная кость, фаланги крупного рогатого скота и лошади). *Погребение 2* находилось на расстоянии 1 м от первого и было помещено в овальную яму 2 x 1,6 м, углубленную в материк на 30 см. Стенки ямы наклонны и ее дно имеет размеры 1,4 x 1,1 м. Дно и нижняя часть стенок ямы выложены камнями. Заполнение ямы состоит из черной земли с включениями угля, отдельных камней, кусочков обожженной глины, пережженных костей и обломка черепа человека. Найдены обломки лепной и гончарной посуды, кости животных (зубы и фрагменты черепов крупного и мелкого рогатого скота).

Около городища Богит расположены поселения. *Селище 1* находится к северу от городища за земляным валом. Здесь на пологом склоне насчитывается 13 западин от построек, но поверхность селища частично распахивали и западины на ней не сохранились. В шурфе на селище открыта полуземлянка с печью-каменкой и черепками X-XI вв. *Селище 2* расположено к югу от городища в подножии горы. Здесь в центре ровной площадки, окруженной возвышенностями, выделяется большая западина диаметром 10 м и глубиной 2 м (возможно, остатки колодца). Кругом нее цепочкой тянутся обычные западины от 14 построек. Рядом с селищем на склоне оврага прослеживается культурный слой XII-XIII вв. *Селище 3* расположено к западу от второго, на его поверхности сохранилось три западины, культурный слой X-XII вв. тянется на протяжении 200 м, найден серебряный слиток. *Селище 4* в урочище Скала находится на расстоянии 1 км к юго-востоку от городища, окружено холмами и скалами. На нем насчитывается до 80 западин. *Селище 5* обнаружено на таком же расстоянии от городища к северо-востоку. Здесь сохранилось 16 западин. В 300 м от этого селища обнаружено миниатюрное поселение, на котором находится всего 4 западины.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1986, с. 90-100. Отчет Прикарпатской экспедиции за 1984 г. Архив ИА РАН, Архив ИА АН Украины.

Бранденбург, Германия. Культовая площадка, расположенная рядом с городищем, возникшим в VIII в., по преданию, святилище Триглава. На холме под фундаментом костела обнаружен культурный слой «нежилого» характера.

Grebe K., 1968, S. 115-126; 1973, S. 269-277; 1983, S. 17-25; Geisler H., 1962, S. 66-71.

Бродовин, Германия. Площадка-капище находится на самой высокой части полуострова, выдающегося в озеро, окружена рвом (ширина его 5 м, глубина 80 см), имеет диаметр 25 м. На склоне холма расположено поселение IX/X–XIII вв. В 1258 г. здесь построен монастырь (рис. 6, 5).

Herrmann J., 1971, S. 528.

Бубнище, Ивано-Франковская обл., Украина. Городище, с трех сторон окруженное скалами, с четвертой стороны ограничено валом и внутренним рвом шириной 10 м. Диаметр площадки 40 м. В скале выбит колодец, к которому ведут каменные ступени. Колодец (2 x 2 м, современная глубина 5–6 м) не доходит до воды. В скалах выбиты три пещеры с сохранившимися пазами от бревен. На скалах изображены соляные знаки, углубление в форме ладони, личины. Рядом находится большой курганный могильник, состоящий из насыпей диаметром 5 м и высотой меньше 1 м.

Бурнашов Г.В., 1982.

Василев, Черновицкая обл., Украина. На могильнике XII–XIII вв. открыты ямы с углем, костями животных и черепками.

Тимощук Б.О., 1976, с. 97.

Верховляны, Гродненская обл., Беларусь. Городище, круглая площадка (7 x 7 м) которого ограничена внутренним рвом и валом. Во рву обнаружена каменная кладка, угли и гончарная керамика XI–XIII вв.

Бубенько Т.С., Зайковский Э.М., Поздняков В.С., 1988, с. 357; Зверуго Я.Г., 1989, с. 194; Зайковскі Э., 1990, с. 73.

Волин, Польша. На самом высоком месте старого города раскопана деревянная постройка 5 x 5 м, окруженная оградой. Существовала со второй половины IX до начала XII в. В окрестностях найдена бронзовая фигурка коня, несколько деревянных фигурок, среди которых одна четырехликая.

На склоне Серебряного Холма находится кострище, где между камней, рыбьей чешуи лежал кусок черепа человека. Рядом открыта яма с двумя черепами, фрагментами посуды и костями животных.

Filipowiak W., 1962, S. 303–309; 1979, S. 109–113; 1982, S. 109–123; Kowalczyk M., 1968, S. 54–55, 111; Hensel W., 1978, S. 13–15.

Воргол, Воронежская обл., Россия. На городище-убежище частично сохранилась обожженная глиняная площадка (12 x 6 м). В ее центре находилась столбовая яма, рядом с ней скелет лошади, три наконечника стрел. На площадке лежали нож, обломки замка, гривны, трапезиевидная привеска, бусина, астрагалы, льячки. Кругом площадки сохранилось шесть ям с золой, костями животных, черепками посуды, пряслищем, обломком жернова, косой, салтовской серьгой. Вещи от-

носятся к X–XI вв. В валу городища обнаружено ритуальное захоронение конской головы, 94 астрагала.

Москаленко А.Н., 1966, с. 203; 1981, с. 62–65, 126–131.

Вышегород, Польша. На возвышении правого берега Вислы находится круглая площадка (диаметр 18 м), в центре которой сохранились следы столбов, прямоугольных срубных построек, череп тура. Площадка окружена рядом камней, среди которых находятся алтарь, плоский камень-жертвенник, скелет человека. К площадке ведет мощенная камнями дорога, на которой лежало два серпа и скелет человека. Объект датируется X–XIII вв. (рис. 6, 8).

В 2,6 км около городища Округлая гора выявлен ров, ограничивающий круглую площадку (диаметр приблизительно 20 м). В выступе рва найдены угли, кости животных, обломки посуды. Рядом расположено селище VI–XI вв.

Geirlach B., 1975, S. 54–56; Moszczyński A., Szymański W., 1988, S. 140–145; *Informator archeologiczny*, 1982, S. 209; 1985, S. 153.

Гнезно, Польша. На горе Леха под фундаментом костела обнаружено кострище, состоящее из четырех слоев камней с прослойками угля и золы. Найдены кости животных и черепки конца VIII – начала IX в.

Kowalczyk M., 1968, S. 48; Żurowski K., 1962, S. 63.

Говда, Тернопольская обл., Украина. Городище расположено на мысу правого берега Збруча, окружено валом и с напольной стороны рвом. Овальная площадка городища (40 x 20 м) имеет наклон к юго-востоку с перепадом высот 20 м (рис. 10). В 1988–1989 гг. вскрыта площадь 108 кв. м. В валу выделяется четыре строительных периода и каждый раз его поверхность покрывали каменной вымосткой. Внутренний вал заполнен прослойками угля, обожженной глины и камней, перемежающимися стерильными слоями чистой глины толщиной 20 и 80 см. В южной части вал перерезан колодцем, имевшим сверху пологие стенки и конусовидную форму, а с глубины 60 см – вертикальные стенки, обложенные камнями и укрепленные бревнами. В плане колодец круглый (диаметр 3,4 м). Раскопан до глубины 3,6 м. Найдена керамика XI в. и кости животных. К колодцу примыкает площадка, на которой горел огонь, и слой угля, ее покрывающий, связан с прослойками внутреннего рва. После засыпки колодца над ним в овальном углублении разжигался огонь и в насыпи вала сделана нишеобразная хлебная печь. В верхнем слое найдена керамика XII – первой половины XIII в., обломок стеклянного браслета, несколько наконечников стрел, кресало, шиферное пряслице, кости животных. Работами на городище руководил И.О. Гавритухин.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. *Отчеты о работе Прикарпатской экспедиции за 1988, 1989 гг. Архив ИА РАН, Архив ИА АН Украины.*

Головно, Волынская обл., Украина. Городище расположено на возвышении среди болотистого луга. Круглая площадка (диаметр 30 м) слегка повышается в центре и покрыта золистым слоем толщиной до 50 см. Под насыпью кольцевого вала (высота его 1 м) залегал слой камней, угля и обгоревших бревен. Вдоль вала выявлено несколько корытовидных ям и скопления камней. Найдены обломки посуды X в., кости животных, фрагмент обгоревшего черепа человека и два зуба.

Кухаренко Ю.В., 1961, с. 11, 31–32.

Гора Хельмска около Кошалина, Польша. На верху горы обнаружены остатки постройки культовой (?) 2,5 x 4,5 м, с очагом из камней. Рядом находятся ямы с углем. Найдены нож, кресало, пряслице, кости животных и рыб, черепки посуды X–XIII вв.

Łosiński W., 1972, S. 333.

Горановцы, Болгария. Круглая площадка из глины, имеющая два выступа. Найдены кости животных, обломки посуды IX–X вв.

Выжарова Ж. Доклад на Международном симпозиуме по славянскому язычеству в Югославии, 1986 г.; Седов В.В., 1988, с. 288.

Горбово, Черновицкая обл., Украина. Городище расположено на мысу правого берега Прута. Центральная площадка городища (диаметр 30 м) окружена кольцевым валом и рвом, к ней примыкают две боковые площадки, расположенные на склоне и также ограниченные валами. Плоская вершина центрального вала и уступ с его внутренней стороны вымощены камнями, покрыты углем, обожженной глиной и костями животных. Следы огнищ прослеживаются на вершине валов, окружающих боковые площадки городища. Культурного слоя нет. Рядом расположено селище IX–X вв.

Тимощук Б.О., 1976, с. 89–91.

Горки, Вологодская обл., Россия. На могильнике XII – начала XIII в. открыта овальная культовая яма (2,1 x 1,55 м, глубина 60–70 см). Найдены два замка, оковка деревянной посуды, скелеты двух собак, трех уток, стрепета, рыб и на дне ямы еще три скелета собак. Яма засыпана камнями и шлаком.

Макаров Н.А., 1987, с. 73–79.

Городок, Хмельницкая обл., Украина. На краю селища VI–VIII вв. находится каменная вымостка (2,3 x 1,5 м), обожженная сверху, и рядом яма (диаметр 1,5 м, глубина 20 см) с обожженным дном, заполненная углем, золой, пережженными костями животных, обломками посуды.

Винокур И.С., Приходнюк О.М., 1974, с. 233; Приходнюк О.М., 1975, с. 89–99.

Гродова Гора около Тумлина, Польша. На высоком холме Свентокжических гор, покрыта лесом; сохранилось три концентриче-

ских вала, сложенных из камней и не имеющих оборонительного значения. На склоне горы расположены селища IX–XI вв. Наверху горы построена часовня.

Kuczyński J., Pyzik Z., 1968, S. 59–65.

Гросс Раден, округ Шверин, Германия. Деревянный храм расположен за пределами поселения X–XIII вв., к нему ведет мощеная дорога. Храм прямоугольный (12,5 x 7 м), стены сложены из вертикально стоявших плах, обшитых снаружи досками, имеющими вверху схематически вырубленные головки. Кругом храма на расстоянии 1 м от него проходит ограда из столбов. У входа найден череп зубра, глиняный кубок, обломки посуды IX–X вв. В северной части находилось шесть черепов коней, у юго-восточной стены лежало два копья. Храм перестраивался, его средняя часть повреждена и место для идола не найдено.

В XI–XII вв. храм был перенесен на городище, расположенное на острове среди озера. Круглая площадка городища имела диаметр 25 м, вдоль ее края у вала располагались деревянные дома.

Schuldt E., 1976, S. 28–50; 1978, S. 233–243; 1979, S. 163–170; 1985, S. 35–73; 208–216; Германн И., 1980, с. 90.

Дембно, Польша. Городище в Свентокжицких горах. Площадка городища овальная (15 x 26 м), окружена валом и рвом. Во рву найдены опаленные камни, уголь, куски глиняной обмазки.

Gąssowscy E., J., 1970, S. 94–95.

Добжешуво, Польша. Городище в Свентокжицких горах на высоком холме. Овальная площадка городища (40 x 80 м) ограничена тремя концентрическими валами, прерывающимися в нескольких местах. Четвертый вал отделяет городище от хребта. Основа невысоких валов (высота 1,5–2 м) сложена из крупных камней и на ней набросаны более мелкие камни. Поверхность валов обожжена, особенно сильно внутренний склон первого вала и внешние склоны второго и третьего. В центре площадки лежит большой камень с выбитыми на нем кругами. В разных местах на площадке и на валах стоят стелы, лежат большие округлые камни, сложены из камней ящички-жертвенники. В западной части площадки находится каменный фундамент алтаря, рядом с ним керамика VIII–IX вв. По радиоуглеродному анализу, взятому с первого вала, определена дата: 795 год. Рядом с городищем находятся селища VIII–X вв. (рис. 11, 2).

Раскопки на городище проведены в 1975–1981 гг., вскрыта площадь 25 x 100 м и перерезаны валы.

Gąssowska E., 1979, S. 122–127; Informator archeologiczny, 1977–1981.

Животинское, Воронежская обл., Россия. На городище IX–X вв. обнаружена яма диаметром 80 и глубиной 60 см, в которой находи-

лись уголь, 23 астрагала с отверстиями, точильный камень, бронзовый котел, кувшин и горелое зерно. На городище найдены глиняные хлебцы.

Винников А.З., 1990, с. 104.

Зааринген, округ Бранденбург, Германия. Около курганного могильника VII–XII вв. находится круглая площадка (диаметр 20 м), окруженная кольцевым рвом шириной 2–3 м (рис. 6, 4).

Hermann J., 1971, S. 529.

Звенигород, Тернопольская обл., Украина. Городище расположено на склоне холма правого берега Збруча около с. Крутилов. Исследования проводили Прикарпатская экспедиция ИА РАН, Тернопольский краеведческий музей в 1985, 1987, 1988 гг. Открыто три капища, 15 культовых сооружений, 10 длинных наземных домов, сделаны разрезы валов и рвов, исследованы окрестные селища (рис. 27–64).

Вал 1 перерезан траншеей в северо-восточной части около современной дороги. Ширина вала 8 м, высота 1,8 м. В основании его залегает слой золы и угля толщиной 15–20 см, содержащий керамику скифского времени. Он перекрыт каменной насыпью высотой 70 см и на ней спланирована ровная площадка, покрытая углем и содержащая лепные черепки пражской культуры VI–VII вв. Затем насыпан слой земли и камней толщиной 40 см и на его поверхности устроена горизонтальная площадка, покрытая слоем угля и золы мощностью до 30 см, содержащая черепки XII в. В шурфе, выкопанном во внешнем рву этого вала, обнаружена горизонтальная площадка, выложенная камнями и черепками XII в.

Вал 2 перерезан траншеей на месте современной дороги. Ширина вала 9 м, высота 1,8 м. В основании вала на высоту 50 см лежат камни, перекрытые большими каменными плитами (длиной до 80, шириной 30–40 см) и горизонтальным слоем обожженной красной глины толщиной 30–50 см. В слое найден один черепок с чернолощеной поверхностью скифского времени. Верхняя часть вала насыпана из земли и камней. На поверхности вала расчищена на 8 м в длину горизонтальная площадка, покрытая каменной вымосткой и слоем угля. Здесь найдена керамика XII в. и многочисленные вещи. Во внешнем рву этого вала также выявлена горизонтальная площадка, мощеная камнем.

Земляной вал перерезан траншеей шириной 2 м и длиной 28 м. Ширина вала 10 м, высота 2 м. Внутренний ров шириной 2,5 м и глубиной в материке 1,2 м имел ступенчатые стенки и ширина его по дну 80 см. Дно рва местами обожжено и покрыто углем. Насыпь вала сооружена в несколько приемов. Сначала на склоне площадки городища была сделана присыпка из глины с горизонтальной поверхностью, ук-

репиенная с внешней стороны рядом опорных столбов. Основная насыпь вала состояла из серой глины с включением камней. С внешней стороны в ней вырезана ступенька шириной 3,6 м. Ее горизонтальная поверхность и вертикальный срез насыпи вала сильно прожжены на толщину до 40 см. На ступеньке лежат обгоревшие бревна, уложенные в ряд перпендикулярно насыпи вала, и всё засыпано кусками обожженной глины и глиняной обмазки со следами плетня, среди заполнения выделяются три углистые прослойки, отделенные друг от друга слоями глины. В слое сожжения найдено два черепка – сильно обожженный лепной и гончарный с рифленой поверхностью. На вершине вала лежат крупные камни, частично обожженные, и находится небольшой очаг (диаметром 30 см).

Капище 1 перерезано траншеей шириной 1 м и длиной 10 м, выявлен культурный слой толщиной 10–20 см и два углубления на противоположных концах траншеи (диаметры углублений 2,4 и 2,8 м).

Капище 2 раскопано полностью, за исключением мест, где растут большие деревья. Общая площадь раскопа 180 кв. м. Площадка капища диаметром 10 м, в центре которой выступает материковая скала, с северо-запада и северо-востока ограничена валиком шириной 5 м и высотой 60–70 см. В южном секторе площадки находится пять столбовых ям диаметром и глубиной 10–15 см. Площадка капища выложена камнями и усеяна вещами. У южного края находится четыре чашевидных ямы. Стенки одной ямы выложены мелкими камнями (диаметр ямы 1 м, глубина 35 см), вторая яма (диаметр 1,4 м, глубина 40 см) заполнена костями животных, в третьей яме (диаметр 50 см, глубина 30 см) лежали вещи, четвертая яма имела размера 1,5 x 1,2 м и глубину 30 см. В северной части капища расположена одна яма (70 x 80 см, глубина 30 см). К востоку от центра площадки среди камней выбита большая овальная яма (2,8 x 1 м, глубина 20 см), раскопанная не полностью из-за растущих на ней деревьев.

Капище 3 раскопано полностью вместе с прилегающими к нему сооружениями. Площадь раскопа 1424 кв. м разбита на квадраты 2 x 2 м, имеющие цифровые обозначения с севера на юг и буквенные с запада на восток. Поверхность капища вымощена камнями и на них лежит слой толщиной 15–20 см, насыщенный обломками посуды, костями животных и многочисленными и разнообразными вещами. Среди камней вымостки в разных местах выбраны неглубокие овальные в плане ямы. *Яма 1* – центральная на капище, имеет квадратную форму с закругленными углами, ориентированными по сторонам света (сверху размеры ямы 1,6 x 1,7 м, ко дну на глубине 80 см стенки ямы сужаются, дно в виде плоской материковой скалы имеет размеры 85 x 95 см).

Перед ямой находится горизонтальная площадка с обожженной поверхностью и лежит каменная плита 30 x 65 см. Яма 2 расположена к северо-западу от края капища. Форма ее округлая (1,25 x 1,6 м, глубина 95 см), стенки ступенчатые, заполнение слоистое с углем. Найдены человеческие кости и вещи. Яма 3 в нижнем уступе капища (2,1 x 1,6 м) имеет на склоне глубину 20 и 80 см. Рядом в круглой яме находится очаг (диаметр 95 см). Его сильно обожженный под обставлен каменными плитами высотой 40–60 см, поставленными на ребро. Яма 4 на склоне восточной части капища вытянута с севера на юг (65 x 80 см, глубина 40–60 см). В яме находится обломок черепа ребенка и нож. Яма 5 расположена рядом (50 x 80 см, глубина 20 см). Яма 6 на верхней площадке капища обставлена камнями (диаметр и глубина 40–45 см). Яма 7 к востоку от центральной ямы (75 x 95 см, глубина 30 см) выложена камнями, содержала кости людей, животных и вещи. Яма 8 находилась на уступе капища (диаметр и глубина 45 см). Яма 9 около северо-восточного подножия капища (1,1 x 0,65 м, глубина 10–15 см) заполнена разрозненными человеческими костями. Яма 10 на склоне к востоку от капища (50 x 70 см, глубина 20–60 см) выложена камнями. В яме и крутом нее много вещей. Яма 11 входит в ряд столбовых ям, идущих на расстоянии 2,5 м одна от другой и отделяющих среднюю от нижней ступени капища. Яма 12 у южного подножия капища (2,2 x 0,55 м, глубина 10–20 см) содержала вещевые находки. Яма 13 у подножия капища (1,4 x 0,8 м, глубина 10 см) заполнена человеческими костями. Яма 14 расположена рядом (1 x 0,6 м, глубина 10 см), заполнена человеческими костями. Яма 15 входит в ряд столбовых ям вместе с ямой 11, обставлена камнями. Яма 16 расположена в западной части капища южнее центральной ямы (диаметр 40 см, глубина 30 см), стенки выложена камнями. Яма 17 на склоне у южного края капища (диаметр 1 м, глубина 20 см) содержала вещи. Яма 18 расположена к западу от центральной ямы (1,45 x 1 м, глубина 20 см). Найдены кости людей и животных. Кругом ямы лежат вещи.

Сооружение 1 расположено на террасе у южного входа на городище (диаметр 2,8 м, глубина 50 см). На дне лежал костяк коровы, черепки и обломки стеклянных браслетов. Сооружение 2 на той же террасе (4,4 x 3 м, глубина 60 см) имеет вход в виде ступеньки (1 x 0,5 м), материковый выступ-ступеньку вдоль длинной стены и столбовые ямы у стен. Напротив входа в стене вырезана нишеобразная печь (диаметр 1 м) и предпечная яма (диаметр 80 см, глубина 20 см). На полу прослеживаются две угольные прослойки, которые содержали разрозненные кости нескольких взрослых человек и детей, кости животных и вещи. Сооружение 3 расположено на террасе у начала дороги на капища (2,4 x 4 м, глубина 50 см). На полу лежал скорченный скелет подростка, куски туш и челюсти крупного рогатого скота, черепки сосудов, наконечник стрелы. Сооружение 4 находит-

ся около капища 3 (1,8 x 2 м, глубина 50–80 см). Дно покрыто несколькими слоями угля и камней. Найден расщепленный на две части костяк мужчины, обожженные зерна и вещи. *Сооружение 5* расположено в низине между капищами 2 и 3 (3,6 x 2,4 м, глубина 0,4–1,1 м). В заполнении прослеживаются прослойки угля, обожженной глины и камней, в которых находились черепа и кости взрослых мужчин, кости животных, обгоревшие зерна, вещи, в том числе четыре трехбусинных золотых кольца, массивный серебряный браслет. На разных уровнях в стене вырезаны нишеобразные печи – диаметр нижней 80 см, верхней 90 x 110 см и сохранившаяся высота 50 см. Сооружение построено на месте более ранних хлебных печей, вырытых в склоне материка. От печей сохранились круглые и овальные поды и устья, обращенные вниз по склону. Печи частично перекрывают одна другую. *Сооружение 6* находится между капищами 2 и 3 у внешнего вала (2,8 x 2,8 м, глубина 80 см и 40 см). Пол в центре обожжен. В восточной стене вырезано две нишеобразные печи, частично перекрывающие одна другую (их диаметры 80 см и 70 x 90 см). *Сооружение 7* расположено между отрогами вала 1, над источником чистой воды. Представляет собой ровную площадку 6,5 x 7 м, выложенную камнями. Найдены черепки и кости животных. *Сооружение 8* вырезано на склоне над нижней террасой городища (2,6 x 2,7 м, глубина 0,2–1,6 м). На полу находится очаг из обожженной глины (диаметр 40 см) и в стене сделана нишеобразная печь (диаметр 85 см), к которой в глинистом склоне пробито отверстие – дымоход. *Сооружение 9* расположено к западу от капища 3 и представляет собой округлую яму с пологими стенками (на уровне материка диаметр 4 м, на уровне пола 3 x 3,2 м, глубина 1,1 м). В полу вырыта яма (диаметр 1 м, глубина 90 см). Сооружение использовалось многократно, в заполнении видны прослойки угля, обожженной глины и в материковых стенках на разном уровне вырыты нишеобразные печи. Нижняя печь имела диаметр 0,85–1 м и высоту свода 70 см, вторая расположена на 30 см выше (диаметр 80 см), третья еще на 60 см выше (диаметры 1,3–1,6 м, высота свода 70 см). Встречены кости человека и обломки посуды. *Сооружение 10* находится рядом с предыдущим (3,4 x 2,5 м, глубина 20 см). В центре помещено круглое кострище (80 x 90 см). Найдены вещи. *Сооружение 11* расположено на склоне рядом с капищем 3 (4,3 x 6,8 м, глубина 10–90 см). Содержало большое количество вещей, кости человека и животных. *Сооружение 12* находится на склоне между капищами 2 и 3 (4 x 3,6 м, глубина 20–80 см). Заполнение слоистое, со стерильными прослойками, в стене сделаны три нишеобразные печи (диаметры их 80, 90, 140 см). *Сооружение 13* построено на месте предшествующего и представляет собой наземную постройку столбовой

конструкции. С ней связана глинобитная печь (1,0 x 0,6 м, высота стенок до 40 см). Найдено много вещей, среди них серебряная гривна киевского типа, конское снаряжение. *Сооружение 14* расположено около внутреннего рва и вала 1, примыкало к предполагаемому капищу 4 (4,2 x 3,7 м, глубина 30–110 см). Пол в центре обожжен (диаметр пятна красной глины 2,2 м) и на нем расположен круглый очаг (диаметр 1,2 м), окруженный столбовыми ямками. В стене на разном уровне вырезаны две нишеобразные печи (диаметры 70 и 80 см, высота свода верхней печи 40 см). В полу вырыта яма подквадратной формы (1 x 1,2 м, глубина в полу 60 см). Стенки ямы наклонные, она забита камнями и в ней лежит большая каменная плита, укреплявшая идола. Каменный идол (высота 195 см, ширина до 70 см, толщина плиты 20–25 см) лежал поперек ямы. Перед идолом было рассыпано обгоревшее зерно, находились разрозненные кости человека и фрагменты черепа, кости животных, серпы и другие вещи. *Сооружение 15* примыкало к земляному валу и представляло собой круглые площадки, лежащие одна над другой. Диаметры площадок 4 м, окружены каменной кладкой. В центре нижней площадки находился глинобитный очаг квадратной формы (65 x 65 см) с глиняным бортиком. На уровне этой площадки в глиняную насыпь вала была врезана нишеобразная печь (диаметр 1 м). Найдены черепки XII в., череп свиньи, зубы и кости конечностей крупного и мелкого рогатого скота. Площадка была засыпана слоем глины и над ней устроена вторая, поверхность которой обожжена и в центре ее находился круглый очаг (диаметр 75 см). По площадке разбросаны кости таких же животных, а также обломки черепа и нижняя челюсть человека.

Длинный дом 1 расположен на террасе, огибающей южную площадку городища. Он перерезан траншеей, в которой выявлен культурный слой толщиной 15 см и пол дома, вымощенный камнями. *Длинный дом 2* находится между капищами 2 и 3 на небольшой террасе склона. На его ровной поверхности (12 x 5 м) вскрыта площадь 30 кв. м. Культурный слой на площадке имеет толщину 20 см, пол дома вымощен камнями, на нем помещен глиняный очаг (1 x 0,5 м). *Длинный дом 3* расположен на террасе у южного входа на городище. Его размеры 20 x 5 м. Вскрыта площадь, свободная от деревьев (50 кв. м). Стены дома были столбовой конструкции, сохранились столбовые ямки, обгоревшее бревно, лежащее вдоль стены. Вход имел вид тамбура (1,4 x 1,4 м). Пол вымощен камнями, на нем расположен глинобитный очаг с бортиком (диаметр 90 см). В центральной части дома на полу из камней сложено возвышение 1,6 x 0,8 м. *Длинный дом 4* находится на этой же террасе, его поверхность заросла большими деревьями.

Приблизительные размеры дома 50 x 6 м. *Длинные дома 5 и 6* располагались на террасе у подножия городища около целебного источника. На их поверхности найдены обломки посуды. *Длинный дом 7* занимает террасу на склоне к югу от капища 2. Раскопана центральная часть дома, свободная от деревьев (55 кв. м). Столбовые ямы (диаметром и глубиной 15–20 см) идут вдоль стены дома на расстоянии друг от друга 40 см. На вымощенном камнями полу находился глиняный очаг, испорченный деревьями. В центре дома сохранились остатки сундука и многочисленные вещи. По всему полу встречаются обломки посуды и кости домашних животных. *Длинный дом 8* отстоит на 15 м к востоку от капища 1. Раскопана его средняя часть, свободная от деревьев (20 кв. м). Дом построен на склоне и его пол углублен в материк на 10 и 70 см. Пол покрыт каменной вымосткой, в нем прослеживаются столбовые ямы. В одной из них (диаметр 40 см, глубина 30 см) лежали четыре серебряных трехбусинных кольца. На месте дома после его разрушения выкопана яма (2,6 x 1,2–2 м), дно которой оказалось ниже пола на 20 см. В яме найдены вещи и разрозненные кости взрослых мужчин и детей. Сверху яма забросана камнями. *Длинный дом 9* занимает часть террасы на склоне южной части городища. Его площадка имеет приблизительные размеры 30 x 7 м. Пол дома вымощен камнями, на нем залегает слой толщиной 20 см. *Длинный дом 10*, вероятно, примыкал с внутренней стороны к валу 1, где вся площадь перекопана ямами и канавами, служившими до современности для добычи камня. На сохранившихся останках виден культурный слой толщиной 20–30 см, насыщенный углем, керамикой XI – начала XIII в. Здесь найдены дверные ключи и шпоры.

Жилище 1 на южной площадке городища были выбито в материковой скале (2,8 x 3 м, глубина 0,6–1,2 м). Печь-каменка (50 x 60 см) примыкает к каменному останцу. *Жилище 2* расположено за пределами городища южнее земляного вала над обрывом Слепого яра. Жилище прямоугольное в плане (2,7 x 2,45 м, глубина 20–25 см). В центре пола находится очаг, сложенный из камней (диаметр 40 см). Вход в жилище имел вид навеса, опирающегося на столбы. Рядом стояла наземная прямоугольная постройка (3,2 x 2,6 м).

Городище Звенигород окружено сельскими поселениями. *Селище «у двух источников»* датируется X в., расположено на террасе р. Збруч ниже по течению от городища. Из-под высокого берега здесь вытекают два источника. На поселении раскопана типичная славянская полуземлянка с печью-каменкой в углу (2 x 2,2 м) и углубленная хозяйственная постройка (2 x 2,7 м). *Селище Замчище* расположено к северу от городища на высоком плато, где сохранились валы городища вы-

соцкой культуры. Размеры городища 220 x 180 м. Валы этого времени перерезаны траншеями в двух местах. Основу валов составляла стена из горизонтально положенных бревен, присыпанная с обеих сторон камнями. В древнерусское время площадь этого городища была застроена домами, от которых сохранились многочисленные западины. Четыре из них раскопаны, при этом открыты обычные славянские полуземлянки с печами-каменками и столбовой конструкцией стен, относящиеся к X–XI вв., и хозяйственные постройки XI – первой половины XII в. К северу от валов высоцкой культуры находятся 35 западин, расположенных кругом большой площади (250 x 70 м), с которой были убраны и сложены по ее краям большие камни. Вероятно, здесь находилось пахотное поле. На этом участке была раскопана целая усадьба (площадь 460 кв. м), на которой стояло два жилища с печами-каменками, одно из которых относилось к первой половине XI в. и погибло от пожара, второе жилище датируется второй половиной XI – началом XII в. На усадьбе находилось три хозяйственных постройки столбовой конструкции, в центральной части располагался незастроенный двор (8 x 11 м) (рис. 65). В древнерусское время наиболее густо застроенную часть поселения Замчище начали ограждать земляным валом, который был насыпан только отдельными отрезками. Селище Хаща расположено в лесу к северо-западу от городища, на нем насчитывается 38 западин, тянувшихся вдоль высокого обрыва к Слепому яру. На поверхности найдены черепки XII в. Селище Стадна 1 расположено к востоку от Звенигорода на склоне высокого берега Збруча. Его поверхность частично распахивается и на ней обнаружена керамика трипольской культуры, раннего железного века и X–XIV вв. На части поселения, покрытой лесом, сохранилось шесть западин. Селище Стадна 2 занимает склон холма к северо-востоку от городища. Здесь видны шесть западин, две из которых были раскопаны (130 кв. м). Открыты три хозяйственные постройки XI и XII – начала XIII вв. В одной из камней был сложен горн. Селище Сиванка на противоположном берегу Збруча по подъемному материалу датируется X–XIII вв. Рядом с ним расположено два кургана (диаметры 8 м, высота 1,5 м). Селище Бабина долина занимает склон глубокого оврага – Слепого яра (рис. 66, 2) и тянулось на протяжении 800 м. Поверхность селища покрыта лесом и на ней видны многочисленные западины. На вершине склона была начата постройка земляного вала, от которого сохранился небольшой участок. Селище исследовалось экспедицией Тернопольского музея под руководством М.А. Ягодинской. В юго-западной части вскрыта большая по площади усадьба, состоявшая из жилых домов и хозяйственных построек. В центральной части селища около целебных источников раскопано 12 углубленных построек – жилищ-полуземлянок с печами-каменками в углу и хозяйственных поме-

щений с каменными рабочими площадками и очагами, относящихся к XI – началу XII в. Около источников раскопано два культовых сооружения (5 и 10), относящихся ко второй половине XII – началу XIII в.

Тимошук Б.А., Русанова И.П., 1988, *Отчеты Прикарпатской экспедиции в архивах ИА РАН, ИА РАН Украины, Тернопольского музея.*

Зеленая Липа, Черновицкая обл., Украина. На останце правого берега Днестра, среди высоких холмов, заросших лесом, находятся остатки деревянного храма, расположенного на самой высокой части площадки (42 x 14 м). Храм прямоугольной формы (5,3 x 4,2 м) ориентирован по сторонам света, имел двойные стены, сложенные из бревен и обмазанные глиной. Рядом расположены ямы с прослойками угля в заполнении, в скале высечен колодец (рис. 14, 1–4).

Тимошук Б.А., 1982, с. 22–25; 1990, с. 169; Тимошук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 165–168.

Илиев, Львовская обл., Украина. Городище расположено на мысу, с напольной стороны ограничено двумя валами и рвами, не достигающими до края площадки. В основании внутреннего вала залегает зольно-углистый слой, плоская вершина вала покрыта каменной вымосткой. К насыпи вала с внутренней стороны сделана прямоугольная присыпка (7,2 x 8 м), на верхней площадке которой (5 x 6 м) горел огонь, сохранился очаг и столбовые ямы. Площадка городища треугольной формы (60 x 55 м), лишена культурного слоя, лишь перед валом расположены ямы с углем и костями животных (рис. 11, 3–5). По керамике и бронзовому перстню с фигурным щитком городище датируется XIII в. Рядом расположено поселение того же времени.

Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Отчет о работе Прикарпатской экспедиции за 1987 г. Архив ИА РАН.*

Канев, Черкасская обл., Украина. Южнее города Роден на Княжьей горе, на мысу правого берега Днепра обнаружена яма (диаметр 1,85 м, глубина 1,2 м), заполненная темной землей с пеплом, углем и костями животных.

Мезенцева Г.Г., 1968, с. 131.

Киев, Украина. На Старокиевской горе открыта каменная кладка (4,2 x 3,5 м), имевшая четыре выступа по сторонам света. К западу от нее находился «массивный столб», состоящий из слоев обожженной глины, золы и угля. Вокруг лежали кости и черепа животных.

На Владимирской улице в 1975 г. раскопаны фундаментные рвы и симметрично расположенные ямы, заполненные строительным мусором. Рядом находится чашеобразная яма со слоями глины, угля и золы. Предполагается, что здесь находилось языческое капище.

На Житомирской улице открыта круглая жертвенная яма (диаметр 2 м, глубина 1,2 м).

Хвойко В.В., 1913, с. 66; Каргер М.К., 1958, с. 110; Толочко П.П., Боровский Я.Е., 1979, с. 3-10; Толочко П.П., 1981, с. 66; Боровский Я.Е., 1992, с. 66-67.

Кирово, Псковская обл., Россия. Круглое городище (52 x 42 м) расположено на возвышении среди болот. Предполагается, что здесь могло быть святилище.

Седов В.В., 1971, с. 18-20.

Коломо, Новгородская обл., Россия. Круглая площадка диаметром 18 м, окруженная большими камнями, на которой лежит слой золы и угля, кости домашних животных, обломки лепной посуды, кремневый наконечник стрелы. Рядом расположены сопки.

Конецкий В.Я., 1985, с. 41.

Корчак, Житомирская обл., Украина. На западной окраине поселения V-VII вв. расположена яма (60 x 70 см, глубина 20 см), на дне которой лежали семь глиняных хлебцев (рис. 6, 2).

Русанова И.П., 1973, с. 34.

Костол, Югославия. Площадка, сложенная из камней, на которой лежат птичьи кости.

Доклад Марьянович-Выйович Г. на симпозиуме по славянскому язычеству в Прилепе, 1986.

Красногорье, Смоленская обл., Россия. Круглое городище (диаметр 20 м) среди болот окружено двумя концентрическими валами. Под насыпью внутреннего вала обнаружена каменная кладка со следами огня и зольный слой. Такой же слой и обгоревшие бревна лежали на верху вала. Рядом расположено поселение X-XIII вв. (рис. 7, 5).

Лявданский А.Н., 1924, с. 179-180; 1926, с. 266-268; Седов В.В., 1962, с. 61-62; Шмидт Е.А., 1976, с. 142.

Кулишевка, Черновицкая обл., Украина. Городище на высоком мысу правого берега Днестра. Круглая площадка (диаметр 8 м) окружена внутренним ровиком и с напольной стороны ограждена пятью валами и рвами X-XI, XIII вв. и раннежелезного периода (рис. 7, 7; 8; 9, 1).

Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 161-164.

Куржим, Чехия. Около озера расположена площадка, окруженная рвом. Рядом находится яма, в которой горел огонь. На этом месте построена христианская церковь.

Váňa Z., 1983, S. 97-98.

Кушлянщина, Смоленская обл., Россия. Городище с круглой площадкой и двумя концентрическими валами расположено среди болот. Рядом находится селище VIII - начала XI в. и курганный могильник (рис. 7, 4).

Лявданский А.Н., 1924, с. 172-173; 1926, с. 259; Седов В.В., 1962, с. 60.

Лысая Гора, Польша. Городище на высоком холме Свентокжических гор (высота над уровнем моря 594 м). Холм зарос лесом, на нем мно-

го выходов камней, он непригоден для заселения. Вершина горы окружена валом, идущим по склону. Вал сложен из камней (ширина его 11 м, высота 1,5 м). Вершина вала плоская со следами огня, найдены черепки IX–XII вв. Площадка городища эллипсовидная (1300 x 150–200 м), на ней нет культурного слоя и построек. Около горы есть источник и был найден идол. В XII в. на горе построен костел.

Gąssowski J., 1960, S. 297–299; 1968, S. 47–58; 1970, S. 3–100.

Микульчицы, Чехия. На мысу над ручьем находится круглая площадка (диаметр 12 м), окруженная рвом (ширина 3 м, глубина 70 см). Посредине площадки расположена яма, обставленная камнями. Ров заполнен углем, в нем найдены гривна, топоры, жернова, обломки посуды IX в. Позднее здесь построена церковь.

Klanica Z., 1985, S. 488–489.

Нагоряны, Черновицкая обл., Украина. Городище на высоком останце правого берега Днестра имеет площадку (диаметр 20 м), ограниченную валами и эскарпом по краю мыса и с напольной стороны. Найдена керамика IX–X и XI–XII вв.

Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 165.

Новгород, Россия. При раскопках в городе открыты три жертвенные ямы. В одной (диаметр 0,6 м, глубина 1,5 м) находилось девять деревянных ковшей, во второй (2 x 1,75 м, глубина 0,4–0,5 м) лежали два бычьих черепа и деревянный ковш, в третьей (4 x 3,3 м, глубина 1,5 м) помещен костяк лошади с отделенной головой, огарок свечи и кнут. Ямы датируются X в.

Седов В.В., 1956, с. 138–141; 1957, с. 28–29; Миронова В.Г., 1967, с. 215–227.

Ошихлибы, Черновицкая обл., Украина. На могильнике XII–XIII вв. открыта яма (диаметр 1,8 м, глубина 0,5 м), на дне которой находились угли, кости животных и обломки посуды.

Тимощук Б.О., 1976, с. 97.

Перынь, 4 км от Новгорода, Россия. На холме, обращенном к востоку, открыта круглая площадка, окруженная рвом с восьмью округлыми выступами (диаметр всего сооружения 21 м). Внутренние склоны рва крутые, внешние пологие. На дне выступов встречаются угли, черепки сосудов X – начала XI в., точильный брусок. В центре площадки в яме (диаметр и глубина 1 м) сохранились следы деревянного столба. Остатки второй площадки (диаметр приблизительно 23 м) окружены рвом, в котором найдены угли, поясное кольцо, нож, наконечник кремневой стрелы. Третья площадка, возможно, находилась под фундаментом церкви XIII в. (рис. 6, б).

Седов В.В., 1953, с. 92–103; 1954, с. 105–108.

Петрово, Смоленская обл., Россия. Городище с круглой площадкой (диаметр 22 м) расположено среди болот. Окружено двумя concentрическими валами и рвом между ними (ширина рва 8–15 м). У края площадки на глубине 35 см (в насыпи внутреннего вала?) прослеживается зольно-угольный слой толщиной 10–13 см. Рядом находится селище древнерусского времени (рис. 7, 2).

Лявданский А.Н., 1924, с. 176–177; Седов В.В., 1962, с. 62.

Плоцк, Польша. На Тумской горе расположена круглая площадка второй половины X в., с кострищем, камнем-алтарем, костями животных, черепом ребенка. В землю воткнут меч.

Szafrński W., 1959, S. 119; 1972, S. 24; Kowalczyk M., 1968, S. 49–50; Gierlach B., 1975, S. 53.

Подгощ, Новгородская обл., Россия. Круглая площадка (10,4 x 13,5 м) окружена двумя рядами валунов. В центре лежит девять камней, зола, уголь, черепки лепной и гончарной посуды.

Конечный В.Я., 1985, с. 38.

Поганьско, Чехия. На краю могильника большая яма (диаметр 85 см, глубина 25 см) окружена кругом из восьми ям (диаметр круга 2,5–3 м). С севера сооружение ограничено полукруглым желобком от плетня. По стратиграфическим данным датируется второй четвертью X в.

Dostal B., 1975, S. 104–110; 1968, S. 3.25.

Погосище, Вологодская обл., Россия. На могильнике X – начала XII в. открыта прямоугольная яма без погребения и с тремя топорами.

Макаров Н.А., 1983, с. 216–218.

Прага, Чехия. Открыта жертвенная яма, в которой находилось шесть человеческих черепов и кости животных

Váňa Z., 1983, S. 97.

Псков, Россия. На возвышении около курганного могильника находится круглая площадка, ограниченная рвом (ширина 1,6–4,1 м). В центре площадки находятся две ямы, в одной из которых сохранились остатки дубового столба диаметром 50 см и высотой 70 см. На дне ровика остались следы кострищ, кальцинированные кости, обломки посуды. На площадке лежали кости животных. Датируется X в., на рубеже XI–XII вв. засыпано песком.

Лабутина И.К., 1989а, с. 100–108; 1989б, с. 5–6.

Пустары, Польша. Городище расположено на холме. Площадка диаметром 7 м окружена кольцевым валом. Культурного слоя нет. По обломкам керамики датируется XII–XIV вв.

Łosiński W., Olczak J., Siuchiński K., 1971, S. 105–107.

Радзиково, Польша. На моренном возвышении находится городище с овальной площадкой (40 x 60 м), окруженной валом и рвом. На

дне рва лежат камни и вырыты ямы с остатками жертвоприношений. На площадке в разных местах расположены каменные вымостки и ямы, использовавшиеся многократно. Датируется VII–XIV вв.

Informator archeologiczny, 1977–1988; Dąbrowska I., 1986, S. 75–77.

Ревно, Черновицкая обл., Украина. На городище-убежище около могильника с трупосожжениями расположена яма с пологими стенками (диаметр 5 м, глубина 50 см), заполненная золой, углем, пережженными костями, обломками посуды, костями животных. В центре углубления находится столбовая яма, окруженная полукругом столбовых ямок.

Тимощук Б.О., 1982, с. 183.

Ржавинцы, Черновицкая обл., Украина. Городище на отроге высокого плато с круглой площадкой (диаметр 22 м), окруженной двумя концентрическими валами и рвами. Зольно-угольные слои залегают у подножия внутреннего вала, на вершинах обоих валов и на ступеньках, вырезанных в их склонах. Рвы (ширина 5–6 м, глубина 1 м) имеют плоское дно и пологие стенки. Культурный слой на площадке отсутствует. Найден четырехугольный каменный столб, грубо обработанный (высота его 2,5 м). На площадках между валами сохранился культурный слой толщиной 20 см с черепками IX–X вв. от стоявших здесь длинных домов. Один из них имел размеры 4 x 20 м (рис. 7, 6).

Тимощук Б.О., 1976, с. 84–89; 1982, с. 168–171; 1990, с. 156; Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 170.

Рудлово, Смоленская обл., Россия. Городище с овальной площадкой (22 x 28 м) находится на мысу среди болот, окружено двумя кольцевидными валами. Поблизости расположено селище X–XIII вв.

Седов В.В., 1962, с. 60–61.

Рудники, Ивано-Франковская обл., Украина. Городище, возникшее в раннем железном веке, расположено на отроге левого берега р. Рыбницы, окружено валом и внутренним рвом, пересечено несколькими рвами. На вершине конусовидного возвышения (6 x 10 м) сохранились следы постройки X–XII вв. – слой толщиной 40–50 см, состоящий из кусков глиняной обмазки с отпечатками бревен. Возвышение окружено рвом с тремя последовательными прослойками камней, углем, обломками посуды, разделенными стерильными слоями глины. На террасе вдоль склона городища стоял длинный дом (приблизительная длина его 70 м, ширина около 4 м) (рис. 14, 5, 6).

Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 168–170; Тимощук Б.А., 1990, с. 173.

Рухотин, Черновицкая обл., Украина. На крутом склоне высокого холма проходит дуговидный в-л, насыпь которого сильно обожжена. В центре склона выявлена яма (диаметр 0,5 м) с углем и черепками VIII–X вв. и круглая каменная плита (диаметр 0,8 м).

Тимощук Б.А., 1990, с. 174.

Старая Рязань, Россия. Под Спасским собором середины XII в. найдены бронзовая четырехликая фигурка, бронзовый крестик, горшок с чешуей рыб и зубами свиньи.

Монгайт А.Л., 1955, с. 191–192.

Сушево, Новгородская обл., Россия. Площадка (14 x 17,5 м), обставленная крупными валунами.

Конецкий В.Я., 1985, с. 38.

Тауфельсберг, Германия. Городище расположено на высоком конусовидном холме, окруженном по склону эскарпом и двумя концентрическими валами и рвом. На краю круглой площадки (диаметром 30 м) открыт слой толщиной 60–70 см, состоящий из углистой земли и больших камней (внутренний вал?). Найдены средневековые черепки, кости и зубы животных. На холме построена церковь.

Herrmann J., S. 66–67.

Тжебятув, Польша. На всхолмлении среди болот находятся две площадки (10 x 13 и 8 x 10 м), окруженные рвами (шириной 1–1,5 м и глубиной 50 см), в которых находятся угли и черепки IX–X вв. На площадках расположены кострища и столбовые ямы (рис. 6, 2, 3).

Filipowiak W., 1957, S. 79–95; Kowalczyk M., 1968, S. 51–53; Warnke D., 1983, S. 38–48.

Фельдберг, Германия. Остатки деревянного храма расположены на мысу, отделенном полукруглым рвом с плоским дном (ширина 2 м, глубина 60 см). Остатки храма перерезаны траншеями, выявлены фундамент в виде корытовидных углублений, центральная яма с углистым заполнением. Храм был прямоугольным (5 x 10 м), разделен на две части. По керамике сооружение датируется VII–IX вв., по C₁₄ – 900–1000 гг.

Herrmann J., 1969, S. 33–68; 1971, S. 530.

Фишеринзель, Германия. На селище XI – начала XIII вв. найдены два деревянных идола в переотложенном состоянии. Рядом расположен полуостров, выдающийся в озеро и ограниченный с напольной стороны плоским рвом, не имеющим оборонительного значения (ширина 3–4 м, глубина 1 м). Предполагается, что здесь находилось святилище.

Grinmuth-Dalmer E., Hollnagel A., 1971, S. 102–133; Herrmann J., 1971, S. 532–538.

Ходосовичи, Гомельская обл., Беларусь. Рядом с поселением и курганным могильником X–XI вв. расположены две площадки (диаметром 5 и 7 м), окруженные ровиками (ширина их 20 и 40 см, глубина 25–50 см). По сторонам кругов находились серповидные углубления (ширина 1,8 м, глубина 1 м). В центре кругов прослежены плоские ямы (диаметры 0,6–1 м, глубина 15–25 см). Углубления заполнены углистым песком и золой, обожженными камнями.

Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972, с. 146–153.

Хотомель, Брестская обл., Беларусь. Городище на конце песчаной дюны среди болотистой равнины. Почти круглая площадка городища (30 x 40 м) окружена углублениями в виде прерывающегося ровика и отдельных корытовидных ям. По обломкам лепной посуды и трехлопастному наконечнику стрелы углубления относятся к VII в. Углубления перекрыты углистым слоем толщиной 20 см, насыщенным обломками лепной и гончарной посуды, многочисленными вещами VIII–X вв. На слегка повышающейся в центре площадке городища нет культурного слоя и находится несколько ям. В подножии окружающего городище вала залегает слой угля и обгоревшего дерева.

Кухаренко Ю.В., 1957, с. 90–97; 1961, с. 8, 9, 22–23.

Хутынь, Новгородская обл., Россия. Круглая площадка, окруженная кольцевой кладкой из больших камней. Внутри находится яма, обложенная камнями и перекрытая горелым слоем с костями животных.

Конечный В.Я., Носов Е.Н., 1985, с. 32.

Шапырево, Смоленская обл., Россия. Городище находится среди болот. Овальная площадка (14 x 9 м) окружена двумя концентрическими валами и рвом (ширина рва 4 м, глубина 0,4 м), на дне которого лежат обожженные камни, уголь, зола. Центральная часть площадки окружена кругом столбовых ям и вдоль него земля покрыта углистым слоем, а под насыпью вала проходят две параллельные канавки. Найдены черепки IX–X и XII–XIII вв. (рис. 7, 3).

Седов В.В., 1962, с. 60; Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963, с. 125–129.

Шлонжа, Польша. Гора среди холмистого массива, возвышающегося над силезской низиной, покрыта лесом, выступающими скалами и камнями. По ее вершине и склонам проходят каменные валы, основа которых относится к лужицкой культуре (конец гальштата – начало латена). Верхняя часть валов обожжена, найдены здесь раннесредневековая керамика и вещи. На внутренней площадке (120 x 60 м) культурный слой отсутствует. На вершине и склонах стоят многочисленные каменные изваяния и на камнях выбиты знаки в виде косога креста. Среди керамики, собранной на городище, большая часть принадлежит к эпохе бронзы и раннего железа (66,5 %), к периоду позднего латена и римскому времени относится 1,3 %, к раннему средневековью – 1,9 % и к XI–XIII в. – 10,4 %. Исследования на Шлонже проводились с перерывами начиная с 1903 г., особенно интенсивно – в 1949–1956 гг. и позднее.

На соседних холмах Радуня и Костюшко также находятся каменные валы-«круги», по имеющимся данным относящиеся к лужицкой культуре.

Hołubowicz H., W., 1952, S. 119–148; Cehak-Hołubowiczowa H., 1955, S. 1–19; 1957, S. 149–157; 1959, S. 51–97; 1968, S. 69–83; 1979, S. 7–34; Rosen-Przeworska J., 1964, S. 174–208.

Шумск, Житомирская обл., Украина. Около могильника с трупопожжениями находится углубленное сооружение крестообразной формы, ориентированное по сторонам света (размеры 14,2 x 11 м, глубина 40–50 см). Дно сооружения плоское, стенки вертикальные. В центре расположена большая столбовая яма, заполненная камнями, кругом нее столбовые ямы и камни. В центральной части горел огонь. Найдена керамика конца IX–X вв., кремневый наконечник стрелы, пережженные кости быка и птиц (рис. 6, 7).

Рядом находилось место для сожжения умерших, имевшее вид круглой площадки (диаметром 5 м) с прокаленной поверхностью и слоем угля толщиной 50 см, окруженной кольцевым ровиком. На соседнем мысу берега стоял один жилой дом и хозяйственные постройки.

Русанова И.П., 1966, с. 233–237; 1973, с. 36–37.

Яздово, Польша. Частично исследована круглая в плане каменная вымостка, на которой лежала каменная голова идола.

Gierlach B., 1975, S. 53.

- Абаев В.И., 1960. Дохристианская религия славян. М.
- Абрамова З.А., 1972. Древнейшие формы изобразительного творчества // Ранние формы искусства. Л.
- Авенариус Н.П., 1890. Дрогочин Надбужанский и его древности // МАР, 4.
- Авдусин Д.А., 1957. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск. Вып. 2.
- Азбукин М., 1896. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе (XI–XIV века) // Русский филологический вестник. Т. 35, № 2.
- Аладжов Ж., 1980. Символ на света в някои прабългарски паметници // Археология, I. София.
- Александров А.А., 1983. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 75.
- Алексеев Н.А., 1984. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новороссийск.
- Алешковский П.М., 1980. Языческий амулет-подвеска из Новгорода // СА. № 4.
- Амброз А.К., 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре. Вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.
- Анисимов Л.Ф., 1967. Этапы развития первобытной религии. М.; Л.
- Аничков Е.В., 1914. Язычество и древняя Русь. СПб.
- Антонович В.Б., 1901. Археологическая карта Волянской губернии // Труды XI археологического съезда. М. Т. 1.
- Анучин Д.Н., 1900. Христианские кресты и образки в могилах средней и западной России // Труды X археологического съезда. Т. 3.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. М.
- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола.
- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Арциховский А.В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55.
- Афанасьев А., 1865. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 1.
- Афанасьев А., 1868. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 2.
- Афанасьев А.Н., 1957. Народные русские сказки. М.
- Афанасьев А.Н., 1983. Древо жизни. Избранные статьи. М.
- Ауліх В.В., 1976. З історії доітописного Галича // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Балер О.Н., 1954. Жертвенное место на р. Вишере // СА. XXI.
- Байбурун А.К., 1979. Строительные жертвы // Проблемы славянской этнографии. Л.
- Байбурун А.К., 1981. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. 37. Л.
- Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. Київ.

- Баран В.Д., 1988. Пражская культура Поднестровья. Киев.
- Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмоскovie // СА. № 4.
- Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. Киев.
- Бернштам Т.А., 1981. Обряд крещения и похороны кукушки // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. 37. Л.
- Бломквист Е.Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.
- Богданович А.Е., 1895. Пережития древнего мирозерцания у белорусов. Гродно.
- Бодянский О.В. 1971. Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі / Середні віки на Україні. Вип. 1. Київ.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1969. Древняя Индия. М.
- Бондарівський М.С., 1983. Про «поганські камені» в Карпатах // Археологія. № 3.
- Боровский Я.Е., 1983. Мифологический мир древних киевлян. Киев.
- Боровский Я.Е., 1987. Язычество древнего Киева // Труды V МКСА. Т. 3. Вып. 2а. Киев.
- Боровский Я.Е., 1992. Світогляд давніх киян. Київ.
- Боровский Я.Е., Калюк О.П., 1989. Нові дослідження Київського дитинця // Проблеми історії та археології. Київ.
- Боровский Я.Е., Моця А.П., 1990. Концепция язычества и христианства в зарубежной историографии и данные археологии // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев.
- Боровский Я.Е., Сагайдак М.А., 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.
- Брайчевский М.Ю., Довженко В.И., 1967. Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье // МИА. № 139.
- Бубенько Т.С., Зайковский Э.М., Поздняков В.С., 1988. Исследования Белорусской экспедиции // АО. 1986. М.
- Бурнашев Г.В., 1982. Скалы Довбуша. Ужгород.
- Вагнер Г.К., 1963. Четырехликая капитель из Боголюбова // Славяне и Русь. М.
- Вагнер Г.К., 1979. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.
- Вагнер Г.К., 1987. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.
- Ваклинов С., 1977. Формиране на старобългарската култура. София.
- Велецкая Н.Н., 1968. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «руса») // Шестой Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.
- Велецкая Н.Н., 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.
- Велецкая Н.Н., 1982. О рудиментах языческих ритуальных действий в славяно-балканской погребальной обрядности // Материали од VI Международн балканскиот симпозиум. Скопје.
- Велецкая Н.Н., 1984. Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры // Культура и искусство средневекового города. М.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. 1987. М.
- Веселовский Н., 1921. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // ЗВРАО. Т. 25. Вып. 1–4.
- Ветловская В.В., 1987. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Генезис и развитие феодализма в России

(Проблемы идеологии и культуры) / Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л.

Видукинд Корвейский, 1975. Деяния саксов. М.

Винников А.З., 1991. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.

Виноградова Л.Н., 1981. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности // Славянский и балканский фольклор. М.

Виноградова Л.Н., Толстая С.М., 1990. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском купальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

Виноградская Л.И., 1990. Некоторые типы керамики черниговско-северской земли второй половины XIII–XV вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Винокур И.С., 1960. Воыньские «хлебцы» // Научный ежегодник Черновицкого университета за 1958 г. Черновцы.

Винокур И.С., 1967. Языческие изваяния Среднего Поднестровья // МИА. № 139.

Винокур И.С., 1969. Некоторые вопросы духовной культуры Черняховских племен // СА. № 1.

Винокур И.С., 1970. Новые находки языческих изваяний в Среднем Поднестровье // Труды І МКАС. Т. 5.

Винокур И.С., 1970. Новые языческие памятники на среднем Днестре // Древние славяне и их соседи. М.

Винокур І.С., 1972. Історія та культура черняхівських племен. Київ.

Винокур І.С., 1989. Результати досліджень скельного храму в Буші // Проблеми історії та археології. Київ.

Винокур І.С., Забашта Р.В., 1989. Монументальна скульптура слов'ян // Археологія. № 1.

Винокур И.С., Приходнюк О.М., 1974. Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Винокур И.С., Хотюн Г.Н., 1964. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье // СА. № 4.

Власова Г.М., 1962. Бронзовые изделия XI–XIII вв. из села Зеленче // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса.

Войтов В.Е., 1986. Древнетюркские памятники на Хануе // СА. № 4.

Воронин Н.Н., 1947. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян // КСИИМК. Вып. 16.

Володченко З.А., 1951. Перстень-печать XII в. // КСИИМК. Вып. 36.

Выжарова Ж.Н., 1987. Отопительные сооружения на территории Болгарии (VI–XIV) // *Studia nad etnogenezą słowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej*. Т. 1. Warszawa, Wrocław, Kraków.

Гальковский Н.М., 1913. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М. Т. 2.

Гальковский Н.М., 1916. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков. Т. 1.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1989. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси. Т. 2.

Гаркави А.Я., 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.

Гвоздиков Л.С., 1981. К типологии русского свадебного хлеба // Материальная культура и мифология. Л.

Гельмольд, 1963. Славянская хроника. М.

Гемуев И.Н., 1990. Святилище Халев-Ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.

Георгиев П., 1984. Изображение на четирилико славянско божество от Преслав // Археология. Кн. I. София.

Георгиев П., 1985. Дворцовата църква в Плиска и църковното строителство след покръстването. Векове. № 3.

Георгиев П., 1987. Церковное строительство в Болгарии во второй половине IX в. // Труды V МКА. Т. 3. Вып. 2а. М.

Германн И., 1980. История и культура северо-западных славян // Наука и человечество. М.

Геродот, 1972. История. Л.

Гильфердинг А., 1874. История балтийских славян. СПб.

Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.

Голубинский Е., 1876. Христианство в России до Владимира Святого // ЖМНП. Т. 187. № 9–10.

Голубинский Е., 1901. История русской церкви. Т. 1. М.

Гольмстен В.В., 1914. Лунницы Исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 г. М.

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.

Городцов В.А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берега р. Оки. М.

Городцов В.А., 1926. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. Вып. 1. М.

Грамоты XIV в. 1974. Киев.

Греков Б.Д., 1953. Движения смердов и городской бедноты в XI в. // Очерки истории СССР. Часть 1. М.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.

Гринцер П.А., 1974. Древнеиндийский эпос. М.

Грушевский М., 1898. Історія України – Русі. Т. 1. Львів.

Гуревич А.Я., 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

Гуревич А.Я., 1981. Проблемы средневековой народной культуры. М.

Гуревич А.Я., 1984. Категории средневековой культуры. М.

Гуревич Ф.Д., 1941. Збручский идол // МИА. № 6.

Гуревич Ф.Д., 1954. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. Вып. 54.

Гуревич Ф.Д., 1974. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей // Культура средневековой Руси. Л.

Гуревич Ф.Д., 1962. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л.

- Гуревич Ф.Д., 1980. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогочин // КСИА. Вып. 160.
- Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.
- Гурин М.Ф., 1990. Ранние поселения славян в Белорусском Полесье // VI МССА. Тезисы докладов советской делегации. М.
- Гуцин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.
- Даркевич В.П., 1960. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. № 4.
- Даркевич В.П., 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4.
- Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.
- Денисик Г.И., 1987. Толтры юго-запада СССР // Известия Всесоюзного географического общества. Вып. 5.
- Диакон Лев, 1988. История. М.
- Динцес Л.А., 1947. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // СЭ. № 2.
- Довженко В.И., 1952. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // КСИИМК. Вып. 48.
- Довженко В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воїнь. Київ.
- Довідник з археології України. Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області. 1984. Київ.
- Дончева-Петкова Л., 1985. Древнеруски кръстове-енколпиони от България // Археология. Кн. 1. София.
- Дубов И.В., 1987. Языческие культы населения Ярославского Поволжья IX–XIII вв. (по археологическим данным) // Генезис и развитие феодализма в России. Л.
- Дубов И.В., 1990. Новые источники по истории древней Руси. Л.
- Дуйчев И.С., 1976. К вопросу о языческих жертвоприношениях в древней Руси // Культурное наследие древней Руси. М.
- Дюмезиль Ж., 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1972. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа. Избранные гимны. М.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.
- Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С., 1985. Из жизни древних Коми. Сыктывкар.
- Жиромский Б.Б., 1958. Древнеродовое святилище Шолом // МИА. № 61.
- Жукус В.В., Клима Л.А., 1988. Астрономическая интерпретация исследований горы Бируте в Паланге // Историко-астрономические исследования. Вып. 20. М.
- Журавлев А.Ф., 1978. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. М.
- Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2.

Забашта Р.М., 1987. До питання еволюції й формальнообразної структури монументальної скульптури слов'ян-язичників // VII Подільська історико-краєзнавча конференція. Тези доповідей. Кам'янець-Подільськ.

Забелин М., 1880. Русский народ. Его обычаи, обряды, суеверия, поэзия. В 4 частях. М.

Зайкоўскі Э., 1990. Камяні шмат аб чим нам гавораць // Мастацтва Беларусі. Т. 1. Минск.

Зализняк А.А., Иванов В.В., Топоров В.Н., 1962. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М.

Замалеев А.Ф., Зац В.А., 1981. Мыслители Киевской Руси. Киев.

Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск.

Зеленин Д.К., 1916. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг. Вып. 1.

Зеленин Д.К., 1928. Древнерусская братчина, как обрядовый праздник сбора урожая // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.

Зеленин Д.К., 1931. Магические функции примитивных орудий // Известия АН СССР. Отделение биологических наук. № 6.

Зеленин Д.К., 1936. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. Л.

Зеленин Д.К., 1937. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. Л.

Зимин А.А., 1963. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 37.

Золотов Ю.М., 1981. Остатки древнего святилища на реке Кимирше // Балто-славянские исследования. М.

Золотов Ю.М., 1985. Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания) // СЛ. № 4.

Зоценко В.Н., 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Ибн Фадлан, 1939. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л.

Ивакин Г.Ю., 1979. Священный дуб языческих славян // СЭ. № 2.

Ивакин Г.Ю. Священный дуб Перуна // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Иванов В.В., 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* – «конь» (жертвоприношение коня и дерева в древней Индии) // Проблемы истории и языков, культуры народов Индии. М.

Иванов В.В., 1989. Ритуальное сожжение конского черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели // Славянский и балканский фольклор. М.

Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. Исследования в области славянских древностей. М.

Иванов В.В., Топоров В.Н., 1982. Славянская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Иванова Ю.В., 1983. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. 4: Исторические корни и развитие обычаев. М.

Іванченко Л.І., 1990. Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // Археологія. № 3.

Исаевич Я.Д., 1989. Галицко-Волынское княжество в конце XIII – начале XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1987 г. М.

- Історія міст і сіл УРСР. Тернопільська область. 1973. Київ.
- Кабо Б.Р., 1987. Первоначальные формы религии // Религия мира 1986. М.
- Казаков Е.П., 1984. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: зимние праздники. 1973. М.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. 1977. М.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. 1978. М.
- Каргер М.К., 1949. Киев и монгольское завоевание // СА. № 11.
- Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.; Л.
- Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.
- Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли // САИ. Вып. EI-36.
- Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры // САИ. Вып. EI-36.
- Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Доспех // САИ. Вып. EI-36. Вып. 3.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. EI-36.
- Кирпичников А.Н., 1975. Мечи из раскопок древнего Изяслава // КСИА. Вып. 144.
- Кирпичников А.Н., 1983. Языческое святилище у Пскова (по данным И.Д. Вундерера) // Древнерусское государство и славяне. Л.
- Кирпичников А.Н., 1988. Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси. М.
- Климка Л., 1989. Роль астрономии при формировании культуры древних балтов // Археология и история западных балтов. Клайпеда.
- Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Козак Д.Н., 1990. Сакральные памятники юго-восточной Европы в I тысячелетии н.э. // Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Козак Д.Н., Боровский Я.Е., 1990. Святилища восточных славян // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Козловська В., 1928. Сторінка з обсягу культів: священний дуб слов'ян-поган // Первісне громадянство на Україні. Науковий щорічник. Вып. 1. Київ.
- Козьма Пражский, 1962. Чешская хроника. М.
- Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. EI-55. М.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.
- Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. М.

- Комарович ВЛ., 1960. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Вып. 16. М.; Л.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. СПб.
- Кондаков Н.П., 1914. Иконография Богоматери. Т.1. СПб.
- Конецкий В.Я., 1985. О «каменных кругах» юго-западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Конецкий В.Я., 1989. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1985. Загадки Новгородской округи. Л.
- Константин Багрянородный, 1989. Об управлении государством. М.
- Корзухина Г.Ф., 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. Т. XIV.
- Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский вестник. Вып. 14.
- Коробушкина Т.Н., 1988. Население Белорусского Полесья в X–XII вв. // Труды ВМКАС. Т.2. Киев
- Коробушкина Т.Н., Саливон И.И., 1990. Сельское население среднего Побужья IX–XIII вв. (по материалам курганных могильников) // СА. № 3.
- Котигорошко В.Г., 1987. Жертовник III–IV вв. н.э. у села Солонцы // СА. № 2.
- Котляр Н.Ф., 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев.
- Котляревский А.А., 1868. О погребальных обычаях языческих славян. М.
- Котляревский А.А., 1893. Сочинения. Т. 3. М.
- Крайнов Д. А., 1988. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М.
- Кривошеев Ю.В., 1985. О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. // Генезис и развитие феодализма в России. Л.
- Куза А.В., 1966. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо // Культура древней Руси. М.
- Куза А.В., 1989. Малые города древней Руси. М.
- Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972. Языческое святилище в земле радимичей // СА. № 1.
- Кулаков В.И., 1980. Ритуальные комплексы в могильнике у Клинецовки // КСИА. Вып. 160.
- Кулаков В.И., 1989. Знамена дружин Балтийского региона // СА. № 4.
- Куницкий В.А., 1990. Близькосхідні енколпіони із території Південної Руси // Археологія. № 1.
- Куприй Н.М., 1989. Новые данные о половецких святилищах Северного Причерноморья / Проблеми історії та археології. Київ.
- Кухаренко Ю.В., 1857. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. Вып. 68.
- Кухаренко Ю.В., 1961. Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. EI-57. М.
- Кухаренко Ю.В., 1980. Брест-Тришин. М.
- Кучера М.П., 1962. Древній Пліснеськ // АП УРСР. Т. 12.

- Кучера М.П., 1975. Поселення волинян на околиці м. Луцька // Археологія. Вып. 15.
- Кучера М.П., Горишний П.А., 1983. Раскопки городища XII–XIII вв. у с. Старая Ушица // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.
- Кызласов И.Л., 1980. Аскизские курганы на горе Самохвал // Средневековые древности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л., 1982. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. № 2.
- Кызласов И.Л., 1987. Земледельческие жертвоприношения древнехакасской общины // Советская тюркология. № 1. М.
- Лабутина И.К., 1989а. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М.
- Лабутина И.К., 1989б. Новый памятник из раскопок в Пскове в 1982 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Лебедев А.Н., 1877. Сказание о построении града Ярославля. М.
- Лебедев А.Н., 1877. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль.
- Левашева В.П., 1968. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь. М.
- Левашева В.П., 1967. Височные кольца. Браслеты // Очерки по истории русской древности X–XIII вв. М.
- Леопардов Н., Чернев Н., 1890–1891. Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 1–4. Киев.
- Листова Н.М., 1983. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Т. 4: Исторические корни и развитие обряда. М.
- Лихачев Д.С., 1985. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.
- Лосев А.Ф., 1957. Античная мифология и ее историческое развитие. М.
- Лукинова Т.Б., 1990. Археологические реалии в свете данных палеолингвистики // VI МКСА. Тезисы. М.
- Лявданский А.Н., 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск.
- Лявданский А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. университета. Смоленск.
- Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 74.
- Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Мн.
- Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Макарий, 1901. История русской церкви. М.
- Макаров Н.А., 1981. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. № 4.
- Макаров Н.А., 1983. Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области // СА. № 3.
- Макаров Н.А., 1984. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. № 2.
- Макаров Н.А., 1987. Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // КСИА. Вып. 190.
- Макаров Н.А., 1990. Древнерусские амулеты-топорики // VI МКСА. Тезисы докладов советской делегации. М.

- Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1988. К изучению культовых камней // СА. № 3.
- Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали древней Руси. М.
- Макарова Т.И., 1978. Симметрия в растительном орнаменте древней Руси // Древняя Русь и славяне. М.
- Макарова Т.И., 1986. Черное дело древней Руси. М.
- Макарова Т.И., 1988. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянский памятник у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.
- Малевская М.В., 1969. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 120.
- Малеев Ю.М., 1975. Язычицьке капище на березі Роставиці // Вісник Київського університету. № 17. Серія історії. Київ.
- Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.
- Матузова В.И., 1987. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга в культурно-историческом контексте // Балто-славянские исследования. М.
- Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. EI–36. М.
- Медынцева А.А., 1961. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник МГУ. М.
- Мезенцева Г.Г., 1965. Канівське поселення полян. Київ.
- Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ.
- Мельник Е.Н., 1901. Раскопки в земле лучан // Труды XI АС. Т. 1. Киев.
- Мельникова Е.А., 1987. Христианизация Древней Руси и Скандинавии: типологические параллели и взаимосвязи // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Сборник тезисов. М.
- Мержинский А., 1895. Прусский жрец sicco // Труды VIII АС. Т. 2. М.
- Миллер В.Ф., 1976. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т.1. М.
- Мильков В.В., Пилюгина Н.Б., 1987. Христианство и язычество: проблема двоеверия // Введение христианства на Руси. М.
- Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. Л.
- Миронова В.Г., 1967. Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. № 1.
- Мирончиков Л.Т., 1967. К вопросу особенностей двоеверия и происхождения монашеского названия «старцы» и «старосты» // Белорусские древности. Мн.
- Мирончиков Л.Т., 1969. Дохристианское жречество древней Руси (старцы, старосты, волхвы) // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Минск.
- Мифы народов мира. Энциклопедия, 1980. Т. 1. М.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. 1982. Т. 2. М.
- Мишулин А.В., 1941. Материалы к истории древних славян // ВДИ. № 1.
- Молдован А.М., 1984. Слово о законе и благодати Илариона. Киев.

- Молодин В.И., 1990. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
- Молчановский Н., 1886. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Вып. 8. Киев.
- Монгайт А.Л., 1951. Археологические заметки // КСИИМК. Вып. 41.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 45. М.
- Морохин В.Н., 1971. Нижегородские предания и легенды. Горький.
- Москаленко А.Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.
- Москаленко А.Н., 1966. Святилище на реке Воргол // СА. № 2.
- Моця А.П., 1981. Скорченные захоронения древнерусских некрополей // Древности Среднего Поднепровья. Киев.
- Моця А.П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев.
- Моця А.П., 1990. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.
- Невелева С. Л., 1975. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М.
- Недошивина Н.Г., 1976. О религиозных представлениях вятичей XI–XIII вв. // Средневековая Русь. М.
- Недошивина Н.Г., 1960. К вопросу о связях радимичей и вятичей // Труды ГИМ. Вып. 37. М.
- Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.
- Никитина В.Б., 1971. Находки в Брестской области // АО 1970. М.
- Никитинский И.Ф., 1989. Грунтовые могильники в священных рощах-«кустах» на Кокиенге и Сухоне // КСИА. Вып. 195.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1-60. М.
- Никольская Р.А., 1959. Культ предков // Вопросы всеобщей истории. Минск.
- Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
- Никольский Н.М., 1929. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М.
- Новиченкова Н.Г., 1985. Раскопки античного святилища // АО 1983. М.
- Новое в археологии Киева. 1981. Киев.
- Новосельцев А.П., 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Новосельцев А.П. 1989. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // ВИ. № 9.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н., Петренко В.П., 1986. Об одном типе средневековых печей Поволжья // КСИА. Вып. 87.
- Носова Г.А., 1975. Язычество в православии. М.
- Овсянко-Куликовский Д.Н., 1962. Религия индусов в эпоху вед // Избранные труды русских индологов-филологов. М.

- Овсянников О.В., 1982. Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР за 1987 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, 12472.
- Овсянников О.В., Пескова А.А., 1982. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171.
- Павлів Д.Ю., 1989. Дослідження могильника лужицької культури поблизу с. Рованці на Волині // Проблеми історії та археології. Київ.
- Павлова К.В., 1974. Могильники у деревень Мольничі и Сулятичі // КСИА. Вып. 139.
- Падін В.А., 1985. «Большой курган» старого Трубчевска // СА. № 2.
- Памятники литературы Древней Руси XII в. 1980. М.
- Памятники литературы Древней Руси XIII в. 1981. М.
- Панова Т.Д. 1989. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. // СА. № 2.
- Пастернак Я., 1944. Старий Галич. Львів.
- Пастернак Я., 1961. Археологія України. Торонто.
- Паиуто В.Т., 1950. Очерки по истории Галицко-Воынской Руси. М.
- Паиуто В.Т., 1970. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Пекарська Л.В., Пуцко В.Г., 1989. Давньоруські енкалпіїни в збірці музею історії м. Київ // Археологія. № 3.
- Пескова Л.А., 1980. Древний Изяславль // КСИА. Вып. 164.
- Петегирич В.М., 1980. Из истории экономических и культурных связей Галицко-Воынской Руси в X–XIII вв. (по археологическим данным) // Славянские древности. Киев.
- Петрухин В.Я., 1975. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник МГУ. История. № 2.
- Петрухин В.Я., 1978. О картине мира у скандинавов-язычников // Скандинавский сборник. Вып. 17. Таллин.
- Петрухин В.Я., Чернецов А.В., 1991. Конференция «Древнерусское язычество и его традиции» // СА. № 1.
- Піскова Г.О., 1988. Скарби стародавнього Изяславля // Археологія. № 61.
- Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С.А., 1964. О построении кочевнического лагеря – вежи // СА. № 3.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
- Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. EI-19.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. E-2.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
- Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флеров В.С., 1979. Советско-Болгарско-Венгерская экспедиция // АО. 1978. М.
- Повесть временных лет. 1950. М.; Л.
- Покровская Л.В., 1983. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. 4: Исторические корни и развитие обычаев. М.
- Полубояринова М.Д., 1987. Керамика городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М.

- Попова Е.А., 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. № 4.
- Попович М.В., 1985. Мировоззрение древних славян. Киев.
- Порфиридов Н.Г., 1930. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Новгородский гос. музей. Материалы и исследования. Вып. 1. Новгород.
- Приходник О.М., 1975. Слов'яни на Поділлі (VI–VII). Київ.
- Прокопий из Кесарии. 1950. Война с готами. М.
- Пропп В.Я., 1963. Русские аграрные праздники. Л.
- Пропп В.Я., 1976. Фольклор и действительность. М.
- Пропп В.Я., 1986. Исторические корни волшебной сказки. Л.
- Прошин Г., 1988. Второе крещение // Как была крещена Русь. М.
- Пушик С., 1983. Довкола Збруцького ідола // Україна. № 43.
- Пушкина Т.А., 1984. Бронзовый идол из Черной могилы // Вестник МГУ. История. Серия 8. № 3.
- Пушкина Т.А., 1987. Височные кольца гнездовского комплекса // Труды V МКСА. Т. 3. Вып. 16. М.
- Пуцко В.Г., 1983. Русская путевая икона XI в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1981 г.
- Пуцко В.Г., 1985. Древнейшие типы киевских энколпионов // Доклады советской делегации на V МКСА. Киев.
- Пуцко В.Г., 1989. Створка креста-энколпиона из Грабцева // КСИА. Вып. 196.
- Рабинович М.Г., 1953. Древняя Москва // По следам древних культур. М.
- Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси. М.
- Радзієвський В., Бурма В., 1975. Медобори. Львів.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Рапов О.М., 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М.
- Раппопорт П.А., 1971. Данилов // КСИА. Вып. 125.
- Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Вып. EI-32. Л.
- Рассамакін Ю.Я., 1990. Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я // Археологія. № 1.
- Ратич О.О., 1957. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.
- Ратич О.О., 1976. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодалної роздробленості // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ.
- Рикман Э.А., 1983. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. 4: Исторические корни и развитие обычаев. М.
- Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г., 1971. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев.
- Ричков М.О., 1982. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. № 38.
- Рожко М.Ф., 1981. Крепость Тускань // КСИА. Вып. 164.

- Рожко М. Ф., 1982. Карпатські фортеці доби Київської Русі // Київська Русь: культура і традиції. Київ.
- Розенфельдт И. Г., 1974. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М.
- Романов Б. А., 1966. Люди и нравы древней Руси. М.; Л.
- Русанова И. П., 1966. Языческое святилище на р. Гнилопять // Культура древней Руси. М.
- Русанова И. П., 1967. Курганы IX–XII вв. у с. Буки Житомирской области // КСИА. Вып. 10.
- Русанова И. П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. EI-25. М.
- Русанова И. П., Тимощук Б. А., 1986. Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. № 4.
- Рыбаков Б. А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. // СА. № 6.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.; Л.
- Рыбаков Б. А., 1948а. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники) // СЭ. № 1.
- Рыбаков Б. А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11.
- Рыбаков Б. А., 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. Т. 2. М.; Л.
- Рыбаков Б. А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М.
- Рыбаков Б. А., 1953а. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XII вв. и южнорусских княжеств XII–XIII вв. // История русского искусства. Т. 1. М.
- Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. Вып. EI-44. М.
- Рыбаков Б. А., 1967. Русалии и бог Симаргл-Перепах // СА. № 2.
- Рыбаков Б. А., 1968. Святовит-Под // Liber Josefa Kostrzewskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Рыбаков Б. А., 1969. Київські колти і вілли-русалки // Слов'яноруські старожитності. Київ.
- Рыбаков Б. А., 1971. Русское прикладное искусство. М.
- Рыбаков Б. А., 1974. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. № 1.
- Рыбаков Б. А., 1975. Макрокосмы в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. № 3.
- Рыбаков Б. А., 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б. А., 1984. Мир истории. Начальные века русской истории. М.
- Рыбаков Б. А., 1987. Язычество древней Руси. М.
- Рябинин Е. А., 1974. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. Вып. 139.
- Рябинин Е. А., 1988. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. М.
- Свердлов М. Б., 1976. Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР. М.

- Свешніков І.К., 1987. Звенигород. Львів.
- Свешников И.К., 1990. Звенигород // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев.
- Свешников Т.Я., Цивьян Т.В., 1979. К функциям посуды в восточно-романском фольклоре // Этническая история восточных романцев. М.
- Свідерський Ю.Ю. 1983. Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ.
- Седов В.В., 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50.
- Седов В.В., 1954. Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53.
- Седов В.В., 1956. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. Вып. 65.
- Седов В.В., 1957. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. Вып. 68.
- Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.
- Седов В.В., 1962. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. Вып. 67.
- Седов В.В., 1971. Разведки в Псковской земле // АО 1970. М.
- Седов В.В., 1981. Первый международный симпозиум по славянскому язычеству // КСИА. Вып. 164.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
- Седов В.В., 1988. Распространение христианства в древней Руси (по археологическим материалам) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Седов В.В., 1988. Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии // СА. № 2.
- Седов В.В., Смирнов К.В., 1990. Советско-финляндский симпозиум по теме «Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье» // СА. № 1.
- Седов В.В., Чернецов А.В., 1981. Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения // Вестник АН СССР. № 12.
- Седова М.В., 1957. Амулет из древнего Новгорода // СА. № 4.
- Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. № 65.
- Седова М.В., 1966. Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси. М.
- Седова М.В., 1972. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского // КСИА. Вып. 129.
- Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. М.
- Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Сецинский Е., 1901. Археологическая карта Подольской губернии // Труды XI Археологического съезда. Т. 1.
- Смиленко А.Т., 1989. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII–X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.
- Смирнов В., 1927. Народные гадания Костромского края. Кострома.
- Смирнов К.А., 1958. Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. № 61.

- Смирнов К.А., 1977. Новые данные о почитании топора древними славянами // СА. № 3.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1963. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.
- Смирнова М.Е., 1989. Структура святилищ раннесредневековых пруссов // Археология и история западных балтов. Клайпеда.
- Снегирев И.М., 1937. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3, 4. М.
- Советская историография Киевской Руси. Язычество в древней Руси. 1978. Л.
- Соколова З.П., 1972. Культ животных в религиях. М.
- Соловьев А.И., 1990. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
- Соловйова В.М., 1952. Засувний замок древньоруського житла // Археологія. № 7.
- Сотникова М.П., 1974. Серебряный слиток из Изяславля-городища // Культура средневековой Руси. Л.
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. 1979. Л.
- Срезневский И.И., 1846а. Архитектура храмов языческих славян // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
- Срезневский И.И., 1846б. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков.
- Срезневский И.И., 1848. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб.
- Срезневский И.И., 1853. Збручский истукан Краковского музея // ЗРАО. Т. 5.
- Срезневский И.И., 1858. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. М.
- Снорри Стурлуссон, 1980. Круг земной. М.
- Сумцов Н.Ф., 1885. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков.
- Сумцов Н.Ф., 1890. Культурные переживания. Киев.
- Татищев В.Н., 1962. История Российская. Т. 1, 2. М.
- Тацит Корнелий, 1970. О происхождении германцев и местоположении Германии. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.
- Тейлор Э.Б., 1989. Первобытная культура. М.
- Тельнов Н.П., 1988. Исследования славянского селища Скок // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. Кишинев.
- Тельнов Н.П., 1989. Раскопки поселения Скок // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев.
- Терский-Шеломенцев В.С., 1968. Новые находки печатей из летописного Звенигорода // Нумизматика и сфрагистика. Т.3. Киев.
- Терский-Шеломенцев В.С., 1978. Исследования детинца Звенигорода Галицкого // СА. № 1.
- Тиваненко А.В., 1979. Древние культовые святилища – новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
- Тиваненко А.В., 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск.

- Тимофеев Е.И., 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. № 3.
- Тимощук Б.О., 1969. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород.
- Тимощук Б.О., 1976. Слов'яни Північної Буковини V–IX вв. Київ.
- Тимощук Б.О., 1982. Давньоруська Буковина. Київ.
- Тимощук Б.А., 1987. Социально-территориальная структура княжеской крепости X–XI вв. в Тереховле // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.
- Тимощук Б.А., 1989а. Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ // КСИА. Вып. 195.
- Тимощук Б.А., 1989б. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.
- Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI–X вв. М.
- Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. № 4.
- Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1988. Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси. М.
- Тит Ливий, 1989. История Рима от основания города. М.
- Титова Б.Н., 1982. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Тиханова М.А., 1963. Раскопки на поселении III–IV вв. у с. Лепесовка в 1957–1959 // СА. № 2.
- Тихомиров М.Н., 1955. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М.
- Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. М.
- Токарев С.А., 1957. Религиозные верования восточнославянских народов в XIX – начале XX вв. М.; Л.
- Токарев С.А., 1964. Ранние формы религии. М.
- Токарев С.А., 1967. Церковь и история России (IX–1917 г.). Краткие очерки. М.
- Токарев С.А., 1982. О культе гор и его месте в истории религии // СЭ. № 3.
- Токарев С.А., 1986. Религия в истории народов мира. М.
- Толочко П.П., 1981. Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев.
- Толочко П.П., 1983. Древний Киев. Киев.
- Толочко П.П., Боровський Я.Е., 1979. Язичницьке капище в «городі» Володимира // Археологія Києва. Київ.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П., 1897–1899. Русские древности в памятниках искусства. Вып. V–VII. СПб.
- Толстой И.И., 1966. Неудачное врачевание // Статьи о фольклоре. М., Л.
- Толстой Н.И., 1987. Роль язычества в славянской культурной традиции // Изучение культур славянских народов. М.
- Толстой Н.И., 1989. Методы ретроспекции и типологии // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.

- Толстой Н.И., Толстая С.М., 1981. Заметки по славянскому язычеству // Русский фольклор. Т. 221. М.
- Толстой Н.И., Толстая С.М., 1981а. Заметки по славянскому язычеству. Защита от града и др. // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М.
- Томенчук Б.П., 1985. Древнерусский могильник на Среднем Днестре // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 26. Л.
- Топоров В.Н., 1969. К реконструкции индоевропейских ритуалов и ритуально-поэтических формул // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту.
- Топоров В.Н., 1987. Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования. М.
- Третьяков П.Н., 1948. Восточнославянские черты в быту Придунайской Болгарии // СЭ. № 2.
- Третьяков П.Н., 1958. Городища-святилища левобережной Смоленщины // СА. № 4.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Турилов А.А., Чернецов А.В., 1986. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. № 1.
- Уртанс Ю.В., 1987. Культовые камни с углублениями в Латвии // КСИА. Вып. 190.
- Успенская А.В., 1953. Курганы южной Белоруссии X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 22. М.
- Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни. М.
- Фамицын А.С., 1884. Божества древних славян. СПб.
- Федоров Г.Б., 1953. Городище Екиматуцы // КСИИМК. Вып. 50.
- Федоров Г.Б., 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии) // СА. № 3.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1962. Тигашевское городище // МИА. № 111.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.
- Фехнер М.В., 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.
- Филимонова Т.Д., 1983. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М.
- Формозов А.А., 1965. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни «следовики» // СЭ. № 5.
- Формозов А.А., 1966. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
- Фрезер Д., 1986. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.
- Фроянов И.Я., 1983. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Л.
- Фроянов И.Я., 1984. О событиях 1227–1230 гг. в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л.
- Фроянов И.Я., 1985. Народные волнения в Новгороде 70-х годов XI в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л.

- Фроянов И.Я., 1986. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в. // *Русский север*. Л.
- Фроянов И.Я., 1987. Об историческом значении «крещения Руси» // *Генезис и развитие феодализма в России*. Л.
- Фроянов И.Я., 1988. Исторические условия крещения Руси. Л.
- Хавлюк П.І., 1989. Про ідеологічні уявлення слов'ян VIII–IX ст. // *Проблеми історії та археології*. Київ.
- Ханенко Б.И., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Т. 1. Киев.
- Ханенко Б.И., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Т. 2. Киев.
- Хвойко В.В., 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.
- Херман И., 1986. Ободриты, лютиты, руяне // *Славяне и скандинавы*. М.
- Хлобыстин Л.П., 1984. Отчет о работе Югорского отряда Архангельской экспедиции // *Архив Института археологии АН СССР*. Р-1, 10143.
- Хлобыстин Л.П., 1985. Отчет о работе Югорского отряда Архангельской экспедиции // *Архив Института археологии АН СССР*. Р-1, 10694.
- Хокинс Дж., 1977. Кроме Стоунхенджа. М.
- Хрестоматия по истории средних веков. 1961. Т. 1. М.
- Хынку И.Г., 1975. Жилища на территории Молдавии в X–XVII вв. / *Древнее жилище народов Восточной Европы*. М.
- Цауне А.В., 1981. Рижские антропоморфные деревянные навершия XII–XIII вв. // *Известия АН Латв. ССР*. № 6.
- Цауне А.В., 1983. Культовые камни на территории Латвии // *Археология Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов*. Псков.
- Цауне А.В., 1990. Язычество древней Риги // VI МКСА. М.
- Цезарь Юлий, 1948. Галльская война. М.
- Чайлд Г., 1949. Прогресс и археология. М.
- Чайка Р.М., 1989. Знахідки ювелірних речей Київської Русі на Волині // *Проблеми історії та археології*. Київ.
- Чариков А.А., 1976. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // *СА*. № 4.
- Черепнин Л.В., 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.
- Чернецов А.В., 1985. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»*. Тезисы докладов. Чернигов.
- Чернецов А.В., 1986. Древнерусские знаки небесных светил // *КСИА*. Вып. 187.
- Чечеров В.И., 1957. Зимний период русского народного календаря XIV–XIX вв. // *Труды Института этнографии АН СССР*. Т. 40.
- Чистов К.В., 1990. К классификации обрядов жизненного цикла // *Язычество восточных славян*. Л.
- Швецов М.Л., 1979. Половецкие святилища // *СА*. № 1.
- Шейн П.В., 1890. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 1. Часть 2. СПб.

- Шейн П.В., 1898. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. СПб.
- Шендрик Н.І., 1958. Наконечники стріл з Княжої гори // Праці Київського державного історичного музею. Вип. 1. Київ.
- Шенников А.А., 1990. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Л.
- Шило Б.П., 1972. Культ предков и заместители умерших // Вестник Ленинградского университета. № 8.
- Широкова Н.С., 1984. Кельтские друиды. Л.
- Широкова Н.С., 1989. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л.
- Шляпкин И.А., 1906. Древнерусские кресты. СПб.
- Шмидт Е.А., 1976. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
- Шмидт Е.А., 1983. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
- Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Штыхов Г.В., 1964. Интересная находка // Искусство. № 4.
- Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
- Щавелева Н.И., 1976. Послание епископа Краковского Матвея Бернаруду Клервоскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Щапов Я.Н., 1972. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, 1903. СПб.
- Этнография восточных славян. 1987 // Очерки традиционной культуры. М.
- Якубовський В.І., 1975. Давньоруський скарб з Гродища Хмельницької області // Археологія. № 16.
- Янин В.Л., 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. Вип. 62.
- Янин В.Л., 1957. К вопросу о дате лопастичьего креста // КСИИМК. Вип. 68.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XIII вв. М.
- Янин В.Л., 1965. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Яроцкий Я.В., 1903. Могильники по среднему течению р. Уборть // АЛЮР. Т. 3–4.
- Юра Р.О., 1962. Древний Колодаяжин // АП УРСР. Т. 12.
- Aladžov Z.T., 1985. Die Religion der heidnischen Protobulgaren in Lichte einiger archäologischer Denkmäler // Praehistorische Zeitschrift. Band 60, Heft 1.
- Aleksandrov G., 1981. Montana. Sofia.
- Baruch M., 1907. Boze stopki. Warszawa.
- Behm-Blancke G., 1957. Germanische Mooropferplätze in Thüringen // AuF. 2.
- Behm-Blancke G., 1958. Moor- und Seeheiligtum in Nordwestthüringen // AuF. 3.
- Behm-Blancke G., 1960. Laténezeitliche Opferfunde aus dem germanischen Moor- und Seeheiligtum von Oberdorla, Kr. Mülhausen // AuF. 5.
- Behm-Blancke G., 1965. Das germanische Tierknochenopfer und sien Ursprung // AuF. 10.

- Behm-Blancke G., 1978. Kult und Ideologie // Die Germanen. B.1. Berlin.
- Bender W., 1980. Komplex csadniczy w miejscowości Wólka Łasiecka na tle osadnictwa dorzecza Bzury // Archeologia Polski. 25, H.2.
- Berlekamp H., 1970. Arkona – Putgarten, Kreis Rügen. Slawische Burganlage und Tempelplatz // II Internationaler Kongress für slawische Archäologie. Berlin.
- Berlekamp H., 1973. Die Ausgrabungen auf Arkona 1969–1970 // Berichte über den II Internationalen Kongress für Archäologie. Band 3. Berlin.
- Berlekamp H., 1974. Die Funde aus den Grabungen im Burgwall von Arkona auf Rügen in den Jahren 1969–1971 // ZfA. 8, H. 2.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1955. Śląski Olimp // Szkice z dziejów Śląska. Warszawa.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1957. Wykopiska na górze Kościuszka w 1956 r. // Archeologia Śląska, 1. Wrocław.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1958. Śląza i jej okolica w 10-lecie polskich badań archeologicznych // Śląza, 1. Wrocław.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1959. Kamenne kregi kultowe na Raduni i Ślązy // Archeologia Polski. T. 3, Z. 1.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1968. Badania nad wierzeniami religijnymi w starożytności i wczesnym średniowieczu na terenie Śląska // Religia pogańskich słowian. Kielce.
- Cehak-Hotubowiczowa H., 1979. Dzieje Ślezy na podstawie analizy ceramiki z wykopów na szczycie // Śladami dawnych wierzeń. Wrocław.
- Chropovsky B., 1978. Pohrebisko z 9.–10. storočia v Nitre pod Zaborom // SIA. 26, 1.
- Coldstream J.N., 1977. Geometric Greece. New York.
- Cynkałowski A., 1961. Materiały do pradziejów Wołyń i Polesia Wołyńskiego. Warszawa.
- Dąbrowska I., 1986. Jugosłowiańsko-polskie badania wykopaliskowe na stanowisku «Gaik» w Radzikowie // 36opник поcвeтeн на Бoшкo Бaбик. Прилeп.
- Dimitrov D., Marinow G., 1974. Rannobălgarski masov grob pri grad Devnja // Izvestija Varna. 10 (25).
- Die Slawen in Deutschland. 1970. Berlin.
- Dostal B., 1968. Slovanské kultovní místo na Pohansku u Břeclavi // Vlastivědní vestník moravský. Brno.
- Dostal B., 1975. Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno.
- Dyggve E., 1959. Der slawische Viermastenbau auf Rügen // Germania, 37, H. 1/4.
- Eisner J., 1966. Rukovět slovanské archeologie. Praha.
- Escher F., 1981. Slawische Kultplätze und christlich Wallfahrtsorte // Germania Slavica, Band 2. Berlin.
- Filipowiak W., 1957. Słowiańskie miejsce kultowe w Trzebiatowie, pow. Grzefice // Materiały Zachodnio-Pomorskie, T. 3.
- Filipowiak W., 1974. Die Entwicklung der Stadt Wolin vom 9. bis zum 12. Jahrhundert // Vor- und Frühfermen der europäischen Stadt im Mittelalter. Band 11. Göttingen.
- Filipowiak W., 1979. Wolińska kęcina // Z otchłani wieków, 45, 2.
- Filipowiak W., 1982. Der Götzen-Tempel von Wolin, Kult und Magie // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte, 2. Berlin.
- Gassowski J., 1950–1951. Wczesnohistoryczne cmentarzysko skieletowe w Radomiu // WA. 17.

Gąssowski J., 1960. Ślady ośrodka kultowego na Łysej Górze // *Acta Archaeologica Carpathica*. 1, z. 2.

Gąssowski J., 1968. Ośrodek kultu pogańskiego na Łysej Górze // *Religia pogańskich słowian*. Kielce.

Gąssowski J., 1971. Religia pogańskich słowian i jej przeżytki we wczesnym chrześcijaństwie // *Archeologia Polski*. 16, 1/2.

Gąssowscy E., J., 1970. Łysa Góra we wczesnym średniowieczu. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.

Gąssowska E., 1975. Uwagi o chronologii i funkcji Łysej Góry // *Rocznik muzeum Świętokrzyskiego*. Kielce.

Gąssowska E., 1979. Sanktuarium pogańskie w Dobrzeszowie // *Z otchłani wieków*. 45, 2.

Gediga B., 1970. Początki i rozwój wczesnośredniowiecznego ośrodka miejskiego na Ostrówku w Opolu / *Slavia Antiqua*. 16.

Gediga B., 1987. Ślady przeżywania przedchrześcijańskiej obrzędowości we wczesnym średniowieczu // *Тр. V МКСА. Т. III, 2а. М.*

Geisler H., 1960. Eine spätslawische Kulturschicht auf dem Marienberg in Brandenburg // *AuF*. 5.

Geisler H., 1962. Archäologische Beobachtungen auf dem Marienberg in Brandenburg // *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam*. 1.

Gierlach B., 1975. *Studia nad archeologią średniowiecznego Mazowsza*. Warszawa.

Grebe K., 1968. Die Ergebnisse der Ausgrabungen in Brandenburg // *Germanen-Slawen-Deutsche*. Berlin.

Grebe K., 1973. Die Ergebnisse der Grabung Brandenburg // *Berichte über den II Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Band 3*. Berlin.

Grebe K., 1983. Brandenburg, die Heveller und der Lutizenaufstand // *Altertum*. Band 29, 1. Berlin.

Grebe K., Vogt H., 1971. Untersuchungen auf der Dominsel zu Brandenburg // *AuF*. 16.

Grimm P., 1958. Die vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin.

Gringmuth-Dallmer E., Hollnagel A., 1971. Jungslawische Siedlung mit Kultfiguren auf der Fischerinsel bei Neubrandenburg // *ZfA*. 5.

Gronau N., 1938. Kuststätten bei ostpreussischen Gräberfeld // *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Jahrgang 14*, 3.

Hackmann A., 1913. Opferfund der Völkerwanderungszeit in Finland // *Opuscula Archaeologica Oscari Montlio septuagenario dicata*. Stockholm.

Hagberg U., 1967. *The Archaeology of Skedemosse*. Stockholm.

Henschen F., 1966. *Der menschliche Schädel in der Kulturgeschichte*. Berlin.

Hensel W., 1964. *Polska przed tysiącem lat*. Wrocław, Warszawa, Kraków.

Hensel W., 1965. *Die Slawen im frühen Mittelalter*. Berlin.

Hensel W., 1970. O magicznej funkcji wczesnośredniowiecznych kablączków skroniowych // *Slavia Antiqua*. T. 16.

Hensel W., 1974. *U źródeł Polski średniowiecznej*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.

- Hensel W., 1978. Wczesnośredniowieczna figurka czterotwarzowego bóstwa z Wolina // *SIA*. 26,1.
- Herrmann J., 1960. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwalle Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam. Berlin.
- Herrmann J., 1967. Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Burgenbau der slawischen Stämme westlich der Oder // *ZfA*. 1.
- Herrmann J., 1967. Geistige und kultisch-religiöse Vorstellungen der Nordwestslawen und ihre Widerspiegelung in den archäologischen Quellen // *Das heidnische und christliche Slawentum*. Berlin.
- Herrmann J., 1969. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Höhenburgen // *Slavia Antiqua*. 16.
- Herrmann J., 1971. Einige Bemerkungen zu Tempelstätten und nordwestslawischen Gedit // *Archeologia Polski*. 16, 1–2.
- Herrmann J., 1974. Arkona auf Rügen. Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen von 9. bis 12. Jahrhunderts. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1969–1971 // *ZfA*. 8,2.
- Herrmann J., 1978a. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischen Templ der frühen Mittelalters // *SIA*. 26.
- Herrmann J., 1978b. Ralswiek auf Rügen – ein Handelsplatz des 9. Jahrhundert und die Fernhandelsbeziehungen im Ostseegebiet // *ZfA*. 12.
- Herrmann J., Lange E., 1982. Die Pferde von Arkona. Zur Frage der Pferdehaltung und Pferdezucht bei den slawischen Stämmen zwischen Elbe und Oder // *Beitrage zur Ur- und Frühgeschichte*. 2. Dresden.
- Hilczarówna Z., 1956. Chronologia ostrog z X do XIII wieku // *WA*. T. 23, 2.
- Hilczarówna Z., 1967. Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Hüttel H.G., 1981. Religiosarchäologische Kategorien // *Allgemeine und Vergleichende Archäologie als Forschungsgegenstand*. München.
- Jankuhn H., 1957. Denkmaler der Vorzeit zwischen Nord- und Ostsee. Schleswig.
- Jankuhn H., 1967. Archäologische Beobachtung zu Tier- und Menschenopfern bei Germanen in der römischen Kaiserzeit // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaft in Göttingen*. 1. Göttingen.
- Janoch H., 1974. Wyniki prac badawczych przeprowadzonych w latach 1961, 1962 na Górze Chelmskiej koło Koszalina // *Materiały Zachodniopomorskie*. 20.
- Janusz B., 1918. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwów.
- Jażdżewski K., 1936. «Baba kamienna» w Trzebiegoszcu w pow. Lipnowskim // *Z otchłani wieków*. 11.
- Karwacińska J., 1956. Drzwi gnieźnieńskie a rozwój legendy o świętym Wojciechu // *Drzwi Gnieźnieńskie*. T. I. Wrocław.
- Kávánova B., 1985. Velké kúlove nadzemne stavby z doby hradištni z Mikulčic // *Pamiatky archeologické*. 76, 2.
- Kirkor A.H., 1876. Pokucie pod względem archeologicznym. Kraków.
- Kivikoski E., 1955. Suomen varhaisin kristillisyyden muinaistieteellisen aineiston valos-
sa // *Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia*. 56.
- Klanica Z., 1985. Mikulčice – klášterisko // *Pamiatky archeologické*. 76, 2.

- Korošec J., 1948. Slovansko svetišč na Ptujskem gradu. Ljubljana.
- Kotlarczyk J., 1987. Triumfalny stup słonecznego boga // *Z otchłani wieków*. 1.
- Kotlarczyk J., 1988. Słonecznego boga – miejsca kultu // *Z otchłani wieków*. 2–4.
- Kováňová B., 1985. Velké kultové nadzemní stavby z doby hradištní z Mikulčic // *Památky archeologické*. 76–2. Praha.
- Kowalczyk M., 1968. Wierzenia pogańskie za pierwszych Piastów. Łódź.
- Krämer W., 1966. Prähistorische Brandopferplätze // *Helvetia Antiqua*. Zürich.
- Krämer W., 1966. Ein frühkaiserzeitlicher Brandopferplatz auf dem Auerberg im bayarischen Alpenvorland // *Jahrbuch der Römisch-Germanische zentral Museums*. 13. Mainz.
- Kuczyński J., Pyzik Z., 1968. Ośrodek kultu pogańskiego na Górze Grodowej w Tumlinie, pow. Kielce // *Religia pogańskich słowian*. Kielce.
- Łapinski A., 1984. Światowid czy model świata? // *Z otchłani wieków*. 2.
- Leciejewicz L., 1989. Słowianie sachodni. Warszawa, Wrocław.
- Lelevel J., 1857. Cześć balchowalczą słowjani Polski. Poznań.
- Leńczyk G., 1964. Światowid Zbruczański // *Materiały archeologiczne*. 5.
- Leńczyk G., 1965. A jednak autentyczny i słowiański // *Z otchłani wieków*. 1.
- Łepówna B., 1981. Materialne przejawy wierzeń ludności Gdanska w X–XIII w. // *Pomerania Antiqua*. 10.
- Łosiński W., 1972. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu górnej Parsęty (VII–X/XI w.). Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Łosiński W., 1982. Osadnictwo plemienne Pomorza VI–X w. Warszawa.
- Łosiński W., Olczak J., Suchoński K., 1971. Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa Koszalińskiego. 4. Poznań.
- Łowmiański H., 1986. Religia pogańskich słowian a jej upadek. Warszawa.
- Maier R., 1970. Brandopferplätze um Schondau in Oberbayern // *Germania*. 47.
- Maier R., 1977. Urgeschichtliche Opferreste aus einer Felsspalte und einer Schachthöhle der Fränkischen // *Germania*. 55.
- Makiewicz T., 1970. Grób psa // *Z otchłani wieków*. 2.
- Makiewicz T., Prinka A., 1980. Teoretyczne możliwości identyfikacji miejsc sakralnych // *Przegląd archeologiczny*. 28.
- Maleczyński K., 1952. Zagadnienie góry Sobótki // *Materiały wczesnośredniowieczne*. 2.
- Manker E., 1957. Lapparnas Heliga ställen // *Acta Lapponika*. 13. Uppsala.
- Menke M., 1970. Brandopferplatz auf der Kastelliernekropole von Pula, Istrien // *Germania*. 48.
- Moszczyński A., Szymański W., 1988. Ryt Perunowy w Wyszogrodzie // *Z otchłani wieków*. 2–4.
- Müller H.H., 1974. Die Tierreste aus der slawischen Burganlage von Arkona auf der Insel Rügen // *ZfA*. 8–2.
- Müller-Karpe H., 1981. Allgemeine und vergleichende Religionsarchäologie // *Allgemeine und Vergleichende Archäologie als Forschungsgegenstand*. München.
- Musianowicz K., 1949. Kabłączki skroniowe. Proba typologii i chronologii // *Światowit*. 20.
- Musianowicz K., 1955. Przyczynki do osadnictwa mazowieckiego na Podlascu w XII–XIII w. // *Światowit*. 21.

- Musianowicz K., 1962. Materiały i problematyka lokalnych grup wczesnośredniowiecznej ceramiki Podlasia. Światówit. 24.
- Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. 6.
- Nadolski A., 1955. Prace wykopaliskowe na grodziskulęczyckim // Studia wczesnośredniowieczne. 3.
- Newęłowski A., 1981. Elementy religii // Prahistoria ziem Polskich. Y. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Palm T., 1937. Wendische Kultstätten. Lund.
- Pieta H., Moravčík J., 1980. Spätlatenezeitlicher Opferplatz in Prosné // SIA. 28, 2.
- Pieta K., Piacha V., 1989. Getreide und Brotfunde aus der Völkerwanderungszeit in Devin // SIA. 37, 1.
- Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w państwowym Muzeum archeologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. 5.
- Rosen-Pzreworska J., 1964. Tradycje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Rosen-Rzreworska J., 1981. Celtycka geneza niektórych wątków wierzeniowych i ikonograficznych u słowian zachodnich // Słowiańszczyzna Połabska między Niemcami a Polską.
- Rosen-Pzreworska J., Szafranski W., 1981. W sprawie policefalizmu bóstw nadbaltyckich // Słowiańszczyzna Połabska między Niemcami a Polską.
- Rubová A., Soudský B., 1962. Libenice, keltská svatyně ve středních Čechách. Praha.
- Schott L., 1982. Schadelbestattungen und Schädelkult im Lichte archäologischer Zeugnisse // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. 2. Berlin.
- Schmidt B., 1961. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle.
- Schránil J., 1928. Vorgeschichte Böhmens und Mährens. Berlin, Leipzig.
- Schuchardt C., 1926. Arkona-Rethra-Vineta. Berlin.
- Schuldt E., 1962. Slawische Burgen in Mecklenburg. Schwerin.
- Schuldt E., 1976. Der Altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin.
- Schuldt E., 1978. Burg und Siedlung von Gross Raden // ZfA. 12, 2.
- Schuldt E., 1979. Die Holzbauten des 9/10 Jahrhunderts der slawischen Siedlung Gross Raden // Altertum. 25,3.
- Schuldt E., 1985. Gross Raden. Berlin.
- Serning J., 1956. Lapska offerplatsfund från jänälder och medltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm. 1.
- Sklenár K., 1977. Slepé ulické archeologie. Praha.
- Sokołowska J., 1928. Wczesnośredniowieczne posagi kamienne odkryte na ziemiach Polski // Światówit. 12.
- Stański A., 1957. Lubowo, pow. Szczecinek // Z otchłani wieków. 4.
- Stenberger M., 1969. Christliche Einflüsse im archäologischen Material der Wikingerzeit in Schweden // Kirche und Gesellschaft im Ostseeraum und im Norden vor der Mitte des 13. Jahrhunderts Visby // Acta Visbyensia. 3.
- Szafranski W., 1959. Wczesnośredniowieczny pogański obiekt kultowy w Płocku // Sprawozdania z prac naukowych Wydziału Nauk Spolecznych. 2-3, 4.
- Szafranski W., 1972. Castrum i Castellum Płockie w świetle wykopalisk // Rocznik Muzeum Mazowieckiego w Płocku.

- Szymański W., 1967. *Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza*. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Teodor D., 1984. *Continuitatea populației autohtone la est de Carpați*. Iași.
- Turek R., 1956. *Mohyly českých charvatů // Slavia Antiqua*. 5.
- Urbańczyk T., 1947. *Religia pogańskich słowian*. Kraków.
- Váňa Z., 1973. *Přemyslovský libušin*. Praha.
- Váňa Z., 1983. *Die Welt der alten Slawen*. Praha.
- Vendtová V., 1966. *Studne z doby veľkomoravskej v Pobedime // SIA*. 14–2.
- Warnke D., 1983. *Tempel und Götterbilder bei den Lutizen // Das Altertum*. 29, 1.
- Welt der Slawen*. 1986. Leipzig, Jena, Berlin.
- Zurowski K., 1962. *Gniezno – stołeczny gród pierwszych Piastów w świetle źródeł archeologicznych // Początki Państwa polskiego*. Poznań.

Список сокращений

- АЛЮР – Археологическая летопись Южной России
АО – Археологические открытия
АП УРСР – Археологічні пам'ятки
АС – Археологический Съезд
АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЗВОРАО – Записки восточного отделения Русского археологического общества.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКА – Международный конгресс археологов
МКАС – Международный конгресс археологов-славистов
МКСА – Международный конгресс славянской археологии
НПЛ – Новгородская первая летопись
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТОДРЛ – Труды Общества древней русской литературы
AuF – Ausgrabungen und Funde. Berlin.
SIA – Slovenská archeologia. Bratislava.
WA – Wiadomości archeologiczne. Warszawa.
ZfA – Zeitschrift für Archäologie. Berlin.

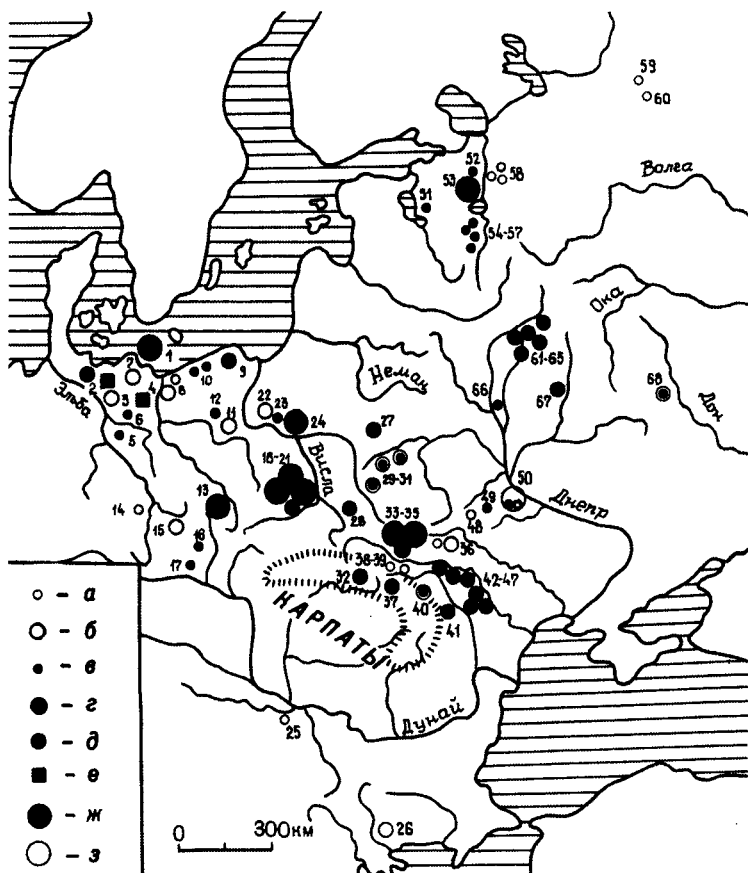

Рис. 1. Распространение культовых мест и святилищ: а – жертвенные ямы; б – культовые площадки; в – площадки-капища; г – малые городища-святилища; д – городища-убежища с культовыми объектами; е – храмы; ж – большие городища-святилища; з – культовые центры, известные по письменным источникам. 1 – Аркона; 2 – Гросс Раден; 3 – Бранденбург; 4 – Фельдберг; 5 – Зааринген; 6 – Бродовин; 7 – Фишеринзель; 8 – Волин; 9 – Пустары; 10 – Тжебятув; 11 – Гнезно; 12 – Яздово; 13 – Шлонжа; 14 – Прага; 15 – Куржим; 16 – Микульчицы; 17 – Поганьско; 18 – Гродова гора в Тумлине; 19 – Добжешув; 20 – Лысая Гора; 21 – Дембно; 22 – Плоцк; 23 – Вышеград; 24 – Радзиково; 25 – Костол; 26 – Горановцы; 27 – Верховляны; 28 – Илиев; 29 – Головно; 30 – Бабка; 31 – Хотомель; 32 – Бубнице; 33 – Богит; 34 – Звенигород; 35 – Говда; 36 – Городок; 37 – Рудники; 38 – Василев; 39 – Ошихлибы; 40 – Ревно; 41 – Горбово; 42 – Ржавинцы; 43 – Зеленая Липа; 44 – Рухотин; 45 – Нагоряны; 46 – Бабин; 47 – Кулишевка; 48 – Корчак; 49 – Шумск; 50 – Киев; 51 – Псков; 52 – Хутынь; 53 – Перынь; 54 – Коломо; 55 – Солоницко; 56 – Сущево; 57 – Подгошь; 58 – Новгород; 59 – Горки; 60 – Погосице; 61 – Кушлянишина; 62 – Шапырево; 63 – Асташково; 64 – Красногорье; 65 – Рудлово; 66 – Ходосовичи; 67 – Благовещенская Гора под Вижем; 68 – Воргол

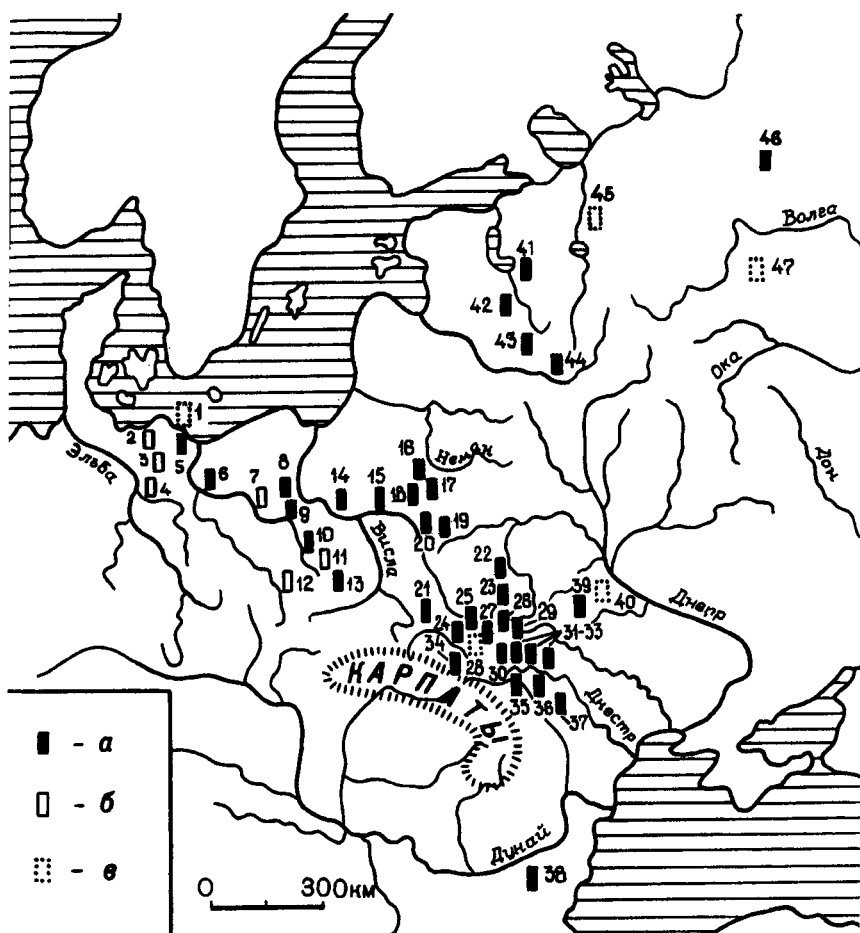

Рис. 2. Находки идолов: а – каменные идолы; б – деревянные идолы; в – идолы, известные по описаниям. 1 – Аркона; 2 – Берен-Любхен; 3 – Фишеринзель; 4 – Альтфризак; 5 – Альтенкирхен; 6 – Глисна; 7 – Янково; 8 – Витов; 9 – Кола; 10 – Сережский повет; 11 – Домбрувка; 12 – Ополе; 13 – Лысая Гора; 14 – Маришево; 15 – Яздово; 16 – Волковыск; 17 – Слоним; 18 – Чапли; 19 – Залузье; 20 – Грабовцы; 21 – Ганачевка; 22 – Будераж; 23 – Горынка; 24 – Блышанка; 25 – Колодывка; 26 – Звенигород; 27 – Лычковцы (Збручский идол); 28 – Гусятин; 29 – Креминно; 30 – Юрковцы; 31 – Иванковцы; 32 – Калюс; 33 – Ставчаны; 34 – Вешки; 35 – Ржавинцы; 36 – Яровка; 37 – Непоротово; 38 – Гарван; 39 – Ягнятин; 40 – Киев; 41 – Псков; 42 – Жабино; 43 – Идрицкий район; 44 – Каменец; 45 – Новгород; 46 – р. Шескна; 47 – Ростов

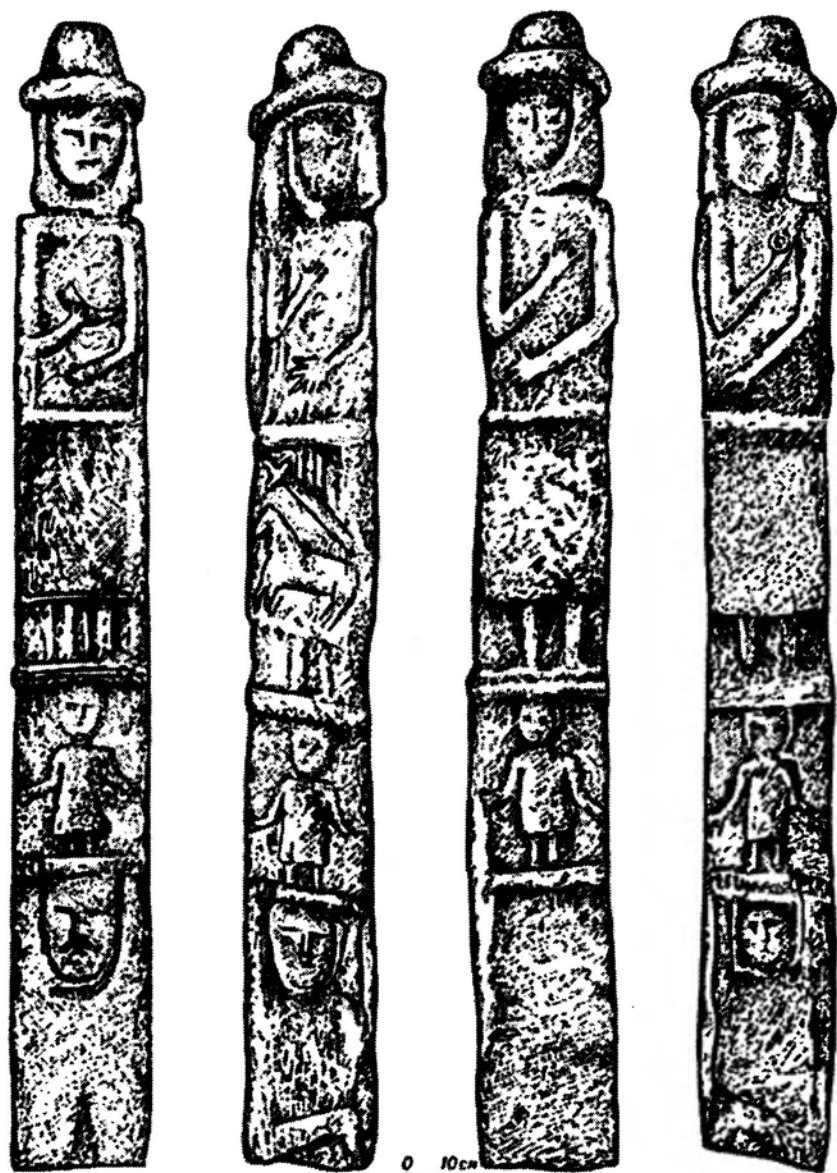

Рис. 3. Збручский идол (четыре грани)

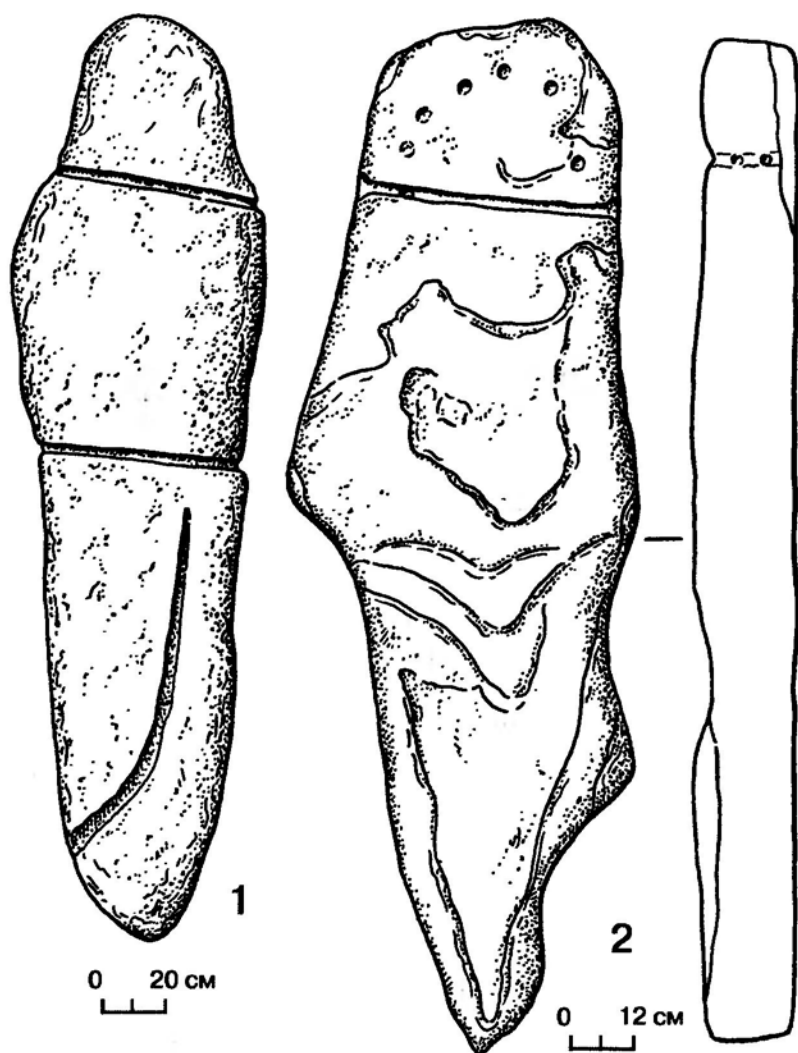

Рис. 4. Каменные идолы: 1 – Ганачевка; 2 – Звенигород

1

2

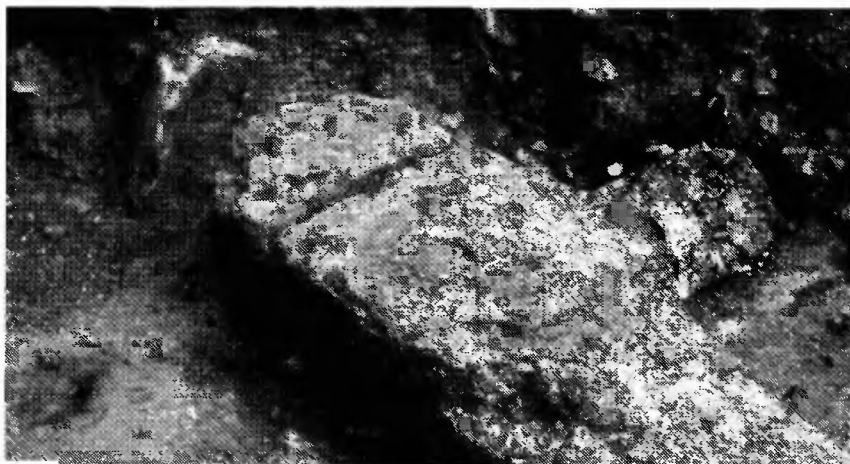

Рис. 5. Каменные идолы: 1 – идол, стоящий на скалах в урочище Острый камень около городища Урич; 2 – идол из сооружения 14 на городище Звенигород

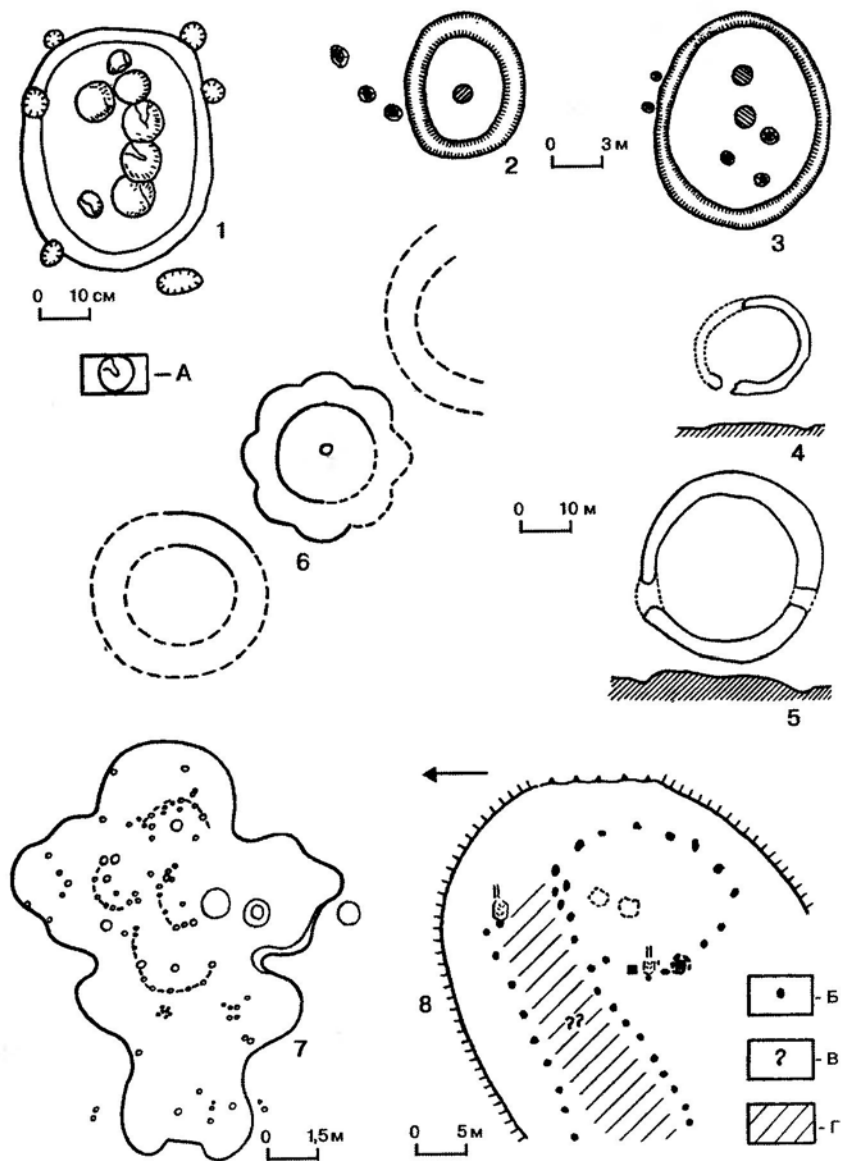

Рис. 6. Жертвенная яма (1) и культовые площадки-капища: 1 - Корчак IX; 2, 3 - Тшебятув; 4 - Зааринген; 6 - Перынь; 7 - Шумск; 8 - Вышегород. А - глиняные хлебцы; Б - камни; В - серпы; Г - каменная вымостка

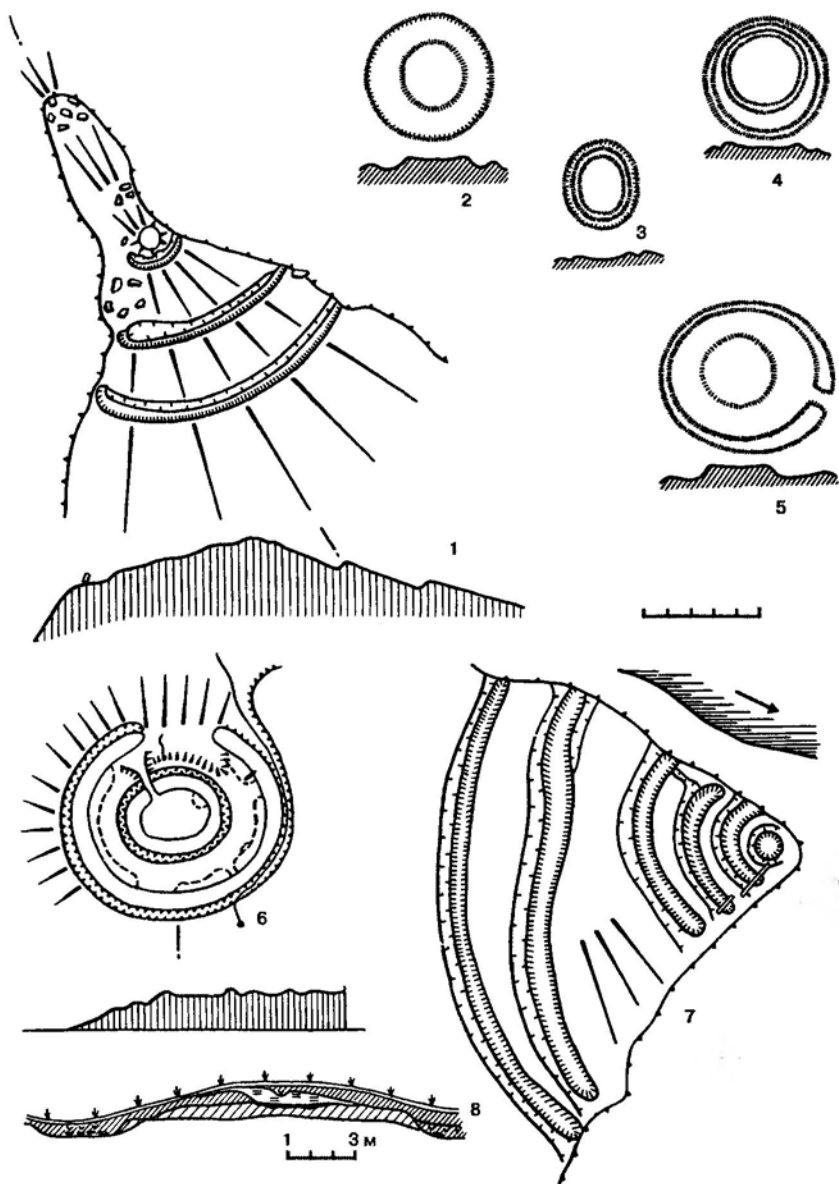

Рис. 7. Малые городища-святилища: 1 – Бабин; 2 – Петровское; 3 – Шанырево; 4 – Кушлянищина; 5 – Красногорье; 6 – Ржавинцы; 7 – Кулишевка; 8 – разрез вала и рва в Кулишевке

1

2

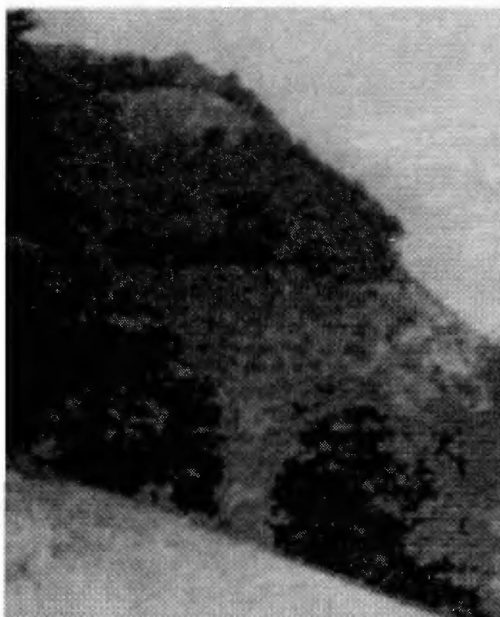
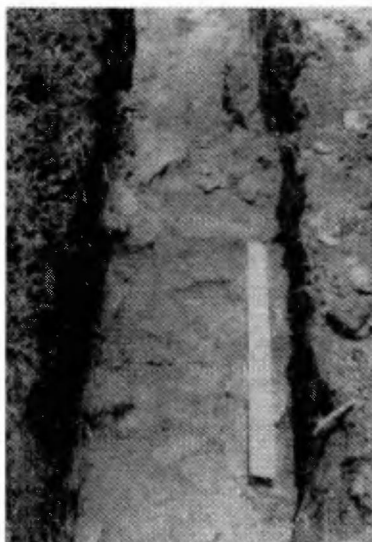

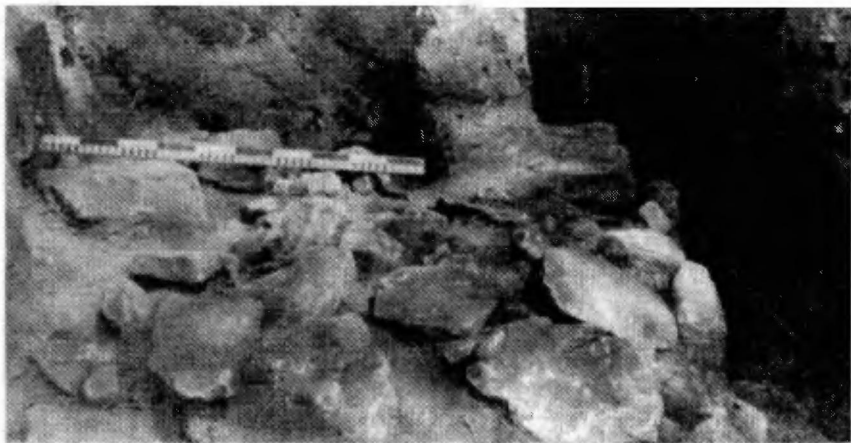
Рис. 8. Городище Кулишевка на Днестре: 1 – общий вид городища; 2 – центральная площадка городища

1

2

3

Рис. 9. Детали малых городищ-святилищ: 1 – каменная вымостка на дне рва городища Кулишевка; 2 – колодец, выбитый в скале на городище Бубнище; 3 – площадка, вымощенная камнями на валу городища Ржавинцы

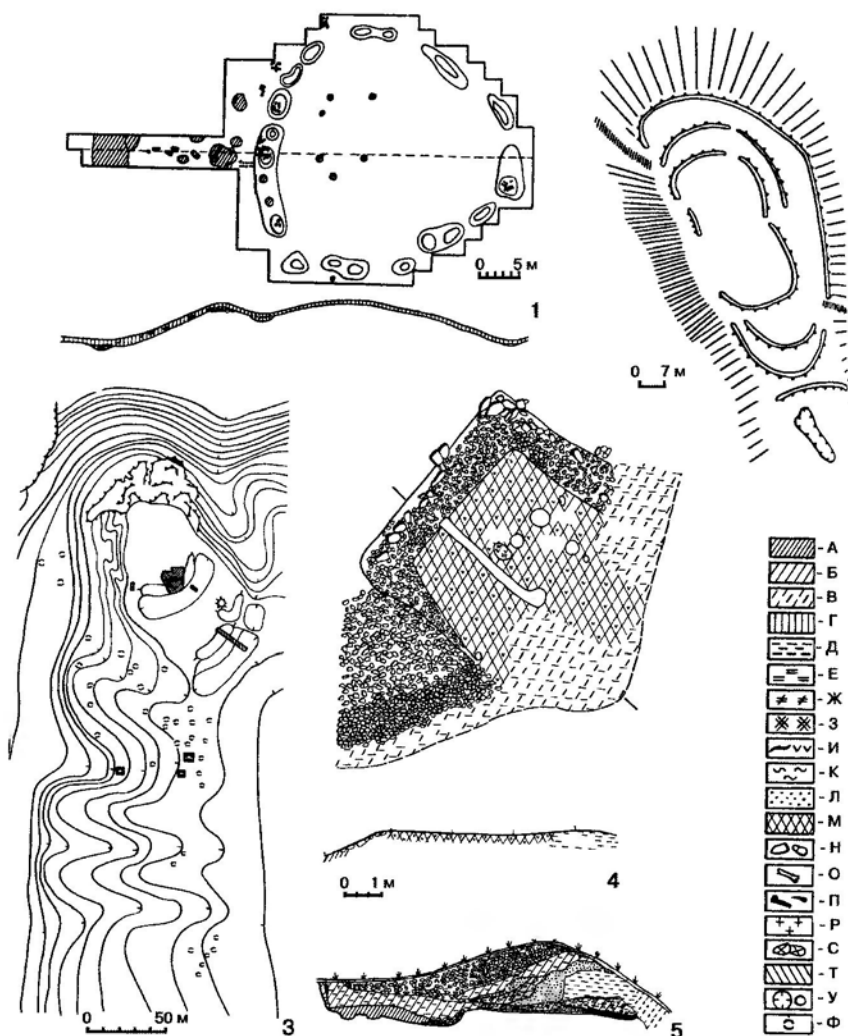

Рис. 10. Городище-убежище Бабка (1); городище-убежище Добжешуво (2); городище Илийев и примыкающее к нему селище (3); капище у вала на городище Илийев (4); разрез вала и внутреннего рва на городище Илийев (5): А - черная земля; Б - серая земля; В - смешанная земля; Г - коричневый слой; Д - глина; Е - обожженная глина; Ж - глиняная обмазка; З - щебенка; И - уголь; К - зола; Л - песок; М - каменная насыпь; Н - камни; О - кости животных; П - кости человека; Р - пережеванные кости; С - развал сосудов; Т - раскопанные участки; У - ямы; Ф - западины построек

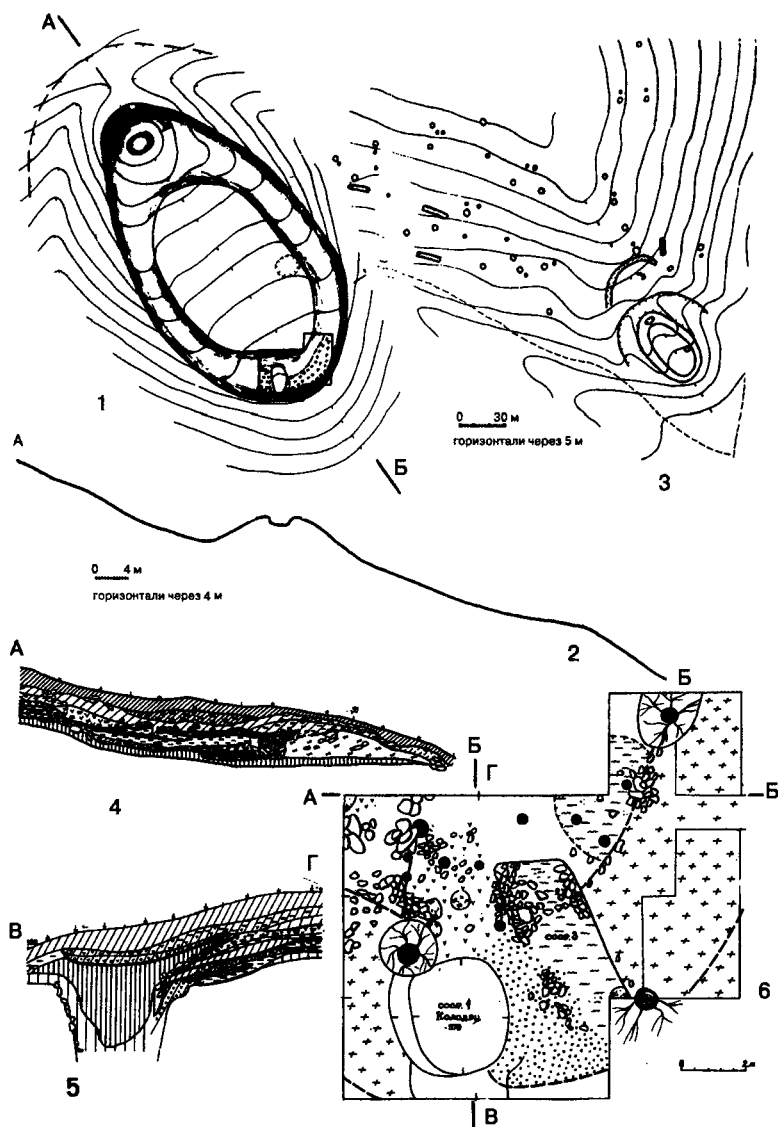

Рис. 11. Городище Говда: 1 – план городища; 2 – разрез городища по длинной оси; 3 – план городища и примыкающего к нему селища с западинами от углубленных построек и площадками от наземных домов; 4, 5 – профили внутреннего рва и колодца; 6 – раскопанный участок городища на глубине 2-2,4 м. Условные обозначения см. на рис. 10

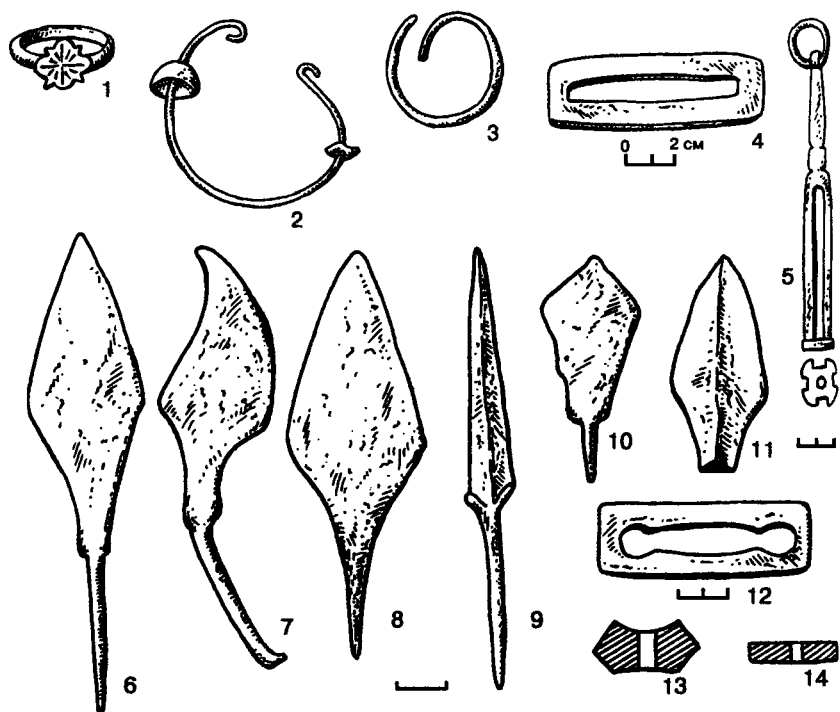

Рис. 12. Украшения, наконечники стрел, кресала, ключ, пряслица: 1 – Илиев, 2–4 – жертвенная площадка на Бабиной долине; 5 – поселение Стадна; 6–14 – городище Говда

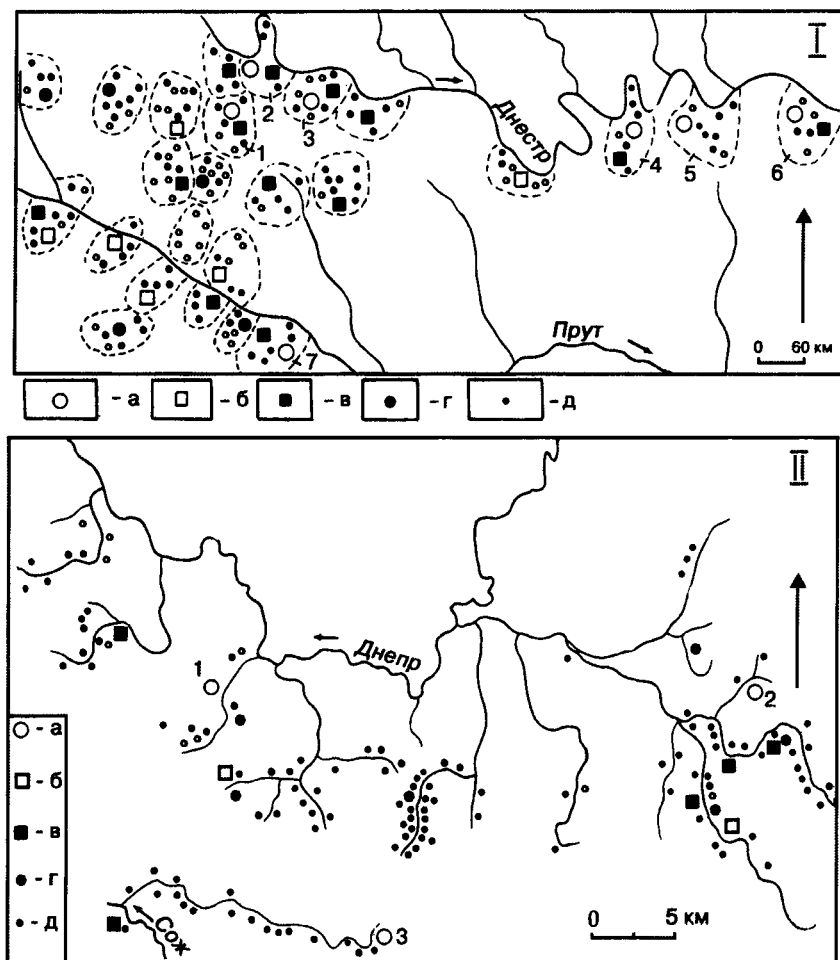

Рис. 13. Заселенность территории: I. Гнезда поселений на территории Северной Буковины (по Б.А. Тимошук): а – городища-святилища; б – городища-убежища; в – городища жилые (административно-хозяйственные); г – селища – общинные центры. 1 – Ржавинцы; 2 – Зеленая Липа; 3 – Рухотин; 4 – Нагоряны; 5 – Бабин; 6 – Кулишевка; 7 – Горбово; II. Гнезда поселений на Смоленщине (по В.В. Седову): а – городища-святилища; б – городища-убежища; в – феодальные усадьбы; г – погосты; д – селища. 1 – Шапырево; 2 – Рудлово; 3 – Красногорье

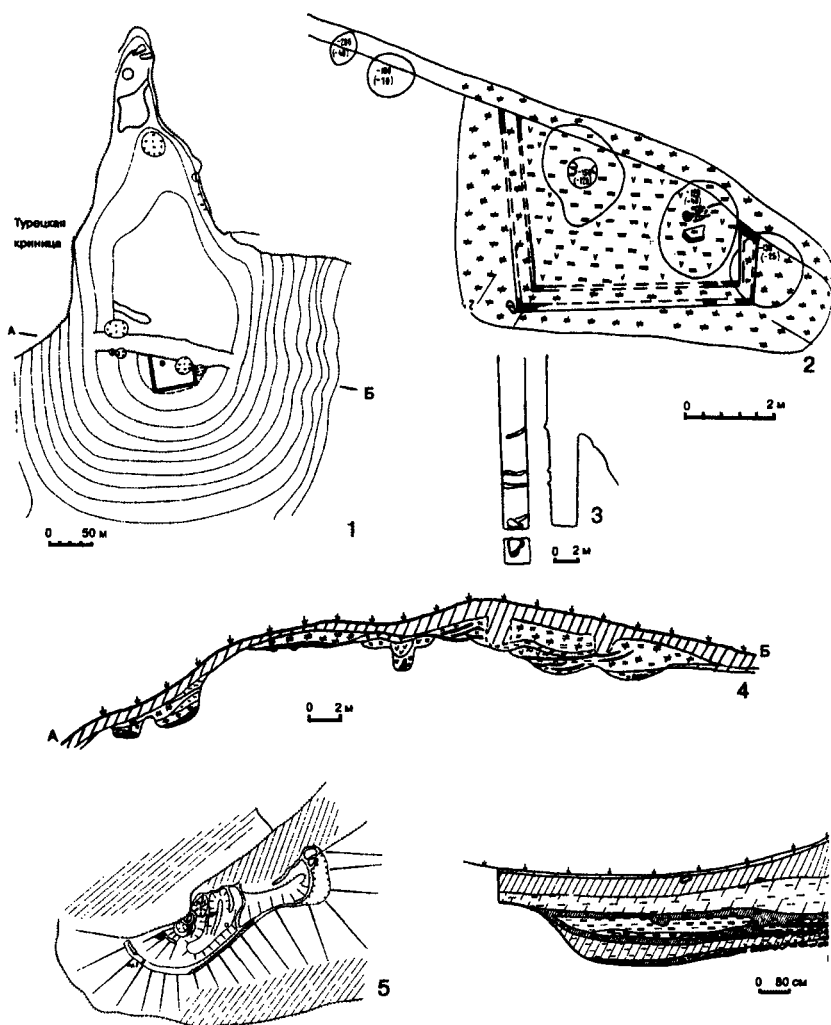

Рис. 14. Святителица Зеленая Липа (1-4) и Рудняки (5, 6): 1 – план святителица Зеленая Липа; 2 – остатки храма в Зеленой Липе; 3 – колодец, выбитый в скале на Зеленой Липе; 4 – разрез святителица в Зеленой Липе; 5 – городище-святителица Рудняки; 6 – профиль рва на городище Рудняки. Условные обозначения см. на рис. 10

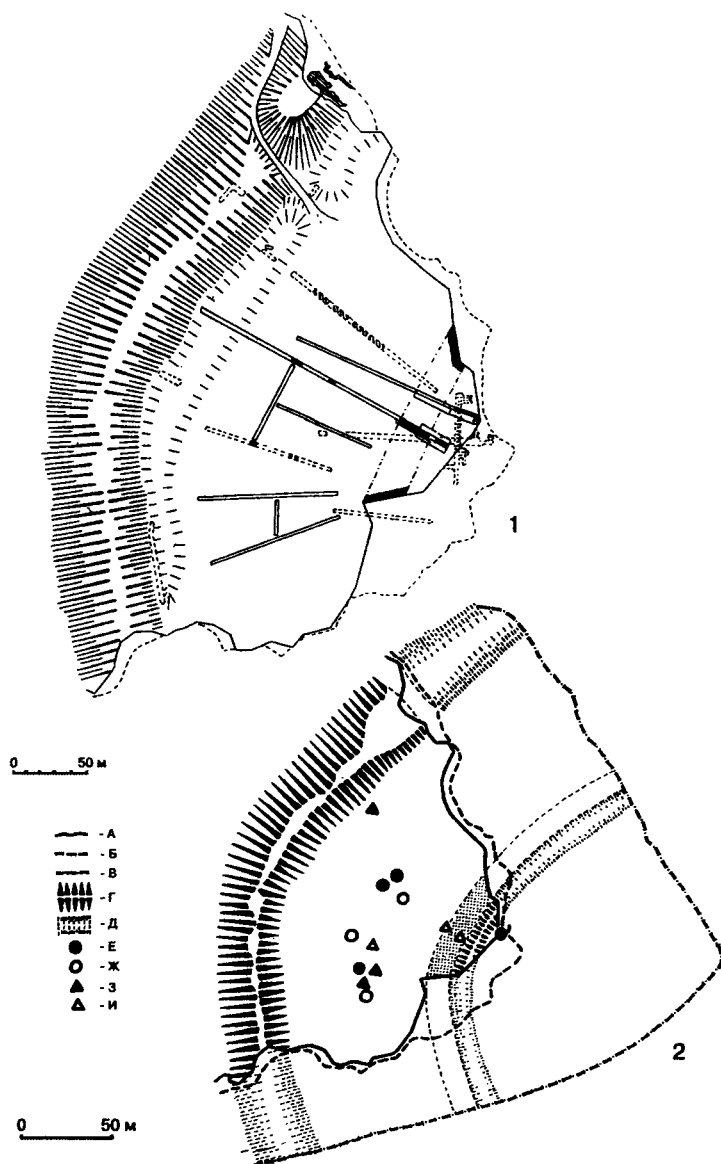

Рис. 15. Городище-святилище Аркона: 1 – раскопные траншеи, проведенные на городище в разные годы; 2 – скопление находок на городище. А – край берега в 1969 г.; Б – край берега в 1920 г.; В – предположительный край берега в X в.; Г – вал; Д – уничтоженный вал; Е – комплексы вещей IX-X вв.; Ж – комплексы вещей XI-XII вв.; З – отдельные находки IX-X вв.; И – отдельные находки XI-XII вв.

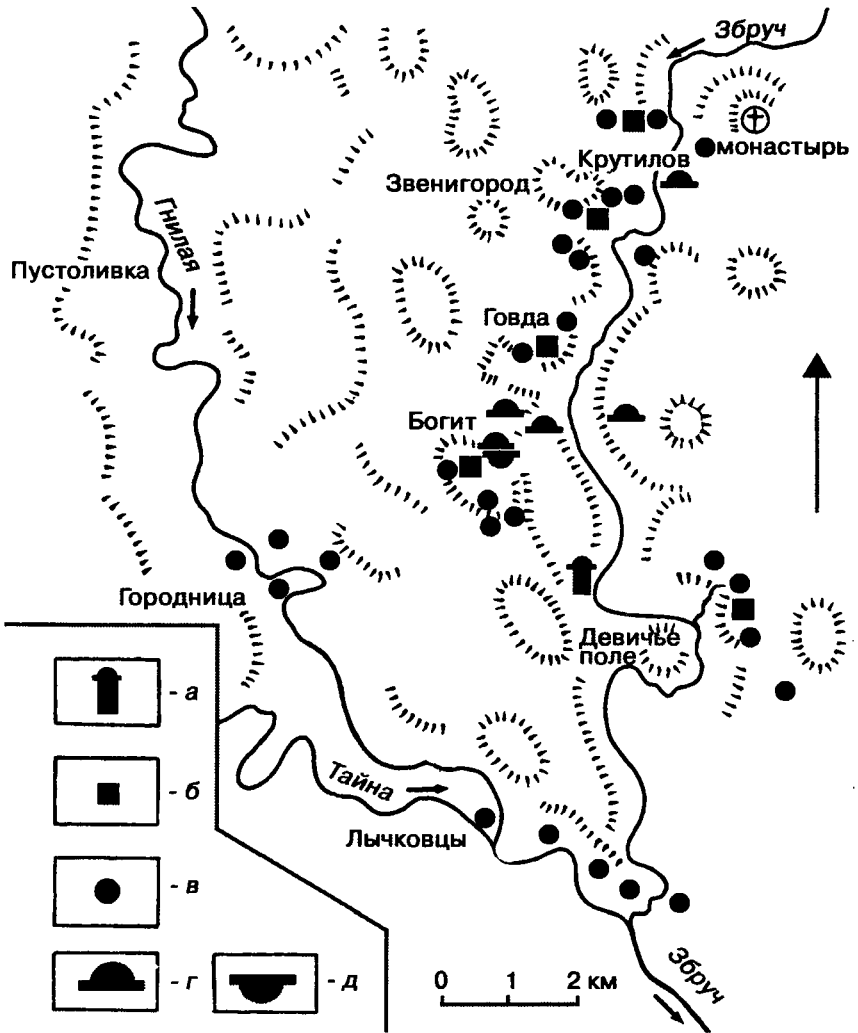

Рис. 16. Древнерусские памятники в районе находки Збручского идола: а – предполагаемое место находки идола; б – городища; в – селища; г – курганы; д – грунтовые могильники

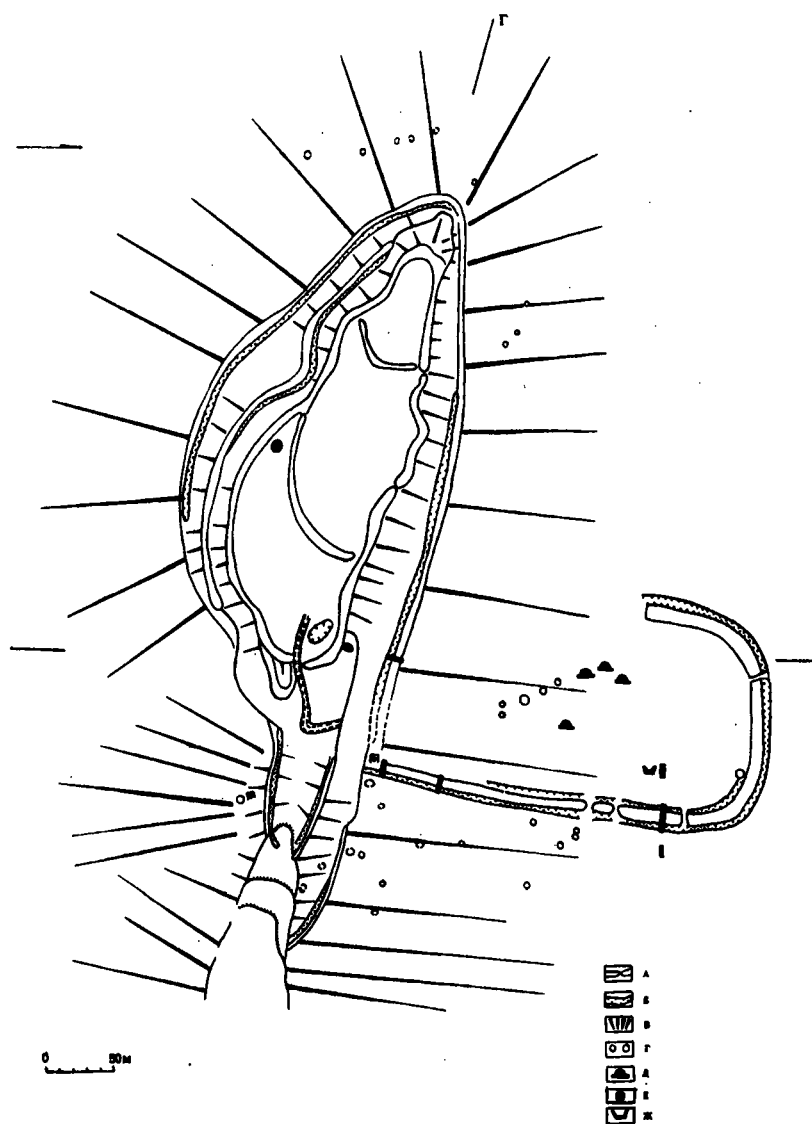

Рис. 17. План городища Богит: А - вал; Б - ров; В - склоны; Г - западины построек; Д - курганы; Е - колодец; Ж - грунтовый могильник

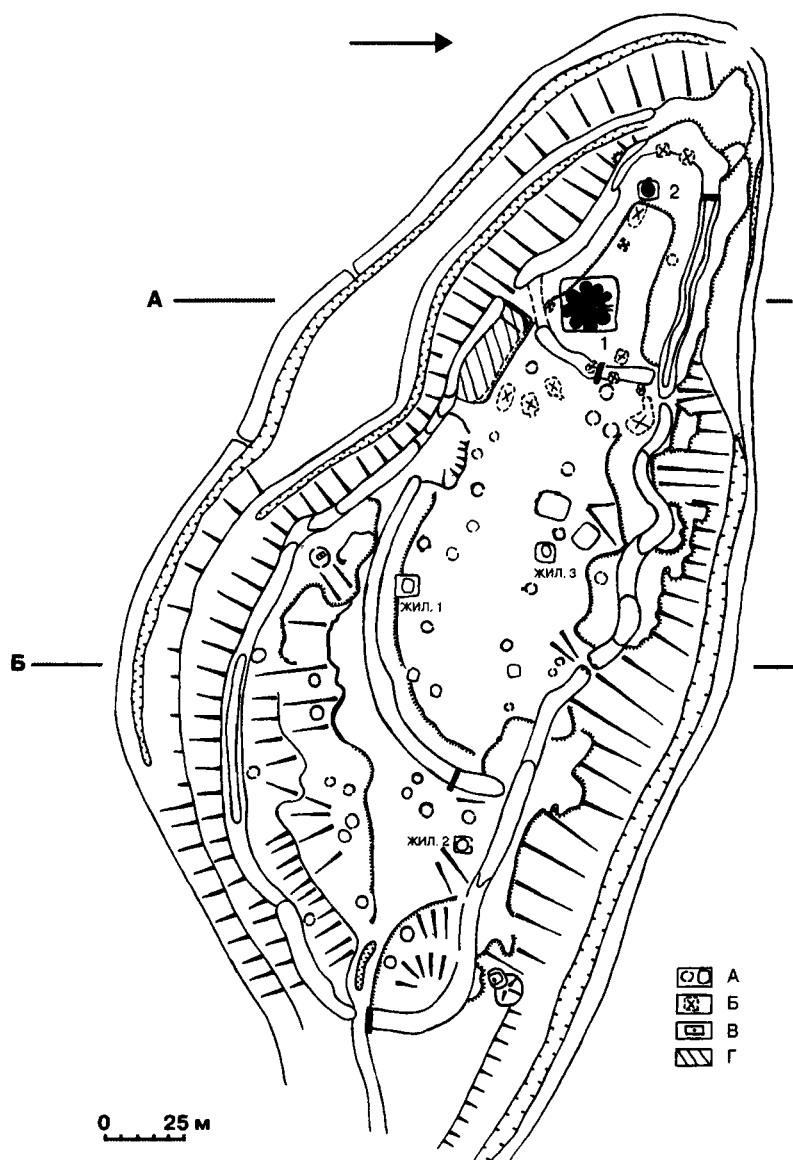

Рис. 18. Городище-святилище Богит: А — западины; Б — позднейшие ямы; В — колодцы; Г — длинный дом; 1 — капище; 2 — жертвенник

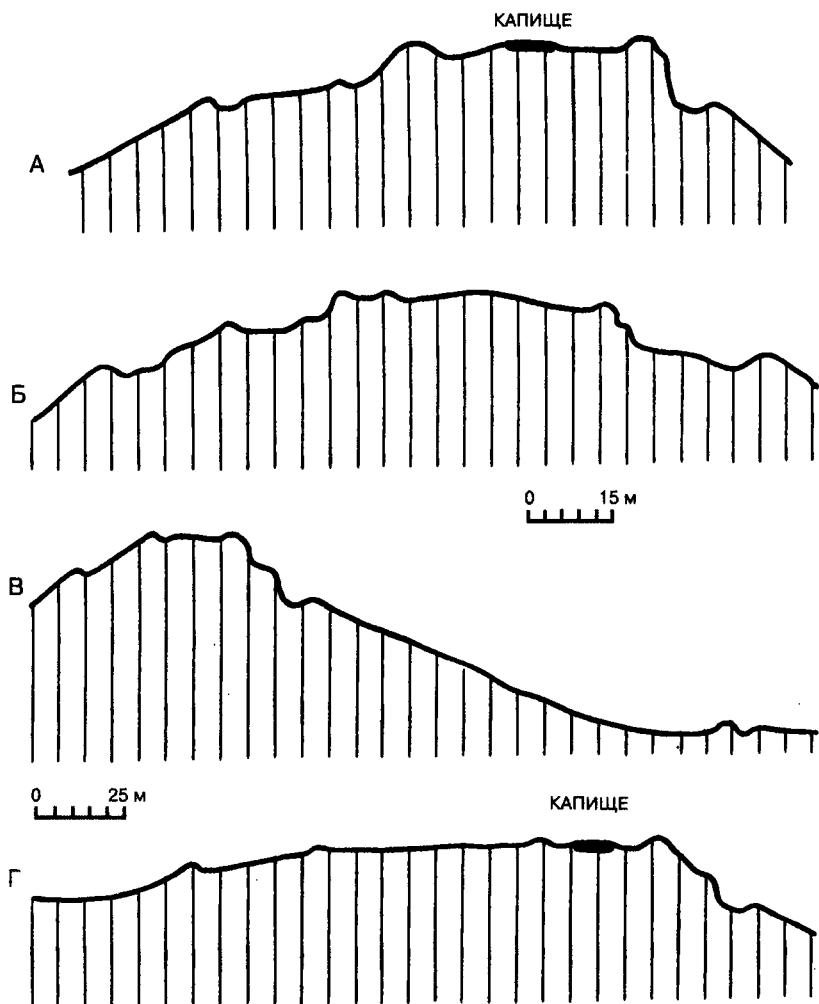

Рис. 19. Разрезы городища Богит (А, Б – к рис. 18; В, Г – к рис. 17)

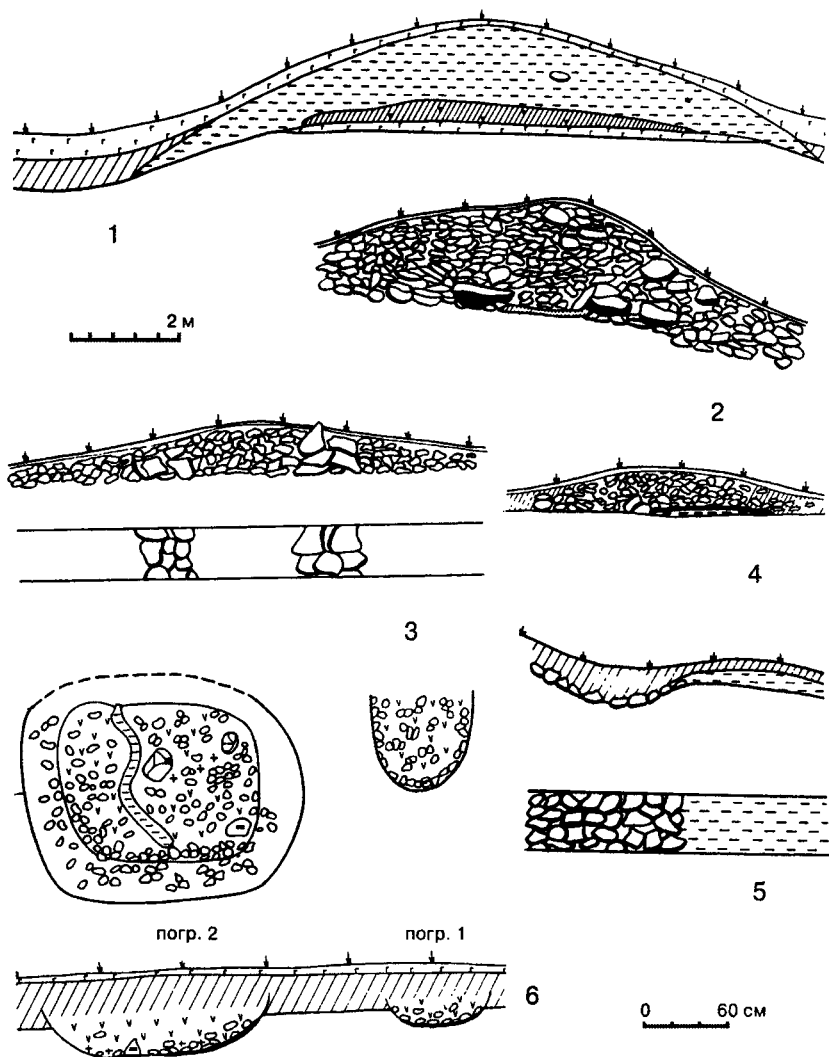

Рис. 20. Городище-святилище Богит. Профили валов: 1 – земляного вала; 2 – вала 1; 3 – вала 2; 4 – вала 3; 5 – культовый ров; 6 – план и профиль погребений 1 и 2. Условные обозначения см. на рис. 10

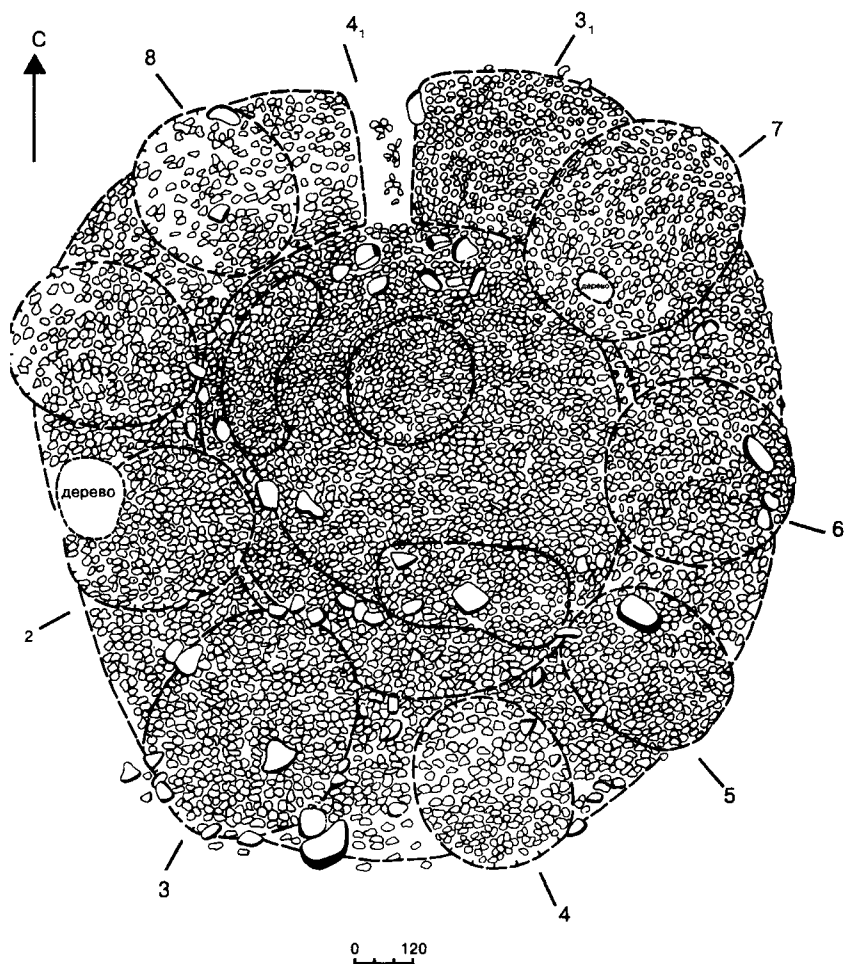

Рис. 21. Городище Богит: каменная кладка на капище

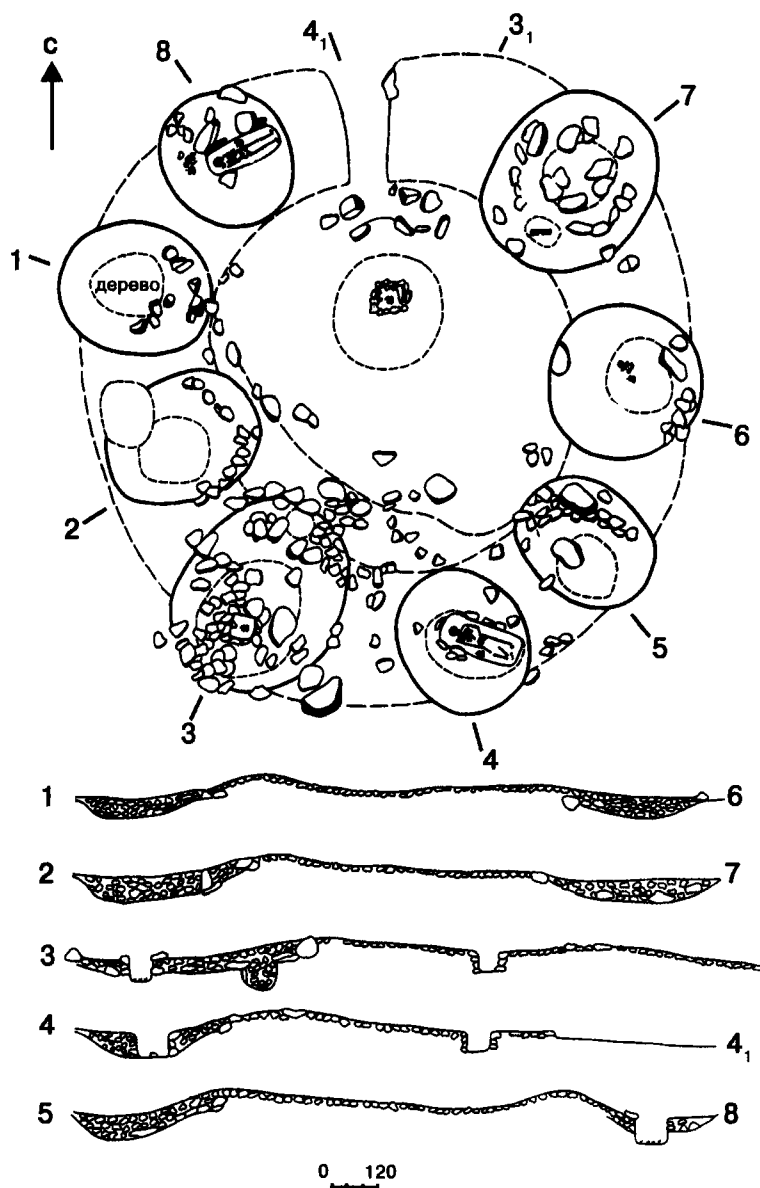

Рис. 22. Городище Богит: план и разрезы капища

1

2

Рис. 23. Городище Богит: 1 – поверхность мысовой части городища; 2 – поверхность капища и углубления около него, вымощенные камнями

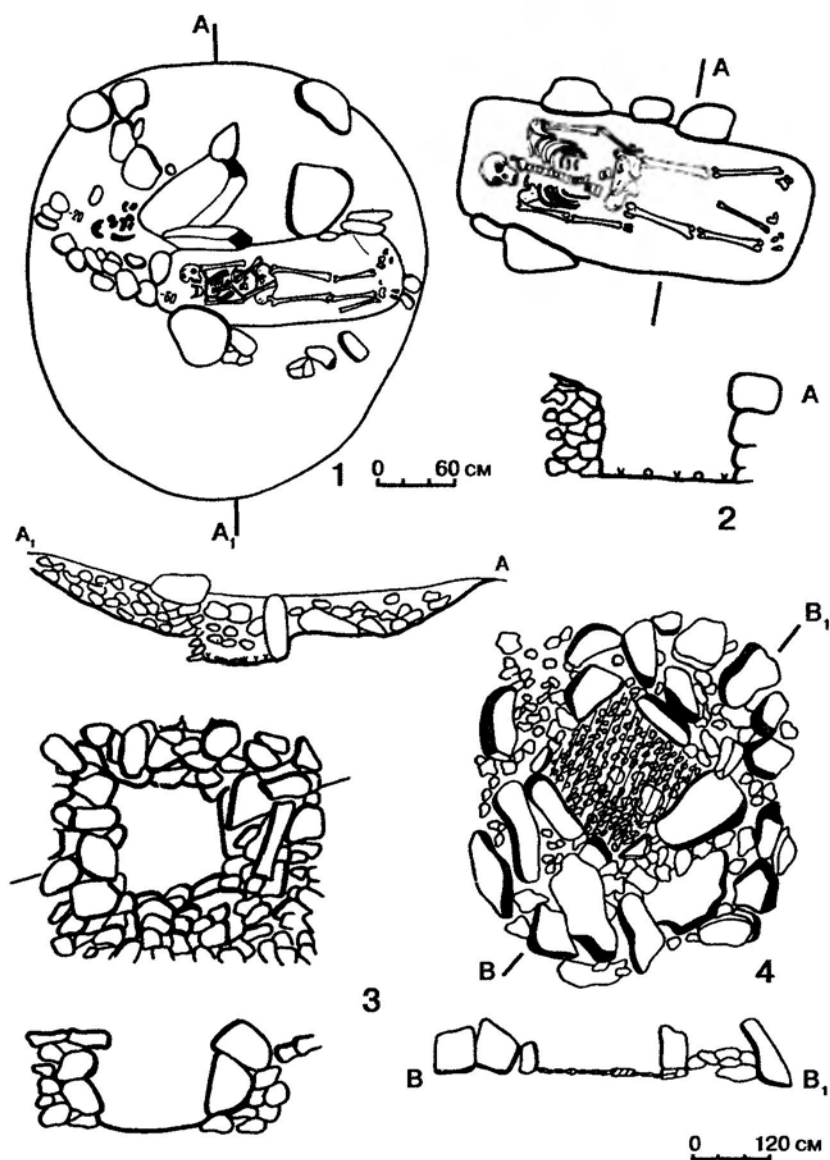

Рис. 24. Городище Богит: 1 – погребение в углублении 8; 2 – погребение в углублении 4; 3 – центральная яма на капище; 4 – жертвенник из камней

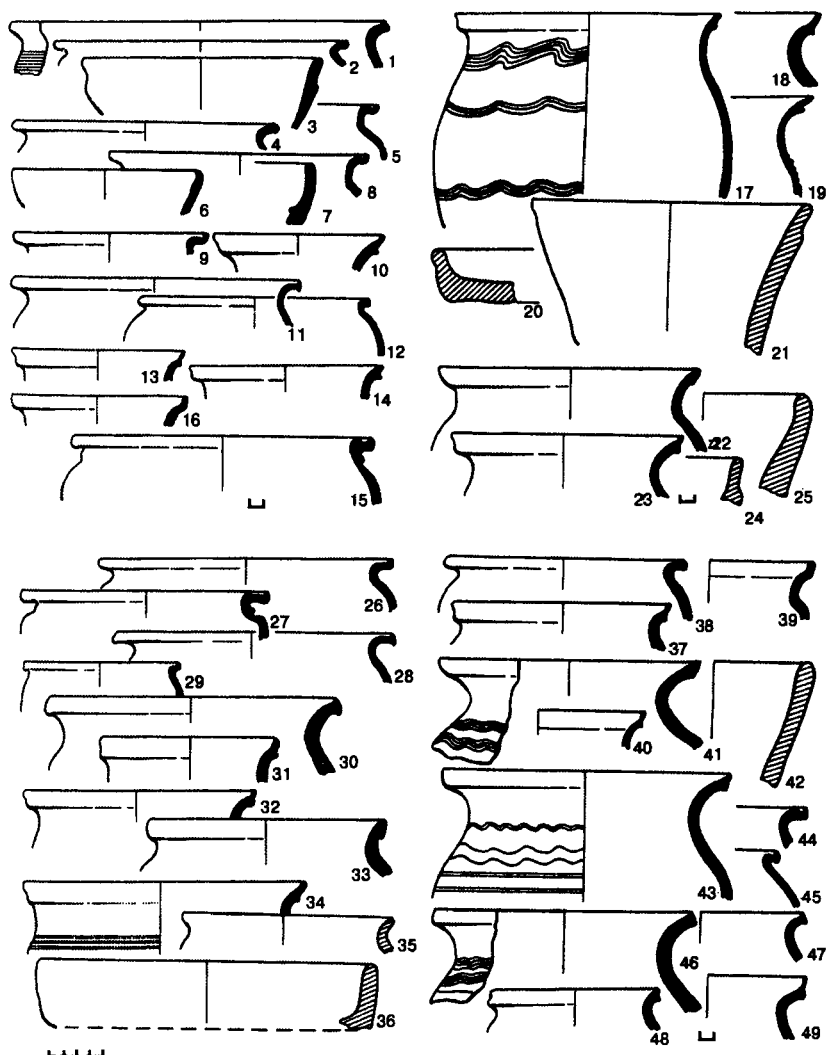

Рис. 25. Керамика с городища Богит: 1-16 – с капища (1-3 из углубления 1; 4, 5 – из углубления 2; 6-8 – из углубления 3; 9 – из углубления 4; 10 – из углубления 5; 11, 12 – из углубления 6; 13-15 – из углубления 8; 16 – из центральной ямы); 17-21 – постройка 1; 22-25 – постройка 2; 26-36 – из жертвенника; 37-39 – длинный дом 1; 40-42 – из землянки; 43 – хлебная печь; 44, 45 – вал 1; 46, 47 – погребение 1; 48, 49 – погребение 2. Заштрихованы лепные черепки

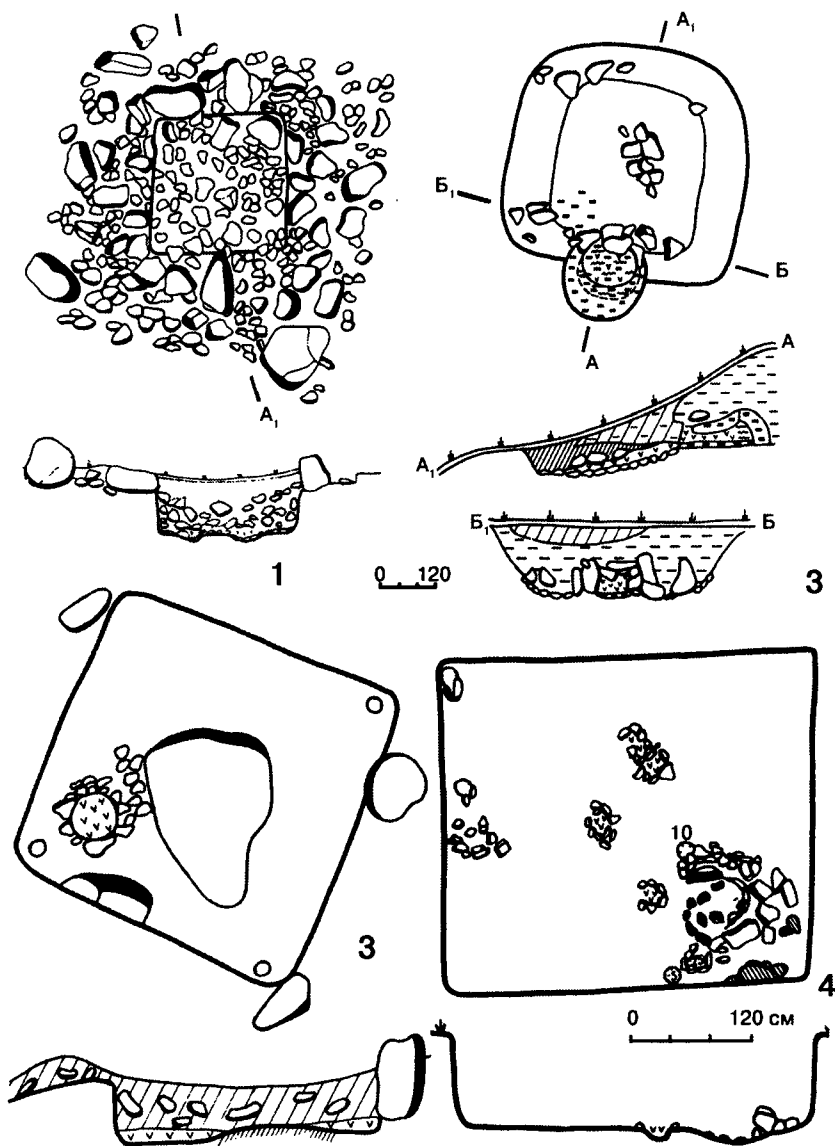

Рис. 26. Городище Богит: 1 – жилище 1; 2 – жилище 2; 3 – яма с хлебной печью; 4 – жилище 3. Условные обозначения см. на рис. 10

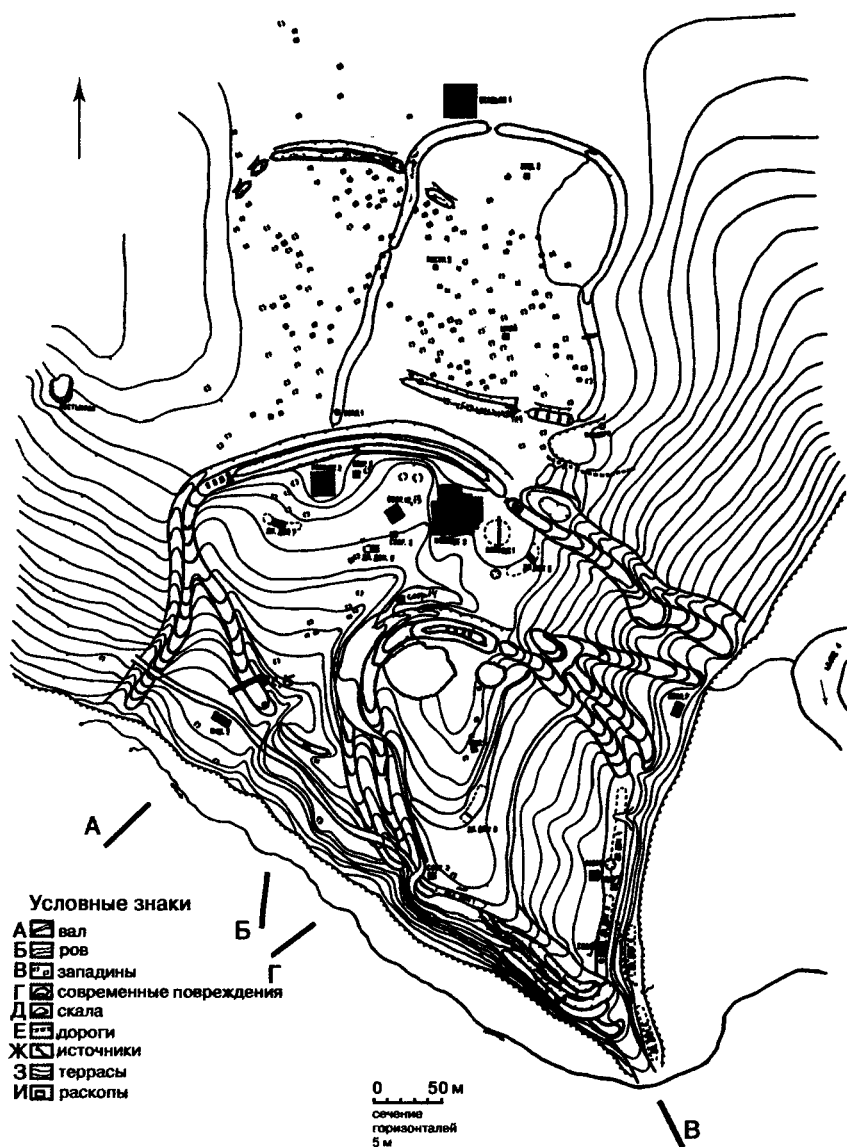

Рис. 27. План городища Звенигород: А – вал; Б – ров; В – западина; Г – современные повреждения; Д – скала; Е – дороги; Ж – источник воды; З – террасы на склонах; И – раскопы

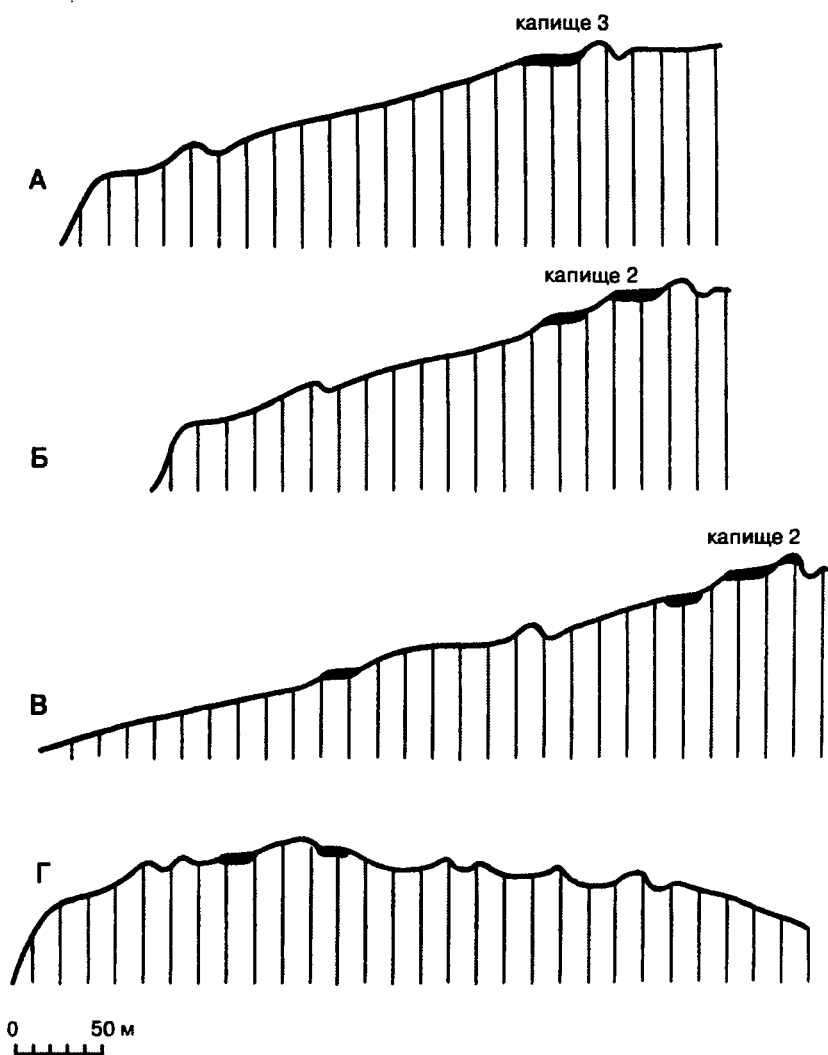

Рис. 28. Разрезы городища Звенигород

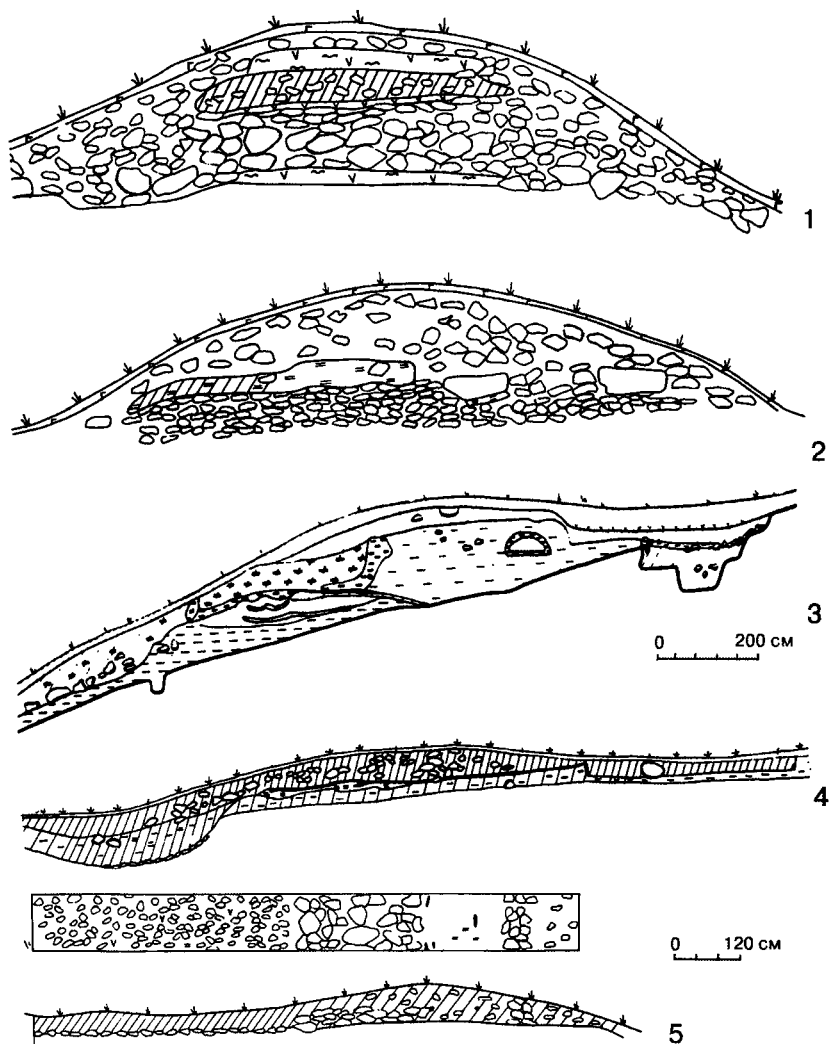

Рис. 29. Городище Звенигород. Профили валов и рвов: 1 – вал 1; 2 – вал 2; 3 – земляной вал; 4 – вал 3; 5 – вал 4. Условные обозначения см. на рис. 10

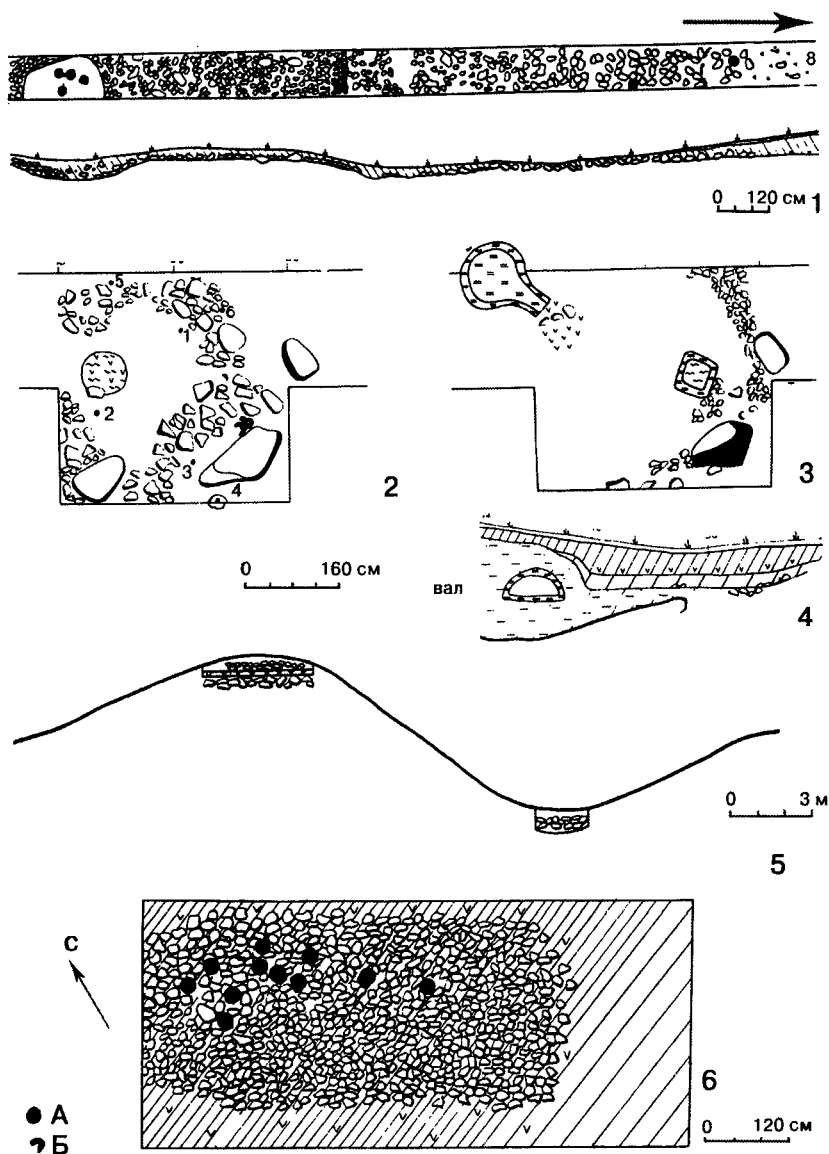

Рис. 30. Городище Звенигород: 1 – траншея через капище 1; 2–4 – жертвенная площадка у земляного вала (сооружение 15) на глубине 40 см, на глубине 75 см и профиль хлебной печи, выкопанной в насыпи вала (1, 3, 5 – ножи, 2 – обломок стеклянного браслета; 4 – жернов); 5 – разрез вала 2 и рва; 6 – каменная площадка на валу 2 и находки вещей на ней. А – находки вещей; Б – обломки черепа человека

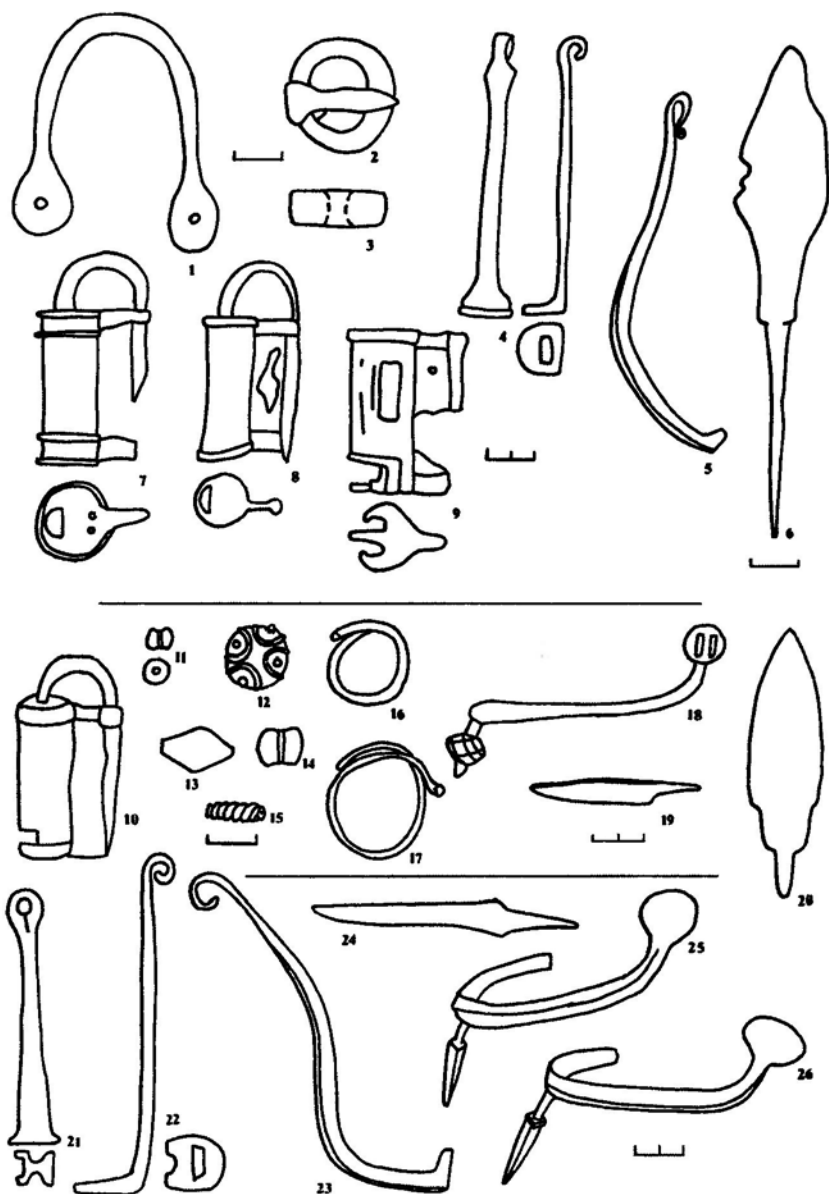

Рис. 31. Городище Звенигород. Находки: 1–9 – на жертвенной площадке вала 2; 10–20 – на катипе 1; 21–26 – у вала на южной площадке городища

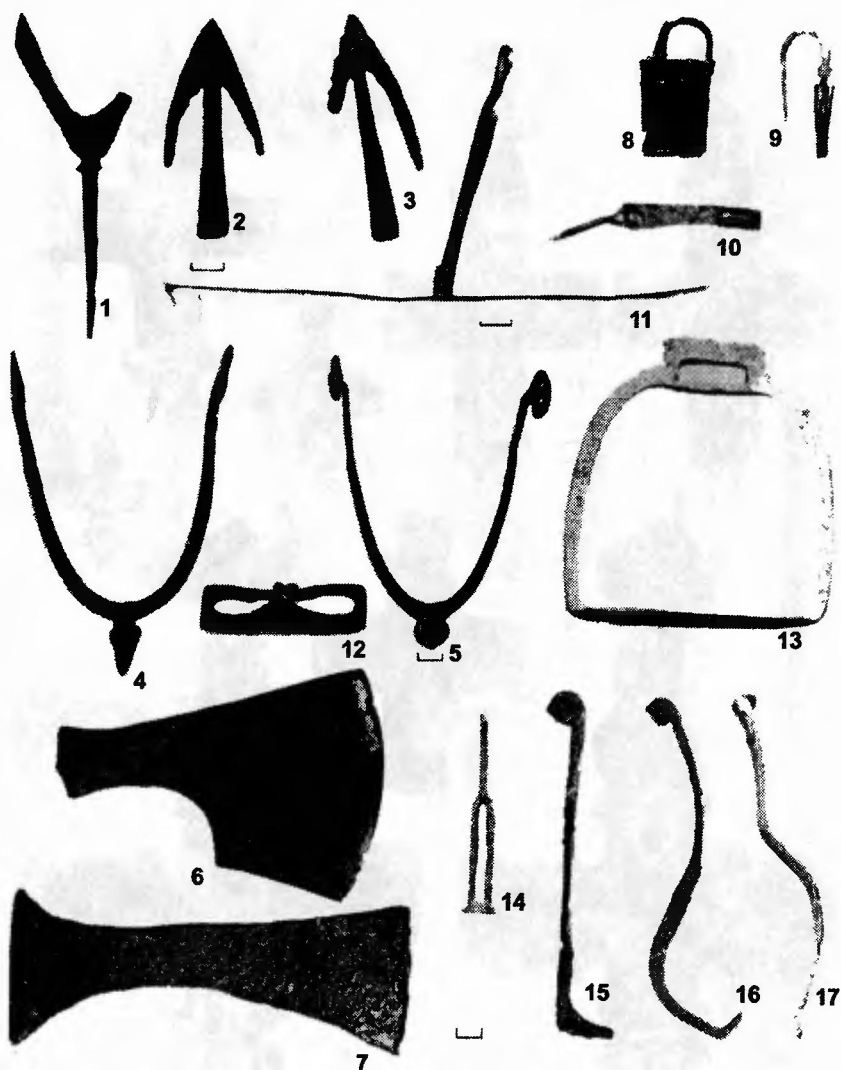

Рис. 32. Городище Звенигород. Находки: 1, 2, 4, 7 – из длинного дома 8; 3 – с капища 1; 5 – из длинного дома 2; 6 – из колодца; 8–17 – с капища 3

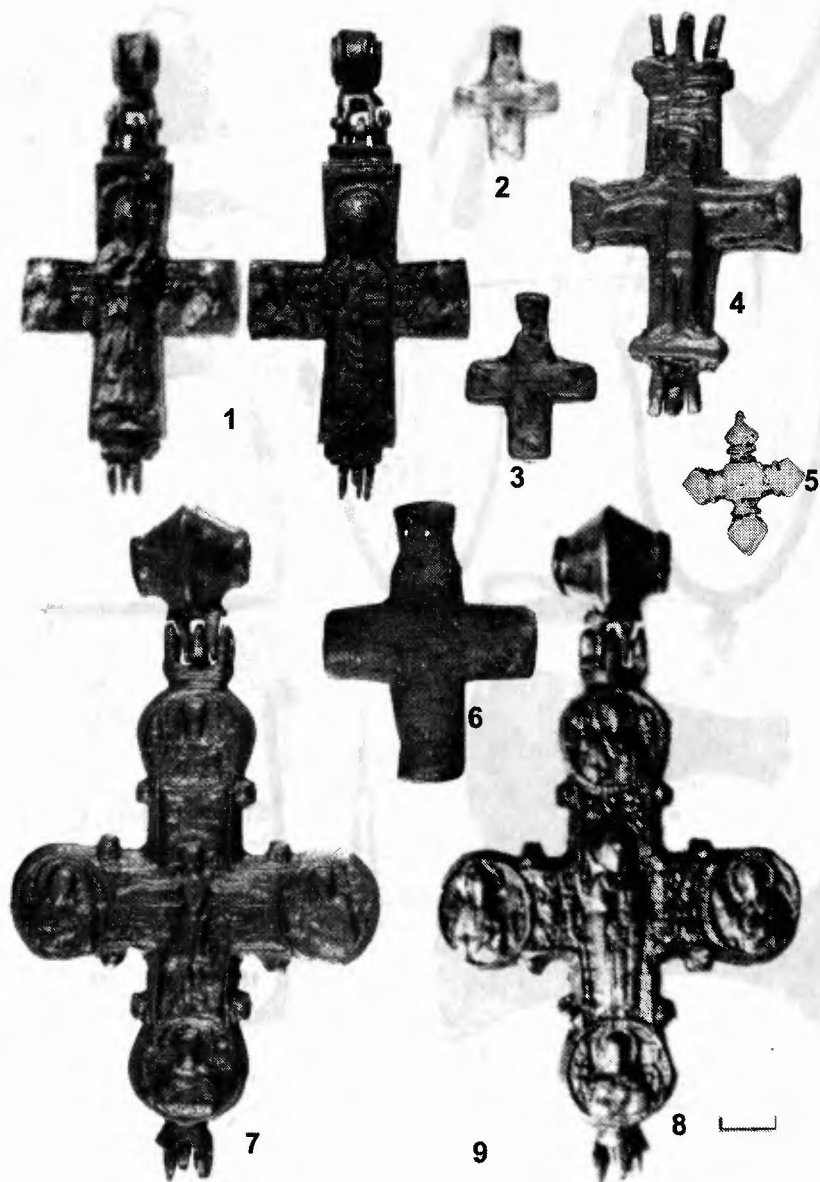

Рис. 33. Городище Звенигород. Находки: 1 – с капища 1; 2–9 – с капища 3

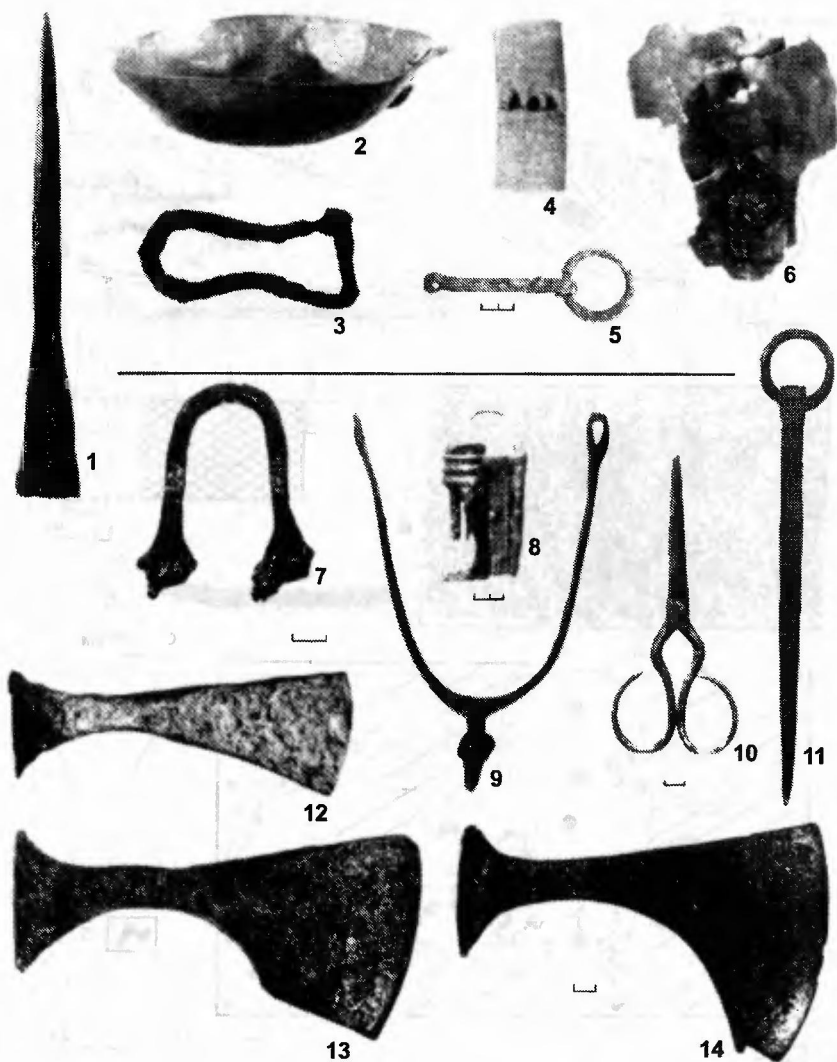

Рис. 34. Городище Звенигород. Находки: 1-6 - с площадки на валу 2; 7-14 - с ка-
тища 2

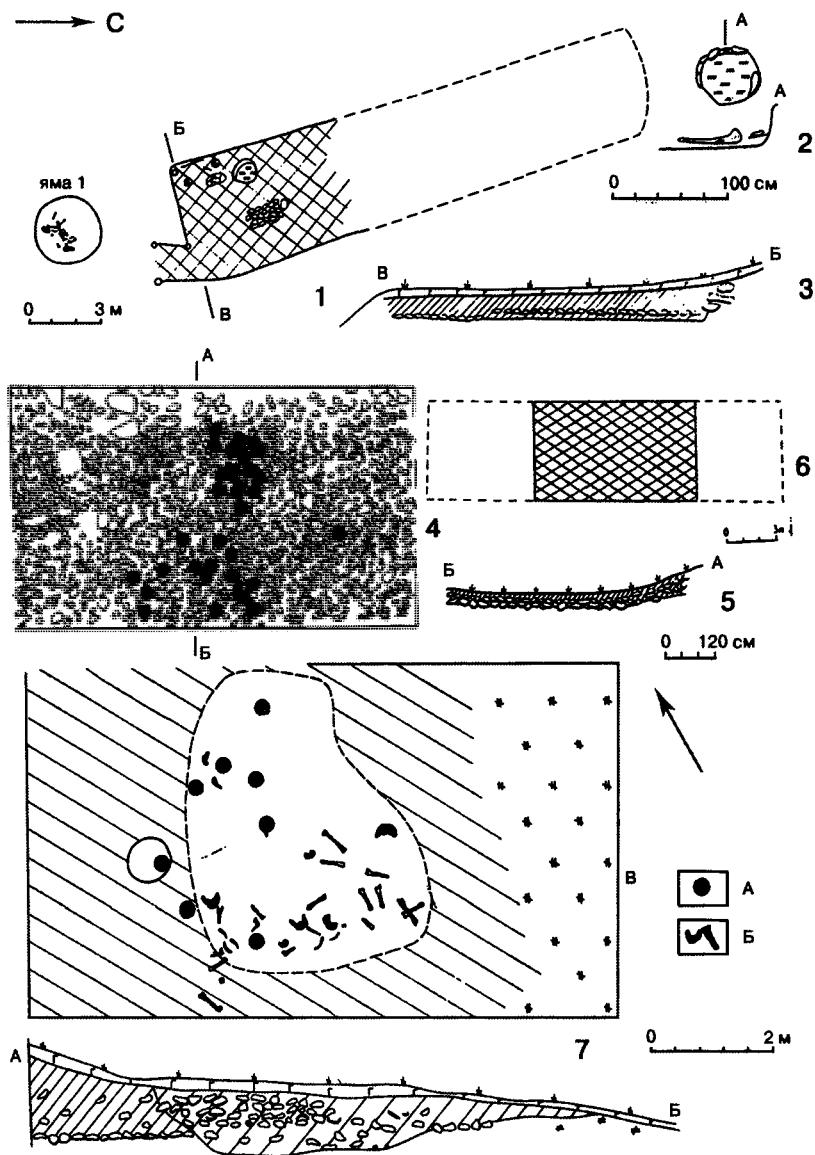

Рис. 35. Городище Звенигород: 1 – длинный дом 3; 2 – очаг в доме 3; 3 – профиль длинного дома 3; 4 – пол, вымощенный камнями, длинного дома 7 и скопление находок на нем; 5 – профиль дома 7; 6 – план дома 7; 7 – план и профиль длинного дома 8. А – находки вещей; Б – человеческие кости

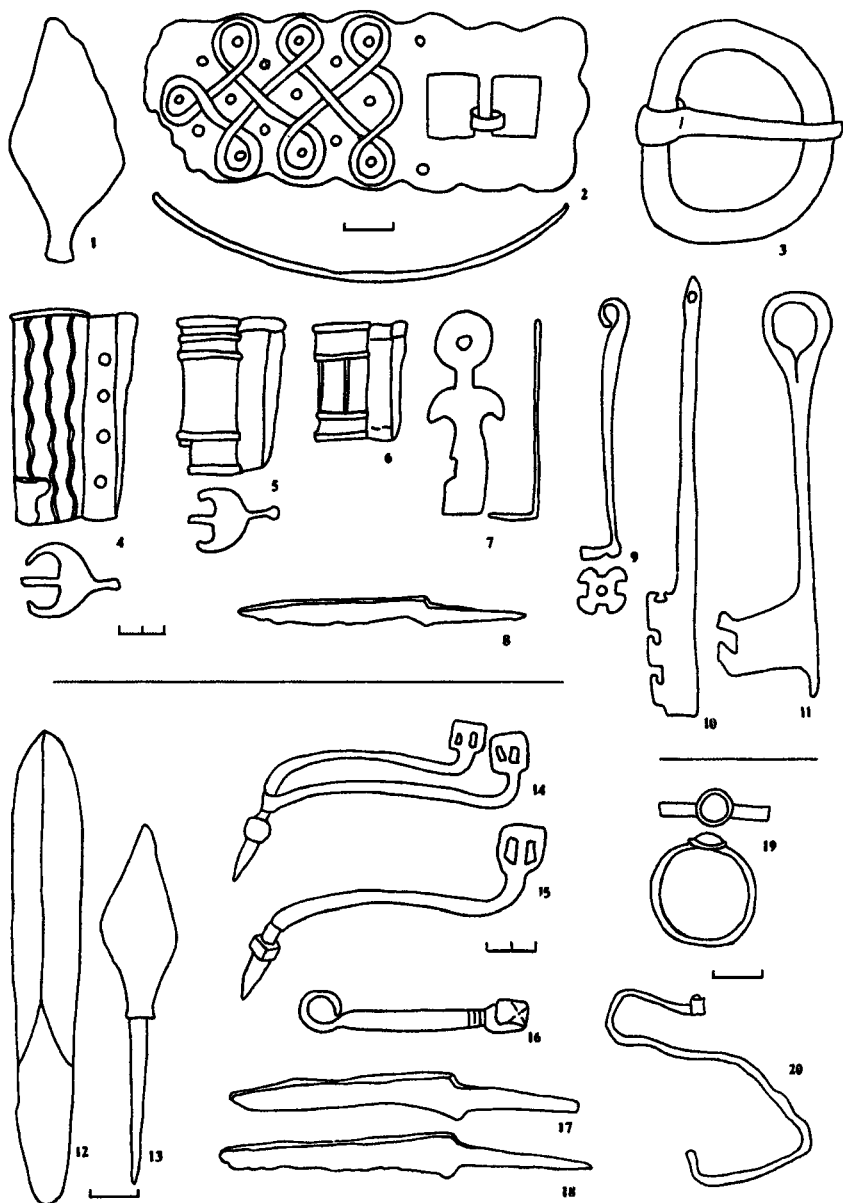

Рис. 36. Городище Звенигород. Находки: 1-11 – из длинного дома 7; 12-20 – из длинного дома 8

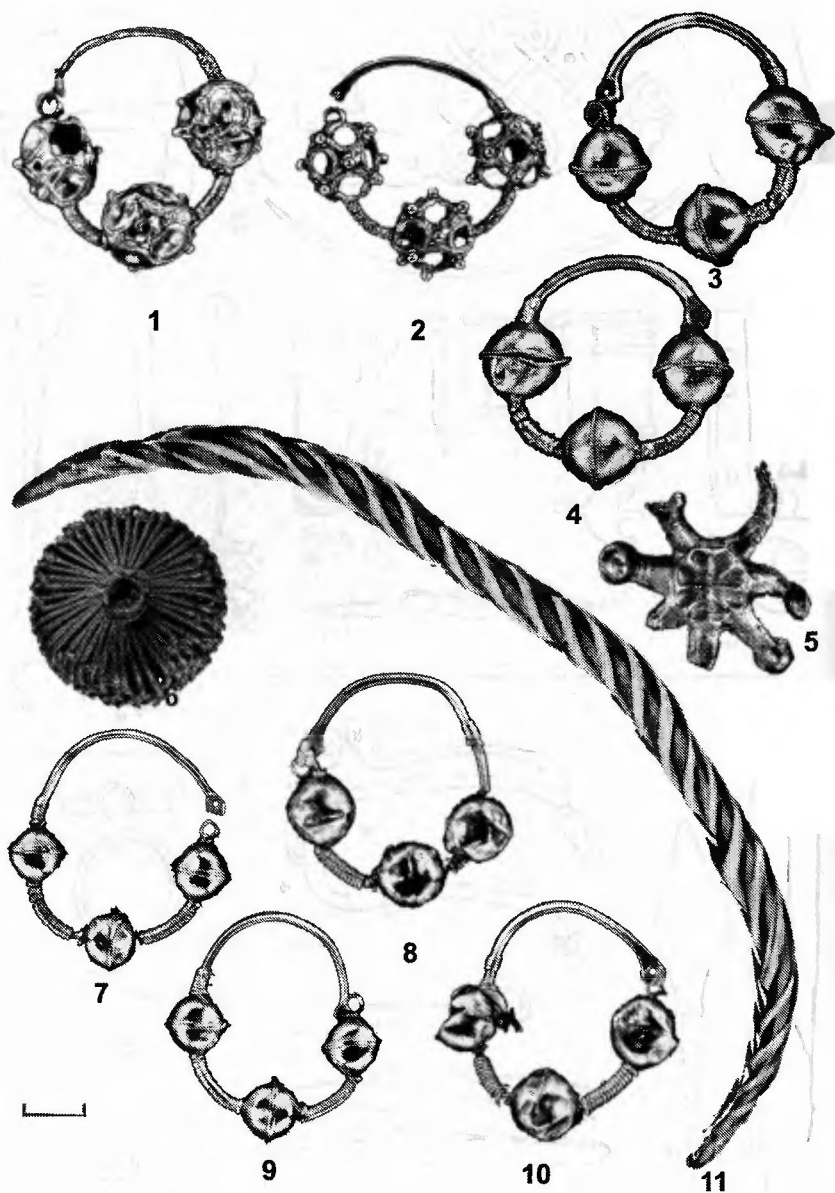

Рис. 37. Городище Звенигород. Находки: 1-5 – из длинного дома 8; 6 – из длинного дома 7; 7-11 – из сооружения 5

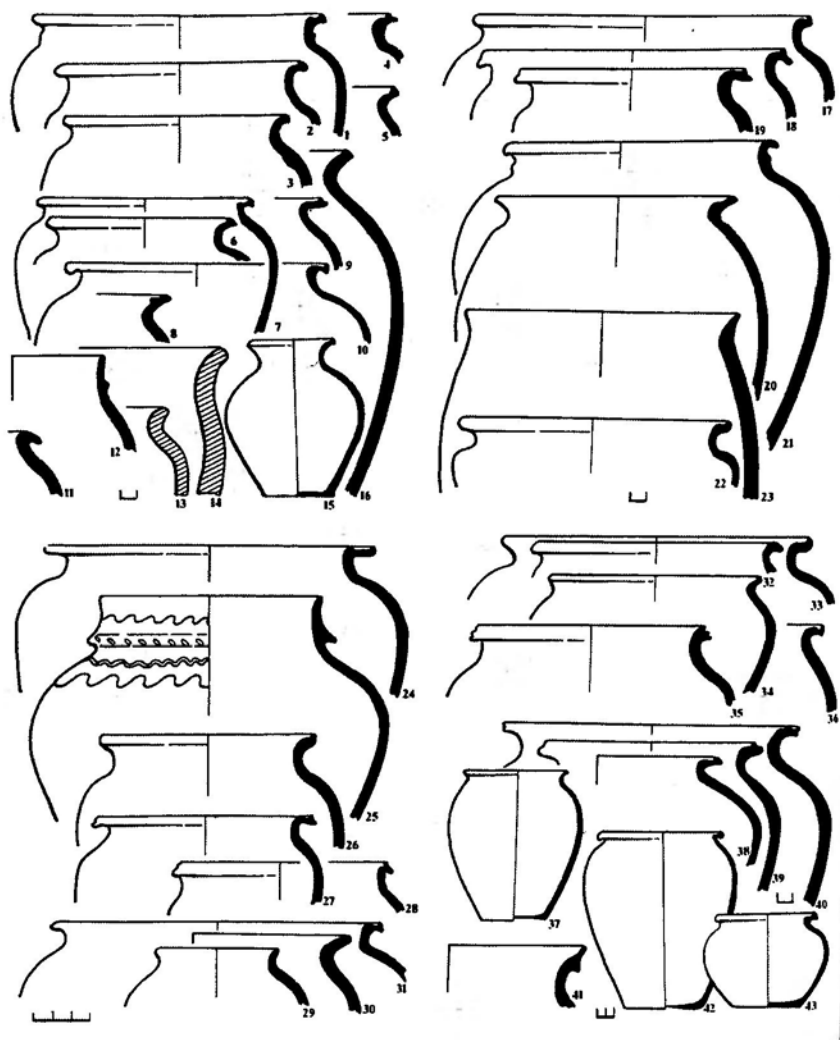

Рис. 38. Городище Звенигород. Керамика: 1-5 - с капища 2; 6-16 - с капища 3; 17-19 - из длинного дома 9; 20, 21 - из длинного дома 3; 22, 23 - из длинного дома 8; 24-26 - из сооружения 5; 27, 28 - из сооружения 6; 29-31 - из сооружения 9; 32-34 - из сооружения 10; 35, 36 - из сооружения 11; 37-40 - из сооружения 14; 41-43 - с южной площадки городища. Заштрихованы лепные черепки

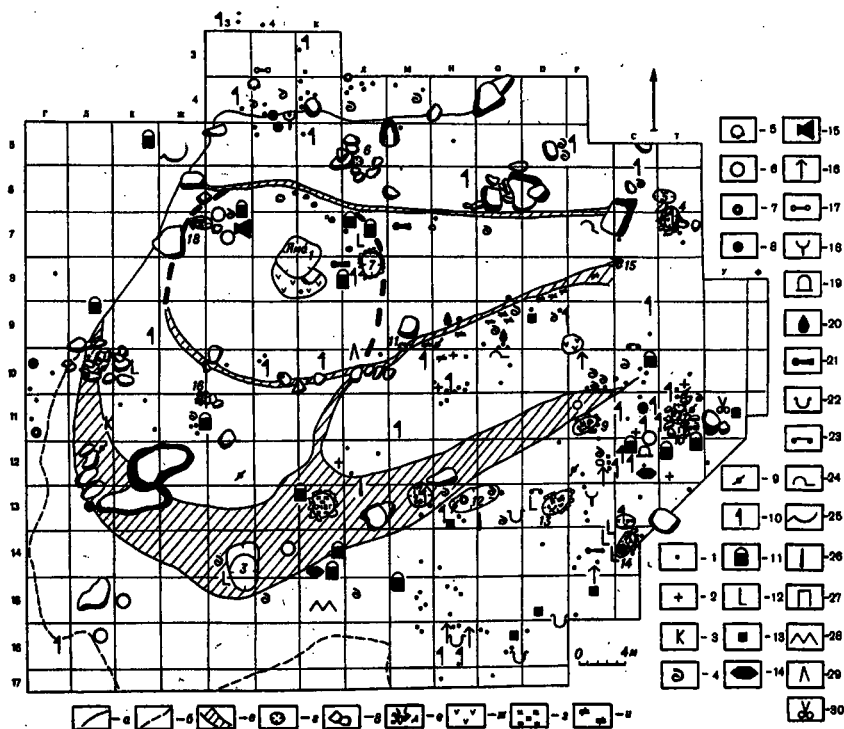

Рис. 39. Городище Звенигород. План капища 3: а – граница каменной кладки капища; б – граница каменной кладки у подножия капища; в – ступеньки на капище; г – ямы; д – камни; е – кости человека; ж – угли; з – обожженная глина; и – куски глиняной обмазки. 1 – обломок стеклянного браслета; 2 – крест; 3 – кадило; 4 – проводное височное кольцо; 5 – трехбусинное височное кольцо; 6 – браслет; 7 – перстень; 8 – привеска; 9 – бусина; 10 – нож; 11 – замок; 12 – ключ; 13 – пряжка; 14 – пряслице; 15 – топор; 16 – стрела; 17 – удила; 18 – шпора; 19 – стремя; 20 – глиняное яйцо; 21 – бронзовая ложка, чарка; 22 – обломки бронзового котла; 23 – весы; 24 – серп; 25 – коса; 26 – игла; 27 – пинцет; 28 – монета; 29 – кресало; 30 – ножницы

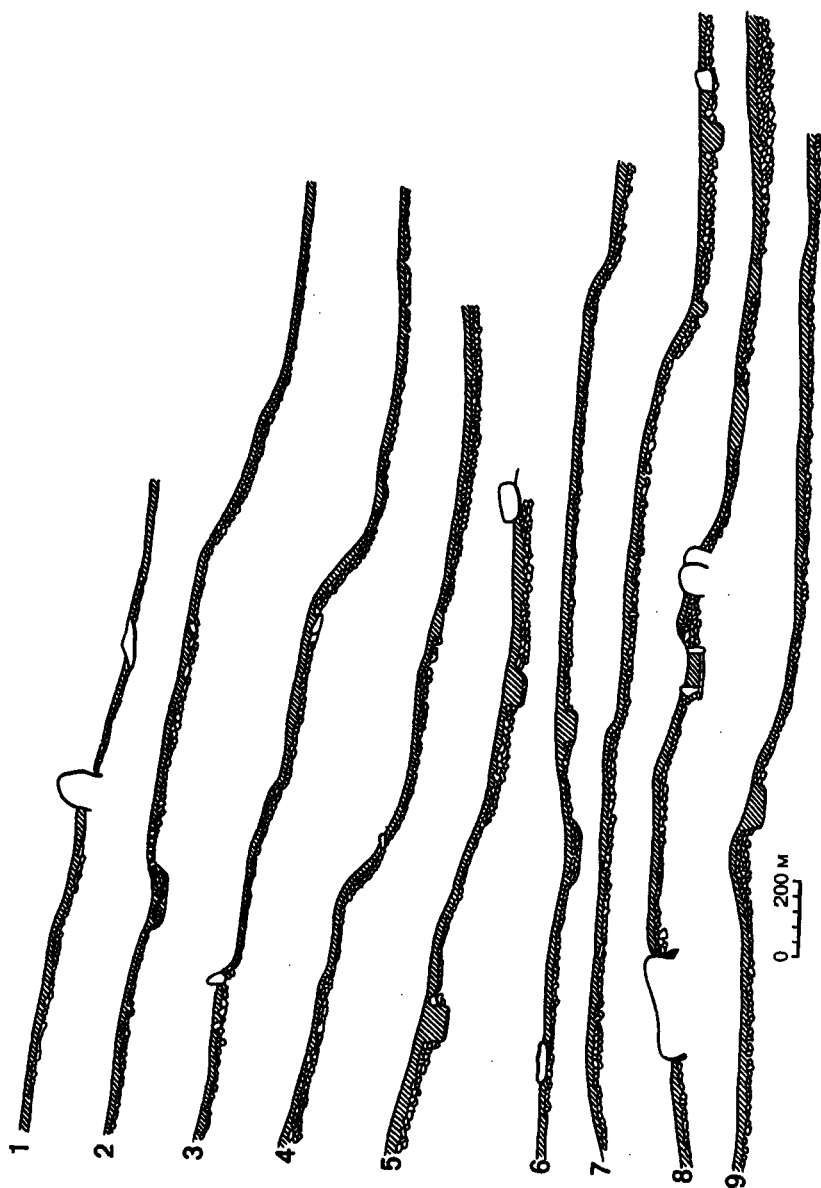

Рис. 40. Городище Звенигород. Профили капища 3: 1 – С-Ю по кв. д; 2 – С-Ю по кв. и-к; 3 – С-Ю по кв. н-о; 4 – С-Ю по кв. р; 5 – С-Ю по кв. т; 6 – 3-В по кв. 8; 7 – 3-В по кв. 11; 8 – 3-В по кв. 13; 9 – 3-В по кв. 14–15

1

2

Рис. 41. Городище Звенигород: 1 – вал и ров; 2 – восточный склон капища 3, вымощенный камнями

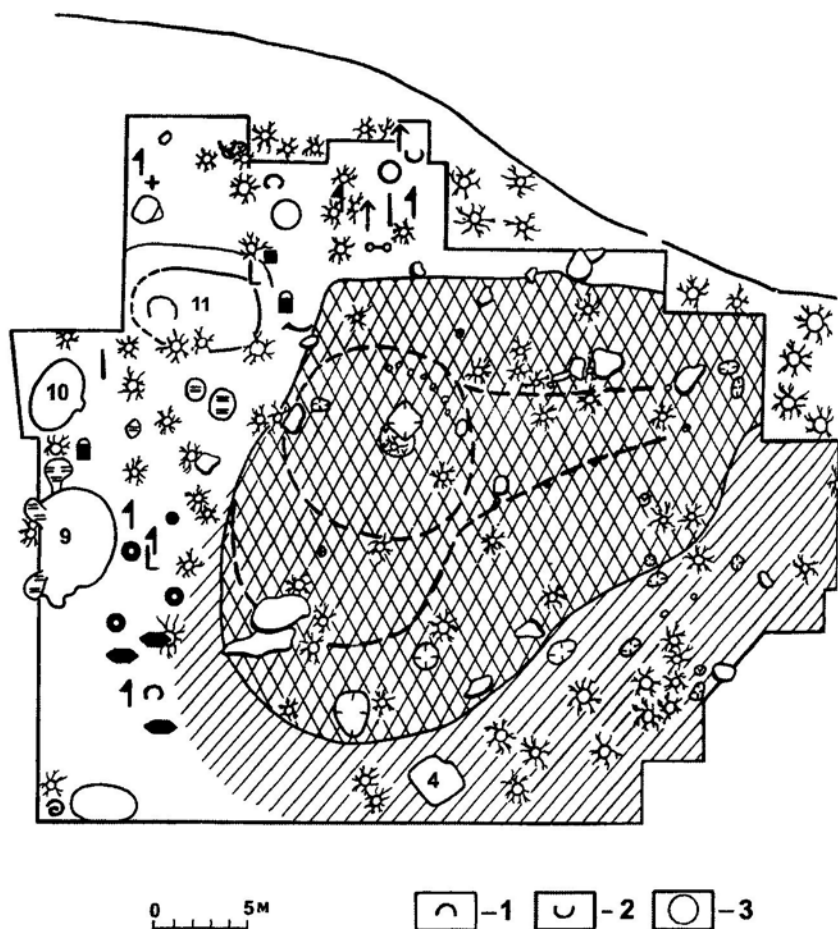

Рис. 42. Городище Звенигород: Капище 3 и окружающие его сооружения. Условные обозначения см. на рис. 39 и дополнительно: 1 – лунница; 2 – кресало; 3 – оковка деревянного ведра

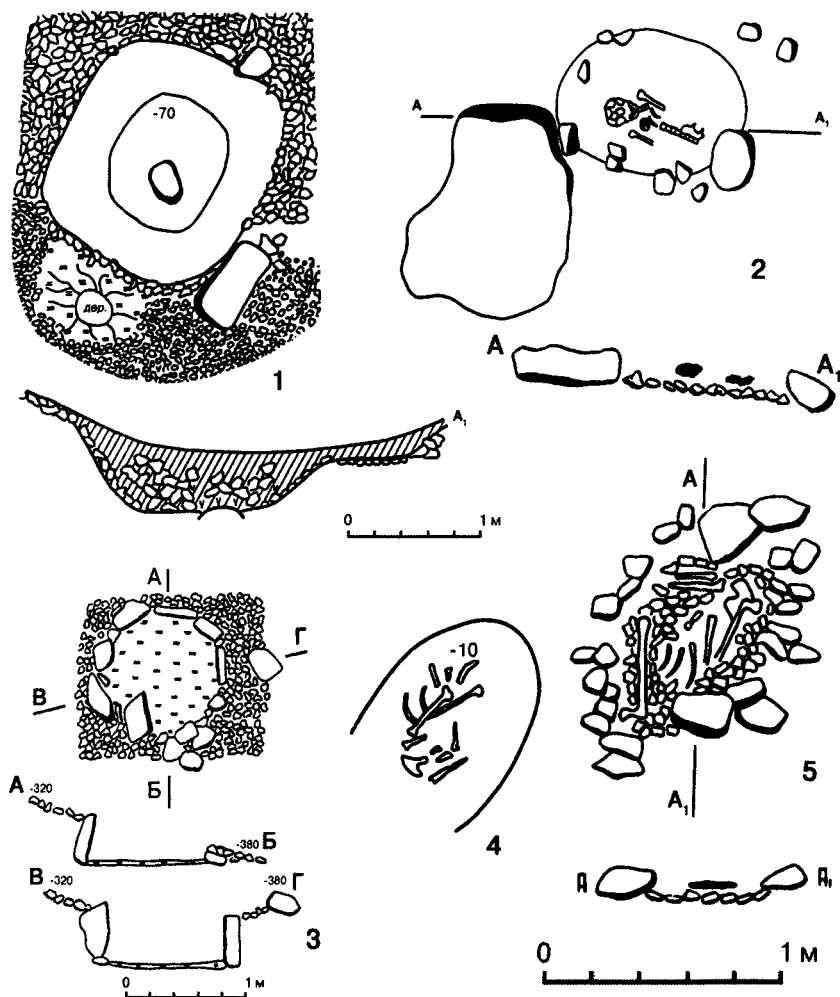

Рис. 43. Городище Звенигород. Капище 3: 1 – яма 1; 2 – яма 13; 3 – очаг; 4 – яма 13; 5 – яма 14

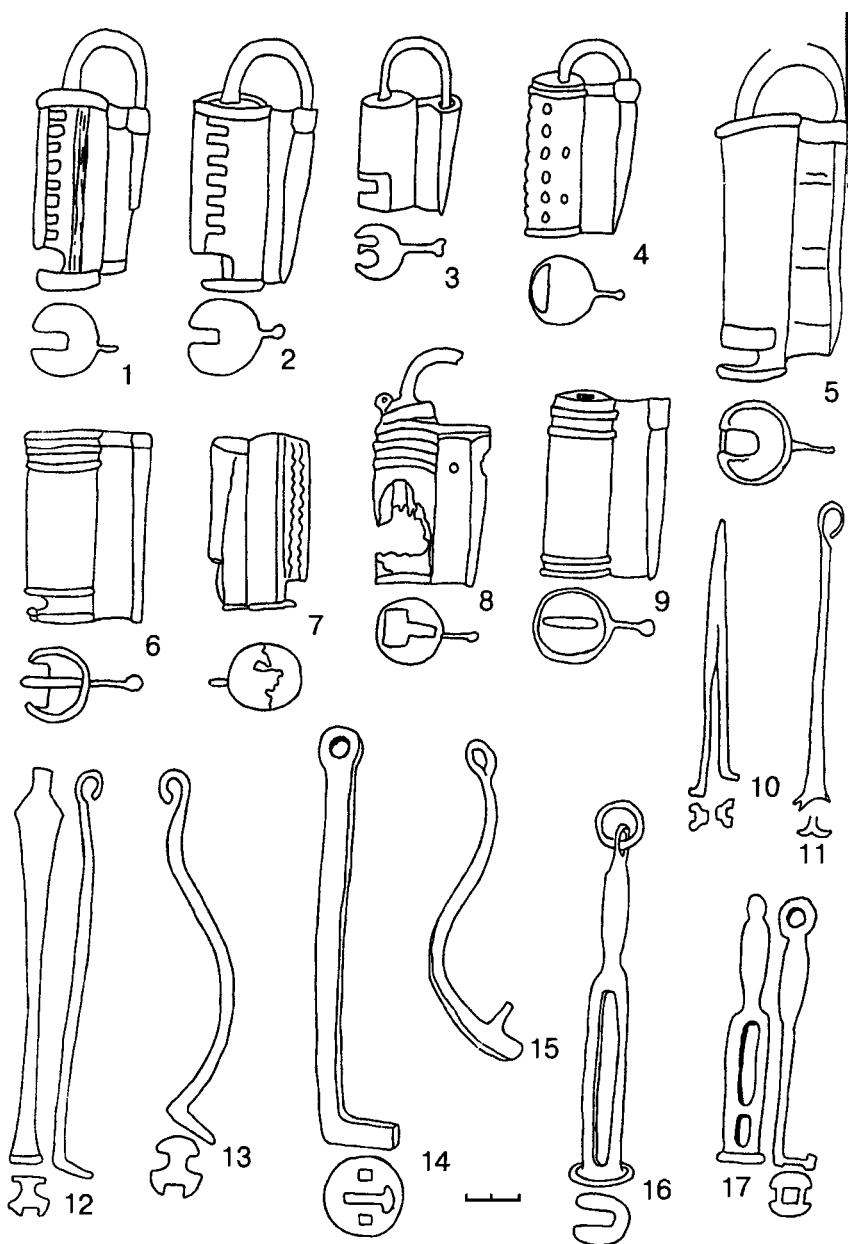

Рис. 44. Городище Звенигород. Находки на капище 3

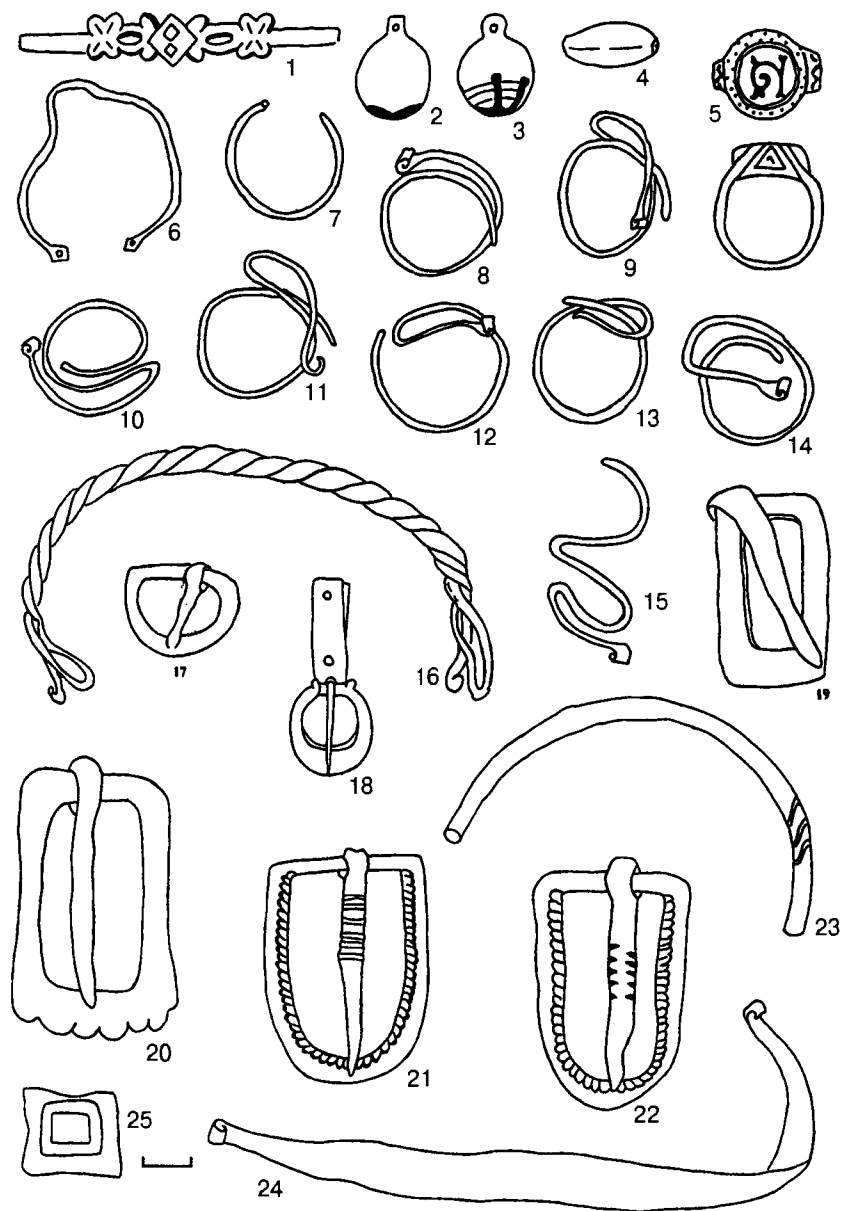

Рис. 45. Городище Звенигород. Находки на капище 3

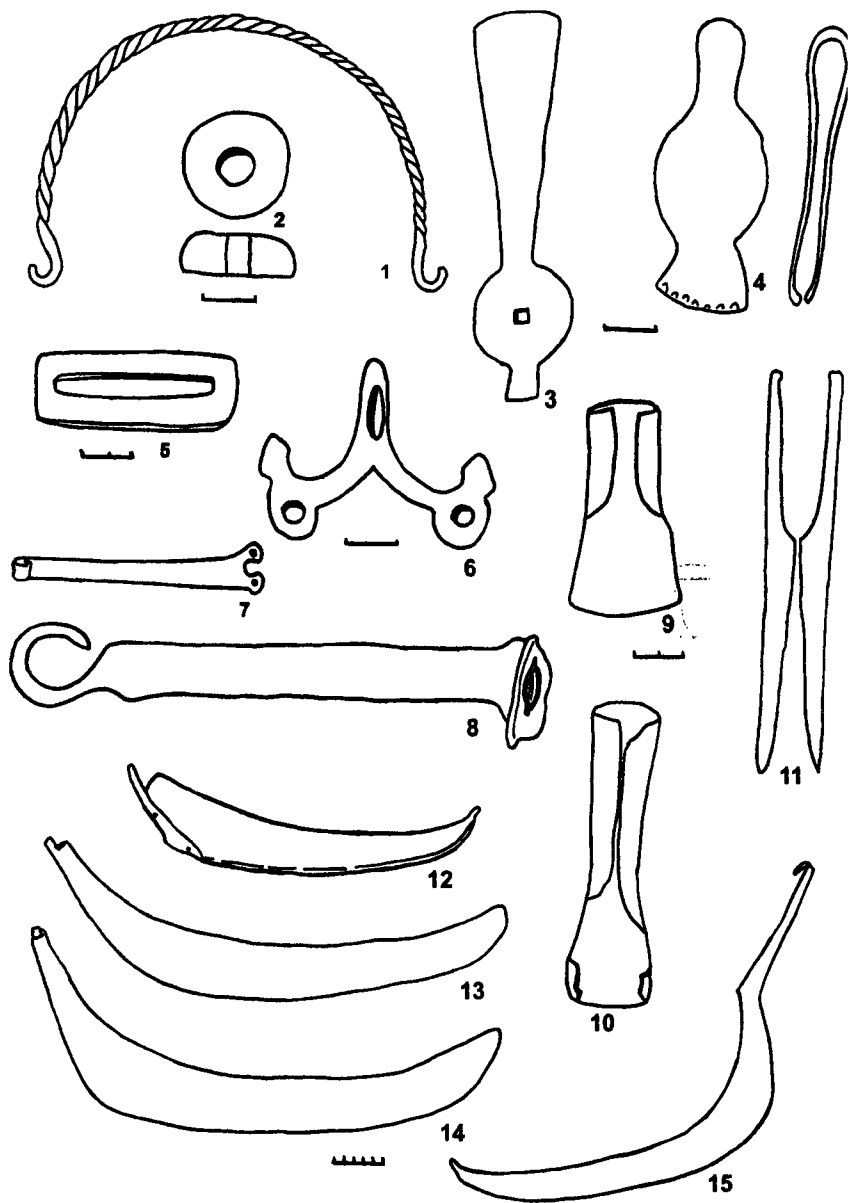

Рис. 46. Городище Звенигород. Находки на капище 3

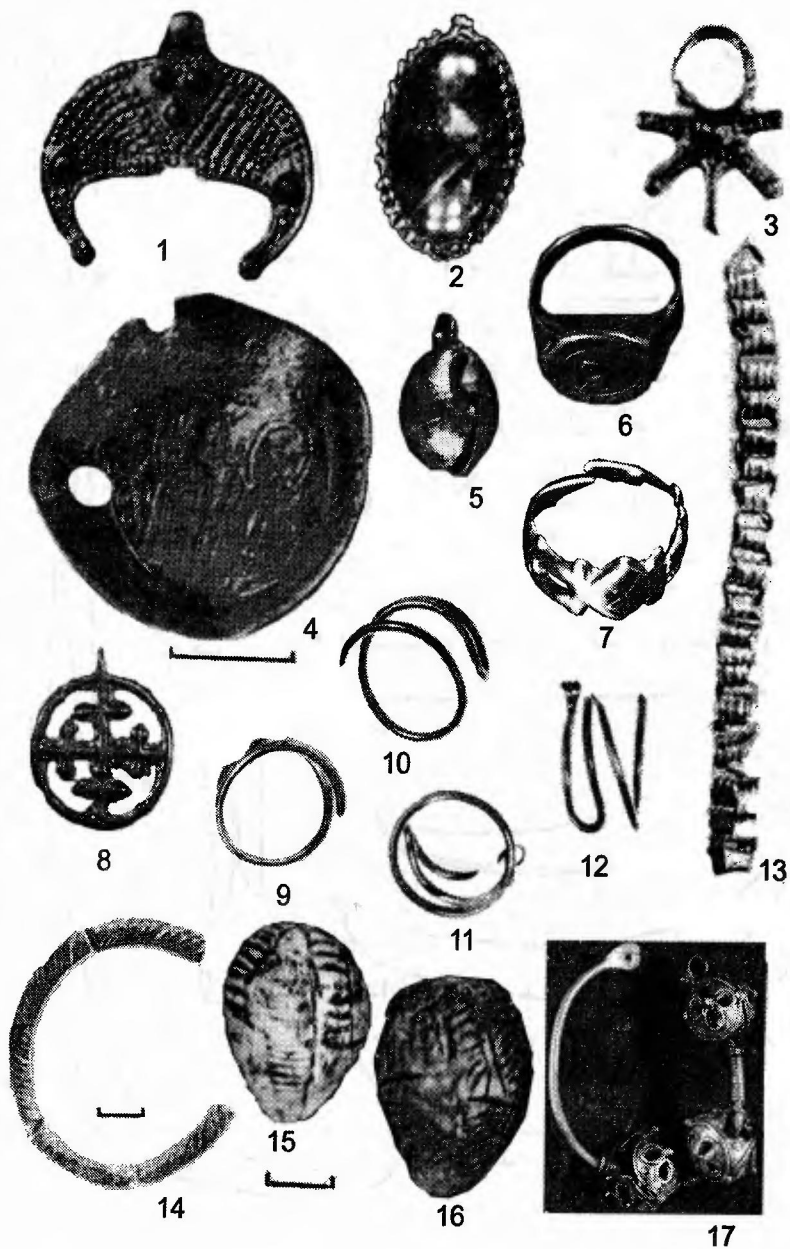

Рис. 47. Городище Звенигород. Находки на капище 3

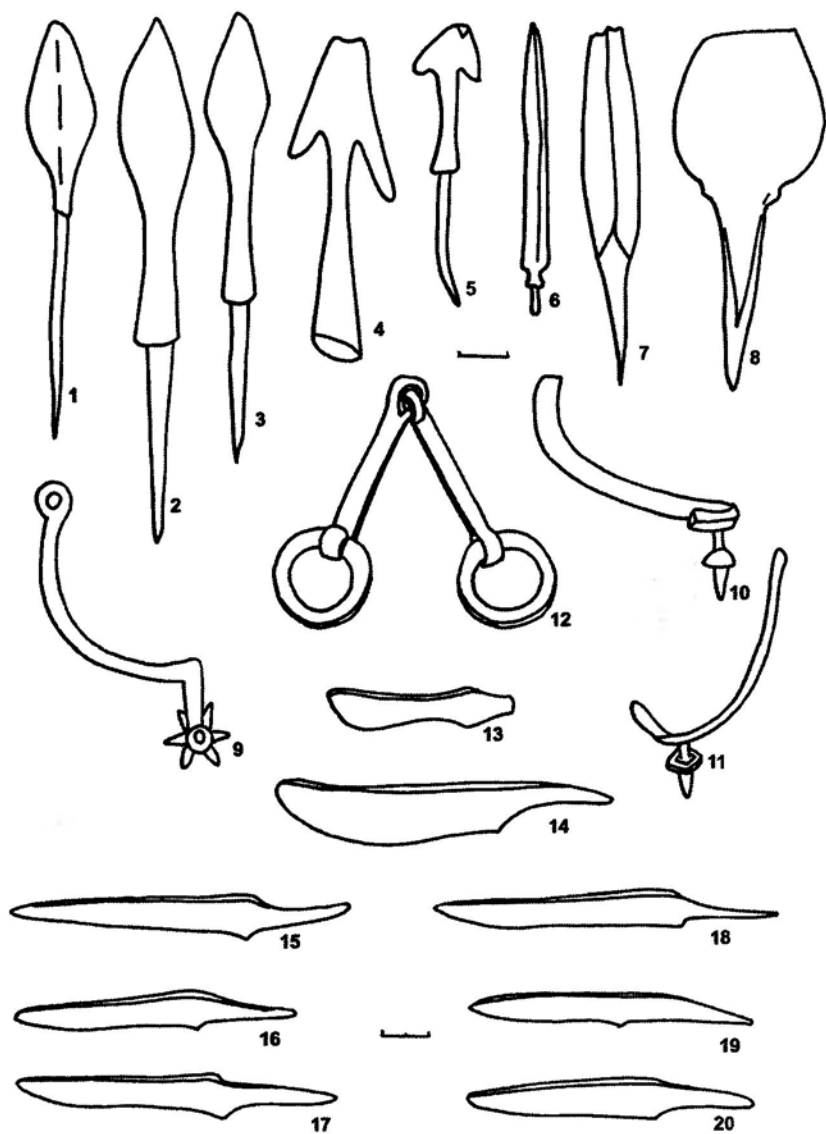

Рис. 48. Городище Звенигород. Находки на катиге 3

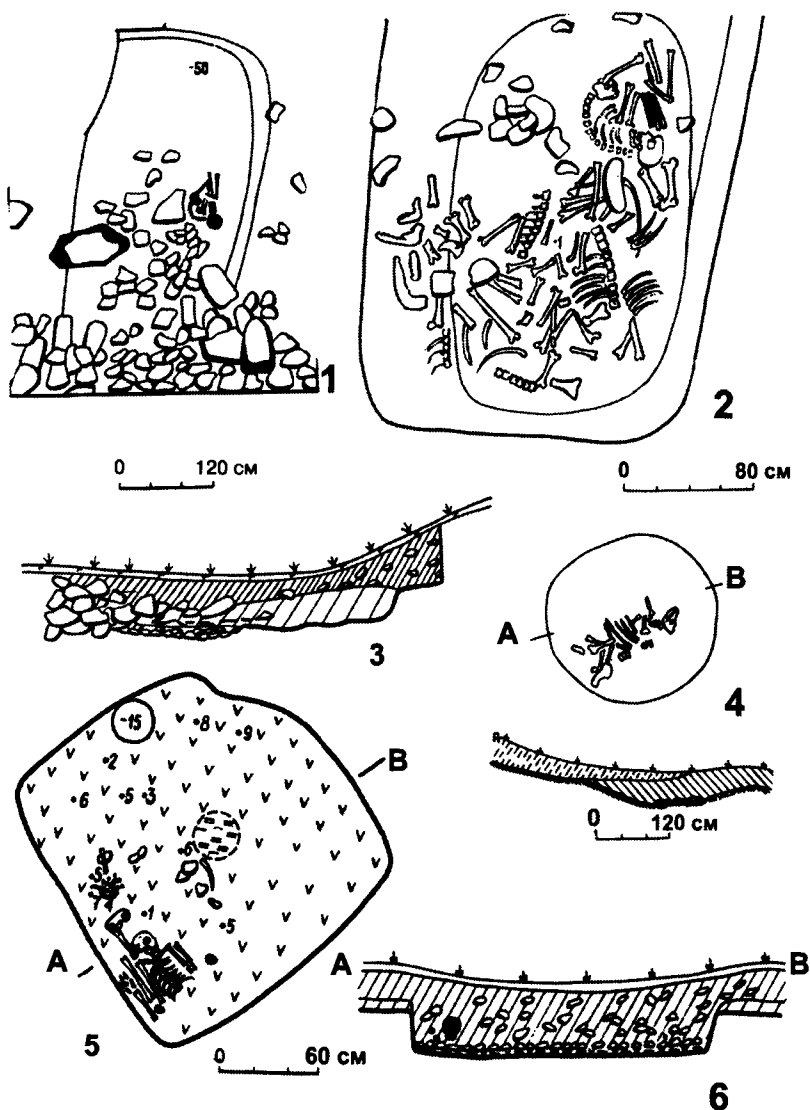

Рис. 49. Городище Звенигород: 1 – сооружение 3; 2 – пол сооружения 3 (1 – накопчик стрелы); 3 – профиль сооружения 3; 4 – сооружение 1; 5 – сооружение 4 (1 – ключ; 2, 3 – шпоры; 4 – серп; 5 – ножи; 6, 9 – замки; 7 – серебряный витой браслет; 8 – оковка лопаты); 6 – профиль сооружения 4. Условные обозначения см. на рис. 10

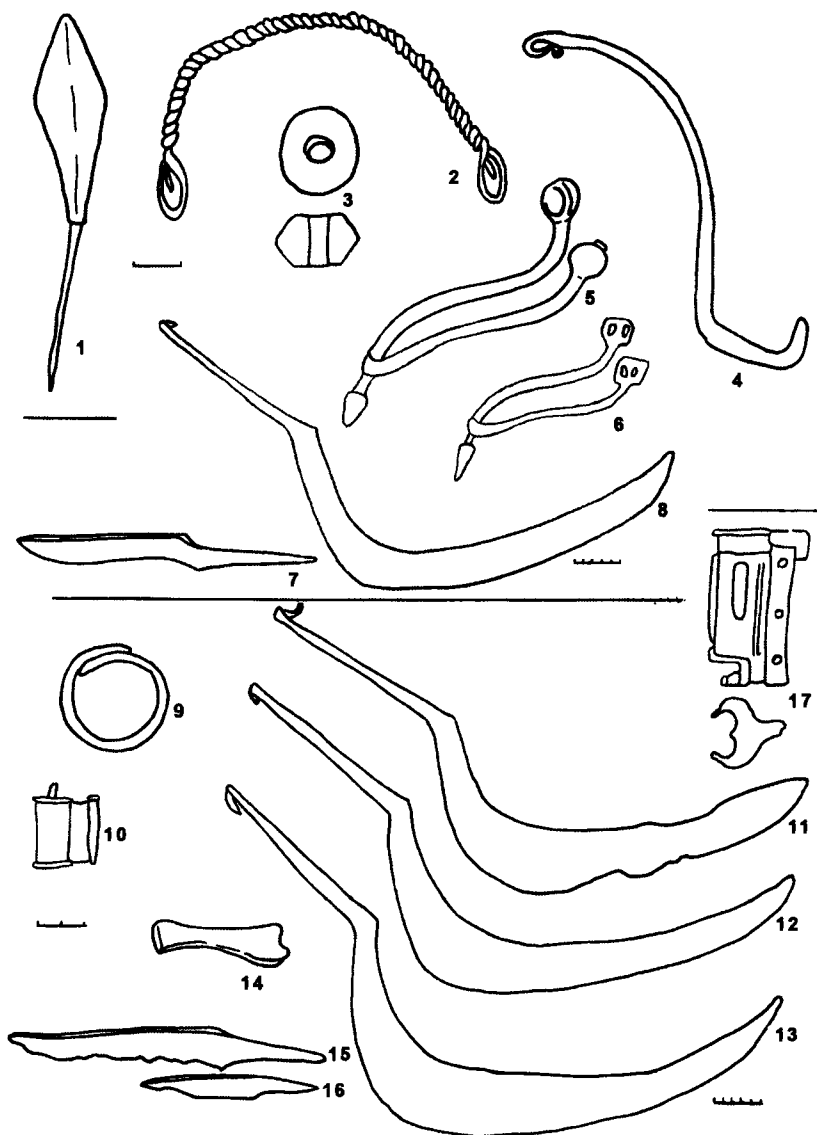

Рис. 50. Городище Звенигород. Находки: 1 – из сооружения 3; 2–8 – из сооружения 4; 9–16 – из сооружения 5; 17 – из сооружения 6

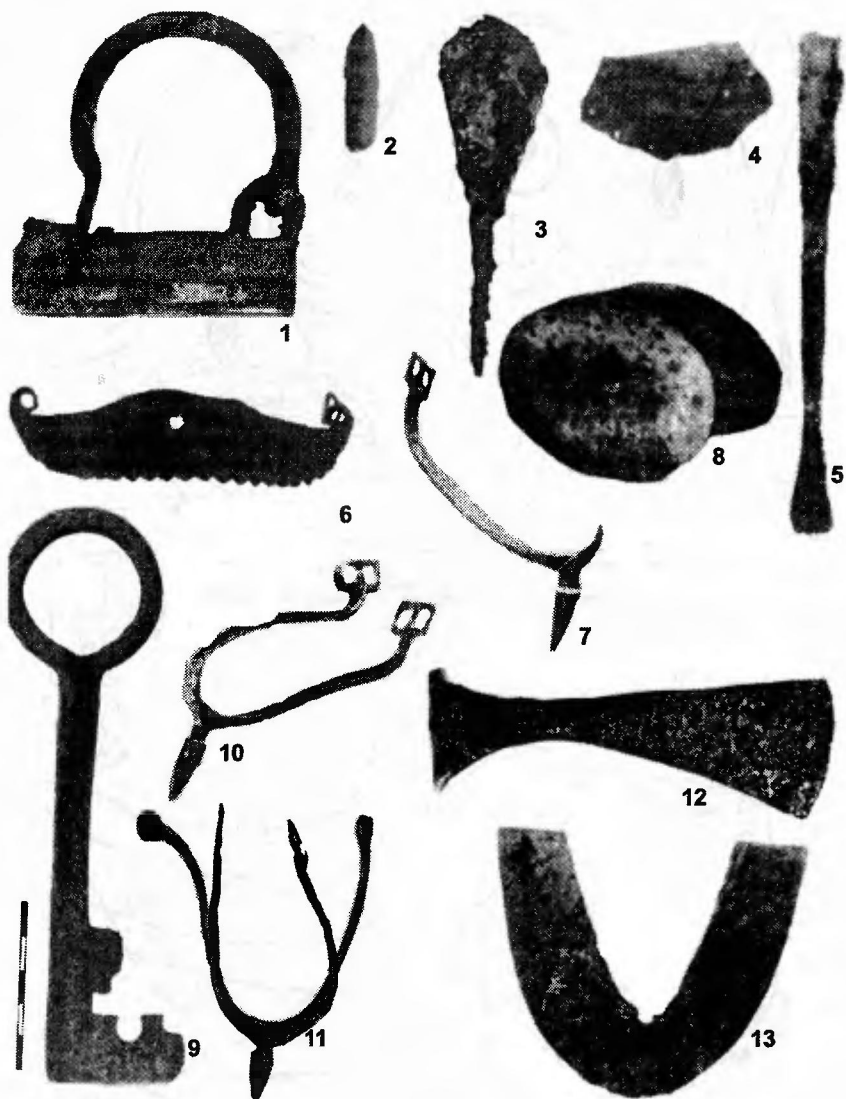

Рис. 51. Городище Звенигород. Находки: 1-5 – из сооружения 14; 6-8 – из сооружения 13; 9-13 – из сооружения 4

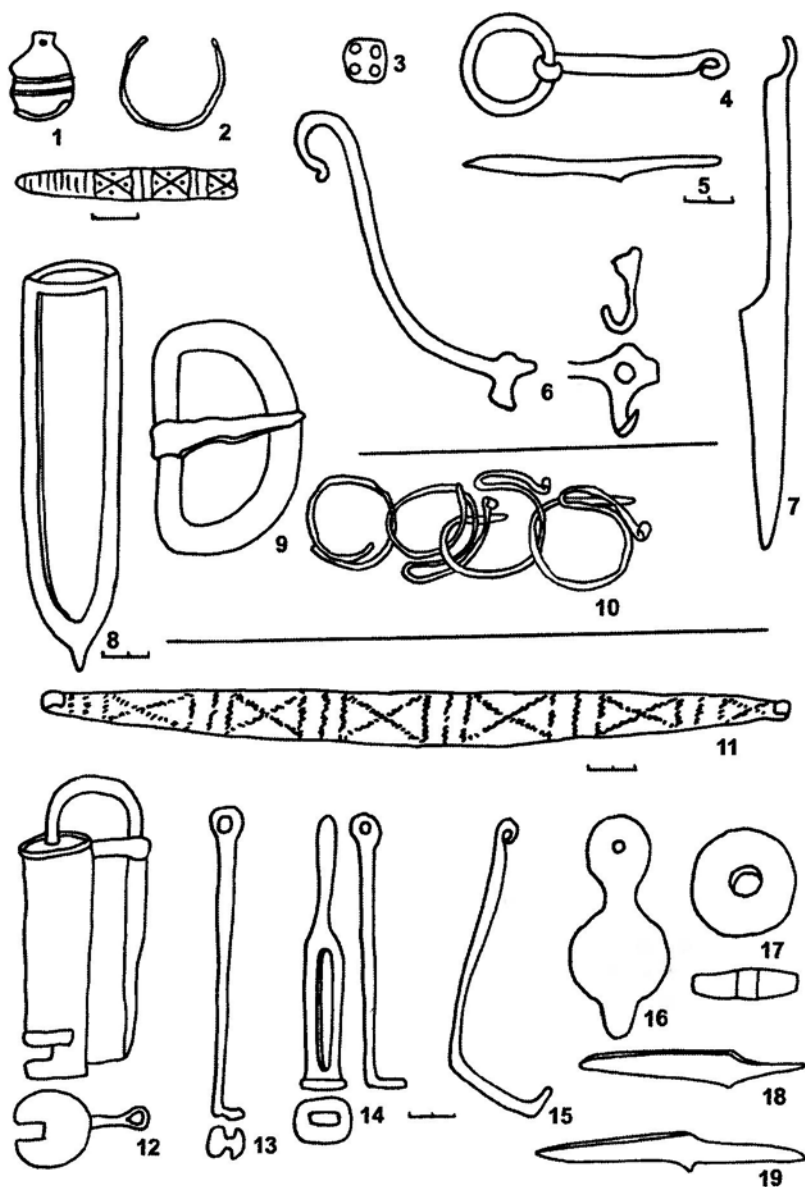

Рис. 53. Городище Звенигород. Находки: 1-7 – из сооружения 9; 8-10 из сооружения 10; 11-19 – из сооружения 11

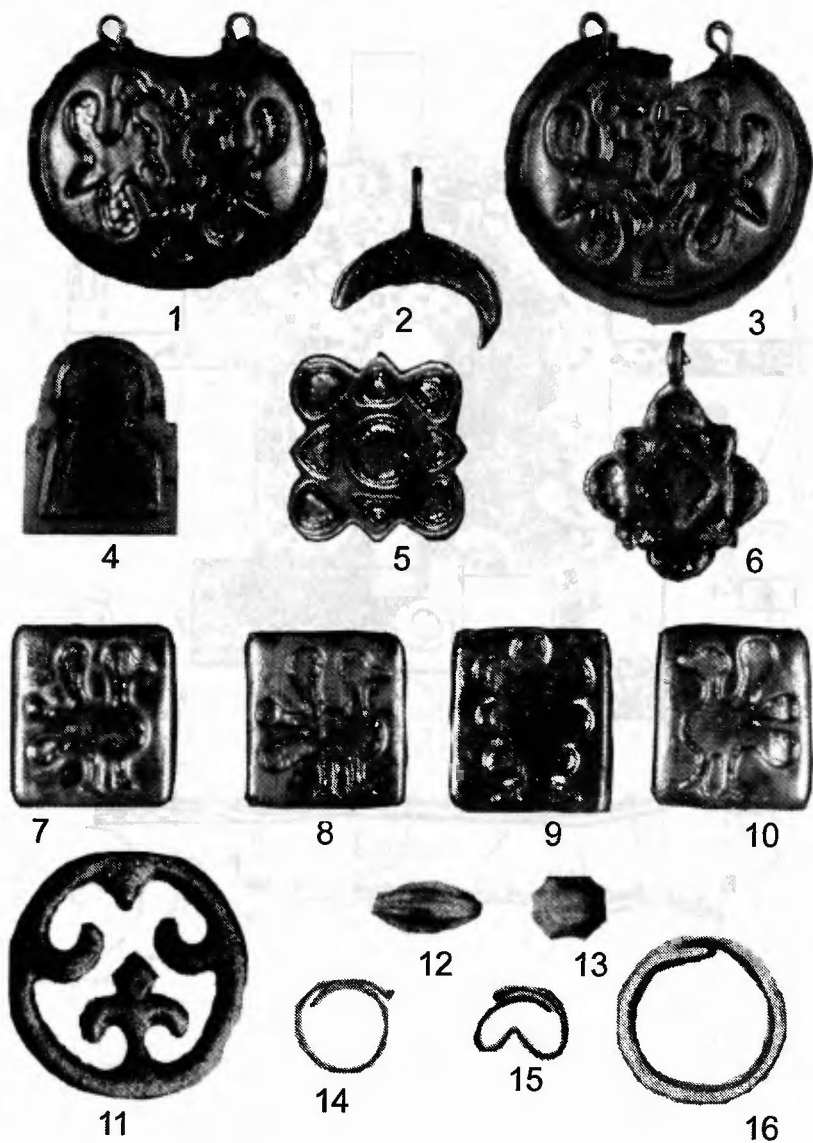

Рис. 54. Городище Звенигород. Находки из сооружения 11

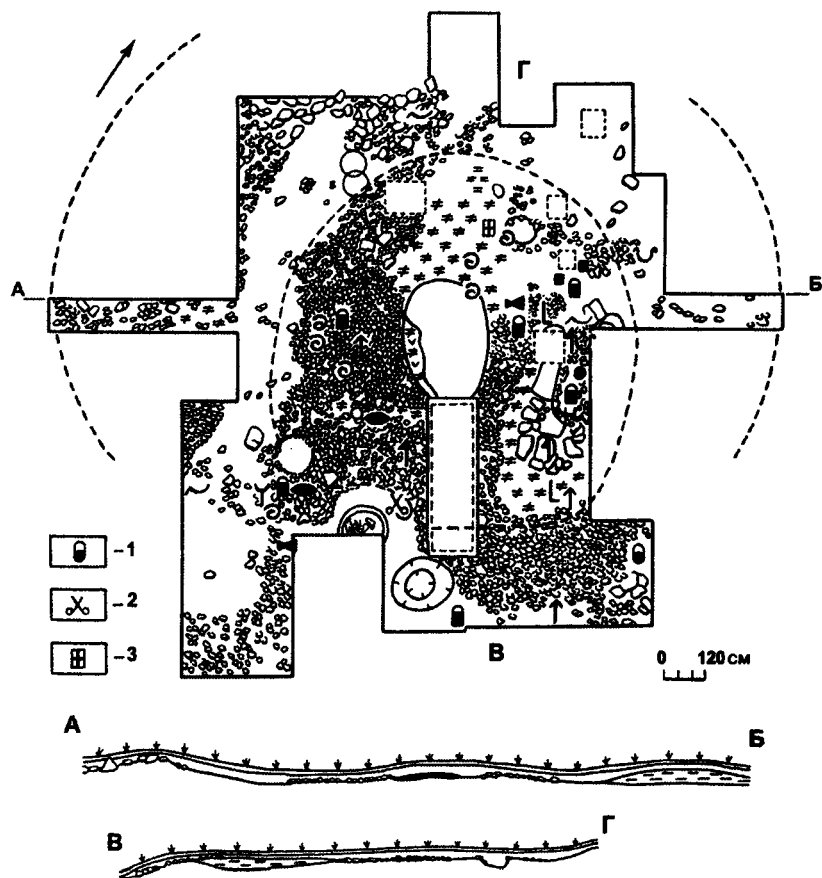

Рис. 55. Городище Звенигород. План и профиль капища 2. Условные обозначения на рис. 39, 42 и дополнительно: 1 – пятилучевое кольцо; 2 – ножницы; 3 – иконка

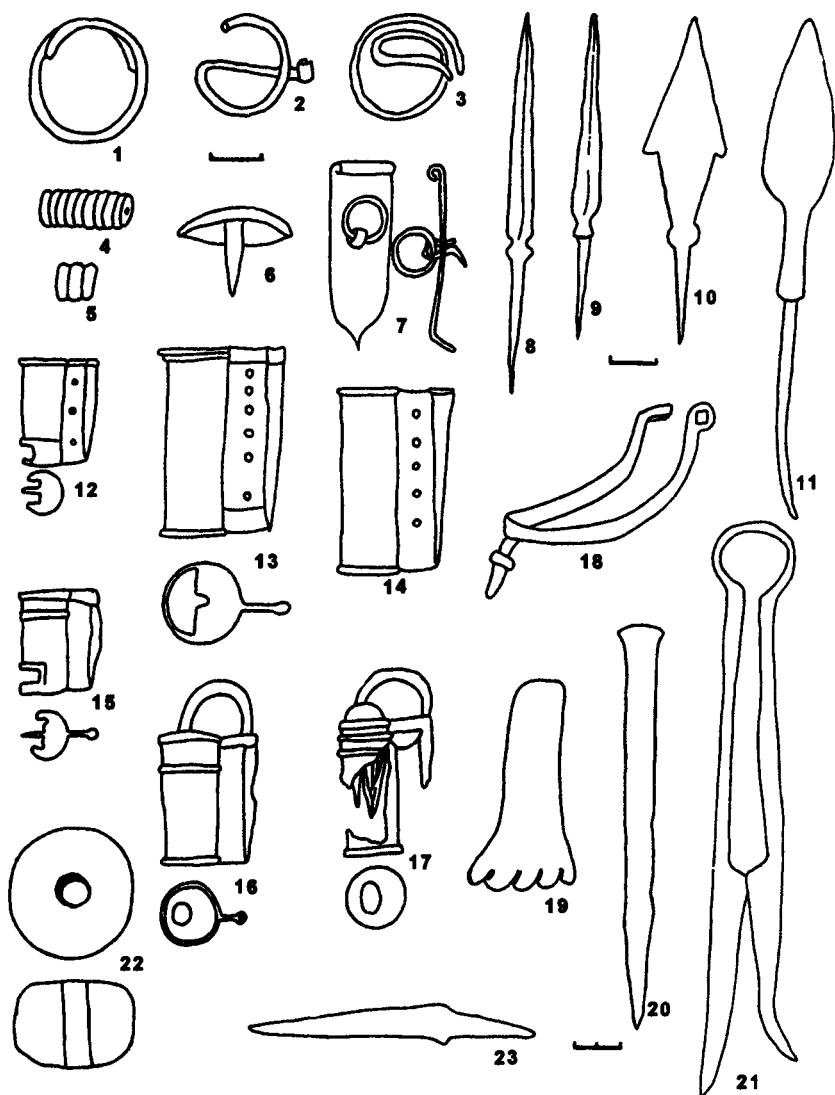

Рис. 56. Городище Звенигород. Находки на капище 2

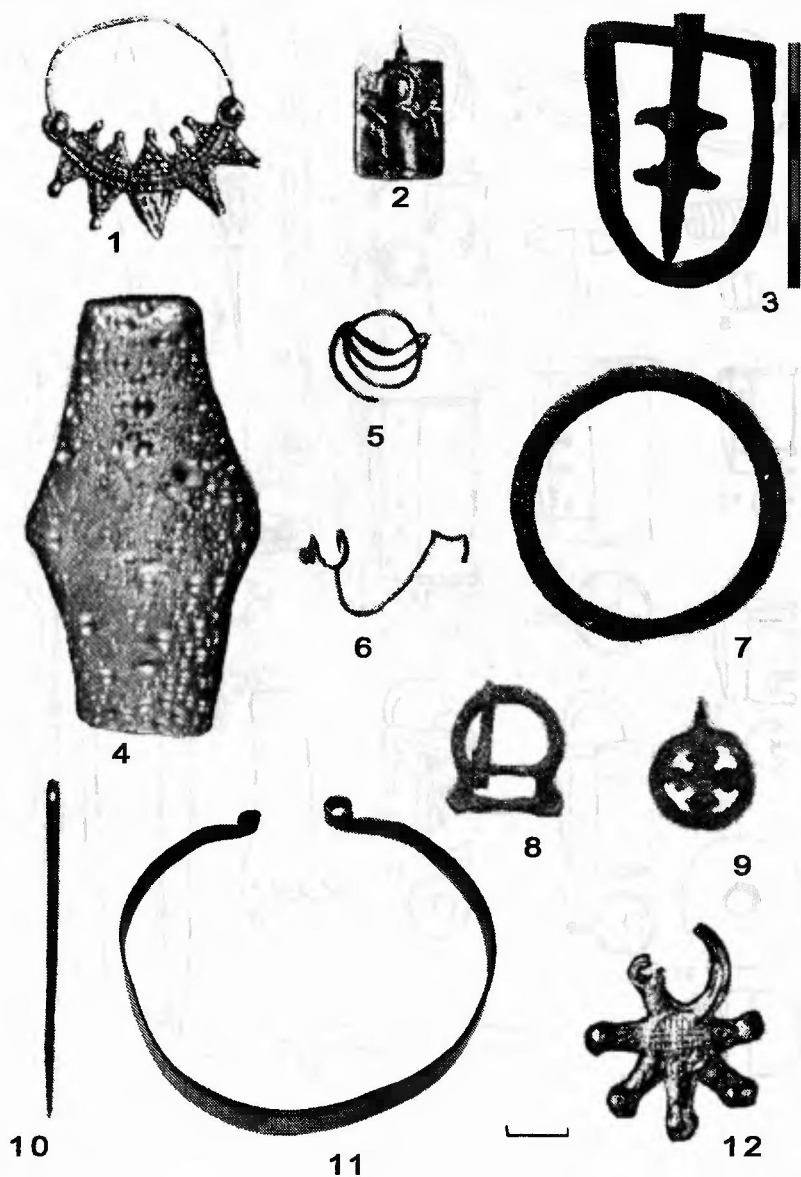

Рис. 57. Городище Звенигород. Находки: 1–3 – с капища 2; 4, 10 – из сооружения 13; 5, 6 – из сооружения 8; 7 – из жилища 1; 8, 9 – из сооружения 14; 11 – из сооружения 9; 12 – с поселения Стадна

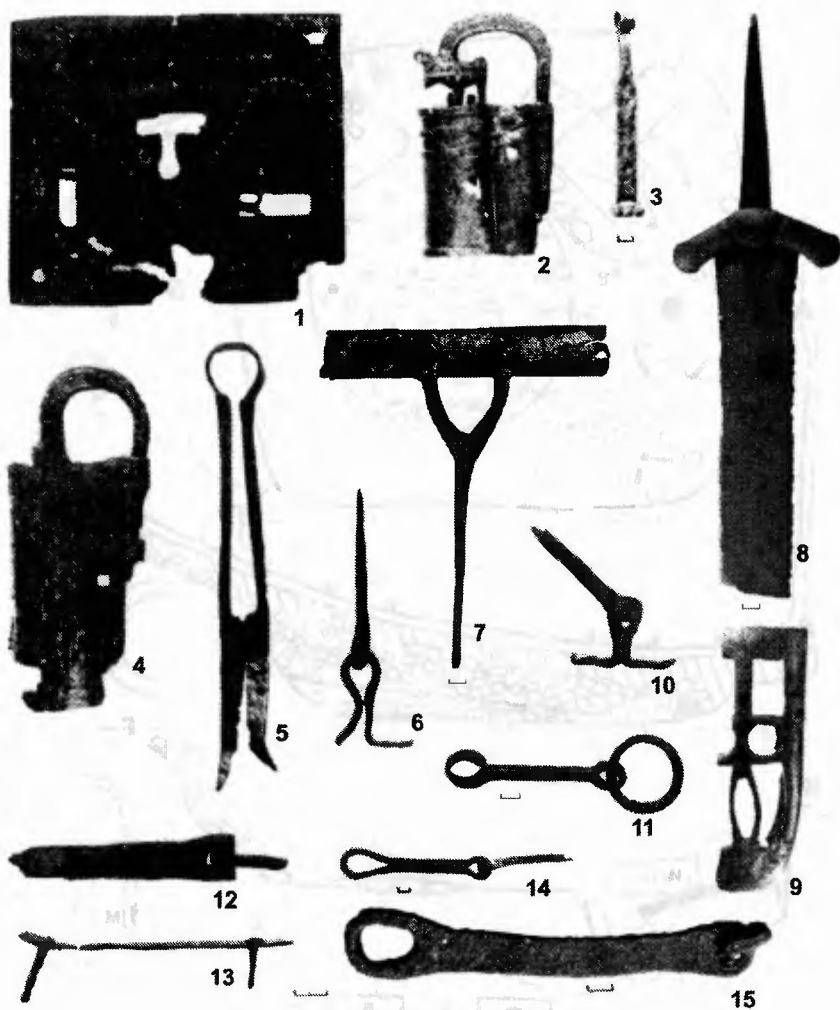

Рис. 58. Городище Звенигород. Находки из длинного дома 7

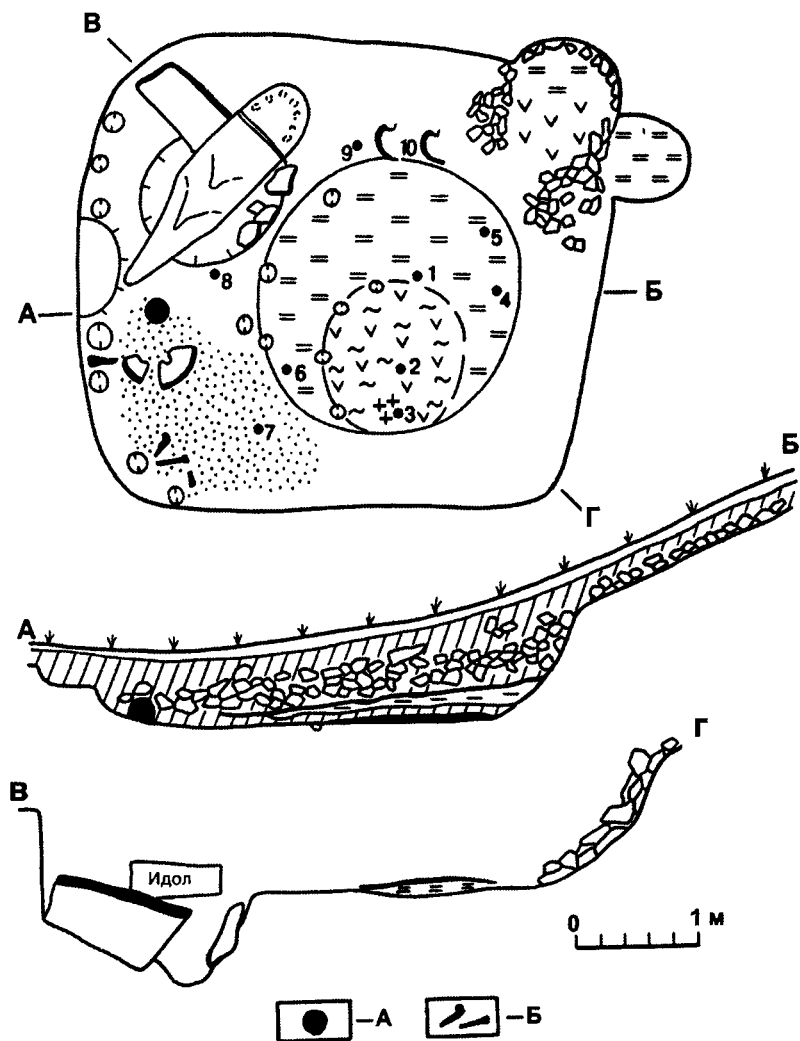

Рис. 59. Городище Звенигород. Сооружение 14 – храм. Находки: А – фрагменты черепа человека; Б – кости человека. 1, 6 – ножи; 2 – круглая ажурная подвеска; 3 – дужка колта; 4 – наконечник стрелы; 5 – развал горшка; 7 – гвоздь; 8 – замок от конских пуг; 9 – трубчатый замок; 10 – серпы

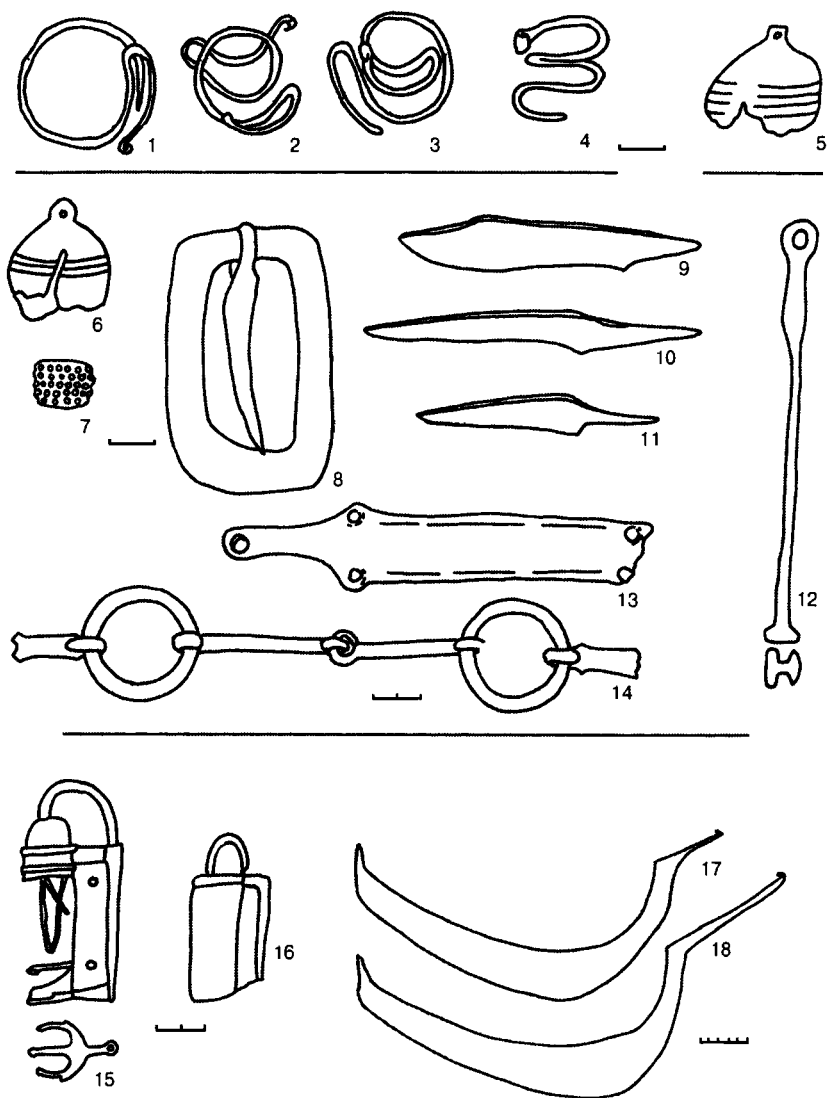

Рис. 60. Городище Звенигород. Находки: 1-4 - из сооружения 8; 5 - из длинного дома 9; 6-14 - из сооружения 13; 15-18 - из сооружения 14

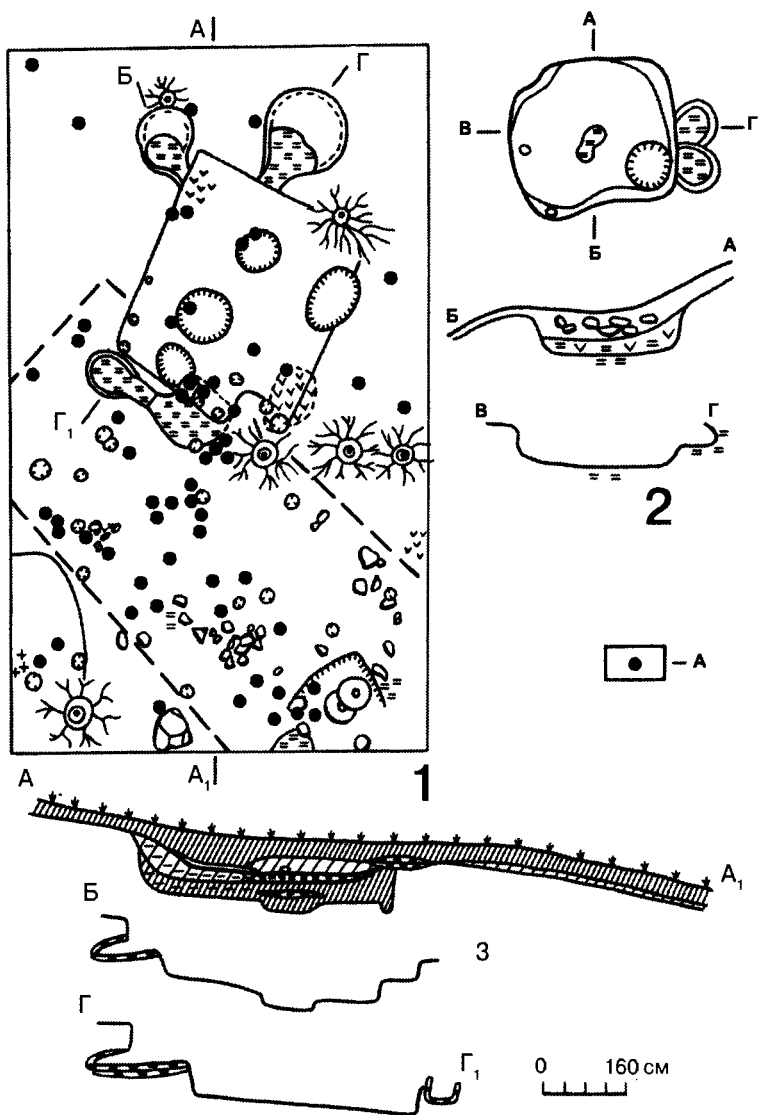

Рис. 61. Городище Звенигород: 1, 3 – сооружения 12 и 13; 2 – сооружение 6. А – находки вещей. Условные обозначения см. на рис. 10

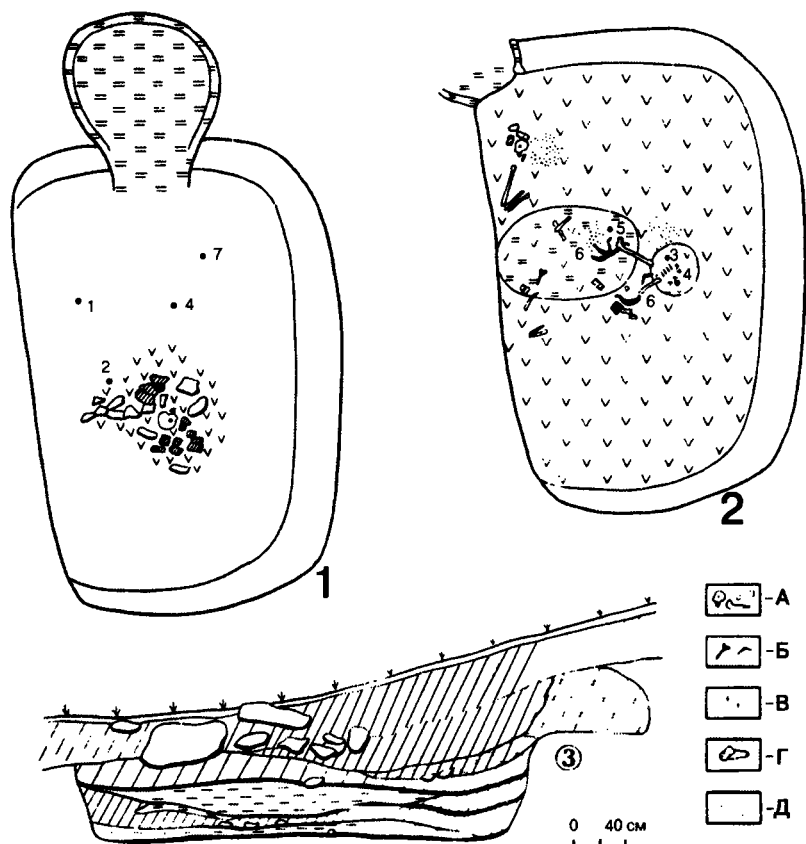

Рис. 62. Городище Звенигород: 1 – сооружение 5 на уровне печи 1; 2 – сооружение 3 на уровне пола и печи 2; 3 – профиль сооружения 5. А – кости человека; Б – обожженные кости человека; В – пережженные кости человека; Г – развалы сосудов; Д – скопления обожженного зерна. Находки: 1 – четыре золотых височных кольца; 2 – серебряный браслет; 3 – шило; 4 – височные кольца; 5 – ножи; 6 – серпы; 7 – обломок золотой бляшки

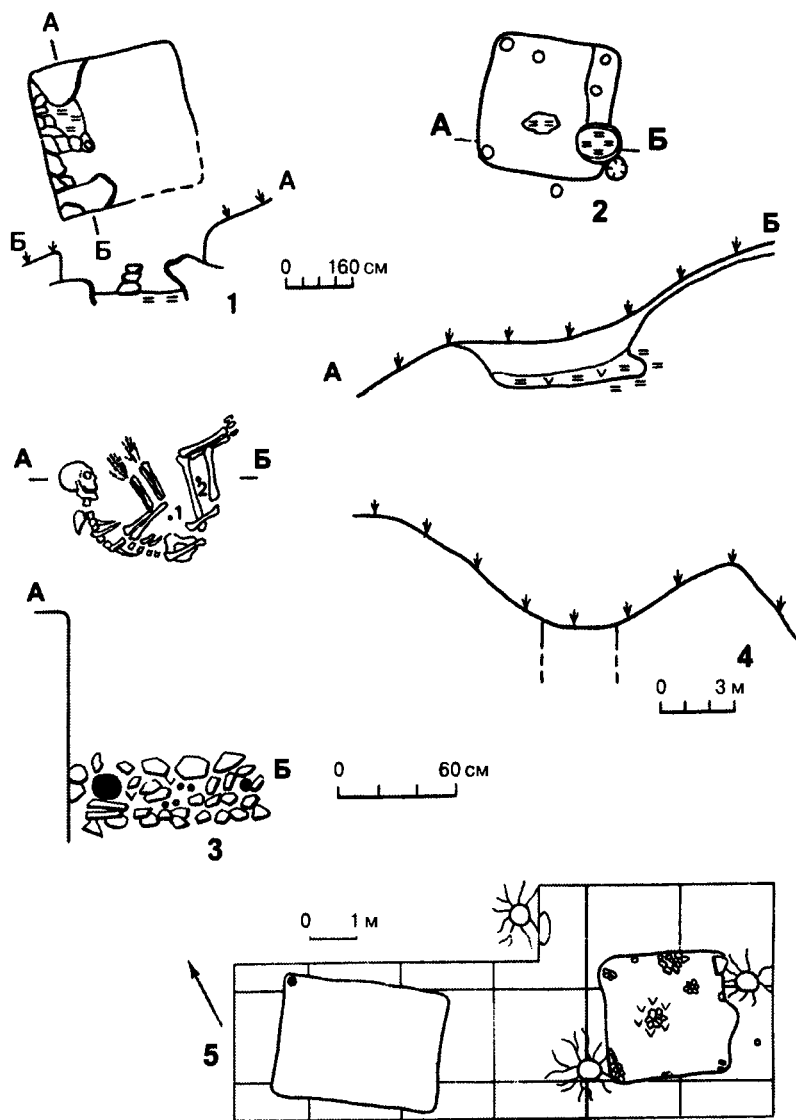

Рис. 63. Городище Звенигород: 1 – жилище на южной площадке городища; 2 – сооружение 8; 3 – костяк мужской в заполнении колодца; 4 – разрез котлована колодца; 5 – жилище 2 и хозяйственная постройка на южном склоне городища

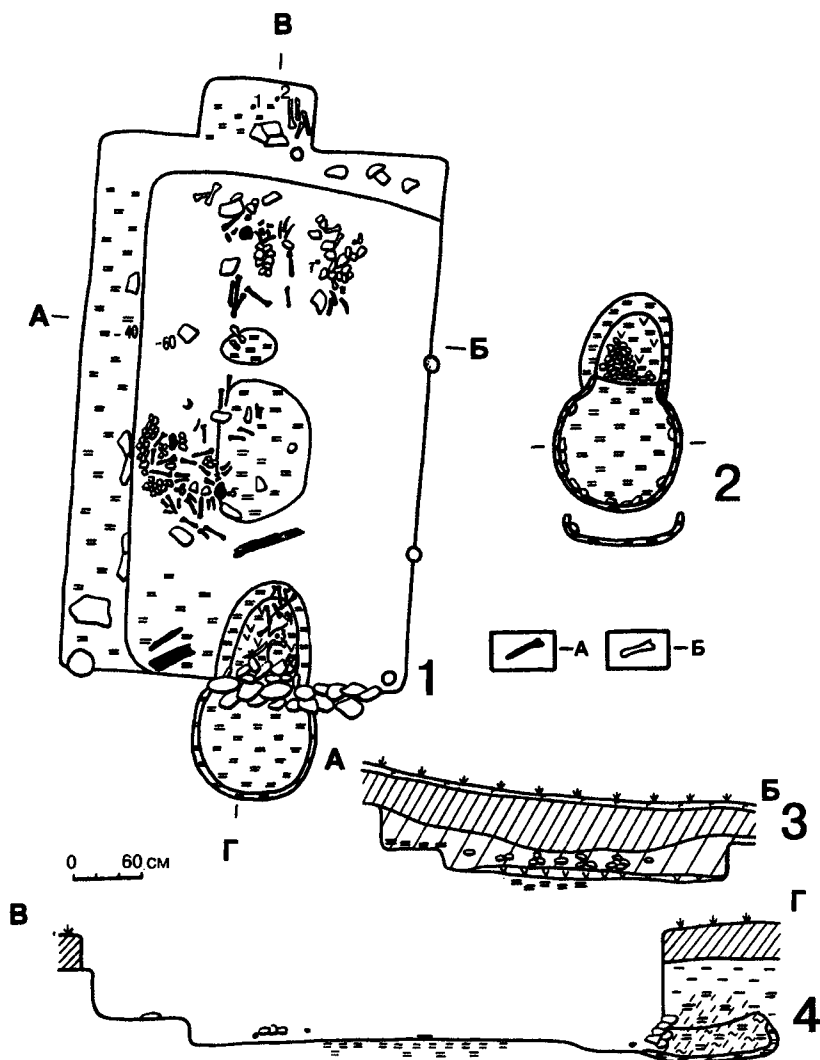

Рис. 64. Городище Звенигород. Сооружение 2: 1 – план сооружения; 2 – хлебная печь; 3, 4 – профиль и разрез сооружения. Находки: 1, 3, 5 – бусины-пронизки; 2, 6 – проволочные височные кольца; 4 – обломок стеклянного браслета; 7 – скоба; 8 – обруч деревянного ведра. А – кости человека; Б – кости животных. Остальные обозначения см. на рис. 10

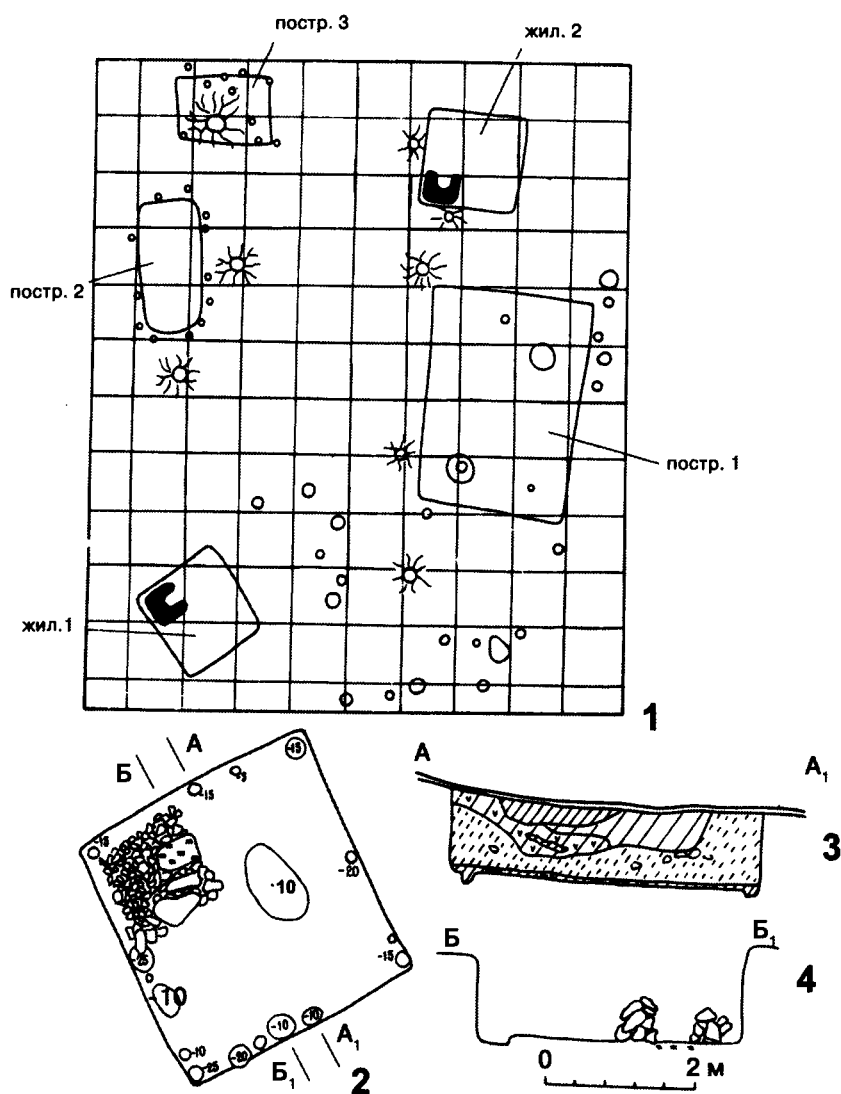

Рис. 65. Усадьба на Замчище около Звенигорода: 1 – план усадьбы; 2 – жилище 1; 3, 4 – профиль и разрез жилища

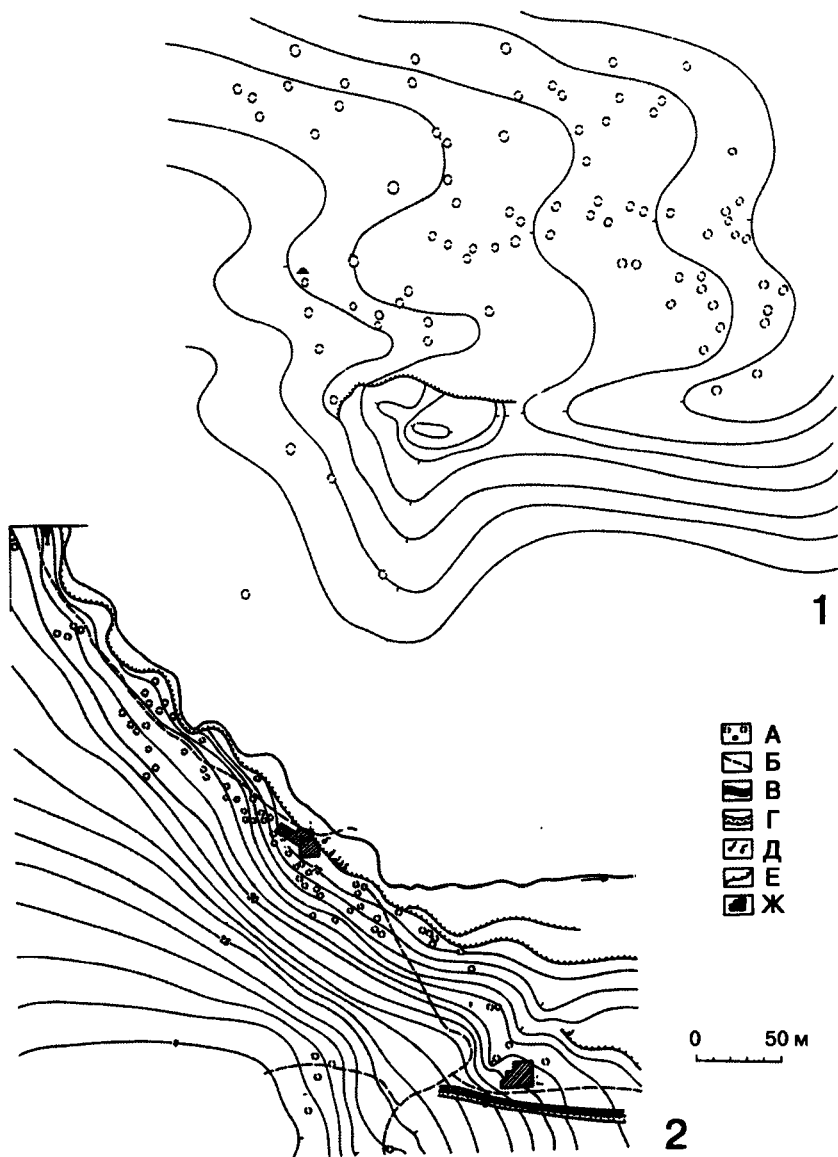

Рис. 66. Планы поселений: 1 – Поселение «Скала» около городища Богит; 2 – поселение Бабина долина около городища Звенигород. А – западины построек; Б – древние дороги; В – вал; Г – ров; Д – источники; Е – обрыв; Ж – раскопанные участки

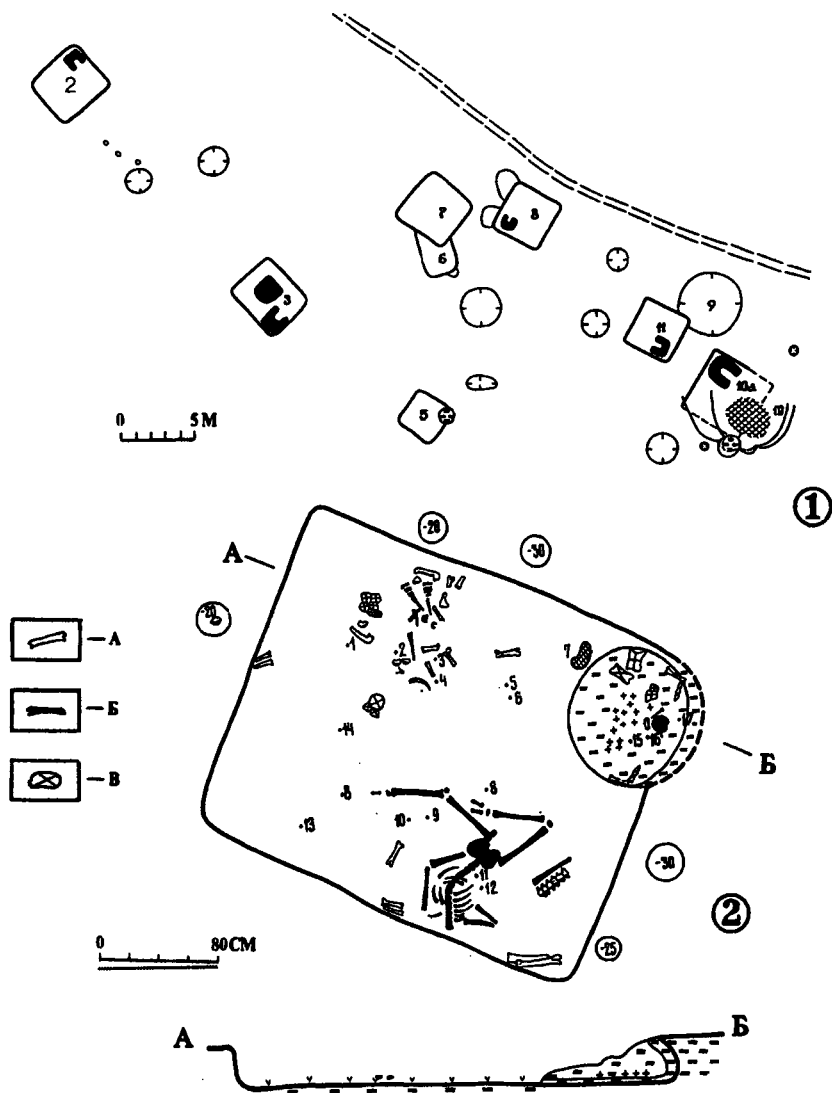

Рис. 67. Поселение Бабина долина: 1 – раскопанный участок; 2 – культовое сооружение. А – кости животных; Б – кости человека; В – развалы сосудов. Находки: 1, 2, 10, 13, 14 – височные кольца; 3 – звездчатая подвеска; 4 – бусина; 5 – металлический браслет; 6 – обломок кольца; 7 – часть кольчуги; 8 – железные подковки; 9, 15 – ножи; 11 – железная пряжка; 12 – долото; 16 – гвоздь; 17 – точило

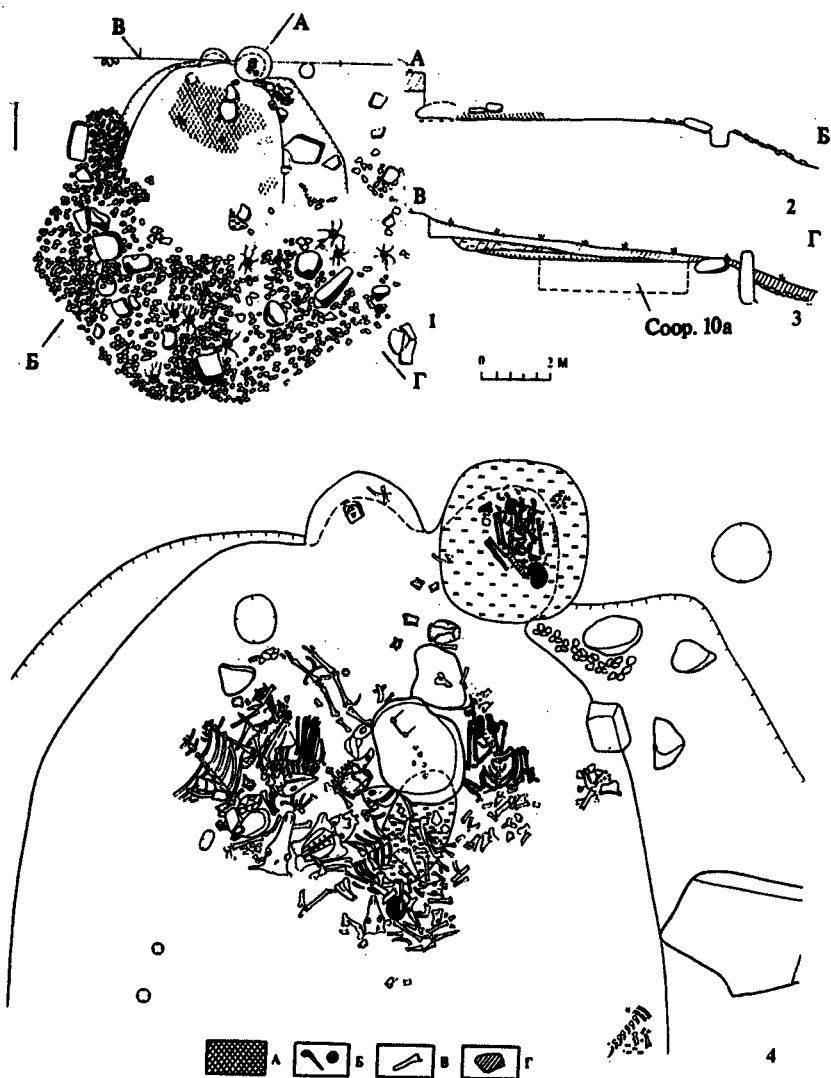

Рис. 68. Бабина долина. Жертвенная площадка: 1 – план жертвенной площадки; 2, 3 – разрез и профиль; 4 – скопление костей на жертвенной площадке и в хлебной печи. А – слой костей; Б – кости человека; В – кости животных; Г – сосуды

1

2

Рис. 69. Городище Звенигород: 1 – скорченный скелет подростка и кости животных на полу сооружения 3; 2 – скорченный костяк подростка в хлебной печи жертвенной площадки на Бабиной долине

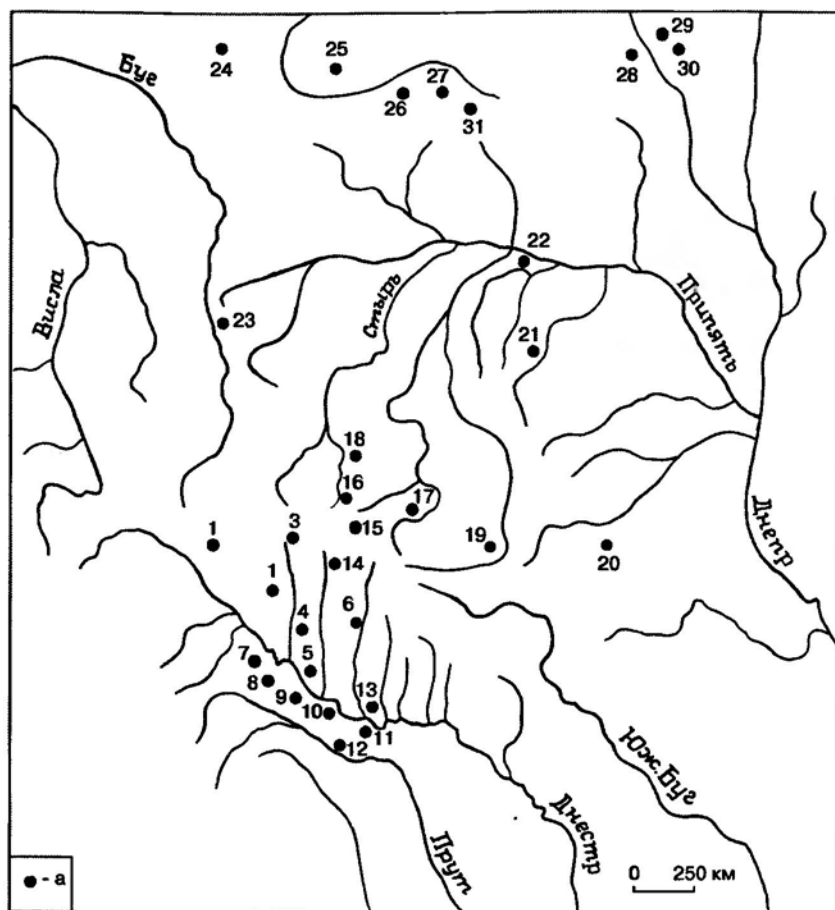

Рис. 70. Распространение проволочных височных колец с концом, повернутым в обратную сторону: 1 – Галич; 2 – Звенигород Львовский; 3 – Плиснеск; 4 – Торское; 5 – Мышков; 6 – святилище Звенигород; 7 – Живачев; 8 – Хотимир; 9 – Городница; 10 – Василев; 11 – Днестровка; 12 – Черновка; 13 – Вербички; 14 – Зеленче; 15 – данилов; 16 – Тележинцы; 17 – Изяславль; 18 – Сурож; 19 – Колодяжин; 20 – Райки; 21 – Олевск; 22 – Туров; 23 – Брест; 24 – Неверово-Соха; 25 – Вензавшина; 26 – Новоградок; 27 – Сулятичи; 28 – Курганье; 29 – Вирков; 30 – Линевка; 31 – Подрось

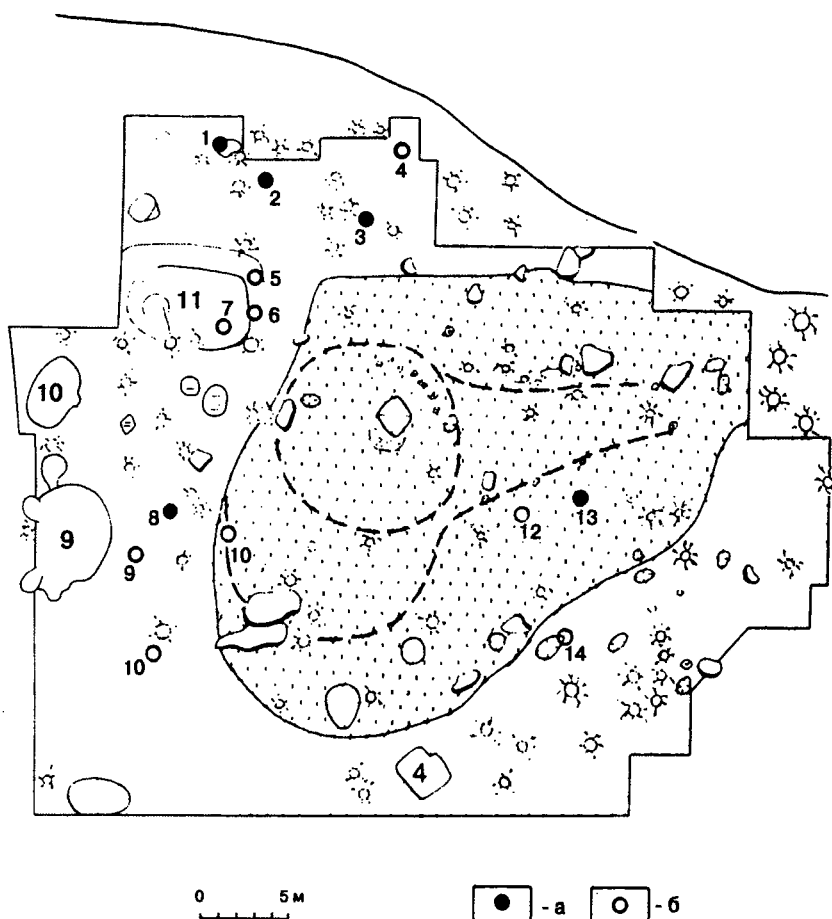

Рис. 71. Городище Звенигород. Распространение наиболее ранних и поздних вещей на капище 3: а - вещи X-XI вв.; б - вещи второй половины XIII в. 1 - калачевидное кресало; 2 - ширококорая лунница; 3 - наконечник стрелы типа 45; 4, 12 - прямоугольные кресала; 5, 10, 14 - ключи типа Г; 6 - quadrifoliйная привеска; 7 - шпора с колесиком; 8, 13 - бусины; 9 - ажурный перстень; 11 - пластинка от панциря

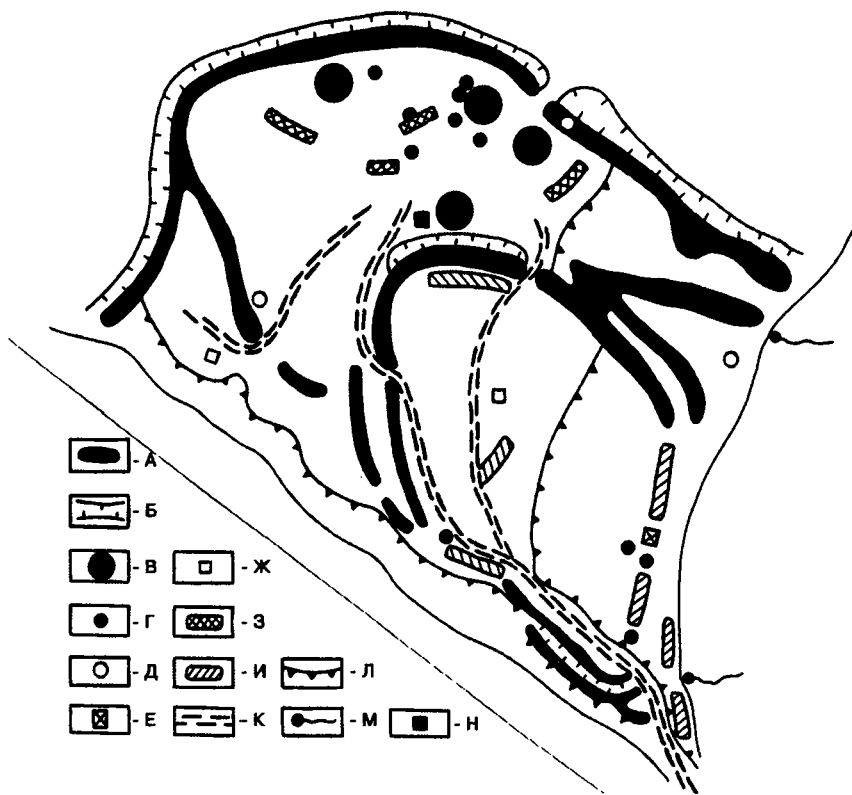

Рис. 72. Схема расположения культовых сооружений на городище Звенигород: А - валы; Б - рвы; В - капища; Г - культовые углубленные сооружения; Д - жертвенные площадки; Е - колодезь; Ж - жилища; З - длинные дома для хранения имущества; И - длинные дома для собраний; К - дороги; Л - обрывы; М - целебные источники; Н - храм

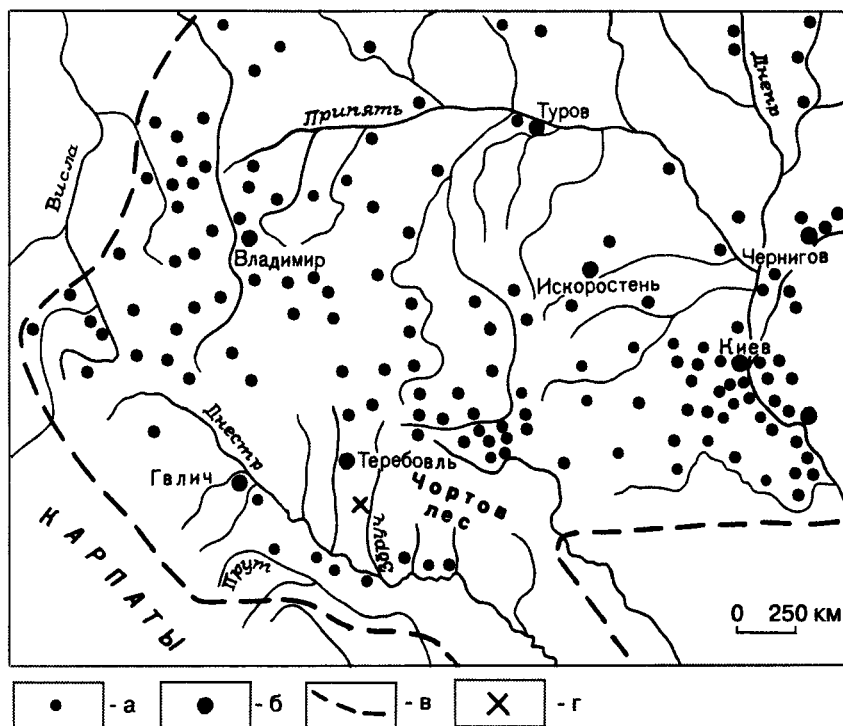

Рис. 73. Распространение древнерусских городов X-XIII вв. (по А.В. Кузе):
а – населенные пункты, упомянутые в летописях; б – стольные города земель-княжений; в – южная граница Руси в конце XII – начале XIII в.; г – святилища на Збруче

Оглавление

От редакции	3
И. О. Гавритухин. Предисловие. Об авторах этой книги	5
Введение	17
I. Культовые места и святилища славян	19
Поклонение природным явлениям и объектам	26
Идолы	28
Жертвенные ямы	37
Жертвенные площадки и капища	40
Малые городища-святилища	44
Храмы	52
Крупные культовые центры	55
II. Языческий центр на реке Збруч	63
Городище-святилище Богит	65
Городище-святилище Звенигород	74
Датировка збручских святилищ	98
III. Обряды и верования	114
Жертвоприношения человека	125
Жертвоприношения животных	140
Роль огня, хлеба и хлебных печей	143
Символика жертвенных вещей	149
IV. Значение городищ на Збруче и условия их существования	159
Приложение	178
Дополнительные сведения о культовых местах и святилищах	178
Литература	203
Список сокращений	229
Иллюстрации	229

научное издание

И. П. Русанова, Б. А. Тимошук

Языческие святилища древних славян

Издатель А. В. Головастов

Главный редактор С. Э. Ермаков

Редактор Т. В. Фаминская

Научные консультанты И. О. Гавритухин, А. П. Пятнов

Корректор Т. Власова

Технический редактор А. П. Алексеев

Дизайн и верстка С. Никонов

Подписано в печать 20.06.2007.

Формат 60х90/16. Бумага типографская.

Гарнитура Antiqua. Печать офсетная. Объем 19 п.л.

Тираж 1000 экз. Заказ № В-01-07

ООО Издательство «Ладога-100»

127473, Москва, пер. Чернышевского, д. 5, корп. 1, оф. 01

Тел./факс (495) 631-47-33; 684-35-91

<http://ladoga100.ru>

e-mail: books@ladoga100.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета:

типография «Фабрика АРТ»

тел. 974-33-38